

В.В.Согрин

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ США

ВЕСЬ
МИР

**ЦЕНТРАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ США**

Vladimir Sogrin

**CENTRAL
PROBLEMS
OF THE USA HISTORY**

Izdatelstvo
Ves Mir
Moscow
2013

В.В. Согрин

**ЦЕНТРАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ США**

Издательство «Весь Мир»
Москва
2013

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)
С 56

Редактор:
к.и.н. Л.М. Троицкая

ISBN 978-5-7777-0537-2

© Согрин В.В., 2013
© Издательство «Весь Мир», 2013

Содержание

Введение. Возможна ли объективная история?	9
Война США за независимость	
как социально-политическая революция	19
Образование федерального государства	
и национальных партий	43
Капитализм и рабство	75
Джексоновская демократия	104
Гражданская война и Реконструкция	117
Крупный бизнес США от «Позолоченного века»	
до «Прогрессивной эры». 1870–1910-е годы	151
Америка 1920-х: экономика, социум, власть	182
Ключевые проблемы истории Нового курса Ф.Д. Рузвельта . .	208
Социальная структура США	
в эпоху постиндустриального общества	238
Экономическое неравенство в истории США	260
Прошлое, настоящее и будущее американской демократии . . .	287
Цивилизационное и междисциплинарное изучение	
истории США	313
Вместо заключения. Современный диалог историографий	
России и США	335
Именной указатель	345

*Памяти моих учителей
историков-американистов
Московского университета
Игоря Петровича Дементьева
Николая Васильевича Сивачева
Евгения Федоровича Язькова*

Дементьев Игорь Петрович
(1925–1998)

Сивачев Николай Васильевич
(1934–1983)

Язьков Евгений Федорович
(1923–2009)

Введение

Возможна ли объективная история?

В декабре 2011 г. на историческом факультете Московского государственного университета состоялась международная научная конференция «Может ли история быть объективной?». Это *вечный вопрос* истории. В советский период отечественная историография отвечала на него утвердительно, имея в виду, что объективная историческая истина достигается проработкой источников на основе марксистско-ленинской методологии. В постсоветский период монополия марксизма-ленинизма была отменена, развился методологический плюрализм, а вместе с ним и скепсис относительно возможностей истории быть объективной (плюрализм привел неизбежно к разнообразию версий и интерпретаций одних и тех же исторических событий).

На конференции были высказаны разные, в том числе взаимоисключающие точки зрения. Ряд историков, среди них и автор этой книги, оказались в ряду *оптимистов*, полагая, что приближение к объективной истории возможно. Но, на мой взгляд, для этого необходимо выполнение ряда научных условий, и во введении считаю необходимым изложить некоторые из них.

Первое и самое главное — это желание самого историка постигать объективную истину. Казалось бы, самоочевидное утверждение. Но, увы, это стремление присуще далеко не всем авторам. Например, в нашей стране всегда было достаточно много историков, считавших главной жизненной целью служение неким особым высшим интересам, среди которых главным чаще всего был интерес собственного государства. Этот интерес они склонны были отождествлять с исторической истиной. Но всегда, даже в условиях тоталитарного, а затем авторитарного государства были историки, видевшие смысл жизни в постижении именно самоценной исторической истины. В условиях СССР делать это было гораздо сложнее, нежели в постсоветской России, начавшей обретать наряду с фундаментальными свободами также и свободу ака-

демическую, являющуюся основополагающей в первую очередь для ученых, в том числе историков.

Но и в СССР историки, осознававшие ценность научной истины, существовали. К такому я отношу моих учителей, трех самых известных историков-американистов МГУ, которым посвящена данная книга. В полной мере реализовать жажду истины, в которой заключен смысл жизни ученого (а иначе жизнь должна быть отдана другой, независимой от идеологии профессии — например, строителя) было невозможно. Приверженность марксистской методологии в ее советском варианте являлась аксиоматичной. Но, принимая ее, три американиста стремились в конкретной исследовательской практике если и не устранять ее, то максимально сокращать зазоры между ортодоксальными идеологемами и реальной историей.

Ярким примером является изучение истории двухпартийной системы США лабораторией американистики Исторического факультета МГУ. Этот научный центр был создан во второй половине 1970-х гг. профессором Н.В. Сивачевым, одним из наиболее ярких, научно и граждански смелых историков советского периода. В то время советским идеологическим клише в отношении двухпартийной системы США было — «две партии, одна политика». То есть различия между двумя главными партиями США не просто умалялись, а отрицались. Научный коллектив под руководством Н.В. Сивачева, авторитетными единомышленниками которого выступали И.П. Дементьев и Е.Ф. Язков, с самого начала опирался на совершенно иную концепцию. А именно: *участникам двухпартийной системы США на всех исторических этапах был присущ, с одной стороны, консенсус в отношении американских первооснов, а с другой стороны, альтернативность в понимании способов упрочения, совершенствования, а порой и спасения цивилизации США*. Этим коллективом были подготовлены десятки научных трудов, в которых было раскрыто наличие если не всех, то очень и очень многих различий между двумя ведущими партиями на всех этапах американской истории¹.

Казалось бы, в постсоветский период подобное служение исторической истине должно было стать нормой. Но на практике все оказалось сложнее. Монопольная идеологическая зависимость советского периода стала заменяться многообразием идеологических зависимостей. То есть зависимость от идеологии не исчезла. В чем-то она даже стала

¹ Об итогах деятельности коллектива см.: *Галкин И.В., Манькин А.С., Печатнов В.О.* Двухпартийная система в политической истории США // Вопросы истории. 1987. № 9; *Манькин А.С., Никонов В.А., Рогулев Ю.Н., Язков Е.Ф.* Некоторые итоги изучения истории двухпартийной системы США // Новая и новейшая история. 1988. № 2.

более зримой и острой. Разные идеологии подчиняли историческое сознание своих референтных социальных групп, но в не меньшей степени им подчинялось и историческое мышление профессиональных исследователей прошлого. Наиболее зримо это проявилось в оценках прошлого России. Проявлялось оно и в оценках истории зарубежных стран, в том числе США.

В 1990-е гг., когда Россия присягнула либерально-демократической общественно-политической модели, негативные оценки американской истории, преобладавшие в советский период, сменились позитивными. Некоторые ученые-американисты, сменив минус на плюс в оценках США, встали в один ряд с американскими апологетами Соединенных Штатов, которых совсем недавно клеймили как «идеологических врагов». Полнокровным сбалансированным раскрытием разных сторон американского опыта новые оценки подкреплялись не в большей степени, чем негативные оценки советского периода.

В 2000-е гг. Россия радикально поменяла главную идеологему. Господствующая партия «Единая Россия» объявила страну уникальной цивилизацией, достойной «суверенной демократии». Западные общества и, в первую очередь, США были выставлены в качестве главных духовных и исторических оппонентов России. Все громче зазвучали голоса профессиональных критиков США, которые в своих разоблачениях Америки в чем-то превзошли антиамериканистов советского периода.

Парадокс: политическая и академическая свободы, с одной стороны, расширили возможности непредвзятого познания прошлого, но, с другой стороны, они, освободив от приверженности одной идеологии, предоставили свободу идеологического выбора и возможность приверженности уже разнообразным идеологемам. Возможно ли, сохранив позитивные возможности первой части парадокса, избавиться от негативных последствий второй части?

Возможности подобного освобождения существуют, но они ограничены. Современная история идентифицирует себя как **историографическую культуру**, которая разделяется на несколько субкультур, неравнозначных с точки зрения приближения к исторической истине. Наиболее значимыми представляются три исторические субкультуры. Это *научная академическая субкультура*, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных критериев историописания. Это *государственно-политическая субкультура*, созданная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами в соответствии с запросом той или иной общественно-политической груп-

пы. Это *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием.

Вторая (в нее, кстати, я включаю исторические учебники) и третья субкультуры имеют мизерные шансы приближения к исторической истине. Наибольшими шансами располагает научно-академическая историографическая субкультура, но и она подвержена идеологическим деформациям, преодоление которых является одним из главных условий ее превращения в объективную историю.

Серьезность этой проблемы проиллюстрирую с помощью переведенных на русский язык на современном этапе двух классических фундаментальных работ по истории США, принадлежащих признанным лидерам соперничающих и даже непримиримых научных школ. Первая работа — это трехтомный труд Д. Бурстина, посвященный историческим этапам и в первую очередь материальным достижениям североамериканской цивилизации². Вторая работа — объемная монография Г. Зинна «Народная история США»³, изданная в Соединенных Штатах впервые в начале 1980-х гг. и выдержавшая в течение последующего периода около 10 изданий. Оба труда получили самую широкую известность в США, а имена их авторов вошли в золотой фонд американской исторической науки. Но эти работы разительно отличаются и по подходам к американской истории, и по привлеченному материалу, и по выводам.

Труд Бурстина — это история индивидуумов из самых разных социальных слоев, добывающих успех в самых разных сферах, в первую очередь материально-экономической на всех этапах истории. Это история тех, кого в Америке называют «победителями» (winners), и именно они, как явствует из труда Бурстина, составляют большинство нации, именно они являются типичными американцами. Работа же Зинна — по преимуществу история тех, кто на разных этапах американской истории оказывался в рядах «проигравших» (losers) — это индейцы, чернокожие, испаноязычные, белые бедняки и подавляющее большинство женщин всех рас. Согласно Зинну, именно эти «проигравшие», а отнюдь не «победители» составляли большинство нации, они и есть американский народ.

И труд Бурстина, и труд Зинна основаны на богатейшем фактическом материале, при этом оба автора не ограничиваются стремлением к максимально полному изложению исторических фактов, их работы

² Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993; *он же*. Американцы: демократический опыт. М., 1993; *он же*. Американцы: национальный опыт. М., 1993.

³ Зинн Г. Народная история США. М., 2006.

предстают в качестве синтеза американской истории. Но поскольку два труда находятся по сути в антагонистическом друг к другу отношении, перед читателем возникает нелегкий вопрос — чей же синтез соответствует исторической истине? На мой взгляд, и синтез Бурстина, и синтез Зинна носят односторонний характер, хотя, вместе с тем, я не подвергаю сомнению достоверности исторического материала, как и многих выводов и обобщений, содержащихся в обоих трудах. Они заключают в себе значительную часть исторической истины, но все же не всю ее, и если вести речь о цельной исторической истине, то следует, на мой взгляд, признать, что в обоих трудах она ущемлена.

Односторонность как Бурстина, так и Зинна обусловлена их мировоззренческими предпочтениями. Они были всегда присущи американской историографии. Современным примером наличия идеологических влияний на американскую историографию может служить *политкорректность* — набор мировоззренческих установок, оформившихся в американском обществе, в первую очередь в либеральных кругах (но ее не в состоянии проигнорировать и консерваторы) под воздействием общественно-политических процессов и изменений последней трети XX в.

В историографии США тогда укоренились *женские* и *афроамериканские* исследования, в университетах появились соответствующие кафедры и учебные курсы. Научная картина американской истории серьезно разнобразилась и пополнилась. Но в изучении новой проблематики обнаружились и перекосы, находящиеся в противоречии с принципами историзма. Многие историки в своем исследовательском видении подчинились либеральной *политкорректности*, которая фактически наложила табу на критические суждения в отношении афроамериканского, равно как и женского движений. Кроме того, важнейшие события прошлого, такие как Война США за независимость, Гражданская война, «Прогрессивная эра» начала XX в. и Новый курс 1930-х гг., стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями в сравнении с предшествующими эпохами, сколько в связи с неспособностью на разных этапах, в том числе начальных, обеспечить равные права афроамериканцам, женщинам, как и другим угнетенным социальным группам.

Политкорректность в анализе истории, по сути, равнозначна подходу, известному как «политика, опрокинутая в прошлое». Он противоречит основополагающему для исторической науки принципу историзма. Суть последнего: события и деятели прошлого оцениваются в связи с тем, что они дали в сравнении с предшествующими эпохами

и в контексте возможностей своего времени, а не в связи с тем, чего они не смогли и не могли дать в сравнении с последующими эпохами и современностью. При этом человеческое «измерение» и «цена» событий и изменений прошлых эпох могут/должны включаться в исследовательскую концепцию. Также явления прошлого могут быть проанализированы исследователем в их дальнейшем развитии. Но позитивные достижения современности, оказавшиеся возможными благодаря более высокому уровню развития цивилизации и культуры, не могут/не должны служить основой негативных оценок прошлого. В противном случае все прошлое может предстать в качестве «темных веков». Именно так, например, оценивали просветители XVIII в. средневековье. Но последующие историки признали, что и средневековье дало много позитивного в сравнении с античностью, превосходящей просветителями. *Историзм* при всей кажущейся простоте на самом деле категория тонкая. На мой взгляд, он не воспринимается многими представителями социальных наук, сосредоточенных на современности и вольно экстраполирующих свои оценки в прошлое. Да и среди историков есть те, кто им пренебрегает.

Идеологемой, противостоящей историзму и влияющей уже на современных российских историков, обращающихся к прошлому США, является *антиамериканизм*, означающий восприятие Соединенных Штатов как главного исторического противника России. Эта идеология серьезно искажает оценки как американской истории в целом, так и особенно истории внешней политики США и российско-американских отношений. Приведу два примера влияния данной идеологии на профессиональных историков.

А.Н. Сахаров, маститый историк, выступил с той концепцией, что Россия в 1905 г. реально могла рассчитывать на победу в войне с Японией, а ее проигрыш был результатом происков США, вынудивших Россию пойти «на уступку Японии Курил и Южного Сахалина»⁴. Роль США в российско-японском конфликте А.Н. Сахаровым демонизирована. В действительности, как это давно показано и в американской, и в российской исторической литературе, США и их президент Т. Рузвельт, выступившие с согласия как Японии, так и России, арбитром на их переговорах в 1905 г., исповедовали концепцию баланса сил и в силу этого, требуя уступок от потерпевшей поражение России, вместе с тем сдерживали (и сдержали) чрезмерные притязания Японии. Поражение вызывает и тезис А.Н. Сахарова о том, что США в 1905 г. по-

⁴ Сахаров А.Н. Правда о неоконченной войне. Позорный проигрыш Русско-японской войны 1905 г. не более чем исторический миф // Российская газета. 13 ноября 2006 г.

казали «еще раз, кто является истинным дирижером событий на Дальнем Востоке». Дело в том, что в тот период, а тем более ранее США по своему влиянию в мире и на Дальнем Востоке уступали всем ведущим европейским державам — Англии, Германии, Франции — и из-за позиции последних не сумели воплотить в жизнь своих стратегических установок, в первую очередь, доктрины «открытых дверей». Влияние, которым А.Н. Сахаров наделил США применительно к 1905 г., эта страна стала обретать после Второй мировой войны, но тогда ее мощным противовесом был СССР. Реальной мировой гегемонии Соединенные Штаты достигли после окончания холодной войны⁵.

Начинающий историк И.Б. Миронов в кандидатской диссертации 2011 г. категорически отверг традиционные выводы отечественных историков⁶, о том, что продажа в 1867 г. Аляски была обусловлена объективными экономическими и политическими интересами России. Восприняв конспирологическую и откровенно антиамериканскую идеологию (о ней сам И.Б. Миронов скромно умалчивает, включая формально в теоретический перечень диссертации вполне традиционные подходы и приемы, которые реально им не используются), он приписывает продажу Аляски заговору американских агентов влияния в России: «Продаже Аляски предшествовала многолетняя деятельность узкой группы высших государственных сановников в правительстве Российской империи, целью которых было создание искусственных предпосылок уступки российских заокеанских территорий Соединенным Штатам Америки...»⁷ Фактически по велению конспирологической идеологии в ряды врагов России и американских агентов попадают сам император Александр II и знаменитый министр иностранных дел А.М. Горчаков.

⁵ Отмечу также, что А.Н. Сахаров, член-корреспондент РАН, тогда директор Института российской истории, член президентской комиссии по борьбе с фальсификацией истории, «упустил из виду», что Курилы давно принадлежали Японии и уступать их не требовалось (см., напр.: История России. Учебное пособие. Ч. 2. М., 2005. С. 140).

⁶ Среди них и академик Н.Н. Болховитинова, получившего в конце 1990-х гг. Государственную премию РФ за научные достижения в изучении Русской Америки.

⁷ *Миронов И.Б.* Политика правительства Российской империи в освоении и ликвидации северо-американских колоний (1799—1867). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2011. С. 14. Миронов ознакомил научную общественность с результатами своего распутывания антироссийского заговора в двух монографиях и серии статей, среди них публикаций в ВАКовских журналах «Родина», «Библиоковедение», «Вестник Российского государственного торгово-экономического университета» (его также, само собой разумеется, заключили в объятия журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия»).

Взаимодействие историографии и идеологием, по-видимому, неустранимо, но профессиональный историк должен, на мой взгляд, осознавать наличие этих идеологием, стремиться максимально освободиться от их влияния. В отношении идеологием предпочтительно занимать позицию эксперта, а не реципиента. Одним из надежных противоядием от идеологической зависимости был и остается охарактеризованный выше *историзм*. Также, привлекая при оценке того или иного исторического явления всю совокупность доступных профессиональному историку фактов, важно искать и находить точную меру заключенных в них противоречий, нюансов, оттенков. Идеологием же диктуют историку черно-белое восприятие прошлого, манихейское разделение его на «добро» и «зло».

Еще одно важное условие, позволяющее исследователю приближаться к исторической истине, в свое время было блестяще, на мой взгляд, сформулировано Б.Ф. Поршневым: «Тот, кто изучает лишь ту или иную точку исторического прошлого или какой-либо ограниченный период времени, — не историк, он знаток старины, и не больше: историк только тот, кто, хотя бы и рассматривал в данный момент под исследовательской лупой частицу истории, всегда мыслит обо всем этом процессе»⁸. Постигание исторической истины будет только углубляться, если исследователь осмыслит изучаемое явление в максимальном количестве разнообразных контекстов и, добавлю, при помощи самого объемного теоретического и методологического инструментария. Сегодня в этом инструментарии одно из главных мест займет междисциплинарная методология, почерпнутая из теоретического анализа разнообразных социальных и гуманитарных дисциплин — социологии, политологии, антропологии, лингвистики и т.д. Но тут же добавлю: разработки современных общественных наук являются *теоретическим подспорьем для постижения сущностных характеристик прошлых эпох, но ни в коем случае не их матрицей*. Категории и модели междисциплинарной методологии, так же, впрочем, как и традиционной историографии, сродни скорее веберовским идеальным типам, но отнюдь не «железным» законам истории.

Среди современных исследовательских приемов, способствующих приближению к исторической истине, особое значение, на мой взгляд, имеет перманентный мысленный *диалог со всеми исследовательскими историческими школами, в том числе и даже особенно с оп-*

⁸ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 95.

понентами. Суждения оппонентов важно воспринимать как *вызов*, который в качестве *ответа* предполагает учет всего рационального, что заключено в позиции оппонировавшей школы. Проиллюстрирую это на примере отношения многих современных историков к постмодернизму.

О постмодернизме написано достаточно много. Он вызвал развернутую критику со стороны практически всех российских историков по той очевидной причине, что в своих крайних выражениях означал отрицание объективных оснований исторического познания, как и самой не зависящей от исследователя прошлого исторической действительности. Это неприемлемо и для меня, но, на мой взгляд, нельзя не признать наличия в позиции постмодернистов рационального начала.

Мэтр постмодернизма Х. Уайт в его известной книге «Метаистория»⁹ доказывал, что у истории, в отличие от естественных наук, «нет единого языкового протокола», т.е. общепринятого научного языка. Труды историков, даже самые авторитетные, по сути — репрезентации определенных языковых модусов (тропов) обыденной речи. Зададимся вопросом: разве в этой критике нет рационального упрека? При ознакомлении с работами современных российских историков (это же касается и зарубежных авторов) нетрудно обнаружить, что в них зачастую присутствует произвол в использовании многих понятий, терминов, ключевых слов, не говоря уже об обыденном языке. Нет никакого единства даже в понимании наиболее часто используемых и модных сегодня понятий, например таких, как *парадигма*, *дискурс*, *концепт*, *архетип*, *цивилизация*. Каждый историк вкладывает в них тот смысл, который удобен ему самому.

Критика и вызов постмодернизма рациональны. Ответ со стороны тех, кто отстаивает право истории быть объективной и научной, заключается в упорядочении используемых понятий, терминов, категорий, достижении единства в определении их смысла, как и, конечно, в оттачивании как научного, так и литературного языка. Подобная рациональная реакция необходима и во взаимоотношениях со всеми иными оппонировавшими школами. Ответ им должен заключаться не только в оспаривании положений, противоречащих истине, но и в учете рациональных суждений в целях совершенствования и развития исторического знания. В этом случае у истории возрастают шансы становиться более объективной и научной.

⁹ Русский перевод: Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

Но историческая истина лежит не «посредине» между противоречивыми интерпретациями и оценками. *Ее постижение возможно на основе максимально полного выявления и точного соотнесения разнообразных сторон, явлений, плюсов и минусов, нюансов и полутонов американского прошлого и настоящего.*

Война США за независимость как социально-политическая революция*

Тема Американской революции конца XVIII в., как часто именуют антиколониальную войну 1775–1783 гг., остается одной из значимых в исторической науке США. И неизменно среди историков сохраняются серьезные разногласия в толковании характера и итогов этой революции. При этом в центре дискуссий была не сама война против Англии, а ее воздействие на американское общество, осуществленные внутрисполитические преобразования. Оформились два главных историографических направления. Первое настаивало на ограниченности преобразовательного характера революции, а ее главную цель видело в сохранении либеральных свобод и прав, накопленных уже в колониальный период. Второе направление, напротив, стремилось к раскрытию разнообразных и глубинных внутренних революционных преобразований, которые, по заключению его представителей, для исторических судеб США имели не менее, а в ряде отношений даже более важное значение, нежели достижение независимости. То есть для второго направления Война за независимость была одновременно и социально-политической революцией, в то время как для его оппонентов она была только антиколониальной войной.

Л. Харц, один из наиболее видных представителей первого направления, обосновал его основополагающие аргументы. В Северной Америке не было феодальной структуры — объекта радикального насилия для европейских революций. Американская антиколониальная война произошла в либерально-буржуазном обществе, его защищала, а не создавала¹. Д. Бурстин, как и Харц, мэтр школы «консенсуса» («бесконфликтности»), подчеркивал, что Американская революция ставила це-

* Впервые опубликовано в журнале: Новая и новейшая история. 2005. № 3.

¹ Hartz L. The Liberal Tradition in America. N.Y., 1955.

любо защитить конституционные принципы, которые были выпестованы в Англии, укоренились в колониальный период в Северной Америке, но, к несчастью, резко ограничивались деспотичным английским королем Георгом III и его помощниками². Мягкий вариант концепции «консервативной революции» развивал Б. Бейлин: в революционную эпоху наблюдался общественный сдвиг, но произошел он не в социально-экономической или политической структуре, а в сознании американцев, рационализировавшем принципы конституционализма и республиканского миропорядка³.

Второе направление в историографии революции оформилось в конце XIX — первой трети XX вв. и было представлено прогрессистской школой. Ч. Линкольн, К. Беккер, А. Невинс и особенно Дж. Джеймсон⁴ отстаивали положение о Войне за независимость как «двойной революции». Согласно ему, революция возникла вследствие как антиколониальной борьбы, так и острых социально-экономических конфликтов между самими американцами, а в 1775—1783 гг. антиколониальная война была дополнена «внутренней революцией», результатом которой были обширные и радикальные социально-экономические и политические преобразования. В середине XX в., как и в последующем, наиболее яркими выразителями этой концепции были М. Дженсен и Дж.Т. Мейн⁵. В тот период прогрессистские историки были поддержаны и радикальной («новой левой») историографической школой, которая сделала упор на выявлении самостоятельной позиции социальных низов в Американской революции.

Оба названных главных направления сохраняются в исторической науке США и на современной этапе. Правда, они не идентифицируют себя с прогрессистской или консенсусной школами; эти названия сегодня выглядят чересчур идеологизированными. Бесспорным лидером направления, признающего глубокий преобразовательный характер революции, выступал Г.С. Вуд. Согласно его работам, Война за независимость по глубине и радикализму преобразований, а особенно последствиям и воздействию на ход истории не только не уступала европейским

² *Boorstin D.* The Genius of American Politics. Chicago, 1953.

³ *Bailyn B.* The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge (Mass.), 1967.

⁴ *Lincoln Ch.H.* The Revolutionary Movement in Pennsylvania, 1760—1776. Philadelphia, 1901; *Becker C.L.* History of Political Parties in the Province of New York, 1760—1776. Madison (Wis.), 1909; *Nevins A.* The American States During and After the Revolution, 1775—1789. N.Y., 1924; *Jameson J.F.* The American Revolution Considered as a Social Movement. Princeton (N.J.), 1926.

⁵ *Jensen M.* The American Revolution Within America. N.Y., 1974; *Main J.T.* The Upper House in the Revolutionary America. Madison, 1967; *idem.* The Sovereign States, 1775—1783. N.Y., 1973.

революциям, но во многом их превосходила⁶. Среди оппонентов Вуда равных ему по авторитету и влиянию нет, но это не означает, что концепция, отрицающая или принижающая преобразовательный характер революции, утратила влияние. Среди ее сторонников на современном этапе присутствуют не только историки, которых, условно говоря, можно назвать «консерваторами», но также авторы, позицию которых вполне возможно охарактеризовать как радикальную. Для этого подхода умеренность и ограниченность революции заключаются в том, что она по сути не изменила приниженного положения женщин, чернокожих, индейцев, белых бедняков⁷. И такой взгляд, с научной точки зрения страдающий очевидным антиисторизмом (революция оценивается с позиций сегодняшних критериев и запросов, а не в связи с ее реальными возможностями и с тем, что она дала в сравнении с предшествующим периодом. — *Авт.*), находит достаточно широкий отклик по причине его созвучности современной американской либеральной «политкорректности».

В отечественной историографической традиции внутриполитические преобразования эпохи Войны США за независимость неизменно рассматривались как фундаментальные⁸, но признавалось, что по своему масштабу они уступали Великой Французской революции XVIII в. Отечественная историография была близка к прогрессистско-радикальной школе историков США и разделяла ряд ее принципиальных положений (о важной роли внутренних социальных конфликтов в происхождении Американской революции, о реальном значении феодальных пережитков в аграрных отношениях колоний и некоторые другие). На позицию отечественных историков оказали большое влияние очень высокие оценки Американской революции со стороны К. Маркса и В. Ленина, как и в целом марксистско-ленинская оценка революций как основополагающей преобразовательной силы истории.

Я разделяю положение прогрессистско-радикальной школы историков США и отечественной историографии о том, что Война США за независимость была одновременно и социально-политической революцией, но при этом считаю необходимым заново проанализиро-

⁶ Wood G.S. The Radicalism of the American Revolution. N.Y., 1992; *idem.* American Revolution: a History. N.Y., 2002.

⁷ См. напр.: Jennings F. The Creation of America. Through Revolution to Empire. Cambridge (Mass.), 2000.

⁸ См.: Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; Война за независимость и образование США / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 1976; Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. Л., 1978; Согрин В.В. Идеиные течения в Американской реваолюции XVIII века. М., 1980.

вать меру ее революционности и, по возможности, максимально точно, опираясь на совокупность накопленных на сегодняшний день исторических фактов, определить реальное значение ее политических, экономических и социальных нововведений.

Первый спорный вопрос, заслуживающий переосмысления, касается соотношения «внутренних» и «внешних» (антиколониальных) причин Американской революции. На мой взгляд, мнение историков прогрессистской школы США, оказавшее влияние и на отечественную историографию, о том, что «внутренние» причины, т.е. конфликты между разными социальными слоями самих американцев, имели не меньшее значение для вызревания революции, нежели собственно антиколониальные цели, должно быть признано преувеличением. Все предреволюционные социальные конфликты были исследованы историками — прогрессистами еще в конце XIX — начале XX в. Они включали выступления «регуляторов» (мелкого фермерства и арендаторов) в Северной и Южной Каролине, а также в Нью-Йорке, направленные на облегчение доступа к необрабатываемым территориям и снижение арендной платы. Эти выступления затронули меньшинство колоний, они не вписывались в широкое антиколониальное движение, охватившее все тринадцать колоний, и в целом в общественно-политическом протесте, носившем по преимуществу антианглийский характер, имели скромный удельный вес. Подобные выступления, порой гораздо более масштабные (например, восстание Н. Бэкона в Виргинии в 1676 г.), имели место и в более ранние периоды колониальной истории, но ни одно из них не привело к возникновению кризиса и тем более революционной ситуации, вызревшей в 1760—1770-е гг. в Северной Америке. Эта революционная ситуация была создана именно общеамериканским антиколониальным движением, а не внутренними социальными конфликтами.

Сказанное не означает, что предпосылки «внутренней революции», направленной не столько против Англии, сколько против собственной американской элиты, отсутствовали в предреволюционное десятилетие. Имеются свидетельства (но их удельный вес в общедемократических антианглийских требованиях опять-таки скромны) зарождения в массах убеждения, что простые американцы заслуживают расширения экономических прав и большего влияния на политическую власть. Но подлинный взрыв подобных убеждений произошел уже после начала Войны за независимость, когда массы почувствовали и осознали, что отмена английского господства и возникший вакуум власти дал им реальный шанс потягаться с собственной элитой в распределении политической, а отчасти и экономической власти.

Отмечу, что в современной американской историографии в целом, безусловно, преобладает то мнение, что Американская революция была вызвана к жизни английским колониальным господством, которое сковывало развитие в провинциях капитализма и демократии. Как отмечал еще глава «имперской школы» в историографии США Ч. Эндриус, «драматическая ситуация», вызвавшая к жизни Американскую революцию, заключалась в противоречии между неподвижной, основанной на традиции и прецеденте системой метрополии и потребностями «живого, динамичного организма, каким были колонии»⁹. Американская революция по происхождению была антиколониальной, хотя в ее лоне и зарождался и внутренний конфликт. Вовлекаясь в антиколониальное движение, нижние социальные слои обретали собственный голос, но пока он по преимуществу был направлен против английского произвола. Впрочем, в глазах верхних слоев любая самостоятельная позиция низов была нежелательной, и уже накануне революции они требовали, как это делал А. Гамильтон, «удерживать людские страсти в определенных рамках»¹⁰.

Народные страсти выплеснулись в полном объеме сразу после провозглашения в июле 1776 г. американской независимости. Именно с этого момента Война за независимость становится «двойной революцией»: антиколониальная и внутриполитическая революции развиваются на равных. В течение нескольких месяцев в Северной Америке была полностью ликвидирована монархическая ветвь государственности, утвердился республиканский строй и во всех штатах приняты беспрецедентные по демократизму конституции. По объему и глубине выдвинутых и реализованных демократических политических требований Американская революция, на мой взгляд, превзошла европейские революции, в том числе Английскую середины XVII в. и Французскую конца XVIII в.

Не будет преувеличением сказать, что идея уравнивания политических прав разных социальных слоев стала центральной в демократической мысли революционной эпохи. Правда, сохраняло влияние то положение, что свободное политическое волеизъявление было невозможно без наличия у индивидуума определенной экономической независимости. По этой причине предоставление избирательного права слугам или лицам наемного труда вызывало у многих сомнения и возражения, но что

⁹ Цит. по: The American Revolution. How Revolutionary Was It? / Ed. G.A. Billias. N.Y., 1970. P. 20.

¹⁰ The Papers of Alexander Hamilton. Vols. 1–27 / Ed. H.S. Syrett. N.Y., 1961–1987. Vol. I. P. 176–177.

касается людей (белых мужчин), располагавших даже минимальной экономической независимостью или собственностью, то они, по всеобщему убеждению демократов, должны были быть наделены полными политическими правами, включая избрание на самые высокие должности.

Развитие идей политического равенства получило выражение в двух важных демократических доктринах, не имевших распространения в дореволюционный период. Одна из них — доктрина *прямой демократии* — предполагала наделение рядовых избирателей правом вынесения окончательного решения по любому важному вопросу, в первую очередь одобрения посредством референдума конституции и важных законов, как и правами отзыва и инструктирования депутатов, выдвижения законопроектов и т.п. Другая доктрина — *простой, или чистой, демократии* — означала отмену раздельного представительства (английская модель. — *Авт.*) разных социальных классов в законодательной ветви власти и введение вместо этого совместного и равноправного представительства всех граждан.

Обе эти доктрины получили весьма широкое распространение в законодательной практике революционного периода. Идея прямой демократии повлияла на процесс выработки и одобрения конституций штатов. В двух штатах — Нью-Гэмпшире и Массачусетсе — проекты конституций были переданы для ратификации рядовым избирателям. В некоторых штатах конституции, прежде чем быть одобренными представительными собраниями, широко обсуждались в избирательных округах. Высокую оценку со стороны Т. Пейна получила в связи с этим деятельность пенсильванского конвента, одобдившего одну из самых демократических конституций революционного периода: «Пенсильванский конвент, президентом которого являлся Бенджамин Франклин, после выработки конституции распорядился опубликовать ее текст, но не для того, чтобы представить ее как нечто узаконенное, а с целью ознакомить с конституцией народ и выяснить, согласен он с документом или нет. Сам конвент на это время прервал заседания»¹¹.

Во многих штатах выработка и принятие конституций были доверены особым представительным органам — *конвентам*, которые избирались на более широкой и демократичной основе, нежели обычные законодательные собрания. Подобным образом, кроме Пенсильвании, конституции были одобрены в Нью-Йорке, Делавэре, Мэри-

¹¹ The Complete Writings of Thomas Paine. Vols. 1–2 / Ed. Ph. Foner. N.Y., 1945. Vol. 1. P. 377.

ленде, Северной Каролине и Джорджии. Идея и институт *конвента* также были продуктом демократического правотворчества революционного периода. Впоследствии эта идея была воспринята Великой Французской революцией в период ее наивысшего подъема (деятельности Национального конвента она обязана своим самым демократическим законам). В самих Соединенных Штатах идея конвента использовалась также в период обсуждения и ратификации федеральной Конституции 1787 г. Проект, выработанный умеренными отцами-основателями на закрытом форуме в Филадельфии, был передан для ратификации чрезвычайным конвентам штатов, избранным на демократической основе. Результатом стало то, что на большинстве конвентов проект конституции подвергся острой критике, а более половины из них согласились одобрить его только при условии дополнения Основного закона США Биллем о правах (он был одобрен в 1791 г.).

Среди американцев утвердился подлинный культ конституции, в которой признали гарантию и вместилище всех прав и свобод. Само понимание конституции по сравнению с колониальным периодом радикально изменилось. Если до революции под ней подразумевали совокупность английских биллей, законов, прецедентов, а также колониальные хартии, то с началом революции ее стали отождествлять с единым компактным документом, разработанным и одобренным демократическим образом, являющимся правовым воплощением общественного договора. Подобная модель конституции была одобрена впервые в мировой истории, и именно она стала классической.

Конституции штатов были не только одобрены необычным демократическим, по меркам того времени, образом, но и воплотили целую серию беспрецедентных демократических принципов. Как и почему это оказалось возможным? В значительной мере это определялось характерным для революционных эпох изменением соотношения сил между «низамы» и «верхами» и резким усилением напора на власть «низов». У них появились собственные политические фракции, отсутствовавшие в колониальный период. Впрочем, поменялись и политические фракции «верхов», утратившие семейный характер и приобретшие более четкие идеологические и социально-политические характеристики. Историк Дж.Т. Мейн, автор наиболее обстоятельного исследования политических фракций революционного периода, разделял их на два главных типа: *локалистов* и *космополитов*¹². «Локалистами», по сути, были мелкобуржуазные или мелкособственнические фракции, связанные

¹² Main J. T. Political Parties Before the Constitution. Chapel Hill, 1973.

по преимуществу с мелкими и средними фермерами, лавочниками, ремесленниками, а «космополитами» — элитарные фракции, включавшие в себя крупных земельных собственников, купцов, владельцев мануфактур, финансистов, адвокатов. Мелкобуржуазные фракции возглавлялись или пользовались поддержкой политиков и идеологов демократических убеждений, а элитарные — политиков и идеологов умеренных и консервативных воззрений.

В революционный период мелкобуржуазные фракции добились серьезных успехов во многих вопросах, в том числе и в первую очередь в перераспределении в свою пользу властных возможностей и полномочий. Их влияние резко возросло вследствие демократизации избирательного права и реформы избирательных округов. Имущественный ценз был снижен более чем в половине штатов, при этом в Пенсильвании и Вермонте право голоса было распространено на всех налогоплательщиков.

Демократический характер носило расширение во многих штатах норм представительства западных территорий, населенных по преимуществу мелкими фермерами и поддерживавших фракции «локалистов». До 1776 г. почти во всех без исключения колониях квоты представительства в ассамблеях создавали явное преимущество восточных приатлантических графств над западными районами. В революционный период представительство более зажиточных восточных и менее зажиточных западных графств выравнивалось. Показателен пример Пенсильвании: до революции в местной законодательной ассамблее было вдвое больше представителей восточных графств, а в революционный период двойным численным превосходством обладали уже депутаты западных районов¹³.

Эти реформы повлекли серьезное изменение социального состава представительных органов власти. По подсчетам Дж.Т. Мейна, число делегатов от верхнего класса по сравнению с колониальным периодом снизилось в нижних палатах с 60 до 35%, а представительство фермеров и ремесленников увеличилось с 20 до 40%¹⁴. При этом в северных штатах численность депутатов из мелкособственнических слоев даже превзошла численность депутатов из зажиточных и богатых слоев. Несколько иной была картина в верхних палатах законодательных собраний штатов, но, тем не менее, по заключению того же Мейна, сенаты революционного периода, как правило, осуществляли политику, мало отличавшуюся от курса нижних палат. При этом только в Мэри-

¹³ *Jensen M.* The American Revolution Within America. P. 95–98.

¹⁴ *Main J. T.* The Sovereign States. N.Y., 1973. P. 205.

ленде, Южной Каролине и Виргинии представители богатых и зажиточных слоев явно преобладали в верхних палатах¹⁵.

Конституции штатов революционного периода включили целую серию нововведений, направленных на демократизацию устройства и функций государственной власти. Изложу их кратко. Во всех штатах восторжествовала демократическая трактовка принципа разделения властей, в результате чего законодательная ветвь, как наиболее близкая к избирателям, была возвышена над исполнительной. Законодательным собраниям были переданы многие традиционные полномочия исполнительной власти. В большинстве штатов законодательные собрания получили право избирать губернаторов. Это нарушало классическую схему разделения власти и означало подчинение исполнительной ветви законодательной. Оно подкреплялось наделением законодательных собраний правом импичмента — отстранения от должности главы и других представителей исполнительной власти.

Схема организации самой исполнительной власти также заключала тенденцию к максимальному ее ослаблению. Все штаты, за исключением Южной Каролины, отвергли общепринятый в колониальный период принцип *единой и неделимой исполнительной власти*, наделявшей таковой во всем объеме одно лицо. Конституции штатов противопоставили ему принцип коллегиальной исполнительной власти. В каждом штате создавался исполнительный совет, губернатор (или президент) являлся не более чем его председателем. Большинство конституций штатов революционного периода лишали исполнительную власть не только абсолютного, но и отлагательного вето. В конституциях большинства штатов вводились максимально частые — ежегодные — переборы губернаторов и ограничивалась возможность переизбрания одного лица в этой должности.

Возвысив законодательную власть, авторы конституций штатов уделили пристальное внимание ее демократизации. Они подвергли острой критике концепцию «смешанного правления», согласно которой законодательный орган должен был состоять из двух палат, при этом первая из них призвана была защищать интересы верхнего класса, а вторая — представлять нацию в целом. Ей была противопоставлена концепция *чистой демократии*, получившая так или иначе воплощение в большинстве штатах. В Пенсильвании, Джорджии и Вермонте верхние палаты вообще отменялись и создавались однопалатные законодательные ассамблеи. В других штатах была организована двухпалатная зако-

¹⁵ *Main J. T.* The Upper House in Revolutionary America, 1763–1788. Madison—L., 1967. P. 101, 124–125, 133, 160–161, 187–191.

нодательная власть, но ее назначение зачастую видели не в представительстве разных социальных интересов, а в обеспечении внутри законодательной власти принципа «сдержек и противовесов». Кроме того, во всех случаях нижние палаты наделялись гораздо большими полномочиями, нежели верхние. Нижние палаты повсеместно переизбирались ежегодно, что должно было обеспечить максимальный контроль над ними со стороны избирателей. В целом в организации нижних палат революционная демократическая концепция воплотилась в наибольшей степени.

Подходы, созвучные демократическим доктринам, оказали существенное влияние на формирование центральной североамериканской власти эпохи Войны за независимость. В глазах большинства патриотов единственной конкретной формой централизованной государственной власти накануне революции выступала метрополия. Неудивительно, что центральная власть долгое время рассматривалась ими как главный источник деспотизма, а ее искоренение объявлялось одной из важнейших целей Американской революции. Суверенные штаты отвергали как унитарную, так и федеративную форму государственного объединения, соглашаясь только на создание конфедерации, т.е. самой зыбкой формы государственного союза.

Подготовленные в Континентальном конгрессе, скреплявшем штаты, Статьи Конфедерации провозглашали вступление североамериканских провинций в «прочную лигу дружбы» и в первой по важности (второй по счету) статье объявляли, что «каждый штат сохраняет суверенитет, свободу и независимость» в осуществлении прав, «определенно не делегированных Соединенным Штатам, собравшимся в конгрессе»¹⁶. Поскольку о верховенстве Конфедерации в проекте не упоминалось, штаты выступали как самостоятельные суверенные государства. Полномочия конгресса (среди важнейших он наделялся «исключительным правом» решать вопросы войны и мира, назначать и принимать послов, вступать в международные соглашения и союзы) были точно определены, перечислены и регламентированы. Все права конгресса сопровождались оговорками, подчеркивавшими суверенитет штатов.

Из трех ветвей власти — законодательной, исполнительной, судебной — Статьи Конфедерации зафиксировали (в том виде, как она уже оформилась стихийно) создание лишь одной, законодательной, в лице Континентального конгресса. Что касается исполнительного органа,

¹⁶ The Documentary History of the Ratification of the Constitution. Vol. 1. Constitutional Documents and Records, 1776–1787 / Ed. M. Jensen. Madison. 1976. P. 86.

то он выступал в качестве придатка законодательного: Конгресс мог создавать из своих делегатов комитеты, наблюдавшие за проведением принимаемых решений в жизнь. Исполнительная власть оказалась крайне распыленной: Конгресс отказался назначить как главу исполнительной власти, так и какое-либо подобие исполнительного совета. Лишь в 1781 г. под давлением объективных обстоятельств Континентальный конгресс отважился создать в обход Статей Конфедерации иностранный, военный, военно-морской и финансовый департаменты и поставить во главе каждого из них постоянного секретаря.

Для ратификации Статей Конфедерации требовалось единодушное согласие всех штатов. Это привело к тому, что они вступили в силу 1 марта 1781 г., через четыре года после подготовки проекта. Окончательный вариант Статей Конфедерации отличался от проекта в одном пункте: право собственности на западные земли закреплялось не за штатами, а за Континентальным конгрессом (только при этом условии согласился одобрить Статьи штат Мэриленд, у которого не было собственного фонда свободных земель).

Статьи Конфедерации внешне соответствовали демократическим принципам. Так, они провозглашали создание однопалатного Континентального конгресса, максимально ослабляя исполнительную власть. Для ряда американских историков¹⁷ это послужило основанием утверждать, что принятие Статей Конфедерации означало торжество демократического крыла революции и поражение умеренного. Подобное мнение не представляется вполне убедительным. Этот документ отразил в первую очередь острые разногласия между штатами, их нежелание поступиться своими экономическими и политическими интересами ради достижения национального единства. Сторонники Статей Конфедерации скорее воспользовались демократической аргументацией и принципами для того, чтобы закрепить суверенитет штатов.

Но в целом можно заключить, что демократические идеи и тенденции получили наиболее полное воплощение в государственно-правовом творчестве эпохи Войны за независимость, в первую очередь в конституциях штатов, и есть весомые основания именовать ее по этой причине *демократической политической революцией*. В социальной и экономической сферах эти тенденции проявились в гораздо меньшей степени. Здесь Американская революция уступала европейским, как уступала она им

¹⁷ Самый авторитетный — М. Дженсен: *Jensen M. The Articles of Confederation: An Interpretation of Socio-Constitutional History of American Revolution, 1774–1781*. Madison, 1963.

и в глубине социальных конфликтов, которые, как правило, и влекли за собой радикальные социальные перемены.

Главным социальным конфликтом эпохи Войны за независимость, придавшим последней в определенной степени характер гражданской войны, был конфликт между *патриотами* (именовались также *вигами*), сторонниками отделения от Англии, и *лоялистами* (известными также как *тори*), выступавшими за сохранение имперских связей. Тема лоялистов и лоялизма, всегда являвшаяся важной для исследователей Войны за независимость, порождала разногласия и дискуссии. Начинались они с разного определения численности лоялистов. Долгое время преобладала та точка зрения, что американцы революционной эпохи делились на три равные части: первая треть поддерживала революцию, вторая занимала нейтральную позицию, а третья включала лоялистов и им сочувствующих. На современном этапе эта точка зрения утратила влияние, а численность лоялистов измеряется гораздо более скромными цифрами. Большинство специалистов разделяет вывод У. Брауна, согласно которому общее количество лоялистов не превышало 18% численности взрослого белого населения¹⁸.

В вопросе о социальном составе лоялистов традиционная точка зрения состояла в подчеркивании его элитарного характера, поиске фактов принадлежности большинства лоялистов к верхнему классу. Новейшие исследования обнаружили уязвимость подобной трактовки: признавая несколько больший удельный вес среди лоялистов верхних социальных групп, их авторы раскрывают социальную неоднородность лоялистов, среди которых были представители и верхних, и средних, и нижних слоев.

В основе вхождения в ряды *лоялистов* лежали экономические мотивы. Среди лоялистов выделялись купцы приморских городов и торговцы пушниной из приграничных районов: обе эти группы извлекали главные доходы из торговли с метрополией. Из представителей верхнего класса к лоялистам примкнула часть лендлордов, в первую очередь из собственнических «срединных» колоний. Лендлорды справедливо полагали, что революция может повлечь ликвидацию насаждавшихся ими полуфеодальных норм землепользования, а в худшем случае и конфискацию их поместий.

По политическим мотивам среди лоялистов оказались королевские губернаторы, как и большое число чиновников, получавших свои должности от метрополии. Лоялистские настроения были рас-

¹⁸ Brown W. The King's Friends: the Composition and Motives of the American Loyalists Claimants. Providence, 1965.

пространены в рядах священников англиканской церкви, но среди них было и много приверженцев патриотической идеи. В южных колониях, где англиканские священники были экономически и политически тесно связаны с плантаторским классом, вошедшим в патриотический лагерь, большинство среди них примкнули к сторонникам независимости. Но в северных колониях, где англиканские священники уступали в силе и влиянии другим конфессиям и могли удержать свои позиции только при поддержке метрополии, они примыкали к лоялистам. Схожими мотивами определялись лоялистские симпатии некоторых этнокультурных меньшинств, например, немецкой общины в Пенсильвании и голландской в Нью-Йорке. Они опасались, что государственная независимость Северной Америки повлечет утверждение господства англо-американского большинства¹⁹.

Среди лоялистов нашлось место и представителям самых низших слоев. Одним из наиболее известных пролоялистских выступлений стал бунт в мае 1777 г. арендаторов во владениях нью-йоркских лендлордов Ливингстонов, вошедших в патриотический лагерь. Пятьсот арендаторов организовали вооруженное выступление, надеясь на поддержку английской армии и экспроприацию с ее помощью земельных владений богатых патриотов. Помощь со стороны англичан, однако, не пришла, бунт был подавлен, сотни арендаторов подверглись временному заключению, а двое организаторов казнены²⁰.

В отличие от патриотов, лоялисты не проявили способности к самоорганизации, налаживанию связи друг с другом. Они действовали разрозненно, их сопротивление часто выливалось в спонтанные террористические акции. Для пресечения подобных вылазок патриоты создали во всех штатах Комитеты безопасности. Последние были призваны усмирять не только активных тори, но и выявлять тайных лоялистов. С этой целью вводилась простая процедура: новые власти повсеместно потребовали от лиц (свободных мужчин) старше 16 лет принести им присягу на верность. Отказывавшиеся сделать это объявлялись «лоялистами» и подвергались разнообразным репрессиям и ограничениям в правах. Во всех штатах им было запрещено занимать государственные должности, в пяти штатах «отказники» лишались избирательных прав. Во многих штатах они облагались дополнительными налогами, им запрещалось приобретать собственность, вступать в право наследования, быть священниками, юристами, учителями,

¹⁹ *Risjord N.K.* Jefferson's America, 1760–1815. Lanham (Md.), 2002. P. 130–131.

²⁰ *Ward H.M.* The War for Independence and the Transformation of American Society. L., 1999. P. 43.

врачами. В Северной Каролине «отказники» были обязаны в течение 30 дней покинуть штат, а в Южной Каролине граждане, покинувшие штат с целью уклонения от присяги, по возвращении подвергались суровому судебному наказанию вплоть до смертной казни²¹.

Объяснимо, почему большое количество лоялистов — более 80 тыс. — предпочли покинуть родину, а наиболее твердые — до 20 тыс. — вступили в сражение с революцией на стороне английской армии. Из тех, кто покинул Соединенные Штаты, большинство осели в Канаде и других, пограничных с США территориях, меньшинство — 7 тыс. человек — переправились в Англию. Среди покинувших Соединенные Штаты было не менее 10 тыс. черных рабов, последовавших за своими белыми хозяевами.

Массовое бегство лоялистов из США и преследование активных тори, оставшихся на родине, выдвинули в повестку патриотического движения в качестве одного из самых актуальных вопросов о распоряжении их собственностью. Она конфисковывалась новой властью без особых колебаний. Более сложным оказался вопрос о ее дальнейшем использовании. Как это ни странно, если учесть демократическую политическую направленность революции и возвышение средних и нижних слоев, ни в одном из штатов не было предпринято целенаправленных попыток распределить конфискованную собственность между малоимущими патриотами. Власти штатов руководствовались по преимуществу фискальными соображениями: распродажа земельных владений лоялистов преследовала цель покрытия военных расходов и выплаты долгов. Только часть конфискованных земель была передана за небольшую плату арендаторам или распределена мелкими участками между солдатами Континентальной армии в качестве платы за военную службу.

Среди самых крупных земельных конфискаций оказалась собственность семейства Пеннов в Пенсильвании, Балтиморов в Мэриленде, Ферфаксов в Виргинии, а также тех лендлордов Нью-Йорка, которые поддержали лоялистов. Именно в Нью-Йорке мелкие арендаторы, воспользовавшись одобренным законодательным собранием штата правом непосредственных поселенцев на преимущество при приобретении конфискованных земель, сумели стать независимыми собственниками (но в последующем многие из них из-за финансовых затруднений расстались с приобретенными участками). Подобное обращение мелких арендаторов в собственников обрабатываемых ими участков в конфискованных владениях лоялистов имело место и в ря-

²¹ *Ward H.M. Op. cit. P. 38–39.*

де других штатов. Но лавина доля конфискованных земельных владений перешла в руки богатых и зажиточных патриотов.

В подавляющем большинстве штатов конфискованные земли продавались новыми властями по невысокой цене (в среднем не более одной четверти от рыночной стоимости) и небольшими участками, но количество участков, которые мог приобрести один покупатель, не ограничивалось. В результате представители верхнего класса, верные революционному правительству, получили шанс купить максимальное количество недвижимости. Революционные власти, заинтересованные в быстром пополнении казны, не препятствовали, а даже способствовали этому. В результате примерно три четверти конфискованной недвижимости перешло к земельным спекулянтам, купцам, плантаторам, чиновникам. Революционные правительства получили от продажи 5 млн фунтов стерлингов, составивших весомое пополнение их бюджетов²².

Социальный конфликт присутствовал и внутри самого революционного лагеря, но и он был неизмеримо слабее подобных конфликтов в европейских революциях. В Американской революции не было и подобия таких политических течений, какими были пресвитериане, индепенденты, левеллеры и диггеры в Английской революции середины XVII в. или конституционалисты, жирондисты, якобинцы и «бешеные» во Французской революции конца XVIII в. В Американской революции прозвучали эгалитарные социальные требования²³, но они не приобрели широкой популярности, как и программного характера для какой-либо из влиятельных политических фракций. Хотя в американском революционном сознании в качестве одной из главных присутствовала идея равенства, она в социально-экономическом плане понималась большинством патриотов как *равенство возможностей* в реализации способностей разных индивидуумов, что не отрицало различного, в том числе и серьезного неравенства *результатов* индивидуальной деятельности.

²² Bonwick C. The American Revolution. L., 1991. P. 162–164; Ward H.M. Op. cit. P. 40. Мнение о том, что лоялистские земли по преимуществу перешли в руки верхних слоев, разделяется отечественным исследователем В.А. Ушаковым, специально исследовавшем тему американского лоялизма. Правда, он считает более весомым демократический аспект распределения лоялистских земель (см.: Ушаков В.А. Американский лоялизм. Л., 1989).

²³ Jameson J. American Revolution Considered As a Social Movement. P. 47, 81–84; Douglass E.P. Rebels and Democrats. The Struggle for Equal Political Rights and Majority Rule During the American Revolution. Chapel Hill, 1955. P. 266; Abernethy T.P. Western Lands and the American Revolution. N.Y., 1958. P. 303; Jensen M. The American Revolution Within America. P. 74–76.

В социально-экономическом плане Американская революция оказалась в первую очередь нацелена на ликвидацию законодательных ограничений, которые были наложены на североамериканскую промышленность и торговлю метрополией, как и на ликвидацию привилегий, которые были предоставлены английским купцам, промышленникам и финансистам. Ее целью было утверждение свободной конкуренции, идеальная модель которой была сформулирована в знаменитом «Богатстве народов» А. Смита, по символическому совпадению появившемся в том же году, когда была провозглашена американская Декларация независимости. Эта цель и была реализована с самого начала Войны за независимость. Результаты введения «чистой» свободной конкуренции в Северной Америке оказались неоднозначны, порой весьма противоречивы: с одной стороны, резко оживились отечественные торговля, промышленность, финансы, возросли социальная мобильность, вхождение в ряды предпринимателей удачливых представителей нижних слоев, но, с другой стороны, усилилось и социально-экономическое расслоение американцев.

Показателем обновления американского предпринимательского класса в годы революции могут служить следующие факты. По ее завершении не менее половины купцов Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии, трех главных американских городов и центров предпринимательства, составляли новые люди, выходцы из нижних слоев, сменившие и повысившие свой статус благодаря возможностям экономического либерализма, предоставленным революцией. Резко возросла и численность класса торговых людей, их удельный вес в американском населении²⁴. Это не означало равнозначного повышения благосостояния всех слоев населения, напротив, как соглашается большинство американских исследователей, в годы революции социальное расслоение американцев усилилось. Г.С. Вуд, наиболее последовательный современный выразитель концепции демократического характера революции, формулирует в связи с этим внешне парадоксальный вывод: «Распространение эгалитаризма не означало, что богатство в постреволюционной Америке стало распределяться более равным образом. Совсем наоборот: неравенства в распределении богатства после революции было больше, чем до революции»²⁵. Парадоксальное суждение Вуда прояснится, если мы примем во внимание, что в американской революционной ментальности равенство по преимуществу приравнялось

²⁴ *Ward H.M.* Op. cit. P. 212–213.

²⁵ *Bailyn B., Donald D.H., Davis D.B., Thomas J.L., Wiebe R.H., Wood G.* The Great Republic. A History of the American People. Lexington–Toronto, 1981. Vol. 1. P. 237.

к равенству возможностей деятельности во всех сферах, в том числе экономике, но не к равенству достигаемых результатов. Уравнение результатов этой деятельности было в целом чуждо и законодателям революционной эпохи.

Идея равенства возможностей может быть признана центральной и важнейшей, но все же не единственной и не исчерпывающей составляющей американской социальной ментальности. С ней уживалось иное по социальному смыслу убеждение части нижних слоев: зажиточные слои должны принести больше экономических жертв на алтарь победы, нежели менее обеспеченные, и тем более бедняки. Влияние подобных настроений трудно определить с абсолютной точностью, но оно присутствовало и оказывало воздействие на деятельность законодательных собраний штатов. Практические результаты принятых в связи с этим социально-экономических мер имели реальное значение, но они, безусловно, не поколебали господствующих позиций экономического либерализма.

Первое проявление ограничения экономического либерализма в годы революции — введение властями нескольких штатов некоего подобия подоходного налога (в колониальный период налогообложение всегда отвечало интересам зажиточных слоев). Но вряд ли можно с уверенностью утверждать, что подобное налогообложение было принято именно под давлением низов. Вводилось оно по преимуществу в южных штатах, где политические позиции нижних слоев были слабее, нежели в северных штатах²⁶.

Вторым проявлением ограничения экономического либерализма явились попытки регламентации рыночных цен властями ряда штатов. Они неоднократно предпринимались уже в северных и центральных штатах (южные штаты отвергли их с самого начала революции). Власти некоторых штатов разработали различные меры наказаний за отход от «справедливых цен» вплоть до конфискации товаров нарушителей. Но реализовать все эти постановления на практике не удалось ни в одном из штатов. Тому было несколько причин, а одной из главных было отсутствие должной политической централизации: владельцы продукции с фиксированными ценами без труда перевозили свой товар в те штаты, где подобная регламентация отвергалась. Малоэффективные попытки фиксирования цен были прекращены в 1780 г.²⁷

Те малоимущие и неимущие американцы, которые отказывались смириться с неэффективностью законодательных мер по регулирова-

²⁶ *Bonwick C.P.* Op. cit. P. 160–161.

²⁷ *Nettels C.P.* Emergence of National Economy, 1775–1815. N.Y., 1962. P. 27–28.

нию цен, время от времени пытались навязать свою волю «нечестным» продавцам с помощью силовых методов. Историки выявили по меньшей мере 40 продовольственных бунтов, направленных на понижение цен на наиболее ходовые товары, такие как чай, сахар, соль (зачинщицами и наиболее активными участницами часто были женщины)²⁸. Все эти бунты имели, однако, узколокальный характер и никак не влияли на ценовую политику не только всей нации, но даже того штата, в котором они проходили. Неудача малообеспеченных слоев американского общества навязать новой власти и новой экономической элите регулирование цен резко контрастирует с триумфальным успехом в этом вопросе низов в период Французской революции (в 1793 г. якобинская власть ввела всеобщий максимум на цены, что немало способствовало поддержке массами революционного дела). Провал попыток даже временного регулирования цен в революционной Америке может быть, помимо уже отмеченных причин, объяснен не только относительной (в сравнении с той же Францией) немногочисленностью в ней бедноты, но и большей приверженностью всех слоев молодого американского общества принципам экономического либерализма.

Третьим и, пожалуй, главным проявлением конфликта нижних и верхних слоев в экономической сфере явились острые разногласия в вопросах денежной политики. Уже в начале революции Континентальный конгресс и власти штатов, нуждаясь в огромных средствах для покрытия своих разнообразных расходов, должны были обратиться к печатанию бумажных денег, приравненных к традиционным деньгам из благородных металлов. Растущие расходы быстро породили инфляцию и обесценение бумажных денег (к концу Войны за независимость они обесценились почти в 200 раз). Американские предприниматели, в первую очередь кредиторы, стали отказываться принимать к оплате бумажные деньги, особенно протестуя против возврата в обесцененных бумажных долларах долгов. Между ними, с одной стороны, и властями штатов, равно как и должниками — с другой, возник острый конфликт. В значительной мере под воздействием массы должников власти ряда штатов стали одобрять специальные законы, принуждавшие кредиторов принимать возврат долгов в бумажных деньгах. Должники, среди которых было много мелких фермеров, использовали для защиты своих интересов и силовые методы. Особенно часто силовое воздействие оказывалось на суды, которые, в отличие от законодательных органов, склонны были в большей мере защищать интересы кредиторов. Имен-

²⁸ *Ward H.M. Op. cit. P. 155.*

но эмиссионная политика властей ряда (примерно половины) штатов породила среди верхов идею об угрожающем распространении в стране «демократического деспотизма». Она стала лейтмотивом укреплявшегося в верхах движения в пользу пересмотра революционной политической системы.

Историки, подчеркивавшие глубокий преобразовательный характер Войны за независимость в социальной сфере, неизменно на одно из первых мест ставили ликвидацию таких феодальных атрибутов в землевладении, как сбор квитиранты в поместьях лендлордов-аристократов, а также права первородства и неделимости земельной собственности, распространенных в центральных и южных колониях. На современном этапе только незначительное число историков признают реальный характер этих атрибутов, как и реальную революционную значимость их отмены в годы Войны за независимость. Наиболее известные среди них, Р. Бертофф и Дж. Мюррен, доказывали, что революция пресекла процесс «феодалного возрождения» в собственнических и ряде южных колоний, укоренявшийся в предреволюционные десятилетия²⁹. В связи с этим они признают революционный социальный характер конфискации аристократических поместий в Пенсильвании, Мэриленде, Нью-Йорке, Виргинии, повлекшей отмену квитиранты.

Подавляющее большинство современных исследователей, среди них и историки, близкие к прогрессивистской историографической традиции, разделяют иное положение: сбор квитиранты в предреволюционные десятилетия сохранял реальное значение в немногих поместьях, принадлежавших по преимуществу лоялистам, и отмена квитиранты отнюдь не была равнозначна аграрной революции, тем более, что львиная доля конфискованных лоялистских земель перешла в руки верхних слоев патриотического лагеря. Современные исследователи также практически единодушны в том, что отмена прав первородства и неделимости земельной собственности, осуществленная во всех колониях, носила символический характер, ибо эти права утратили практическое значение задолго до революции. Но эта мера, как и отмена квитиранты, безусловно, укрепляли буржуазные юридические нормы в землевладении.

Среди аграрных мер революции реальное и, может быть, наиболее важное значение для нижних слоев имела отмена английского запрета на освоение свободных западных территорий. С начала революции десятки тысяч простых американцев устремились на западные терри-

²⁹ *Berthoff R., Murren J.M.* Feudalism, Communalism and the Yeoman Freeholder: the American Revolution Considered as a Social Accident // *Essays on the American Revolution* / Ed. S.G. Kurt, J.H. Hutson. Chapel Hill, 1973.

тории. В первую очередь осваивались территории будущих штатов Кентукки, Теннесси, Вермонта и Мэна. Среди переселенцев в последующем оказалось не менее половины солдат Континентальной армии. Революция в целом дала мощный толчок продвижению американцев на Запад, которое носило противоречивый характер, но среди главных позитивных черт включало основание массы независимых фермерских хозяйств и обращение в самостоятельных земельных собственников большого числа представителей нижних слоев.

К важным социальным следствиям революционной эпохи можно отнести резкое ограничение ввоза в Северную Америку законтрактованных белых рабочих, как и использования их (пусть и временно) подневольного труда. В революционном лагере стало распространяться убеждение, что использование законтрактованных белых слуг вообще несовместимо с принципами свободы. В период Войны за независимость ввоз законтрактованных слуг в Северную Америку был прекращен. В последующем он, правда, возобновился, но его масштабы в сравнении с дореволюционным периодом сократились примерно вдвое³⁰.

Противоречивой оказалась политика властей штатов в таком важном общественном вопросе, как религия. Как это ни парадоксально, но только в меньшинстве республиканских конституций штатов революционного периода были провозглашены передовые просветительские принципы о свободе вероисповедания и отделении церкви от государства. Конституции многих штатов прямо требовали от претендентов на государственные должности присяги на верность протестантизму. Процесс отделения церкви от государства реально набрал силу уже после окончания Войны за независимость. В 1786 г. закон о религиозной свободе был одобрен в Виргинии. Но радикальный удар по принципу государственной церкви и притязаниям протестантизма на монополию в религиозной жизни был нанесен только с принятием в 1791 г. знаменитых десяти поправок к федеральной Конституции. В начале Первой поправки утверждалось, что «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное вероисповедание»³¹.

Только после этого из конституций штатов стали исключаться статьи, ограничивавшие гражданские и политические права представителей непротестантских церквей. Дольше всех сопротивлялись полному отделению церкви от государства штаты Новой Англии. Упорная оп-

³⁰ *Ward H.M.* Op. cit. P. 215–216.

³¹ Конституции зарубежных государств. М., 2002. С. 359.

позиция в этом вопросе конгрегационалистской церкви была преодолена в Коннектикуте в 1818 г., в Нью-Гэмпшире — в 1819-м, а в Массачусетсе в 1833 г.³²

Одним из важных вопросов революции стало отношение к чернокожим жителям Америки, в первую очередь к рабам. Первую попытку осудить рабство в государственном документе предпринял Т. Джефферсон при составлении проекта Декларации независимости. Однако Континентальный конгресс постановил изъять из Декларации пассаж, осуждавший работорговлю. В это же время в Виргинии, родном штате Джефферсона, конвент, обсуждавший билль о правах и конституцию, решительно возразил против ставшего азбучным в антиколониальной мысли положения о том, что все люди сотворены равными. Несколько позднее виргинские суды разъяснили, что утверждение Декларации независимости об естественном равенстве всех людей не распространяется ни на свободных негров, ни на рабов³³.

Этой максимы в течение примерно года придерживался и виргинец Дж. Вашингтон, главнокомандующий континентальной армией. Он издал несколько директив, запрещавших принимать в ее ряды как рабов, так и свободных негров. Позиция Вашингтона претерпела, однако, серьезное изменение после того, как королевский губернатор Виргинии лорд Данмор издал прокламацию, в которой предоставлял свободу всем черным рабам и белым законотрагованным слугам и призывал их на службу под английские знамена. Уже через месяц после обнародования прокламации, в декабре 1775 г., Вашингтон дал согласие на прием в Континентальную армию свободных негров. В 1776 г. решение Вашингтона было поддержано многими штатами, а с 1778 г. допуск в ряды Континентальной армии был открыт и для рабов.

В 1783 г. законодательное собрание Виргинии, остававшейся оплотом рабовладения, приняло решение о предоставлении свободы всем чернокожим рабам, сражавшимся на стороне патриотов. Решение это имело демократический характер, но последствия его не стоит переоценивать: из 300 тыс. солдат, защищавших в разные годы патриотическое дело, чернокожих было не более 5 тысяч³⁴.

Идея противоправности рабства и необходимости его ликвидации в годы Войны за независимость нашла прочную поддержку только

³² *Kislova A.A.* Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX в. М., 1989. С. 10.

³³ *Malone D.* Jefferson and His Times. Vols. 1–5. Boston, 1948–1974. Vol. 1. P. 228.

³⁴ *Franklin J.H., Moss A.A., jr.* From Slavery to Freedom. A History of African Americans. N.Y., 1994. P. 76.

в северо-восточных и срединных штатах. Наиболее радикально поступили законодатели Вермонта, штата, образованного в 1777 г.: рабство было запрещено в конституции, одобренной в том же году. В 1780 г. законодатели Пенсильвании одобрили «Закон о постепенной отмене рабства», согласно которому все чернокожие рабы, родившиеся в штате после принятия закона, получали свободу по достижении 28 лет (закон о всеобщей отмене рабства был принят в Пенсильвании в 1848 г.). В 1784 г. был принят аналогичный закон в Коннектикуте: новорожденные рабы получали свободу по достижении двадцатипятилетнего возраста. Тогда же закон о постепенной отмене рабства вступил в силу в Род-Айленде (но полная отмена рабства здесь была узаконена только в 1843 г.). В Нью-Йорке закон о постепенной отмене рабства был одобрен в 1799 г., а в Нью-Джерси в 1804 г. (закон о полной отмене рабства в обоих штатах одобрен двумя десятилетиями позже).

В Массачусетсе рабство было объявлено вне закона тремя судебными решениями 1781–1783 гг., признавшими позорный институт несовместимым с принципами конституции штата. Подобным же образом рабство было объявлено вне закона в Нью-Гэмпшире, но в отличие от Массачусетса рабство там сохранялось дольше, а легислатура штата официально подтвердила его отмену только в 1857 г. Законы, одобренные в Делавэре в 1776 и 1787 гг., запрещали ввоз в штат рабов и предоставляли рабовладельцам право освобождать рабов, но полная отмена рабства здесь вступила в силу уже после Гражданской войны 1860-х гг. с принятием 13-й поправки к федеральной Конституции. Венцом антирабовладельческого законотворчества революционной эпохи стал акт Континентального конгресса 1787 г., объявлявший рабство незаконным на северо-западных территориях, включенных в общегосударственный земельный фонд³⁵.

Вслед за освобождением чернокожих рабов неизбежно возникал вопрос об их политических и гражданских правах. Избирательные права свободным чернокожим американцам были предоставлены в Нью-Йорке, Пенсильвании, Делавэре, Нью-Гэмпшире, Массачусетсе и Вермонте. Но во всех свободных штатах черные американцы были лишены основных гражданских прав.

Ни в одном из южных штатов проекты законодательной отмены рабства не обсуждались, но в штатах «верхнего Юга» — Мэриленде, Виргинии и Северной Каролине — законодательные собрания разрешили рабовладельцам, изъявившим на то добровольное согласие, освобождать своих рабов. Среди относительно небольшого количества рабовладель-

³⁵ *Kolchin P. American Slavery, 1619–1877. N.Y., 1999. P. 78–79.*

цев, воспользовавшихся таким разрешением, наиболее известным оказался Дж. Вашингтон. В своем завещании он распорядился освободить после смерти всех его рабов (в 1799 г., когда Вашингтон скончался, были освобождены 124 раба, но еще 153 черных невольника, принадлежавших семье главнокомандующего Континентальной армии и первого президента США, остались в рабстве, ибо признавались собственностью его вдовы Марты, унаследовавшей рабов от первого мужа).

С самого начала революции конфронтационными оказались отношения между патриотическим лагерем и индейцами, коренными жителями Северной Америки. Подавляющее большинство индейцев, проживавших на территории новообразовавшихся Соединенных Штатов, решительно выступили на стороне англичан. Причиной было то, что английские власти традиционно занимали в отношении индейцев более миролюбивую позицию, нежели белые колонисты, а в предреволюционное десятилетие, запретив американцам переселяться за Аллеганские горы, Англия вообще выступила как бы гарантом неприкосновенности еще не захваченных индейских территорий. Независимые же Соединенные Штаты как раз видели свою цель в обеспечении свободного освоения этих территорий белыми американцами.

В августе 1783 г. индейские племена приняли совместное решение любыми средствами предотвращать захват американцами их территорий. Но в начале 1783 г. между Соединенными Штатами и Англией уже было заключено предварительное соглашение, признававшее независимость США. В марте и апреле Англия и США соответственно объявили о прекращении военных действий. В окончательном тексте договора, подписанном в сентябре, об индейцах не упоминалось ни словом, а территории за Аллеганскими горами, признававшиеся Англией ранее индейскими, передавались американскому государству. Подобная перипетия означала, что индейцы для англичан были не союзником, наделенным определенными правами, а неким подручным средством для сдерживания американской экспансии. Индейцы остались один на один с явно превосходящими силами противника и были обречены на поражение. Официально американское правительство заняло в отношении них подобие цивилизованной позиции, заявив, что «собственность и земли индейцев не могут отчуждаться без их согласия»³⁶. Но на практике этот принцип постоянно нарушался. Уход Англии из Северной Америки предоставил американцам полную свободу рук в продвижении на Запад и экспроприации собственности индейцев, в случае их сопротивления, любыми средствами.

³⁶ *Ward H.M. Op. cit. P. 208.*

Подведу итоги. Американская война за независимость 1775–1783 гг., обладавшая очевидными признаками «двойной революции», ознаменовалась серьезным изменением исторических судеб североамериканских провинций: в ходе антиколониальной войны они обрели полную независимость, а «внутренняя революция» серьезно изменила их общественно-политическое устройство в либерально-демократическом направлении. Революция на практике распространила принципы либерализма и демократии почти исключительно на белое население (только отчасти под их воздействие попали чернокожие в северных штатах). Демократические преобразования коснулись по преимуществу политической сферы, здесь они оказались весьма серьезными, приобщив к воздействию на политическую власть большую часть средних и часть нижних слоев белых американцев-мужчин. В социально-экономической сфере восторжествовали либерально-индивидуалистические ценности: они одобрялись большинством белого населения, но их воплощение на практике возносило на социально-экономическую вершину наиболее удачливых и предприимчивых. Как показала последующая история Соединенных Штатов, отмена английского колониального господства, подавлявшего эти ценности, создала прочную основу для успешного либерально-буржуазного, все более опережающего по отношению к другим странам, развития США, но торжество индивидуалистического либерализма в качестве национальной веры означало создание не менее прочной основы для социально-экономической дифференциации общества.

Образование федерального государства и национальных партий*

Начавшийся по завершении Войны за независимость постреволюционный период в исторической литературе часто называют «критическим», имея в виду то, что молодые Соединенные Штаты в этот период проходили серьезное испытание на прочность, и их последующая судьба выглядела неопределенно. В политическом отношении главным итогом перипетий постреволюционного периода стало образование прочного федерального государства, влиятельных национальных партий, в целом завершённой политической системы, оказавшейся своеобразным архетипом последующего американского политического развития. Но каким оказался характер этого архетипа? По этому вопросу историки ведут дискуссии вплоть до наших дней, разделяясь порой на крайние лагеря и школы. Одна из распространенных точек зрения заключается в признании этого архетипа, безусловно, демократическим, другая — безусловно, элитарным или даже олигархическим.

Среди историков нет серьезных разногласий в вопросе о характере социально-экономической и политической обстановки в США после завершения Войны за независимость. Только очень немногие исследователи, самым авторитетным среди которых является М. Дженсен¹, доказывали, что американская конфедерация, созданная в годы революции, вполне справлялась со своими проблемами, и, следовательно, объективных оснований для ее замены централизованной моделью государственного устройства не существовало. Подавляющее же большинство авторов солидарны в том, что конфедерации было совершенно не под силу решение насущных постреволюционных проблем, по-

* Впервые опубликовано в кн.: *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М., 2010.

¹ *Jensen M.* The Articles of Confederation. Madison, 1963; *idem.* The New Nation. N.Y., 1950.

этому создание новой централизованной модели государственного устройства отвечало общенациональным интересам США и имело под собой глубокое объективное основание.

Первой среди проблем, с которыми не могла справиться американская конфедерация, была финансово-экономическая. Континентальный конгресс, осуществлявший огромные и оправданные расходы, стремительно обрастал внутренними и внешними долгами. Но расплачиваться с ними или даже уменьшать их он оказался не в состоянии. Его казна практически всегда была пуста. Не обладая собственным правом налогообложения, которое помогало бы пополнять казну, конгресс всецело зависел от финансовых субсидий штатов. Они же крайне неохотно перечисляли деньги, например, в 1781 г. из 4 млн долл., которые Континентальный конгресс должен был получить от штатов, он смог собрать немногим более 100 тысяч². Конфедерация постоянно стояла перед угрозой финансового краха.

Финансовая беспомощность конгресса, как и его недееспособность во многих других вопросах, вела к утрате интереса к его деятельности со стороны штатов. Этот интерес стал падать еще быстрее после окончания Войны за независимость, когда значительная часть американских политиков решила, что объединительные мотивы штатов исчерпаны и теперь они могут полностью сосредоточиться на своих собственных внутренних делах. Дело дошло до того, что в 1784 г. в Конгрессе едва наскребли кворум для утверждения договора с Англией, признававшего независимость США.

Силы децентралистов были очень велики, но на завершающих этапах Войны за независимость и после нее все весомее звучал голос тех, кто выступал за усиление экономического и политического единства штатов и замену слабой конфедеративной власти сильным федеральным правительством. В исторической литературе была распространена та точка зрения, идущая от прогрессистской школы, что сторонниками централизации были исключительно представители элиты, заинтересованные в ней по экономическим, социальным и политическим мотивам. Совокупность знаний, накопленных современной исторической наукой, свидетельствует, однако, об ограниченности подобного взгляда.

Обращает на себя внимание то, что такие видные демократы, как Т. Пейн, Б. Франклин, Б. Раш³, выступили с критикой конфедератив-

² История США. В четырех томах / Гл. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1983–1987. Т. 1. С. 184.

³ Об их позиции в этом вопросе см.: *Согрин В.В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII в. М., 1980. С. 194–200.

ного устройства раньше выразителей интересов социально-экономической элиты. Централизация государственной власти, с их точки зрения, в большей степени соответствовала интересам экономического развития США, являлась важным условием сохранения и упрочения экономической и политической независимости, престижа на мировой арене, где властвовали европейские монархии. Государственную централизацию одобряла и часть народных низов, преимущественно и в первую очередь городские слои. Сторонниками централизации в ходе революции и на ее завершающих этапах, по словам пенсильванского демократа Д. Брайана, выступало «большинство горожан»⁴, т.е. за усиление центрального правительства ратовали как имущие городские «верхи», так и «низы» — рабочие и ремесленники. Существует много свидетельств открытых выступлений ремесленников и рабочих, заинтересованных в защите национальной промышленности от иностранной конкуренции и в борьбе с инфляцией, в пользу сильной федеральной власти.

Но политическая инициатива централизации государственной власти, как и само создание сильного федерального правительства, оказались делом рук политической элиты США. Демократы в этом вопросе не обладали необходимым единством. Значительная их часть во время Войны за независимость и после нее исповедовала ту идею, что политическая демократия может устоять только на небольшой территории, а обширное государство для нее разрушительно, и по этой причине должен быть сохранен и упрочен именно государственный суверенитет штатов. Если демократы на первых этапах революции сыграли существенную, а в ряде отношений решающую роль в перестройке государственной власти, то ее консолидация и централизация были осуществлены в соответствии с замыслами и стратегией социально-экономической элиты.

Политическое движение американских верхов, сумевшее инициировать и создать сильное общенациональное государство, известно как *федералистское*. В его эволюции различимы два этапа. На первом — с конца 1770-х по 1783 г. — в движении доминировали экономические и внешнеполитические мотивы. Его платформа включала требования широких внутренних (на выгодных для крупных кредиторов условиях) и внешних займов, создания национального банка с целью финансирования расходов на ведение войны и оптимального использования отечественных капиталов, наделения Континентального конгресса правом огосударствления свободных земель, а особенно же меры, на-

⁴ *Main J.T.* The Antifederalists. Chapel Hill, 1961. P. 266.

правленные на создание финансовых фондов центрального правительства. Уже одна экономическая платформа федералистов оказалась несовместимой с принципами суверенитета штатов, закрепленного Статьями Конфедерации 1781 г., и предполагала их радикальный переосмотр.

Социальные мотивы федералистов оформились в полной мере на втором этапе их движения, с 1783 по 1787 г., когда обострились конфликты внутри страны и обнаружилось, что не подчиненные единой высшей воле штаты не в состоянии справиться не только с финансово-экономическим хаосом, но и с социальными волнениями. Социальные конфликты имели место и в период Войны за независимость, но тогда они были приглушены объединительными мотивами борьбы с Англией. 1783 год резко ослабил эти мотивы, и в поведении «низов» более явно проявились эгалитарные мотивы.

«Низы» выказывали убеждение, что революция не может завершиться актом признания независимости США, но должна серьезно облегчить и улучшить положение народа. Мелкие фермеры и городские должники настаивали на облегчении налогового бремени, а особенно на широком выпуске бумажных денег, надеясь рассчитаться с кредиторами обесцененными «коричневыми деньгами». Неимущие и малоимущие патриоты требовали продолжения конфискаций поместий лоялистов, как и предоставления им самим бесплатно или на льготных условиях земельных участков. Пользуясь влиянием на законодательные собрания штатов, «низы» добивались практической реализации своих требований: после 1783 г. возросло число законов об эмиссии «дешевых денег» и обязанности кредиторов принимать их в качестве законного средства погашения долгов. Стремление значительной части «низов» продолжить революцию после 1783 г. было без промедления зафиксировано представителями «верхов». Народ, возмущался А. Гамильтон, яркий идейный и политический лидер федералистов, ведет себя так, будто мы находимся в разгаре революции, хотя она «счастливым образом доведена до успешного конца»⁵. Д. Рамсей, другой федералист, обнаружил в 1783 г. такой разгул анархии, что на его подавление понадобится столетия⁶.

Среди выступлений низов выделялось движение под руководством ветерана американской армии Д. Шейса в Массачусетсе в период с сентября 1786 по февраль 1787 г. Значение этого выступления, как и его

⁵ The Papers of Alexander Hamilton. Vols. 1–26 / Ed. H.C. Syrett. N.Y., L., 1961–1979. Vol. 3. P. 549.

⁶ Wood G.S. The Creation of American Republic, 1776–1787. Williamsburg, 1969. P. 403.

масштаб, неоднозначно оцениваются в исторической литературе. Обращает на себя внимание то, что давление со стороны мелких фермеров и бедноты на массачусетскую ассамблею, отказывавшуюся принимать законы о выпуске «дешевых денег» и облегчении налогового бремени, как и на суды, требовавшие рассчитываться с кредиторами звонкой монетой, было достаточно широким. Им удалось создать специальный конвент, собравший представителей от 50 поселков и осудивший позицию ассамблеи и судов. Шейс сумел мобилизовать для решительного вооруженного давления на власти штата около 1200 человек. Но в решающий момент восстание было весьма легко подавлено, его рядовые участники вскоре амнистированы (руководители во главе с Шейсом, приговоренные сначала к смертной казни, были амнистированы год спустя). Восстание не имело поддержки за пределами Массачусетса. Цели восстания ограничивались удовлетворением непосредственных экономических требований, и его невозможно рассматривать как свидетельство распространения или даже зарождения в массах антибуржуазного сознания.

Но лидеры федералистов приписали выступлению Шейса радикально-уравнительные намерения, запугивая таким образом обывателей, как и тех представителей элиты, которые еще не были готовы к созданию вместо беспомощного Континентального конгресса сильного централизованного государства. Дж. Мэдисон — второй, наряду с А. Гамильтоном, влиятельный идеолог федералистов — включил в намерения восставших «уничтожение общественных и частных долгов и перераспределение собственности». А. Клэр, политик из Пенсильвании, обвинил народ в «сумасшествии», а Г. Нокс, военный министр конфедерации, включил в цели восставших обобществление всей собственности⁷. Под воздействием умелой пропаганды федералистов все большее количество политических лидеров конфедерации приходило к убеждению, что сложившаяся политическая система США была не в состоянии обеспечить «внутреннюю безопасность» страны⁸.

В 1786—1787 гг. политические умы элиты выдвинули цельное идеологическое обоснование необходимости сильного национального государства, надежно защищающего интересы верхнего класса. Наиболее весомые аргументы высказали Дж. Адамс, А. Гамильтон, Дж. Мэдисон.

⁷ The Writings of James Madison / Ed. G. Hunt. Vols. 1—9. N.Y., 1900—1910. Vol. 2. P. 277, 283, 301, 305, 316, 319, 321, 322, 339, 340.

⁸ Letters of Members of Continental Congress / Ed. E.C. Burnett. Vols. 1—8. Gloucester (Mass.), 1963. Vol. 8. P. 492, 505, 517, 554; The Writings of George Washington / Ed. J.C. Fitzpatrick. Vols. 1—39. Washington, 1931—1944. Vol. 29. P. 51, 52; The Correspondence and Public Papers of John Jay / Ed. H.P. Johnson. Vols. 1—4. N.Y., L., 1971. Vol. 3. P. 212—215.

Они отвергли как идеалистические и крайне опасные представления демократов о господстве в Северной Америке социальной однородности, отсутствии реальных социальных антагонизмов и ненужности по этой причине сильного государства. Сами идеологи элиты обнаружили в США разделение на разнообразные социальные фракции (использовалось также понятие «классы») и неустранимые противоречия между ними. Дж. Мэдисон в начале 1787 г. рассматривал как социальную закономерность разделение любого общества, в том числе американского, на «различные интересы и фракции, среди которых различаются кредиторы и должники, богатые и бедные, домовладельцы, купцы и промышленники, члены разных религиозных сект, последователи различных политических лидеров, жители различных районов, владельцы различных видов собственности и т.д. и т.п.»⁹. В знаменитом 10-м номере «Федералиста» он называл «наиболее общим и неуничтожимым источником разделения общества на различные фракции... разнообразное и неравное распределение собственности»¹⁰. А. Гамильтон пророчески доказывал, что благословенная экономическая свобода, отвоеванная американцами у Англии, будет углублять различия между богатыми и бедными: «Совершенно очевидна та истина, что не может существовать ничего похожего на равенство во владении собственностью, неравенство же во владении ею есть следствие существования самой свободы... Различие во владении собственностью уже существует между нами. Дальнейшее развитие промышленности и торговли будет все более увеличивать эту пропасть»¹¹.

Вопрос для лидеров элиты заключался в том, как обеспечить социальное спокойствие в подобном обществе и как надежно защитить и представить экономические и политические интересы фракции богатого меньшинства. Подобный мотив федералистов имел принципиальные отличия от того мотива, который объединил американцев в 1776 г. Лапидарно выразил это отличие прогрессистский историк Э. Фергюсон: «Революционеры образца 1776 года понимали свободу как защиту индивидуальных прав от государственной тирании. Федералисты образца 1787 г. были исполнены решимости защитить свободу, как они ее понимали, от тирании большинства»¹².

Социальные мотивы ревизии Статей Конфедерации соединились у федералистов с уже имевшимися экономическими и внешнеполи-

⁹ The Writings of James Madison. Vol. 2. P. 366.

¹⁰ The Federalist Papers / Ed. C. Rossiter. N.Y., 1960. P. 79.

¹¹ The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 218–219.

¹² Ferguson E.J. The American Revolution. Homewood (Ill.), 1976. P. 207.

тическими мотивами. С таким идейным багажом их лидеры явились на общеамериканский конвент в Филадельфии, который заседал с мая по сентябрь 1787 г. Делегаты конвента были уполномочены только исправить Статьи Конфедерации, однако уже в самом начале заседаний, нарушив свои полномочия, они отвергли Статьи и обратились к разработке Конституции США.

Тема происхождения и принятия Конституции, как и ее характера, стала классической в американской историографии. «Завязкой» ее научного изучения стала монография Ч. Бирда «Экономическое истолкование Конституции Соединенных Штатов», увидевшая свет в 1913 г. Бирд отверг прежние трактовки, объявлявшие Конституцию продуктом свободного волеизъявления нации и образцом демократии. Сосредоточившись на экономических мотивах авторов Основного закона США, историк охарактеризовал его как воплощение правовых гарантий собственных интересов американских верхов. Проанализировав экономические интересы 55 участников филадельфийского конвента 1787 г., выработавшего Конституцию США, Бирд пришел к выводу, что они отражали волю четырех групп: финансового капитала, владельцев государственного долга, мануфактуристов, торгово-купеческих кругов¹³.

Подход Бирда был развит в исследованиях многих американских историков¹⁴. Но еще больше у Бирда оказалось критиков. Они доказывали, что Бирд нарисовал упрощенную картину социального состава конвента 1787 г., объявив, будто в нем доминировали владельцы денежного капитала и государственного долга, заинтересованные в спасении с помощью сильного государства личных средств. В действительности состав конвента, как и его социальная поддержка, были гораздо более широкими¹⁵. Доказывалось, что участники конвента, отклонив демо-

¹³ *Beard Ch.A.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N.Y., 1913. P. 324.

¹⁴ *Schlesinger A.M.* New View Points in American History. N.Y., 1922. P. 81–83; *Faulkner H.U.* Economic History of the United States. N.Y., 1928; *Shannon F.A.* Economic History of the People of the United States. N.Y., 1928; *Main J.T.* The Antifederalists: Critics of the Constitution, 1781–1788. Chapel Hill, 1961; *idem.* The Sovereign States, 1775–1783; *Lynd S.* Class Conflict? Slavery and the United States Constitution. Indianapolis, 1967; *Jensen M.* The American Revolution Within America. N.Y., 1974; *Wood G.* The Radicalism of the American Revolution. N.Y., 1992.

¹⁵ *Brown R.E.* Charles Beard and the Constitution: a Critical Analysis of an «Economic Interpretation of the Constitution». Princeton, 1956; *McDonald F.* We the People: the Economic Origins of the Constitution. Chicago, 1958; *Rossiter C.* The Grand Convention. N.Y., 1965; *Kirk R.* The Roots of American Order. La Salle (Ill.), 1974; *Burns J.M.* The American Experiment. The Vine Yard of Liberty. N.Y., 1982; *Ketcham R.* Presidents Above Parties: the First American Presidency, 1788–1829. Chapel Hill, 1984.

кратию «большинства», создали более высокий образец «плюралистической демократии», обеспечивавшей право на равное представительство самых разных социальных интересов¹⁶. Наконец, указывалось, что отцы-основатели руководствовались идеалами Просвещения, воплотив в жизнь принципы, недоступные даже самым передовым и смелым умам Европы¹⁷.

Спор между последователями и оппонентами Бирда выявил как сильные, так и слабые позиции обеих сторон. основополагающий вывод Бирда о том, что участники конвента 1787 г. руководствовались личными экономическими мотивами и защищали интересы господствующего класса, сохраняет свое значение. Вместе с тем очевидно также, что анализу Бирда присущи многие упрощения, которые делают его интерпретацию в значительной мере устаревшей. Укажу на ее главные недостатки.

Одна из ошибок Бирда заключалась в утверждении, что Конституция отвечала преимущественно классовым интересам «денежного капитала», который он противопоставлял «недвижимой собственности», «капиталу-земле». В действительности Конституция США воплотила компромисс двух господствовавших тогда социальных групп — северо-восточной буржуазии и плантаторов-рабовладельцев Юга, достигших единства перед лицом сложных внутри- и внешнеполитических проблем.

Серьезное упрощение Бирда состояло в отождествлении мотивов участников конвента с их личными экономическими интересами. Это привело историка к позиции, равнозначной экономическому детерминизму. Личная экономическая заинтересованность присутствовала в позиции участников конвента, но она далеко не исчерпывала их мотивов. В Основном законе США воплотились их политическая культура и мировоззрение, которые в свою очередь вмещали в себя богатые конституционные традиции Старого Света, в первую очередь Англии и политическую философию Просвещения. На конвенте в Филадельфии собрались образованные представители Америки, которых Т. Джефферсон, стоявший на демократических позициях и не участвовавший в конвенте, называл, тем не менее, собранием «полубогов». Благодаря образованности и опоре на утонченные и передовые политические учения, прежде всего идеологию Просвещения, они смогли создать Конституцию, которая в своей основе сохраняется и поныне.

¹⁶ *Eidberg T.* The Philosophy of the American Constitution: a Reinterpretation of the Intentions of the Founding Fathers. N.Y., 1968.

¹⁷ *Hofstadter R.* The American Political Tradition and Men Who Made It. N.Y., 1948; *Commager H.S.* The Empire of Reason. How Europe Imagined and America Realized the Enlightenment. N.Y., 1977.

Среди качеств участников конвента, повлиявших на содержание конституции, необходимо особо отметить политический реализм. Он проявился в способности авторов Конституции соразмерять собственное мировоззрение и позиции с политическими установками и мнениями, широко распространенными в Америке, в том числе и укоренившимися в революционный период, и находить такой общий конституционный «знаменатель», который, удовлетворяя классовые интересы «верхов», согласовывал их, так или иначе, с интересами электората в целом. В результате Конституция предстала не только как компромисс разных групп верхнего класса, но и как компромисс между ними и политически активными слоями граждан, и под новый американский миропорядок была подведена социальная база, необходимая для поддержания его прочности.

Во время заседаний конвента в Филадельфии были произнесены сотни речей, причем с учетом секретности заседаний делегаты могли говорить как на духу, достигая в ходе дискуссий необходимого согласия по всем вопросам. Единодушие с самого начала достигалось редко, но по ряду вопросов разногласий практически не было.

Единодушие проявилось в отношении политической демократии. По убеждению участников конвента, политическая система США, как она оформилась в революционный период, привела к «демократическому деспотизму», преследующему цель, как доказывал Мэдисон, ущемить интересы верхнего класса и возвысить малоимущее и неимущее большинство¹⁸. Виргинский депутат Э. Рандольф, предложивший 29 мая на рассмотрение конвента проект федеральной Конституции, указал, что главная опасность для страны заключена в конституциях штатов, а конвент призван найти надежное противоядие от их демократических излишеств. Р. Шерман из Коннектикута осудил демократию в еще более категоричной форме: «Народ должен иметь настолько незначительное касательство к правительству, насколько это возможно». Э. Джерри из Массачусетса заявил: «Трудности, переживаемые нами, проистекают из избытка демократии»¹⁹. Очень многие депутаты осуждали демократию с помощью конкретных примеров из законодательной практики собственных штатов.

Среди делегатов не возникло дискуссий в вопросе о том, какое среди прав человека должно быть признано приоритетным и взято под особую опеку государства. Таковым признали право на собственность.

¹⁸ The Records of the Federal Convention of 1787 / Ed. M. Farrand. Vols. 1–4. New Haven, L., 1966. Vol. 1. P. 135, 136, 420–422.

¹⁹ Ibid. P. 48–51.

«Говорят, что жизнь и свобода, — рассуждал Г. Моррис, — должны цениться выше, чем собственность. Но при более внимательном рассмотрении вопроса необходимо признать, что высшей ценностью общества является именно собственность». «Собственность, безусловно, высшая ценность обществ», — утверждал Дж. Ратледж. В том же духе высказывались и другие участники конвента. А сразу после обнародования федеральной Конституции один из ее защитников, А. Хансен, провозгласил: «Утверждают, что предложенный проект Конституции рассчитан на особое покровительство интересов богатых. Но во всех государствах, и не только в деспотических, богатые должны извлекать преимущества из владения собственностью, которая во многих отношениях составляет высшую ценность и смысл существования человечества»²⁰.

Единство в этих и других фундаментальных вопросах не исключало дебатов о том, какие политико-правовые средства могут быть использованы для ликвидации «перегибов» демократии, защиты прав собственности и в целом интересов верхнего класса. Мнения делегатов разошлись в трактовке народного суверенитета и общественного договора, как и конкретных вопросов о том, как должны быть распределены избирательные округа, кто может быть наделен избирательным правом, как должны быть выстроены различные ветви власти. Острейшие дискуссии велись по принципиальному вопросу о распределении прерогатив между федеральным правительством и штатами, а также по вопросу об удельном политическом весе различных штатов в федеральном Союзе. Остроту последнего вопроса иллюстрирует суждение влиятельного делегата конвента Дж. Дикинсона, заметившего в доверительной беседе с Мэдисоном, что делегаты от мелких штатов, симпатизируя идее национального правительства, вместе с тем скорее подчинятся иностранному государству, нежели признают право крупных штатов на преобладание в федеральном законодательном органе²¹.

Делегаты не могли не учитывать и того, что подготовленный ими проект федеральной Конституции подлежит рассмотрению и утверждению, как минимум, двумя третями ратификационных конвентов штатов, которые должны были быть избраны всеми американцами, наделенными правом голоса. Многие среди рядовых избирателей сохраняли приверженность конституциям штатов, в которых делегаты фила-

²⁰ Ibid. P. 533, 534, 542; The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 504–512; Pamphlets on the Constitution of the United States / Ed. P.L. Ford. N.Y., 1968. P. 254.

²¹ Ferling P. A Leap in the Dark. The Struggle to Create the American Republic. N.Y., 2003. P. 286.

дельфийского конвента усматривали явные «демократические излишества». С учетом всех этих обстоятельств проект Конституции не мог не вместить разнообразных компромиссов, и не случайно среди делегатов филадельфийского конвента особым спросом пользовались те, кто обладал даром находить утонченные формулировки, которые были приемлемы для большинства социальных групп, вовлеченных в процесс принятия Основного закона США. Самым искусным среди таких политиков оказался виргинский делегат Джеймс Мэдисон, который заслужил славу «философа американской Конституции».

Показательна позиция, занятая Мэдисоном при обсуждении вопроса об избирательном праве. Ряд делегатов требовали восстановить избирательное право дореволюционного периода и резко сократить представительство западных районов, где в наибольшей степени были распространены демократические настроения. Дискутируя с ними, Мэдисон указал, что если в вопросе об избирательном праве, который по всеобщему убеждению являлся «фундаментальной статьей республиканского строя», не довериться точке зрения, восторжествовавшей в штатах, то проект федеральной Конституции просто-напросто не будет одобрен. Этот подход был поддержан большинством делегатов²².

Решение конституционного конвента 1787 г. о допуске к национальным выборам всех американцев, наделенных избирательным правом в годы Войны за независимость, и признание новой схемы избирательных округов означало закрепление важных политических нововведений революции и серьезный компромисс с мнением, господствовавшим в обществе. Конвент согласился с ним и тогда, когда признал принцип выборности всех органов власти, отмену монархического начала (оно поддерживалось некоторыми делегатами), занимавшего большое место в политической системе колониального периода. Признав республиканизм в качестве краеугольного камня американской политической системы, конституционный конвент одновременно попытался отделить его от демократии и даже противопоставить ей. При этом под демократией, следуя классическим античным образцам, понимали непосредственное участие народа в управлении государственными делами, а под республиканизмом — делегирование всей полноты власти народным представителям, отобранным с помощью выборов. Именно выборность и подконтрольность органов власти, а не механическое торжество воли большинства закреплялось конвентом в качестве главной американской политической ценности. Отделив рес-

²² См.: *Согрин В.В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980. С. 262.

публиканизм от демократии, участники конвента сосредоточились на конструировании приемлемой модели американской федеральной республики.

Одним из важных ее оснований было признано разделение властей. Оно закреплялось и всеми конституциями штатов, но участники филадельфийского конвента были не удовлетворены схемой, укоренившейся в штатах, и предложили иной вариант распределения полномочий между различными ветвями власти. Его отличительной чертой было сокращение полномочий законодательной власти и усиление веса и роли власти исполнительной.

При обсуждении схемы законодательной ветви они вернулись к схеме «смешанного правления», популярной в Америке колониальной поры, но отвергнутой в революционный период. Эта схема была приспособлена к американским реалиям: в отличие от Англии, где палаты лордов и общин предназначались для раздельного представительства аристократов и народа, сенат и палата представителей в Конгрессе США должны были выражать интересы соответственно богатого меньшинства и электората в целом. Правда, в ходе дискуссий о сенате США участники конвента разделились на две группы: одну из них волновала исключительно социальная функция сената, другую (представителей мелких штатов) заботила и проблема превращения сената в средство, способное противостоять утверждению господства в Союзе крупных штатов. В результате компромисса схема организации сената, одобренная конвентом, отразила устремления обеих групп: она обеспечила защиту интересов собственности и в то же время воплотила принцип равного представительства штатов.

Большинство верхних палат легислатур штатов, с точки зрения создателей федеральной Конституции, не могли стать образцом для сената США. Участники конвента обнаружили твердое намерение преодолеть свойственные многим конституциям штатов огрехи в определении численности и прерогатив верхней палаты. Длительный срок полномочий сенаторов, как и малочисленность верхней палаты, рассматривались в качестве важных условий приверженности стабильному социально-политическому курсу. Введенный федеральной Конституцией шестилетний срок полномочий сенаторов США оказался в два-три раза продолжительней срока полномочий большинства верхних палат штатов. Предоставив каждому штату два места в сенате, авторы конституции ограничили численность последнего 26 депутатами (в США тогда еще насчитывалось 13 штатов). Большинство участников конвента в Филадельфии выступали против избрания сенаторов всем электоратом — практики, широко распространенной в тот период в штатах.

Избрание сената США было закреплено за легислатурами штатов, что означало одновременно и отказ рядовым избирателям в праве создания верхней палаты и уступку сторонникам «прав штатов».

Авторы федеральной Конституции пересмотрели с умеренно-консервативных позиций и утвердившуюся в штатах модель нижней палаты. Нижние законодательные палаты штатов подверглись на конвенте в Филадельфии наибольшей критике. Одну из причин чрезмерного демократизма нижних палат критики видели в их частых перевыборах и многочисленности. В вопросе о численности палаты представителей авторы федеральной Конституции следовали английскому образцу, установив норму представительства (1 депутат от 30 тыс. жителей), примерно повторявшую норму представительства в нижней палате британского парламента. Срок полномочий для депутатов нижней палаты Конгресса США был установлен в 2 года — вдвое дольше срока полномочий депутатов легислатур штатов.

При обсуждении организации исполнительной власти лейтмотивом на конвенте оказался протест против умаления ее роли в конституциях штатов. Мэдисон видел опасность государственного развития США в поглощении всей власти «законодательным молохом». Гамильтон объявлял, что узурпация власти законодательными органами выступает как закономерность в республиканских обществах, и именно в республиках законодательные ассамблеи представляют главную опасность для свободы²³. Задача авторов конституции, согласно лидерам федералистов, заключалась в том, чтобы изменить сложившуюся в США схему разделения властей, возвысив и укрепив исполнительную ветвь.

Конвент наделил исполнительной властью президента США, переизбираемого каждые четыре года. Переизбрание в должности президента не было ограничено, и формально один человек, если избиратели раз в четыре года давали на это согласие, мог занимать пост главы государства вновь и вновь. Кроме исполнительной власти, президент был наделен большими законодательными полномочиями. Кроме издания президентских указов, он, в отличие от губернаторов штатов, получил право отлагательного вето в отношении решений законодательных органов. Чтобы преодолеть президентское вето, соответствующей палате при повторном обсуждении необходимо было собрать не менее двух третей голосов. Как показал американский опыт, преодоление президентского вето крайне затруднительно (оно происходит примерно в 1 случае из 10).

²³ The Records of the Federal Convention of 1787. Vol. 2. P. 35; The Papers of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 609, 619.

Филадельфийский конвент отказался вверить избрание президента рядовым избирателям или Конгрессу, что было бы аналогом практики избрания главы исполнительной власти в штатах. Его избрание было доверено выборщикам, назначаемым в соответствии с порядком, определенным штатами. В ходе первых президентских избирательных кампаний в четырех штатах выборщики избирались электоратом, в остальных — легислатурами. Прошло несколько десятилетий, прежде чем определение выборщиков повсеместно было передано избирателям.

При всем том, что препарирование авторами федеральной Конституции разделения властей носило в целом умеренно-консервативный характер, оно включило и очень важную демократическую черту, благодаря которой было создано мощное и непреходящее по значению препятствие для возникновения тирании. Эта черта — механизм «сдержек и противовесов», который придал американской модели разделения властей оригинальный характер и означал, что три ветви государственной власти были не просто разделены, но сдерживали и контролировали друг друга.

Обширными возможностями контроля был наделен президент: он имел право законодательного вето и назначения представителей судебной власти. Но и законодательная власть контролировала исполнительную. Сенат давал «совет и согласие» по вопросам назначений в государственный аппарат и Верховный суд, а обе палаты могли привлечь президента к импичменту и отстранить его от должности в случае злоупотребления служебным положением. Что касается Верховного суда, то он приобрел право определять соответствие решений законодательных органов и исполнительной ветви Конституции США.

Одним из важнейших на всем протяжении филадельфийского конвента являлся вопрос о соотношении прерогатив штатов и центрального правительства. Федералисты добились успеха в двух важных пунктах: Конституция широко определяла права центрального правительства, во-первых, и провозгласила верховенство (супрематию) федерального права над правом штатов, во-вторых. Среди новых полномочий правительства США особое значение имели введение и сбор налогов и регулирование торговых и коммерческих отношений между штатами. Федеральное правительство, получив также право создавать собственные вооруженные силы, теперь в полной мере располагало «властью меча и кошелька», о которой так долго грезили Гамильтон и его единомышленники.

Среди сложных проблем, обсуждавшихся конвентом, выделялся вопрос о рабстве. Делегаты северо-восточных штатов, в которых раб-

ство было осуждено и отменено революционными актами, должны были пойти на компромисс с представителями рабовладельческих штатов. Решение конвента о запрете ввоза рабов на территорию США с 1808 г. было уступкой свободным штатам, а сохранение на Юге рабства являлось уже уступкой социально-экономическим интересам рабовладельцев. Серьезной уступкой южным штатам явилось и предоставление им права расширенного политического представительства в нижней палате Конгресса США (для рабовладельческих штатов оно устанавливалось с учетом трех пятых численности подневольного негритянского населения).

Консервативный характер носил отказ филадельфийского конвента включить в федеральную Конституцию Билль о правах, имевшийся во всех без исключения конституциях штатов. Сами авторы Основного закона США объясняли свой отказ именно тем, что Билль о правах уже имелся в конституциях штатов. На это их критики резонно замечали, что если бы Конституция США, подобно Статьям Конфедерации, объединяла не население страны, а штаты, сохраняя их полный суверенитет, тогда позиция ее составителей была бы понятна, но, поскольку федеральная Конституция объявлена высшим законом по отношению к конституциям штатов, включение в нее Билля о правах обязательно.

Отсутствие Билля о правах в проекте федеральной Конституции оказалось ее самым уязвимым местом. Во время обсуждения его ратификационными конвентами штатов большинство среди них согласилось одобрить Основной закон США только при условии дополнения его Биллем о правах. И авторы Конституции США должны были вновь пойти на уступку обществу. Проект федерального Билля о правах был подготовлен Мэдисоном. Первые восемь статей, включавшие «неотчуждаемые права» личности на собственность, свободу слова, печати, собраний и другие гражданские и политические свободы, были позаимствованы из конституций штатов (в первую очередь виргинской). Девятая и десятая статьи, написанные Мэдисоном самостоятельно, указывали, что права и прерогативы, не закрепленные Конституцией США за федеральным государством, сохраняются за штатами или самим народом²⁴. В 1789 г. эти статьи были включены в Конституцию США в качестве первых десяти поправок (одобрены штатами в 1791 г.).

Ратификация проекта федеральной Конституции, проходившая в течение года после завершения филадельфийского конвента, разделила американское общество на национальные «предпартии» — *федер-*

²⁴ Miller J.C. The Federalist Era, 1789–1801. N.Y., 1960. P. 23.

ралистов и антифедералистов. Антифедералисты, критики Конституции, пытались выступать в качестве наследников не только концепции суверенитета штатов, но и демократических идеалов Американской революции. Среди их лидеров были представители демократического крыла патриотов, в первую очередь фракция пенсильванских конституционалистов. Однако в целом антифедералистское движение не было идентичным левому крылу патриотического лагеря и по социальному составу являлось сложным и разношерстным.

Во главе антифедералистов были некоторые представители верхнего класса. Они выражали интересы тех его слоев, которые по тем или иным причинам были против расширения прерогатив центрального правительства (например, многие южные плантаторы, поддерживавшие антифедералистов, видели в усилении центрального правительства исключительно путь к экономическому и политическому возвышению торгово-финансовой буржуазии).

Массовую базу антифедералистского движения составляли мелкие фермеры, владельцы малоодоходных и натуральных хозяйств, расположенных по преимуществу в западных районах. В отличие от владельцев коммерческих ферм обжитых восточных районов, которые связывали с возвышением федерального правительства надежды на расширение возможностей вывоза сельскохозяйственной продукции в другие штаты, хозяева мелкотоварных и нетоварных ферм усматривали в централизации государственной власти неизбежный рост бюрократического аппарата, налогового гнета и т.д.

В экономической программе антифедералистов были требования низких налогов и «дешевых денег». Со стороны руководства антифедералистов эти меры поддерживала та часть южных плантаторов, которая изрядно запуталась в долгах у отечественных и иностранных кредиторов. Южные лидеры движения, как и рядовые участники, противились попыткам федералистов закрепить за центральным правительством монополию на эмиссию денежных знаков, вернуть ему право налогообложения и оплаты по нарицательной стоимости долговых обязательств Конфедерации.

В сфере политических требований антифедералисты, подобно демократическим группировкам революционного периода, защищали верховенство законодательной власти по отношению к исполнительной, частые перевыборы государственных органов и т.д. В период баталий вокруг Конституции США антифедералисты особенно остро критиковали схему национального сената, который должен был состоять всего-навсего из 26 человек и избираться сроком на шесть лет. Их не удовлетворяло и то, что сенату вверялись более широкие полно-

мочия, нежели палате представителей. Особую озабоченность антифедералистов вызывало отсутствие в проекте федеральной Конституции Билля о правах. Они протестовали против принципа «единой и неделимой исполнительной власти» и противопоставляли ему идею коллегиального исполнительного органа²⁵.

Вместе с тем в ряде важных отношений антифедералисты отказались следовать принципам левого крыла революционного лагеря и пошли на серьезные уступки авторам конституции 1787 г. Так, большинство из них соглашались с требованием федералистов о существенном увеличении сроков полномочий главы исполнительной власти. Они были согласны на создание законодательной власти из двух палат, организацию Верховного суда и другие нововведения, представлявшие отход от Статей Конфедерации. В итоге они заняли оборонительную позицию в борьбе с федералистами. Их лидеры не могли предложить позитивную альтернативу проекту федеральной Конституции, ограничиваясь требованиями внесения в него тех или иных поправок. Неудивительно, что федералисты, уступив оппонентам в одном, правда, самом важном вопросе — требовании дополнить проект Конституции Биллем о правах, фактически лишили их весомых аргументов в идейно-политической борьбе.

Что касается программы и идеологии федералистского движения, то они получили наиболее полное выражение в 85 статьях, опубликованных в 1787–1788 гг. под общим названием «Федералист» и принадлежавших А. Гамильтону, Дж. Мэдисону и Дж. Джею (роль последнего в написании статей была минимальной). Социально-политические верования двух главных авторов — Гамильтона и Мэдисона, как и представляемых ими группировок — северо-восточная буржуазия и южные плантаторы, — различались, но эти разногласия были умело сглажены. В теоретическом и идеологическом плане более удачными выглядели статьи, написанные Мэдисоном. Он сделал упор на то, что проект Конституции соответствовал самым передовым государственно-правовым нормам и не отвергал, а развивал в конструктивном духе политическое наследие революции. В целом «Федералист» оказался лучшим политическим сочинением эпохи образования США и вошел в классику американской политической мысли.

Второго июля 1788 г. в Континентальном конгрессе было объявлено о завершении процесса ратификации федеральной Конституции

²⁵ The Letters of Richard Henry Lee / Ed. J.C. Ballagh. Vols. 1–2. N.Y., 1970. Vol. 2. P. 433, 438, 442–443; The Papers of George Mason / Ed. R.A. Rutland. Vols. 1–3. Chapel Hill, 1970. Vol. 3. P. 880–881, 916, 972, 981, 989, 1050.

(она была одобрена в девяти штатах, что было достаточно для ее вступления в силу). Принятие федеральной Конституции подвело черту под формированием основ американской государственности. На этом этапе американская элита предприняла мощную и успешную попытку консолидации политической власти в своих руках. Выработанная ею и одобренная необходимым большинством штатов федеральная Конституция отсекала или ограничивала «перехлесты» политической демократии. Одобрение федеральной Конституции повлекло широкий пересмотр с умеренно консервативных позиций конституций штатов. В тех штатах, где отсутствовали верхние палаты (Пенсильвания, Джорджия, Вермонт), они были учреждены. Во всех штатах для депутатов верхних палат был поднят имущественный ценз, а сроки полномочий сенаторов увеличены. Были расширены полномочия губернаторов, как и их независимость от законодательной ветви власти²⁶.

Но конституционный ревизионизм был не контрреволюцией, как полагали представители «левых» историографических направлений. Он явился постреволюционной консервативной фазой, означавшей нормализацию буржуазно-либерального миропорядка, созданного революцией, и приведение завоеваний революции в соответствие с интересами тех элитных групп, которые участвовали в революции и благодаря ей закрепили господствующие позиции в экономике и социальной структуре. Конституция США не отвергала, а, препарировав, сохраняла принципы республиканизма, разделения властей, правового государства, а также гражданские и политические свободы. Авторы федеральной Конституции критиковали демократию и противопоставляли ей республиканизм, но в действительности их модель оказалась совместимой с демократией и в последующем стала именоваться *представительной демократией* (классическая же демократическая модель, которую отвергали авторы Конституции, стала именоваться *прямой демократией*).

Постреволюционная консервативная фаза в США оказалась гораздо мягче Термидора — консервативного этапа, следовавшего за Великой Французской революцией конца XVIII в., ибо элита США сочла необходимыми и возможными разнообразными компромиссы с неэлитными слоями, что подвело под американский миропорядок весьма прочную социальную базу. Американская элита придала Конституции форму общественного договора с нацией, который налагал на правителей и управляемых взаимные обязательства.

²⁶ Baily B., Donald D.H., Davis D.B., Thomas J.L., Wiebe R.H., Wood G.S. The Great Republic. A History of the American People. Vol. 1. P. 245–246.

Федеральное государство, созданное в первые годы постреволюционного периода, стало первой основополагающей частью национальной политической системы. Ее второй основополагающей частью стали национальные политические партии, оформившиеся в 1790–1810-е гг. При этом национальные партии достаточно быстро выработали нормы взаимоотношений, которые превратили их самих в систему. Состав участников этой двухпартийной системы на протяжении американской истории неоднократно менялся, но некоторые фундаментальные принципы, сам двухпартийный архетип, сложившиеся в те десятилетия, сохранились на протяжении последующих столетий вплоть до наших дней.

Первое национальное правительство США было создано в 1789 г. еще на внепартийной основе. Формирование политических фракций началось вскоре после того, как Дж. Вашингтон, единодушно избранный в начале того же года первым президентом Соединенных Штатов, принес присягу, а первый национальный Конгресс приступил к работе. По иронии судьбы, Вашингтон, ярый противник фракционных размежеваний, назначил на два ключевых поста в правительстве — министра финансов и государственного секретаря (в США выполняет функции министра иностранных дел) — создателей будущих политических партий-соперниц: 34-летнего А. Гамильтона и 46-летнего Т. Джефферсона.

Враждебное отношение к фракционным размежеваниям было присуще не только Вашингтону, но всем американским политикам, включая Гамильтона и Джефферсона. Национальные партии возникли вопреки их воле, отражая объективные потребности и запросы общественно-политической жизни. Первотолчком их формирования стала социально-экономическая программа Гамильтона, сориентированная на финансово-торговые и промышленные интересы. Напор и блестящие способности Гамильтона, сумевшего увлечь своей философией и планами президента Вашингтона и ставшего играть в американском правительстве по сути роль премьер-министра, вызвали к жизни политическую оппозицию, объединившуюся вокруг Джефферсона. Гамильтона и его сторонников стали именовать *Федералистской партией*, а джефферсоновцев то республиканцами, то демократами, но в конечном итоге в исторической литературе за ними закрепилось имя *Республиканско-демократической партии*²⁷.

²⁷ *Cunningham N.E., jr.* The Jeffersonian Republican Party // History of U.S. Political Parties. Vols. 1–4 / Ed. A.M. Schlesinger, jr. N.Y., 1973. Vol. 1. P. 240. В конце XVIII — начале XIX в. сторонников Джефферсона чаще всего называли республиканцами. По этой причине партию Джефферсона, дабы не путать ее с Республиканской партией А. Линкольна, возникшей в 1854 г., именуют иногда первой Республиканской партией США.

Одной из главных неожиданностей становления первых национальных партий США было то, что вторым лидером джефферсоновских республиканцев оказался Дж. Мэдисон, который в период выработки федеральной Конституции самым тесным образом сотрудничал с Гамильтоном. Главная причина резкого разрыва между двумя идеологами федеральной Конституции заключалась в наметившемся сразу после принятия Основного закона США, а затем все более обострявшемся разладе в буржуазно-плантаторском блоке. Буржуазно-плантаторский блок, возникший на почве антиколониальной борьбы, достиг наибольшей прочности в период выработки федеральной Конституции, сплотившей две части верхнего класса США перед угрозой социального и экономического хаоса. Но единство двух верхних слоев, серьезно различавшихся по социально-экономическим интересам, не имело исторической перспективы. Оно стало давать трещину, как только к началу 1790-х гг. было достигнуто упрочение внутриполитического и международного положения США. Федерализм образца 1787 г. начал рушиться, а утверждение на ведущей позиции в американском правительстве Гамильтона, подчинившего Федералистскую партию интересам северо-восточного капитала и пренебрегшего интересами аграриев, привело к отходу от федералистов влиятельных политиков-южан во главе с Мэдисоном.

Политический разрыв Мэдисона с Гамильтоном казался многим неожиданностью (неожиданностью и даже предательством со стороны Мэдисона показался он самому Гамильтону), но не менее неожиданным стал политический альянс Мэдисона с Джефферсоном. Мэдисон и Джефферсон были знакомы много лет, но политически они всегда серьезно различались. Джефферсон обосновывал политическое значение сельских сходок и городских собраний, выступал за широкое развитие в США прямой демократии, а Мэдисон настаивал на передаче политической власти элите. В аграрной Америке, о которой грезил Джефферсон, главная роль отводилась фермерам, а Мэдисон представлял интересы плантаторского класса. Альянс Джефферсона и Мэдисона был глубоко прагматичен. Их партнерству способствовала разняющаяся по мотивам, но решительная оппозиция гамильтоновскому плану развития США, расчищавшему путь торжеству финансово-промышленного капитализма над аграрными интересами страны. Федералистская и Республиканско-демократическая партии, соперничавшие на протяжении четверти века (в 1789–1801 гг. у власти были федералисты, а с 1801 г. ею на долгий период овладели последователи Джефферсона), вызвали различные оценки в исторической науке. В глазах ряда историков, в первую очередь представителей прогрессистской школы,

их соперничество отразило антагонизм аристократических и капиталистических интересов, с одной стороны, и демократических и аграрных — с другой²⁸. Другая группа американских историков склонялась к выводу, что разногласия между федералистами и республиканцами носили функциональный характер, а суть их взаимоотношений характеризовалась в первую очередь консенсусом²⁹. На современном этапе в исторической науке известность приобрела концепция Дж. Эпплби, вызвавшая неоднозначные оценки, но ставшая вместе с тем одной из самых влиятельных. Эпплби доказывала, что как гамильтоновцы, так и джефферсоновцы принимали капиталистическую перспективу развития США, но предлагали принципиально отличные варианты модернизации. Гамильтоновская модель носила своеобразный элитарный характер, приобщая к плодам капиталистического развития только верхнюю часть общества, в то время как джефферсоновская модель была либерально-демократической, сориентированной на большинство общества³⁰.

Представляется, что *как гамильтоновская, так и джефферсоновская модели, при всех присущих им различиях и при том, что последняя обладала большим либерализмом и демократизмом, содержали конструктивные компоненты и оказали позитивное воздействие на общественно-историческое развитие США, но на разные его аспекты и в различающихся исторических обстоятельствах.* В период пребывания у власти федералистов благодаря реализации гамильтоновских планов была заложена прочная основа успешного развития финансов и промышленности США, а в период пребывания у власти Джефферсона были расширены демократические стороны американского общества. Взаимоотношения самих партий были присущи как *консенсус* (согласие по основополагающим вопросам), так и *альтернативность*. Разногласия первых национальных партий носили реальный и глубокий характер, но их конфликт не был антагонистическим. Смена первых вторыми у кормила власти в 1800 г. носила мирный конституционный характер и сопровождалась как обновлением, так и преемственностью общественно-политического курса.

²⁸ *Busset J.S.* The Federalist System. N.Y., 1906; *Beard Ch.A.* Economic Origins of Jeffersonian Democracy. N.Y., 1914; *Bowers C.* Jefferson and Hamilton: a Struggle for Democracy in America. L., 1925; *Brown S.C.* The First Republicans. Syracuse (N.Y.), 1954.

²⁹ *Bual R., jr.* Securing the Revolution: Ideology in American Politics, 1789–1815. Ithaca (N.Y.), 1972; *Zvesper J.* Political Philosophy and Rhetoric: a Study of the Origins of American Party Politics. N.Y., 1977.

³⁰ *Appleby J.* Capitalism and a New Social Order: the Republican Vision of 1790's. N.Y., L., 1984.

Разногласия федералистов и республиканцев начинались с экономических вопросов. Первое требование Гамильтона о консолидации правительством США и выплате по нарицательной стоимости государственного долга (как отдельных штатов, так и центральной власти) было выгодно финансистам Северо-Востока, сосредоточившим в своих руках львиную долю государственных облигаций и иных долговых обязательств Континентального конгресса и легислатур штатов революционного периода. Большую часть этих обязательств составляли «солдатские» сертификаты, которые от первоначальных владельцев, утративших в них веру, перекочевали в руки денежных спекулянтов. Учитывая, что финансисты скупали «солдатские» сертификаты по цене не выше 10–12% их нарицательной стоимости, можно было легко сосчитать, что их барыш в случае осуществления плана Гамильтона составил бы до 1000%.

Разъясняя свою позицию, министр финансов указывал, что цель правительства заключается в выплате государственного долга людям, которые потенциально являются главными кредиторами государства и которые будут предоставлять кредиты правительству только в том случае, если оно начнет честно возвращать долги. В целом гамилтоновская концепция государственного долга, чего не скрывал и сам министр финансов, была главным средством сплочения правительства и финансового капитала, которое рассматривалось им как бастион экономического благополучия любого государства.

Предложение Гамильтона было заблокировано в палате представителей, где оппозицию возглавил Мэдисон. Тогда Гамильтон пошел на закулисную сделку с Джефферсоном и Мэдисоном: пообещал им за уступку в вопросе о государственном долге добиться переноса столицы США из банкирского Нью-Йорка в пределы южных штатов. Соглашение было достигнуто, и первая значительная мера Гамильтона вскоре одобрена. Вслед за этим Гамильтон добился одобрения Конгрессом других своих предложений. Особое значение имело создание в 1791 г. Национального банка. Создавая его, Гамильтон основывался на изучении практики Английского банка. Национальный банк призван был кредитовать государственные и частные нужды и в единственном лице осуществлять эмиссию бумажных денег.

С большой настойчивостью Гамильтон проповедовал план развития крупных мануфактур. На возражения критиков, доказывавших несостоятельность идеи больших предприятий в силу нехватки в США рабочих рук и отсутствия крупных состояний, он приводил весомые контраргументы. Ручной труд на предприятиях, доказывал Гамильтон, уступит место машинному, и при условии энергичного внедрения на ма-

нуфактурах новых технологических изобретений дефицит рабочей силы может быть легко преодолен. Кроме того, в США, по его мнению, совершенно не использовался опыт по привлечению на мануфактуры женщин и детей. Что же касается отсутствия в стране достаточного количества крупных индивидуальных состояний, необходимых для массового развития больших предприятий, то эта проблема, доказывал Гамильтон, будет легко разрешена с созданием Национального банка, который предоставит ссуды на любую сумму.

Мероприятия Гамильтона и Федералистской партии, направленные на поощрение промышленности и включавшие серию протекционистских мер, отвечали в первую очередь интересам предпринимателей и финансистов. Что касается средних и мелких собственников, в том числе владельцев рассеянных мануфактур, то им внимание не было уделено³¹.

Гамильтоновская программа, отводившая государству активную роль в поддержке национальной промышленности и защите ее от иностранной конкуренции, плохо согласовывалась с классическими принципами экономического либерализма, обоснованными А. Смитом. Это дало основание политическим оппонентам и ряду историков обвинять Гамильтона в консервативном «государственничестве», препятствовавшем укоренению честной и равной конкурентной борьбы. Подобная критика не представляется историчной и справедливой. В отличие от А. Смита, Гамильтон отстаивал интересы не самой передовой промышленной державы, которая легко подавляла конкурентов на мировом рынке в режиме свободной конкуренции, а молодой, только становящейся на ноги национальной промышленности. Своими успехами в десятилетия после образования США американская промышленность была в значительной мере обязана покровительственным мерам Гамильтона.

В отличие от федералистов джефферсоновские республиканцы выступали в первую очередь от имени аграрных слоев. При этом они неизменно облекали аграрную идею в демократическую форму. Идеал утверждения в стране правления «фермеров, фермерами и для фермеров» высказывали не только Джефферсон и его единомышленники, но и умеренные представители Республиканской партии. Этот идеал, находившийся в противоречии с утверждением в руководстве партии плантаторов-рабовладельцев, сохранялся, тем не менее, в ее идеологических заповедях, позволяя собирать вокруг партии широ-

³¹ Ушаков В.А. Америка при Вашингтоне: политические и социально-экономические проблемы США в 1789–1797 гг. Л., 1983. С. 193–196.

кие слои фермерства южных, северо-восточных и центральных районов (мелкотоварные и натуральные хозяйства западных районов Пенсильвании и Нью-Йорка, например, были для республиканцев одной из главных опор)³².

Джефферсон, который не мог не осознавать опасность соединения в своей партии столь противоречивых начал, связывал надежды на разрешение очевидного противоречия с перспективой мирного и весьма скорого отмирания рабства в силу естественных экономических причин. В своих прогнозах он опирался на экономические показатели 1770—1780-х гг. Крупное плантаторское хозяйство, специализировавшееся тогда на производстве табака, переживало затяжной кризис. Джефферсон полагал, что действие этого фактора и запрет ввоза рабов с 1808 г. (это было предусмотрено федеральной Конституцией) приведут рабство к естественной смерти. Ни он, ни другие демократы-аграрии не могли предвидеть неожиданного, необычайно благоприятного для плантационного рабства поворота событий в конце XVIII в.

Изобретение в 1793 г. Э. Уитни хлопкоочистительной машины имело следствием своего рода «второе издание» рабовладения в США. Плантаторы-рабовладельцы быстро извлекли пользу из изобретения Уитни и стали переводить плантации на выращивание хлопка, пользовавшегося высоким спросом на мировом рынке. Промышленный переворот и капитализм, выступившие в роли «повивальной бабки» возрождения плантационного рабства, нанесли сокрушительный удар по надеждам Джефферсона и его единомышленников на скорую естественную смерть антидемократического института. Впрочем, в полной мере стимулирующее воздействие промышленного переворота на рабовладение проявилось спустя десятилетия.

Защиту аграрного пути развития Республиканско-демократическая партия совмещала с попытками привлечь на свою сторону разные слои городского населения. В своей идеологии она осуждала не ремесленников и лавочников и даже не владельцев мануфактур, а ростовщиков, банкиров, в целом владельцев, по определению ее идеологов, «нечестных богатств», добытых с помощью финансовых операций и махинаций. Джефферсоновская партия была не противницей, а сторонницей капиталистического развития, причем, в сравнении с гамильтоновцами, отстаивала его более демократическую форму, что обеспечило ей нарастающую поддержку среди не только ферме-

³² *Bell R.M. Party and Faction in American Politics: the House of Representatives 1789—1801. Westport (Conn.), 1973. P. 21, 49—51.*

ров, но и городских средних слоев³³. Социальный маневр гамильтоновских федералистов был более ограничен. Их экономическая программа затрудняла приобретение массовой социальной базы в стране, состоявшей на 90% из аграрного населения. Федералисты пытались привлечь на свою сторону аграрные слои при помощи очень простого, но далеко не самого убедительного способа: доказывали, что развитие промышленности и торговли включает в себе наилучшее естественное решение всех проблем сельского хозяйства.

Если в экономических программах федералистов и республиканцев обращает на себя внимание в первую очередь альтернативность, то в их политических воззрениях и позициях заметен консенсус в трактовке американских первооснов. Гамильтоновские федералисты и джефферсоновские республиканцы преодолели конфликт, характеризовавший отношение их предшественников, федералистов и антифедералистов, к Конституции США и центральному правительству. Обе партии, по сути, провозгласили верность федеральному государственному устройству, Конституции 1787 г. и основополагающим политическим принципам, восторжествовавшим на завершающих этапах Американской революции и в постреволюционный период. Это и обеспечило мирно-конституционное соперничество партий, их выстраивание в партийно-политическую систему, равно как и начала преемственности в основах их политического правления.

Джефферсоновская партия с особой решительностью противостояла попыткам обвинить ее в антифедерализме и тем более называть ее «антифедералистской». Она даже доказывала, сравнивая отношение двух партий к федеральной Конституции, что действительными антифедералистами являются Гамильтон и его последователи. Федералисты, в свою очередь, отвергали обвинения в антиреспубликанизме и попытках установить монархическое правление, а некоторые из них даже предлагали дополнить название партии определением «республиканская», чтобы нейтрализовать притязания оппонентов на монополию в защите республиканских принципов.

Но между партиями Гамильтона и Джефферсона имелись и достаточно серьезные политические различия. Гамильтон и его сторонники выступали за упрочение принципов и институтов, соответствовавших интересам верхнего класса, и одновременно за консервацию или за ограничение демократических преобразований Американской револю-

³³ *Banning L.* The Jeffersonian Persuasion: The Evolution of the Party Ideology. Ithaca; L., 1978. P. 181–197, 204–205; *Appleby J.* Op. cit. P. 41–49; *Zvesper J.* Op. cit. P. 123–135.

ции. Джефферсоновские республиканцы, напротив, проявляли себя сторонниками развития демократических нововведений Американской революции, распространения демократических прав и свобод на новые слои населения. Политическая стратегия джефферсоновцев обеспечила им более широкую массовую базу и явилась важной причиной оттеснения республиканцами федералистов с господствующих позиций в политической системе страны в начале XIX в.

Большинство федералистов, развивая идеологический подход участников конституционного конвента 1787 г., требовало провести принципиальное различие между понятиями *республиканизм* и *демократия*, доказывая при этом, что демократия является врагом республиканских устоев и может быть источником деспотии. Укрепившись у власти, федералисты предприняли ряд попыток ограничить демократические нормы. Наиболее известной среди этих попыток явились законы 1798 г. об иностранцах и мятеже. По закону об иностранцах президент США получил право высылать из страны граждан других стран, нелояльных по отношению к Соединенным Штатам. Закон о мятеже под угрозой штрафа в 5 тыс. долл. или тюремного заключения сроком до 5 лет запрещал «любые ложные, скандальные или оскорбительные публикации против правительства, любой палаты Конгресса Соединенных Штатов или Президента США...»³⁴. После принятия закона, означавшего ограничение Билля о правах, начались судебные преследования редакторов влиятельных оппозиционных газет. В том же 1798 г. был принят закон о натурализации, увеличивавший срок проживания в США, необходимый для получения гражданства, с 5 до 14 лет.

Политическая идеология федералистов претерпела определенные изменения в начале XIX в., после того как партия уступила национальную власть республиканцам. Тогда обозначились течения «старых», т.е. ортодоксальных, и «молодых», прагматично настроенных федералистов. «Молодые» федералисты доказывали, что укоренение в стране демократических настроений не дает партии шансов бороться за власть, оставаясь на прежних позициях. Некоторые представители партии даже предложили изменить ее название, считая, что оно должно включить одно из определений — «республиканская» или «демократическая», — популярных в народе³⁵.

³⁴ Sharp J.R. American Politics in the Early Republic: the New Nation in Crisis. New Haven, L., 1993. P. 177.

³⁵ Fischer D.H. The Revolution of American Conservatism: the Federalist Party in the Era of Jeffersonian Democracy. N.Y., 1965. P. 325.

Новый имидж федералистов стал внедряться в сознание избирателей с большим опозданием, а главное, уже после того, как партия приобрела среди широких слоев американцев прочное реноме противницы демократии. Основное упущение Федералистской партии в сравнении с джефферсоновскими республиканцами в области политической стратегии и идеологии заключалось в том, что партия не сумела осознать значения политической демократии как основополагающего метода взаимодействия с избирателями и важного неотъемлемого звена политической системы.

Более уязвимой в глазах избирателей в конечном счете оказалась и внешнеполитическая стратегия федералистов. Внешнеполитические разногласия приобрели важное значение с самого начала соперничества федералистов и республиканцев (в обиходе их даже стали называть «английской» и «французской» партиями). Федералистская партия столкнулась с очевидными трудностями в пропаганде своего внешнеполитического курса, рассчитанного на упрочение связей с Англией и разрыв уз с Францией. Многие американцы, еще не забывшие антиколониальную борьбу против метрополии, как и помощь, оказанную им Францией, ставшей самым близким европейским союзником, расценивали внешнеполитическую доктрину федералистов как забвение революции и национальных интересов. От федералистов потребовались огромные усилия, чтобы представить в выгодном свете свой внешнеполитический выбор.

Лейтмотив федералистов заключался в том, что курс на поддержание экономических и политических связей с могущественной Великобританией носит тактический характер, ибо США могли стать сильной независимой державой только при условии длительного мира, и ради его поддержания необходимо идти на компромиссы и определенные уступки Лондону. Этот мотив чаще всего использовался федералистами в период подготовки и ратификации договора Джея (одобрен сенатом 24 июня 1795 г.), обеспечившего Англии благоприятные в сравнении с другими странами условия проникновения на американский рынок и подтверждавшего все долги бывших колоний метрополии.

Внешнеполитическая доктрина Республиканско-демократической партии также исходила из признания национальных интересов США, но при этом утверждала, что именно антианглийский курс являлся самым надежным способом достижения вслед за политической также и экономической независимости Соединенных Штатов, как и цементирование американского патриотизма и единства. Отношение джефферсоновцев к Франции включало и идеологический мотив. Начало в 1789 г. Французской революции, а затем свержение монархии и уста-

новление республики, с точки зрения джефферсоновцев, подвели под дружеские отношения США и Франции еще более прочный политический фундамент. В США в большом количестве возникли демократические клубы, пестовавшие республиканцами и поддерживавшие Французскую революцию. Правда, когда возник вопрос о позиции Соединенных Штатов в связи с вооруженным конфликтом между Францией и европейскими монархиями, республиканцы высказались в пользу политики нейтралитета, в значительной мере по причине отсутствия у США регулярных сухопутных сил и военного флота, способных оказать помощь Франции.

В 1800 г. во время четвертых президентских выборов Республиканско-демократическая партия сумела впервые одержать победу над федералистами и прочно утвердиться у власти в США (лидеры республиканцев, соответственно Джефферсон, Мэдисон, Монро, сменяя друг друга на президентском посту, удерживали высшую власть в стране на протяжении 24 лет). Партия приравняла свою победу к «революции 1800 года», а сам Джефферсон утверждал уже после ухода в отставку, что его победа на президентских выборах означала «столь же осязаемую революцию в принципах управления, как и революция 1776 г. в государственных формах»³⁶. В действительности же политическая практика республиканцев не принесла общественных потрясений. Она включала важные обновленческие начала, но ей была присуща и фундаментальная преемственность по отношению к федералистскому правлению.

Реформы и нововведения в годы пребывания у власти Джефферсона (1801—1809), вошедшие в историю как эпоха *джефферсоновской демократии*, имели реальное значение, но вместе с тем оказались скромнее идеологических обещаний. Весомыми были политические изменения. Джефферсон и его сторонники восстановили в полном объеме действие Билля о правах. Джефферсон в бытность президентом остался верен духу и букве Билля о правах, несмотря на то, что его политические противники широко пользовались свободой слова для дискредитации президента. Президентство американского просветителя-демократа способствовало упрочению политического и идеологического плюрализма в США. Противоядие от эксцессов демократии и плюрализма джефферсоновцы видели не в репрессиях, а в повышении политической культуры нации посредством, в первую очередь, развития и совершенствования системы образования и широкого просвещения масс.

³⁶ The Works of Thomas Jefferson / Ed. P.L. Ford. Vols. 1—12. N.Y., 1904—1905. Vol. 12. P. 136.

В период пребывания у власти Джефферсона возобновился процесс демократизации американского конституционализма, прерванный в федералистский период. Речь идет в первую очередь о принципиально важных изменениях в конституциях штатов, означавших не только снижение, но и отмену имущественного ценза. Отмена имущественного ценза началась с Нью-Джерси (1807), затем в период пребывания у власти преемников Джефферсона Мэдисона (1809–1817) и Монро (1817–1825) он был отменен в Мэриленде, Коннектикуте, Массачусетсе, Нью-Йорке и многих других штатах. Политическая демократия особенно успешно укоренялась в новых штатах, образовывавшихся на присоединяемых к Союзу западных территориях. К концу 1820-х гг. имущественный ценз для избирателей перестал существовать, что явилось важной причиной победы на президентских выборах 1828 г. Э. Джексона и начала эпохи *джексоновской демократии*.

Демократическая окраска отличала военную доктрину Республиканской партии. Джефферсон доказывал, что создание и содержание регулярной армии в мирное время несовместимо с демократией и штаты должны полагаться исключительно на добровольные милицмейские соединения. В подобные образования он предлагал включать молодых американцев в возрасте от 18 до 26 лет, которые призваны были овладевать военным искусством в свободное от основных занятий время. Что касается регулярной армии, то Джефферсон добивался ее постепенного сокращения вплоть до полной ликвидации. Уже в начальный период деятельности его администрации армия США была сокращена более чем в полтора раза: с 5438 до 3312 человек. Большая ее часть была рассредоточена в фортах на западном фронтире³⁷. Резкому сокращению подвергся и военно-морской флот. Военная доктрина джефферсоновцев дала трещину в момент обострения в 1807 г. англо-американских противоречий. Они вынуждены были отказаться от нее в условиях чрезвычайных обстоятельств и вопреки своим желаниям санкционировали расширение военных расходов.

Демократический характер носил ряд социально-экономических мероприятий Джефферсона. Одной из самых убедительных мер явилась отмена всех прямых налогов, составлявших всегда предмет острейших разногласий между республиканцами и федералистами. В конце президентства Джефферсон имел все основания обратиться к Конгрессу США с риторическим вопросом, в котором заключалось нескрываемое удовлетворение от совершенной реформы: «Кто отныне среди аме-

³⁷ Prussia F.D. The Sword of the Republic. The United States Army on the Frontier, 1783–1846. L., 1969. P. 60.

риканских фермеров, ремесленников и рабочих должен иметь дело со сборщиками налогов?»³⁸

Важной демократической мерой явился аграрный закон 1804 г., снижавший минимальную цену за акр продаваемой государственной земли с 2 до 1,64 долл., а минимальный размер поступающего в продажу участка с 320 до 160 акров. В результате доступ простым американцам к государственному фонду «свободных» земель существенно облегчался.

Социально-экономические меры джефферсоновских республиканцев не отменили, вместе с тем, наиболее важных тенденций и институтов, заложенных Гамильтоном и федералистами. Джефферсоновцам пришлось не однажды идти на уступки федералистским доктринам, в первую очередь, по причине общественно-исторической и политической целесообразности. Так, уже в начале президентства Джефферсон должен был отречься от безусловного приоритета аграрных интересов. В своем первом ежегодном послании Конгрессу США он объявил сельское хозяйство, мануфактуры, торговлю и мореплавание четырьмя столпами процветания. Постепенно он должен был поступиться идеей государственного невмешательства в экономическое развитие, которая всегда занимала ведущее место в идейном арсенале его партии. С 1805—1806 гг. Джефферсон стал доказывать, что средства государственной казны должны активно использоваться для развития судоходства, каналов, дорожного строительства и даже поощрения мануфактур. Отказался он постепенно и от фритредерской идеи, признав, что государство обязано защищать национальную промышленность от иностранной конкуренции при помощи протекционистской политики.

Наиболее существенно различие между республиканцами и федералистами проявилось в вопросах внешней политики. Джефферсон сменил антифранцузский курс федералистов на антианглийский. Улучшению отношений с Францией способствовали, правда, уже не столько идеологические мотивы, сколько удачная сделка с Наполеоном Бонапартом, в результате которой Соединенные Штаты приобрели огромную территорию Луизианы. Последовавшее затем резкое ухудшение отношений с Англией в значительной мере объяснялось грубым нарушением Лондоном морских прав США. Начатое Джефферсоном в 1807 г. сопротивление репрессивной политике Лондона (законом об эмбарго США резко сократили торговлю с Англией) за-

³⁸ A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1902 / Ed. J.D. Richardson. Vols. 1—10. Wash. 1903. Vol. 1. P. 379.

вершилось в 1812 г. объявлением Соединенными Штатами войны Англии. Война еще более изменила соотношение сил между федералистами и джефферсоновцами в пользу последних.

Федералисты встретили объявление войны Англии в штыки. Политические деятели из штатов Новой Англии, удерживавшие руководство в Федералистской партии, были, казалось, готовы на любые унижения национального суверенитета США со стороны Лондона, при том условии, что финансисты и купцы Северо-Востока продолжали бы получать прибыль от экспортно-импортных операций с Англией. Меркантильные мотивы федералистов привели их в итоге к шагу, расцененному многими американцами как предательство: в 1814 г., в разгар англо-американской войны, они предприняли попытку отделения штатов Новой Англии от Союза. Этот шаг оказался для партии самоубийственным: федералисты дискредитировали себя в глазах нации и вскоре сошли с исторической арены.

На президентских выборах 1816 г., первых после завершения англо-американской войны, у кандидата от Республиканско-демократической партии Дж. Монро практически не было соперников (за него было подано 183 голоса выборщиков, а за федералиста Р. Кинга только 34). Сам же восьмилетний период президентства Монро вошел в американскую историю под названием «эра доброго согласия», что не в последнюю очередь подразумевало безраздельное господство на политической арене одной партии, ставшей теперь известной больше под именем национальных республиканцев. Для истории США в целом он все же был исключением, а правилом как раз оказалось двухпартийное соперничество, многие принципы которого оформились в 1790–1810-е гг.

В годы первой двухпартийной системы обозначились три принципа — *консенсус*, *преемственность*, *альтернативность*, которые стали характерны для последующих двухпартийных систем. Первый принцип означал согласие двух партий в отношении основ североамериканского общества, обретших заверченный вид в годы революции и образования федерального государства. Обе партии признавали нерушимыми принципы частной собственности, экономической конкуренции и рыночных отношений. В качестве основополагающих государственно-правовых норм они признали республиканизм, федерализм, представительное правление, разделение властей, «сдержки и противовесы», политический плюрализм.

Принцип преемственности, продемонстрированный впервые Республиканской партией после смены ею федералистов у власти, означал конструктивное отношение к наследию побежденной партии. До прихода к власти джефферсоновцы были сторонниками аграрно-

фермерского развития США, но после своей победы они признали также необходимость индустриально-торгового пути, усиленно стараясь сгладить противоречия между этими двумя путями.

Принцип альтернативности проявился в том, что Республиканская партия предложила реальную альтернативу реформирования американского общества. Республиканцы отстаивали либерально-демократическую модель капитализма, приобщение к его позитивным возможностям и результатам широких слоев населения, в то время как идеология и политика федералистов способствовали превращению либерализма и капитализма в достояние верхнего класса.

При том, что джефферсоновцы пестовали либерально-демократическую модель капитализма и в большей мере учитывали интересы средних и нижних слоев белых американцев, они, как и федералисты, по своему социальному составу и методам политического правления были элитарной партией. Способы выдвижения обеими партиями кандидатур на высшие государственные должности (через узкие соглашения партийного руководства), подбора и назначения государственных служащих невозможно назвать демократичными. Роль избирателей в политическом процессе была незначительной, а в политическом управлении вообще отсутствовала. Но элита, сохранившая, как и в колониальный период, главенство в системе политической власти, приобрела новые важные характеристики. Так или иначе, прямо или опосредованно, ее формирование было связано с выборным механизмом, а практика семейного «наследования» политических постов, характерная для колониального периода, сошла на нет. В отличие от колониальной эпохи, в постреволюционный период возникает реальный *политический рынок* и политическая конкуренция элитных групп.

Капитализм и рабство*

Главной особенностью экономического развития США до 1860-х гг. было сосуществование двух укладов — капитализма и рабства. На ведущей позиции шаг за шагом утверждались *рыночно-капиталистические начала* экономики. Зарождение рыночно-капиталистических начал происходило еще в колониальный период, но в колониальной Америке все же преобладали самообеспечивающиеся хозяйства не коммерческого типа. В эпоху Войны за независимость, как и в постреволюционный период, рыночно-капиталистические начала серьезнейшим образом упрочились, вытесняя с господствующих позиций натуральные хозяйства, но сами эти начала утвердились в качестве безраздельно господствующих именно в период 1820–1870-х гг.

Определяющим периодом рыночно-капиталистического рывка большинство современных историков считает *сорокалетие 1820–1850-х гг.* При этом в 1820–1830-х гг. активно накапливались количественные и качественные предпосылки рывка американского рыночного капитализма, а в 1840–1850-х гг. произошел и сам рывок: за эти два десятилетия объем промышленного производства вырос в четыре раза. Если в 1820-х гг. Соединенные Штаты по уровню промышленного развития серьезно отставали от западноевропейского региона, то к 1860 г. опередили Францию и Германию, выйдя на второе место в мире после Великобритании¹. Известный американский экономический историк Д. Норт, лауреат Нобелевской премии в области экономики, доказывал, что в целом именно данное сорокалетие, а не последняя треть XIX в., как традиционно полагали американские историки, сыграло решающую роль

* Впервые опубликовано в кн.: *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М., 2010.

¹ *Hindie B., Lubar S.* Engines of Change. The American Industrial Revolution, 1790–1860. Wash., 1986. P. 165; *Болховитинов Н.Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. С. 153–154; *Шпотов Б.М.* Промышленный переворот в США. В двух частях. М., 1991. Ч. 2. С. 207.

в утверждении такой рыночно-капиталистической матрицы², которая обеспечила все последующие экономические успехи США, их опережающее, по сравнению с другими странами, развитие.

Данное положение Нортона принципиально отличается от концепции его именитых предшественников (Ч. Бирд, Л. Хэкер и др.) из прогрессивистской школы, определявших 1820—1850-е гг. как аграрно-докапиталистическую эру, в отличие от последовавшей вслед за ней промышленно-капиталистической эпохи. К Нортону и его американским единомышленникам в определенном смысле близки те российские американисты, которые видят в периоде 1820—1850-х гг. важнейший качественный этап в становлении промышленного капитализма. Вместе тем между ними и Нортонем можно увидеть и важное отличие. С точки зрения российских историков, для укрепления капиталистических начал *особое значение имел промышленный переворот (смена мануфактурного капитализма фабрично-заводским) в передовом северо-восточном регионе*. А для Нортона и его американских единомышленников *принципиальным и главным было торжество рыночно-капиталистической модели в экономике в целом, как в промышленном, так и в аграрном секторах*. При этом данная модель восторжествовала не только в реальной экономике, но, что — в цивилизационном плане — не менее важно, в ментальности белых американцев из разных социальных слоев, которые отныне в качестве главной жизненной установки имели стремление к извлечению прибыли с помощью частно-капиталистического предпринимательства и рыночной конкуренции. Оформление массовой национальной капиталистической ментальности — вот тот фактор, который выделил Соединенные Штаты в ряду других стран западной цивилизации и стал важнейшей причиной их последующих экономических успехов.

Данные радикальные изменения не означали еще превращения США в индустриально-аграрную страну, в которой промышленность преобладает над сельским хозяйством (эта важная трансформация произошла в последней трети XIX в.). На протяжении всего рассматриваемого сорокалетия сельское хозяйство продолжало преобладать, и достаточно серьезно, над промышленностью. Но, по сравнению с предшествующим периодом, это было новое сельское хозяйство, в котором прочно утвердилась и восторжествовала рыночно-капиталистическая тенденция. При этом она утверждалась не только в фермерских, чисто капиталистических хозяйствах, но, пусть и в искажен-

² North D.C. The Economic Growth of the United States, 1790—1860. Englewood Cliffs (N.J.), 1961. P. VI.

ном виде, с серьезными издержками также и на рабовладельческих плантациях Юга. Ее успехи являлись мощным стимулом и для успешного развития промышленной революции (понятие, в отечественной историографии тождественное промышленному перевороту), венцом которой в будущем станет уже и преобладание промышленности над сельским хозяйством.

Впрочем, и в рассматриваемый период явно проступала тенденция роста удельного веса промышленного капитализма. Так, с 1810 по 1850 г. удельный вес рабочей силы, занятой в промышленном производстве, увеличился почти в пять раз (с 3,2 до 14%). А в сельском хозяйстве этот показатель сократился с 72,3 до 55,8% (в других сферах народного хозяйства удельный вес занятости увеличился с 24,5 до 30%)³. Удельный вес городского населения, связанного по преимуществу с промышленностью, с 1820 по 1860 г. вырос с 7 до 20%.

Значение показателей более быстрого роста промышленного капитализма в сравнении с сельским хозяйством еще более подчеркивается тем обстоятельством, что последнее отнюдь не загнивало, а, напротив, находилось в состоянии динамичного развития. Огромное количество американцев продолжали переселяться на западные земли, превращаясь в значительной своей части в предприимчивых фермеров. За счет западных территорий размеры США в период с 1815 по 1860 г. увеличились с 1,8 до 3 млн квадратных миль. И если в 1815 г. 80% населения размещалось на атлантическом побережье, то сорок лет спустя половина американцев проживала на территориях, расположенных к западу от границ штатов, вошедших в США изначально⁴.

С 1815 по 1860 г. количество штатов увеличилось с 18 до 33, а население с 8,5 до 31,5 млн человек. За это же время в страну прибыло более 5 млн иммигрантов. Подавляющее большинство среди них были выходцами из Западной Европы, при этом английские иммигранты были отодвинуты на третье место ирландцами и немцами (ирландцев прибыло 1,7, а немцев 1,3 млн). По социальному составу они были разношерстны, насчитывалось много бедняков (в первую очередь ирландцы), пришедшихся как нельзя кстати для набиравшей темпы промышленности, но было немало и тех (особенно среди немцев), кто располагал достаточными средствами для организации ферм на западных территориях⁵.

³ Meyer D.R. *The Roots of American Industrialization*. Baltimore and London. 2003. P. 3.

⁴ Woodman H.D. *Economy from 1815 to 1865 // Encyclopedia of American Economic History. Studies of Principal Movements and Ideas / Ed. G. Porter. Vols. 1–3. N.Y., 1980. Vol. 1. P. 68.*

⁵ Bailyn B., Donald D.H., Davis D.B., Thomas J.L., Wood G.S. *The Great Republic: A History of the American People*. Vol. 1. Lexington–Toronto, 1981. P. 313; *Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Parts 1, 2. Wash., 1975. P. 14.*

Расовый состав населения был весьма стабильным: негры на протяжении всего периода составляли примерно 15% населения (их численность с 1820 по 1860 г. увеличилась с 1,8 до 4,5 млн человек)⁶. Подавляющее большинство из них трудились на рабовладельческих плантациях Юга.

В рассматриваемый период углубилось разделение США на экономико-географические регионы. При этом историки пользуются как дуальным, так и тройственным их делением. В первом случае США разделяются на Север и Юг — это было фундаментальное общественно-историческое деление. В тройственном делении в качестве самостоятельного присутствует западный регион, оказывавший возрастающее влияние на развитие США. Принципиально важную роль подобного политико-экономического районирования США выделил знаменитый прогрессистский историк Ф.Дж. Тернер. Свою первую теорию американской истории (продвижение на свободные земли как главный фактор становления самобытной американской цивилизации), выдвинутую в конце XIX в., он позднее дополнил теорией о важнейшей роли разделения США в 1830–1850-х гг. на регионы — секции. Тернер, выделив три главных политико-экономических региона — Северо-Восток, Юг и Запад, счел необходимым обозначить в каждом из них более мелкие географические секции. Например, Северо-Восток был разделен на среднеатлантические штаты (Нью-Йорк, Пенсильвания и Нью-Джерси), лидировавшие в развитии промышленности и коммерциализации, и Новую Англию (Массачусетс, Нью-Гемпшир, Род-Айленд, Коннектикут), где рыночно-капиталистическая модель укоренилась также успешно, но все же медленнее. Южные штаты, расположившиеся на Атлантическом побережье, разделялись на «верхний» и «нижний» Юг. Запад, находившийся в центре внимания Тернера, разделялся им на южный и северный регионы. При всех различиях между юго-западным регионом, где свободные хозяйства соседствовали с рабовладельческими, и Северо-Западом, где развивались свободные фермерские хозяйства, американский Запад, согласно Тернеру, был в целом более эгалитарен, чем «старые» приатлантические штаты, и представлял благоприятную почву для развития демократии «снизу»⁷.

Последующие поколения историков внесли разнообразные коррективы в схему Тернера. Они были склонны в большей мере подчеркивать различия между юго-западным и северо-западным регионами. Признавая важное значение Запада в развитии американской цивилизации, большинство историков все же склонялись к выделению в ка-

⁶ Historical Statistics of the United States. P. 14.

⁷ Turner F.J. The United States, 1830–1850. The Nation and Its Sections. N.Y., 1935.

честве главных политико-экономических регионов Севера и Юга. При этом не отрицалось, что между штатами внутри каждого региона могли развиваться серьезные различия. Например, Д. Норт, обосновывая собственную типологию экономического развития 1820–1850-х гг., считал возможным «отлучить» четыре рабовладельческих штата от Юга и «включить Мэриленд и Делавэр в Север, а Кентукки и Миссури приписать к Западу»⁸. Это делало более зримыми различия рыночно-капиталистических черт двух главных политико-экономических моделей США той эпохи. «Северная модель» была движущей силой рыночно-капиталистического рывка, как и всех сопутствовавших ему качественных сдвигов.

Определения, дававшиеся историками тенденциям и сдвигам американской экономики 1820–1850-х гг., часто включали понятие «революция». Вот наиболее известные среди этих определений: «рыночная революция», «промышленная революция», «аграрная революция», «транспортная революция». Какую из них можно выделить в качестве ведущей в обеспечении успехов капиталистической экономики того периода? Спорить по этому вопросу можно долго, но есть серьезный резон склониться в пользу тех авторов, которые, как минимум по очередности и в существенной мере по важности, ставят на первое место «транспортную революцию». Особый к ней интерес объясняется не только тем, что США добились в этой сфере наибольших количественных успехов, намного превзойдя в ее развитии все европейские страны, в том числе и Англию. Главное в том, что именно «транспортная революция» создала надежную инфраструктуру рыночной экономики, прочные опоры национального рынка, который стал в свою очередь важнейшим условием и стимулом аграрной и промышленной революций. Именно густые транспортные магистрали позволили доставлять промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию в самые remote части Соединенных Штатов.

Концепцию и историю «транспортной революции» первым фундаментально разработал Дж.Р. Тейлор в монографии 1951 г.⁹ После этого к данной теме обращались многие историки, внося в ее разработку ряд корректив и существенных дополнений. Но все сходятся в том, что старт «транспортной революции» был дан активным массовым строительством проезжих дорог и магистралей.

Началось оно с конца 1780-х гг. и наиболее активно продолжалось до начала 1830-х гг. Строительство магистральных дорожных путей

⁸ North D.C. Op. cit. P. 122.

⁹ Taylor G.R. The Transportation Revolution, 1815–1860. N.Y., 1951.

неизменно поддерживалось государством, в первую очередь властями штатов, но главную роль играл частный капитал. Требовалось привлечение огромных средств, поэтому в дорожном строительстве появилось большое количество предпринимательских корпораций. Все они рассчитывали на получение доходов, главным источником которых стали пошлины, собираемые на дорогах специальными службами. Прибыли, однако, оказались весьма скромными (в среднем 2–3%¹⁰), нередко собственники вообще оказывались в убытке. Причины были разными — от высокой стоимости контрольных служб до «недисциплинированности» части пользователей, предпочитавших объезжать контрольные службы по проселочным дорогам¹¹. Тем не менее в течение полувека строительство дорог велось необычайно активно, существенно укрепив и экономические связи между штатами и регионами, и саму национальную экономику.

В 1820-х гг. на смену буму в дорожном строительстве пришел бум в строительстве речных каналов. Он был подготовлен успешным развитием нового транспортного средства — речных пароходов. После удачных рейсов в 1807 г. первого американского парохода «Клермонт» предприниматели начали все более активно эксплуатировать новое транспортное средство на ведущих речных магистралях, в первую очередь реках Огайо и Миссисипи. Возникла потребность связать главные водные магистрали каналами. Первый крупный канал — Эри — строился с 1817 по 1825 г. и, связав реку Гудзон с Великими озерами, соединил прочными узами экономику Северо-Востока и Северо-Запада США. Канал Эри, протяженность которого составила 363 мили, удешевил стоимость перевозок между двумя важнейшими экономическими регионами в 12 раз, а продолжительность пути сократил в три раза. С самого начала его эксплуатация приносила высокие прибыли — уже на второй год доход составил 750 тыс. долл.

Успех Эри вдохновил на реализацию новых амбициозных проектов, и в результате в течение всего нескольких десятилетий водными каналами были соединены крупнейшие речные магистрали и главные экономические регионы. Строительство каналов прошло три этапа. На первом, с середины 1810-х до середины 1830-х гг., было прорыто 2188 миль. На втором, с середины 1830-х до середины 1840-х гг., к ним были добавлены еще 1172 мили. Наконец, на третьем этапе, с середины 1840-х до конца 1850-х гг., были построены каналы протяженно-

¹⁰ Meyer D.R. Op. cit. P. 31.

¹¹ Pessen E. Jacksonian America: Society, Personality and Politics. Urbana and Chicago, 1985. P. 126.

стью в 894 мили (общая протяженность водных каналов составила в результате более 4200 миль¹²). Скромные успехи третьего этапа объясняются не только и не столько тем, что Соединенные Штаты были перенасыщены водными каналами, сколько тем, что с речными магистралями и пароходами стали успешно соперничать железные дороги и паровозы.

Если дорожные магистрали строились по преимуществу с помощью частного капитала, то в строительстве каналов главную роль сыграли государственные институты, в первую очередь власти штатов. За сорок лет государственные капиталовложения составили две трети общей стоимости каналов¹³. Кроме того, федеральное правительство щедро жертвовало на строительство каналов земли из национального фонда, так что каналы стали поистине детищем государственного капитализма. Власть серьезно помогала национальной экономике, но и сама не была в убытке, ибо каналы приносили ощутимые доходы.

Получив толчок для развития от речных пароходов, каналы затем сами способствовали ускорению в судостроительной отрасли. Количество речных пароходов в стране в период с 1815 по 1860 г. увеличилось более чем в 100 раз (с 7 до 817 судов¹⁴). С ростом судоходства стоимость грузоперевозок резко сокращалась. В 1860 г. по сравнению с 1815-м стоимость грузоперевозок вниз по Огайо и Миссисипи сократилась в 20 раз, а вверх по этим же главным речным магистралям более чем в 3 раза¹⁵. Обозначенный период охарактеризован Дж.Р. Тейлором как «золотой век речного пароходства»¹⁶.

В то время как пароходы продолжали соперничать с отживавшими свой век парусными судами, у них самих в сфере внутренних перевозок появился новый, более серьезный конкурент — паровозы. Соперничество пароходов и паровозов, водных путей и железных дорог началось в 1830-х гг., продолжалось на равных до середины 1840-х гг., но затем преимущество стало склоняться в пользу железных дорог. К 1860 г. железные дороги одержали очевидную победу.

Еще более впечатляюще победа американских железных дорог выглядит в общемировом контексте, где она предстает как настоящий триумф. Железные дороги начали строиться практически одновремен-

¹² *Puth R.C.* American Economic History. Chicago, 1988. P. 145.

¹³ *Sellers Ch.* The Market Revolution. Jacksonian America 1815–1846. New York, Oxford, 1991. P. 44.

¹⁴ *Walton G.M., Rockoff H.* History of American Economy. N.Y., etc., 1998. P. 190.

¹⁵ *Haites E.F., Mak J., Walton G.M.* Western River Transportation: The Era of Early Internal Development, 1810–1860. Baltimore, 1975. P. 32.

¹⁶ *Taylor G.R.* Op. cit. P. 38.

но в США и ведущих европейских странах — в Англии первая железная дорога была открыта в 1825 г., в Соединенных Штатах в 1830-м, а во Франции в 1832 г. (первая российская железная дорога между Петербургом и Царским Селом открылась в 1837 г.). Но уже в 1840 г. протяженность железных дорог в США была в полтора раза больше, чем во всей Европе, а в 1860 г. она составляла 50% мировых стальных магистралей. Причины американского успеха были многообразны — дешевая, по сравнению с Европой, земля, отсутствие политических и таможенных препятствий, характерных для ряда европейских стран, прозорливость и предприимчивость капиталистического класса. Огромную поддержку железным дорогам оказала государственная власть: правительственные финансовые вливания составили треть от общих капиталовложений в железнодорожное строительство; федеральное правительство выделило для него бесплатно более 20 млн акров национального земельного фонда; федеральная власть резко снижала налоги на строительные материалы для железных дорог¹⁷.

Наибольших успехов железнодорожное строительство добилось с начала 1840-х по 1860 г.: протяженность путей увеличилась за менее чем двадцатилетний период в 10 раз и достигла 30 625 миль. Ряд исследователей окрестили данный период «железнодорожной революцией», а некоторые развили широкие теоретические обобщения. Одним из них был У. Ростоу, доказывавший в известной работе 1960 г., что на 1843—1860 гг. в США пришлась особо важная «стадия экономического роста», названная «взлетом» (take off). Лидирующая роль в этом «взлете», согласно Ростоу, принадлежала именно железнодорожному строительству, которое потребляло половину производимого в стране железа, резко активизировало другие производства, выступило поистине локомотивом национальной экономики¹⁸.

Концепция Ростоу не выдержала, однако, испытания на прочность, после того как ее подвергли критическому анализу ведущие американские историки и экономисты. Они отметили, что важным критериям периода «взлета» (например, рост доходов на душу населения) отвечают также 1820—1830-е гг. и что влияние железнодорожного строительства на другие отрасли было гораздо более скромным (например, на строительство дорог шло только 17% производимого в США в 1840—1850-е гг. железа)¹⁹. Но в ходе критики Ростоу была выдвинута концепция, уже

¹⁷ *Taylor G.R.* Op. cit. P. 74, 94–97.

¹⁸ *Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. Cambridge (Mass.), 1960.

¹⁹ Обобщенное изложение аргументации критиков см.: *Болховитинов Н.Н.* Указ. соч. С. 116–117; *Path R.C.* Op. cit. P. 119–120.

серьезно преуменьшавшая роль железных дорог в американских экономических изменениях 1840—1850-х гг. Наиболее известным ее выразителем оказался Р.У. Фогел (лауреат Нобелевской премии в области экономики).

Строя собственную концепцию, Фогел обратился к приему, ставшему известным как «контрфактическое моделирование». Суть его заключается в исследовании того, как развивалась бы американская экономика без железнодорожного строительства. Выводы Фогела состояли в том, что и без железных дорог американская экономика развивалась бы не менее успешно²⁰. В адрес Фогела были высказаны разные оценки, но профессиональная историография в целом отвергла попытку противопоставить исторической реальности «особый и вообще не существовавший мир»²¹. Эта попытка выглядит антиисторичной и по той причине, что утверждение железных дорог в качестве главного транспортного средства явилось универсальной закономерностью развития национальных экономик эпохи промышленной революции, и реальной альтернативы им не существовало нигде. Поэтому их принципиальную роль в развитии американской экономики оспорить невозможно, речь может вестись только о наиболее точной ее конкретно-исторической оценке.

«Оптимистическая» оценка этой роли со стороны Ростоу является завышенной, но то, что железные дороги закономерно выдвинулись на позицию лидера «транспортной революции» и поспособствовали укреплению успехов американской экономики в 1840—1850-е гг., как и в последующие периоды, опровергнуть невозможно. Железные дороги одержали уверенную победу над речными магистралями, лидером транспортной революции второй четверти XIX в. Согласно статистическим данным, в 1860 г. по железным дорогам, связывавшим среднеатлантические штаты с Северо-Западом, прошло в полтора раза больше грузов, чем по каналам, входившим в ту же систему коммуникаций.

Американская «транспортная революция», добившаяся наибольших мировых успехов, явилась важным условием ускорения «промышленной революции». Успехи американской промышленности были весомыми, хотя в сравнении с «транспортной революцией» более скромными. По поводу темпов и характера промышленной револю-

²⁰ Fogel R.W. Railroads and American Economic Growth. Baltimore, 1964; см. также схожую по позициям книгу А. Фишлоу: Fishlow A. American Railroads and the Transformation of the Ante-Bellum Economy. Cambridge (Mass.), 1965.

²¹ Pessen E. Op. cit. P. 134.

ции между историками традиционно существуют достаточно серьезные различия. Так, отечественные историки трактуют ее как качественный скачок, осуществившийся в течение нескольких десятилетий XIX в., в то время как многие американские авторы «укладывают» ее в гораздо более длительный и достаточно неопределенный период (некоторые придерживаются теории «перманентной» промышленной революции, которая включает технический переворот конца XVIII — первых десятилетий XIX в., последовавший вслед за тем длительный процесс индустриализации и современную научно-техническую революцию)²².

Внутри отечественной историографии существуют собственные различия. Одна часть историков полагает, что промышленная революция в США завершилась уже после окончания Гражданской войны, поскольку для ее успеха на Юге была необходима отмена рабства. Другая часть (наиболее известные выразители — Н.Н. Болховитинов и Б.М. Шпотов) исходит из того, что успех в 1810—1850-х гг. промышленной революции на Севере, выразившийся в укоренении там фабричной системы в ведущих для той эпохи отраслях промышленности, имел решающее значение для ее победы в последующем во всей стране и по этой причине был равнозначен промышленному перевороту в США. Принятие той или иной точки зрения, как это часто бывает в науке, зависит от выбора оценочного критерия. Если сутью промышленной революции считать коренной перелом в пользу фабричного производства, то тогда можно утверждать, что она свершилась до Гражданской войны. Но если под ней понимать ее укоренение в масштабах всей страны, то тогда хронологические рамки следует расширить до 1880-х гг. Полагая, что дискуссия о промышленной революции в США может быть продолжена, раскрою основные характеристики промышленного развития США в 1820—1850-х гг.

Важнейшей среди них можно признать полную победу промышленного производства над домашним. Домашнее производство достигло пика в 1810-х гг., но с 1830-х гг. стремительно пошло на спад. Транспортная революция, сделавшая более дешевую промышленную продукцию доступной в самых отдаленных уголках, нанесла сокрушительный удар по домашней продукции и домашнему производству. В 1840 г. на дому производилось только 6% стоимости промышленных изделий в стране, а через 20 лет домашняя продукция практически сошла на нет²³.

²² Шпотов Б.М. Указ. соч. Ч. 1. С. 36.

²³ Там же. Ч. 2. С. 218.

Другой важнейшей характеристикой является укоренение фабрик и фабричного производства в ведущих отраслях промышленности. Вместе с тем важно отметить, что темпы подобного укоренения в разных отраслях были различными и что *на протяжении всего сорокалетнего периода лидирующая роль принадлежала не тяжелой, а легкой промышленности*. В легкой промышленности, в свою очередь, главную позицию прочно удерживало хлопчатобумажное производство, ведущая отрасль начальной эпохи смены мануфактуры фабрикой во многих странах. Хлопчатобумажная отрасль испытала настоящий бум в период с 1815 по 1833 г., когда ее рост ежегодно составлял 16% (в последующие годы он снизился до 5%). Историки называли разные причины ускоренного развития отрасли, но среди них можно выделить главные: рост покупательной способности населения приатлантических штатов (особенно горожан); резкий рост спроса и расширение рынка сбыта в западных штатах и территориях; революция на транспорте; модернизация текстильной техники²⁴. Хлопчатобумажная промышленность наиболее успешно развивалась в штатах Новой Англии, а главным ее центром был Массачусетс. Показатели хлопчатобумажной промышленности в Новой Англии были значительно выше средних по стране и вплотную приблизились к английским. На втором месте по уровню развития и укоренению механизации находилась шерстяная отрасль. К 1830-м гг. передовые предприятия шерстяной промышленности достигли уровня фабрики по степени механизации.

Промышленная революция в тяжелой промышленности развивалась медленнее, здесь еще долго сохранялось отставание от Англии, остававшейся «мировой мастерской». В главной тогда отрасли тяжелой промышленности — металлургии — вплоть до 1850-х гг. при выплавке чугуна продолжал по преимуществу использоваться древесный уголь, в то время как в Англии еще за полвека до того подавляющее большинство доменных печей были переведены на кокс. При строительстве железных дорог явно не хватало металла, и его приходилось ввозить из Англии. Лидером металлургической отрасли, в отличие от текстильной, была не Новая Англия, а среднеатлантические штаты (Пенсильвания, Нью-Йорк, Нью-Джерси).

В 1850-х гг. произошел рывок и в производстве энергии. Рост ее потребления характеризуется следующими цифрами (в миллионах лоша-

²⁴ Zevin R.B. The Growth of Manufacturing in Early Nineteenth-Century New England. N.Y., 1975; Lindstrom D. Economic Development in the Philadelphia Region, 1810–1850. N.Y., 1978.

диных сил): в 1849 г. потреблялось фабриками — 1100 млн, железными дорогами — 435, пароходами — 305, шахтами — 50; в 1860 г. соответственно — 1675, 2165, 515, 170²⁵. В то же десятилетие резко ускорился перевод промышленного производства на паровые двигатели. Тогда же отмечены серьезные успехи в развитии машиностроения: на Северо-Востоке страны к началу Гражданской войны насчитывалось несколько десятков крупных заводов, производивших машины для текстильной промышленности, металлорежущие станки, паровые машины, локомотивы²⁶.

В 1820–1850-х гг. произошли серьезные изменения в организационных формах американского капитализма, выразившиеся в первую очередь в упрочении позиций корпораций. Корпорации, пустившие корни в первые десятилетия независимости, увеличились количественно и изменились качественно. Зародилась «корпоративная революция», завершившаяся уже на рубеже XIX–XX вв. Этот американский феномен долгое время характеризовался отечественной литературой исключительно негативно, поскольку, как отмечал российский историк А.А. Кредер, «в отечественной литературе предпринимательские корпорации изначально ассоциировались с монополиями, что предопределило разоблачительный характер многочисленных публикаций на эту тему»²⁷. Но в действительности корпорации обладали различными сторонами, среди которых были позитивные, способствовавшие экономическому подъему США.

Изменилась в направлении демократизации законодательная практика учреждения корпораций. Прежде корпорации создавались на основе специальных решений законодательных органов, которые предоставляли соответствующие хартии группе лиц, объединившихся для совместной деятельности. Это создавало почву для лоббирования законодателей со стороны наиболее предприимчивых и ловких лиц и порождало тенденцию монополизации бизнеса. Но во второй четверти XIX в. в большинстве штатов стал активно осуществляться переход к учреждению предпринимательских корпораций на основе общих законов. В результате возобладали заявительный характер инкорпорации. Группа предпринимателей, решивших заняться тем или иным производством, подавала заявление секретарю штата, указывая цели,

²⁵ *Болховитинов Н.Н.* Указ. соч. С. 139.

²⁶ *Bishop J.L.* History of American Manufactures from 1608 to 1860. 3 vols. Philadelphia, 1861–1868. Vol. 3.

²⁷ *Кредер А.А.* Американская предпринимательская корпорация: первое столетие истории // Американский ежегодник. М., 1994. С. 54.

учредительный капитал, имена учредителей и количество выпускаемых акций. Если заявленная информация не противоречила закону, секретарь штата регистрировал корпорацию, и специальной хартии законодательного собрания штата не требовалось²⁸.

В 1810–1820-е гг. наиболее активно учреждались корпорации, занятые строительством дорог, каналов, мостов, в 1830-х гг. прокатилась волна инкорпорации банков, начиная с того же десятилетия корпорации заняли главенствующие позиции в железнодорожном бизнесе. Корпорации стали мощным инструментом мобилизации частных капиталов для нужд внутреннего экономического развития, сыграв важную роль в дальнейшем упрочении американской либерально-капиталистической цивилизации. Вместе с тем корпоративный капитал по удельному весу уступал индивидуальному и партнерскому.

Соотношение промышленного и сельскохозяйственного производства в рассматриваемый период неуклонно менялось в пользу первого: в 1839 г. промышленное производство в национальной товарной продукции составляло 17%, а сельскохозяйственной — 72%; двадцать лет спустя их удельный вес равнялся 32 и 56%. Региональные темпы промышленного роста были явно неравномерны, Северо-Восток все более отрывался от Юга. Сравнительная характеристика промышленного развития трех главных регионов США в 1860 г. выглядит следующим образом.

Таблица 1

Промышленность США по регионам (1860)²⁹

Регион	Число предприятий	Численность рабочих	Добавленная стоимость (млн долл.)
Северо-Восток	73 858	938 079	581,3
Запад	36 785	209 909	159,0
Юг	20 631	110 721	69,0

²⁸ Gunn L.R. The Decline of Authority. Ithaca, 1988. P. 105–110; Seavoy R.E. The Origins of American Business Corporation. Westpoint, 1982. P. 181.

²⁹ Подсчитано по данным, заимствованным из кн.: Encyclopedia of American Economic History. Vol. 1. P. 84.

**10 крупнейших отраслей промышленности в 1860 г.
(ранжирование по добавленной стоимости)³⁰**

Отрасль	Численность рабочих (в тыс.)	Стоимость произведенной продукции (млн долл.)	Добавленная стоимость (млн долл.)
Хлопчатобумажная	115,0	107,3	54,7
Лесная	75,6	104,9	53,6
Обувная	123,0	91,9	49,2
Пищевая	27,7	248,6	40,1
Пошив одежды	114,8	80,8	36,7
Металлургическая	49,0	73,2	35,7
Машиностроение	41,2	52,0	32,6
Шерстяная	40,6	60,7	25,0
Производство вагонов и экипажей	37,1	35,6	23,7
Кожевенная	22,7	67,3	22,8

Можно заключить, что промышленное развитие шло неравномерно, его центром прочно оставался Северо-Восток. Ведущие позиции принадлежали отраслям легкой промышленности, промышленность по удельному весу в национальной экономике уступала сельскому хозяйству, но соотношение двух главных секторов экономики динамично и неуклонно изменялось в пользу промышленности.

Сохранение за сельским хозяйством главенствующей позиции в национальной экономике выражалось в разных показателях. Например, в 1860 г. рабочая сила, занятая в сельском хозяйстве, составляла 6,3 млн человек, а в промышленности 1,5 млн (наемных промышленных рабочих было в 2,7 раза меньше, нежели чернокожих рабов, занятых в сельском хозяйстве южных штатов). В национальной ментальности сельское хозяйство оставалось приоритетным видом деятельности, а индивидуалистическая Американская мечта заключалась в первую

³⁰ Подсчитано по данным, заимствованным из кн.: Encyclopedia of American Economic History. Vol. 1. P. 81.

очередь в обзаведении собственной фермой. Большинство неимущих американцев хотели стать самостоятельными фермерами и заниматься сельскохозяйственным производством. Сельское хозяйство продолжало развиваться динамично, стремительно превращаясь в товарно-капиталистическое. Страна переживала «аграрную революцию» (термин, прочно закрепившийся в исторической литературе).

Укрепление товарно-рыночных отношений в сельском хозяйстве было характерно для всех трех главных регионов страны. Производство главных продуктов питания, концентрировавшееся в северо-восточном и западном регионах, увеличилось с 1820 по 1860 г. не менее чем в четыре раза (при росте рабочей силы в три раза), экспорт зерна вырос в 3,5, а мяса почти в 8 раз. Но Юг мог похвастаться не меньшими успехами: производившийся там хлопок на протяжении трех десятилетий перед Гражданской войной составлял 50% всего американского экспорта. Оставшегося на внутреннем рынке хлопка было достаточно, чтобы с лихвой обеспечить потребности лидера промышленной революции — хлопчатобумажную отрасль Северо-Востока³¹. Товарно-рыночные успехи трех регионов не могли, однако, скрыть серьезных различий между ними. Они были очевидны для современников и признаны всеми поколениями историков, но трактовки различий никогда не обладали единством.

В отечественной американистике советского периода использовалась концепция двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве — «американского» (фермерско-буржуазного) и «прусского» (помещичье-латифундистского). Концепция была выдвинута В.И. Лениным и применялась советскими историками при изучении становления капитализма в сельском хозяйстве во многих странах. При изучении США собственно «американский» путь отождествлялся с фермерскими хозяйствами, а «пруссский» — с плантаторско-рабовладельческими. Между ними устанавливались принципиальные различия и раскрывалась их борьба вплоть до конца XIX в.

Американские историки никогда этой концепции не использовали (полагаю, что их большинство о ней даже не слышало), но многие среди них по сути анализировали развитие капитализма в сельском хозяйстве США со схожих позиций. Вместе с тем достаточно сильны были позиции тех, кто не проводил жестких различий между рыночно-капиталистическими тенденциями Севера и Юга. Кроме того, большинство американских историков не усматривали столько противоречий в рамках передового фермерского пути, сколько находили их

³¹ Encyclopedia of American Economic History. Vol. 1. P. 69; Taylor G.R. Op. cit. P. 451.

советские авторы. Имеющиеся в отечественной американистике исследования этой проблемы, на мой взгляд, во многом сохраняют свое значение, но вместе с тем ряд схематических трактовок нуждаются в исправлении.

Фермерский путь, господствовавший на Северо-Востоке и Северо-Западе (в литературе этот регион применительно к тому периоду так же часто называют Средним Западом), развивался более успешно и с меньшим количеством противоречий, нежели это представлялось в советской американистике. На протяжении всего рассматриваемого периода количество самостоятельных фермеров — собственников почти в три раза превышало численность сельскохозяйственных рабочих, а количество ферм продолжало существенно увеличиваться как на Западе, так и на Северо-Востоке. Это важно подчеркнуть, так как сохранялась устойчивая тенденция оттока жителей «малоземельных» северо-восточных штатов на необозримые и более перспективные земли Запада, и, казалось бы, количество ферм на Северо-Востоке, как минимум, не должно было увеличиваться. Но этого не наблюдалось. Даже в десятилетие перед Гражданской войной, когда переселение на Запад достигло наибольшего масштаба, на Северо-Востоке активно создавались фермерские хозяйства (но в меньшем количестве, чем на Западе).

Таблица 3

Фермерские хозяйства (в тыс.) в свободных штатах с 1850 по 1860 г.³²

Количество ферм	1850 г.	1860 г.
Северо-Восток	491	565
Средний Запад	368	587

Общее количество ферм в свободных штатах в канун Гражданской войны — 1152 тыс. — превосходило на одну четверть число ферм в южных штатах (892 тыс.). Большинство ферм обходились трудом самих фермерских семей, но на части ферм использовался и наемный труд. В 1860 г., когда в США впервые было подсчитано количество сельскохозяйственных рабочих, выяснилось, что таковых было чуть

³² Подсчитано по данным из кн.: *Meyer D.R. Op. cit. P. 164.*

менее 800 тыс. В свободных штатах их было больше, чем в рабовладельческих (здесь не только плантаторы, но и многие фермеры использовали труд черных рабов). В наиболее развитых штатах Северо-Запада наемные рабочие составляли от одной трети до двух пятых численности занятых в сельском хозяйстве. Тем не менее, и в этих штатах ощущался дефицит рабочих рук, что, казалось бы, должно было создать благоприятные условия для роста оплаты труда в сельском хозяйстве. Этого, однако, не происходило, заработки оставались низкими — так, в 1840-х гг. сельскохозяйственные рабочие получали в среднем от 10 до 15 долл. в месяц. В разгар сельскохозяйственных работ они трудились за такую низкую плату по 13–14 часов в день³³.

При всем том, что фермерские хозяйства развивались успешно как в восточных (северной части), так и западных районах, их главным местоположением все же становился Запад — в большей мере его северная, в меньшей южная части. То был золотой период освоения американского Запада. Не случайно Ф. Дж. Тернер изучал историческое своеобразие и историческую роль этого региона в первую очередь на примере 1820–1850-х гг. О темпах переселения американцев на западные территории свидетельствует сравнительная характеристика численности населения восточного и западного регионов: в период с 1810 по 1860 г. в первом она выросла в 2,5 раза, а во втором в 14 раз³⁴.

Западные территории по закону были первоначально государственной собственностью США и составляли так называемый общественный земельный фонд. Этот фонд в первой половине XIX в. постоянно увеличивался, благодаря территориальным приобретениям Соединенных Штатов (в 1803 г. присоединена Луизиана, в 1819 г. — Флорида, в 1845 г. — Техас, в 1846 г. — Орегон). Земли государственного фонда поступали в продажу на условиях, определявшихся центральной властью. В конце XVIII в., когда у власти находились федералисты, условия продажи носили консервативный характер, но с начала XIX в., после прихода к власти джефферсоновских республиканцев, они стали облегчаться. С 1800 по 1820 г. минимальный размер земельного участка, поступавшего в продажу, снизился с 640 до 80 акров, а минимальная цена за акр с 2 до 1,25 долл.

Простые американцы, переселявшиеся на западные территории, не удовлетворялись и этими условиями, продолжая практику скваттерства — незаконного (без купли) занятия земли, ее обработки и об-

³³ *Pessen E.* Op. cit. P. 106.

³⁴ *Walton J.M., Rockoff H.* Op. cit. P. 168.

ращения в свою фактическую собственность. Когда же государство все же пыталось выставить незаконно присвоенные участки на торги, то скваттеры требовали, чтобы земля была продана только им и по минимальной цене. Чтобы пресечь попытки земельных спекулянтов перекупить участки по более высокой цене, скваттеры, объединявшиеся в вооруженные товарищества, являлись в соответствующей экипировке на аукцион и пресекали попытки продиктовать невыгодные условия торга. В скваттерской среде зародилось требование принятия закона, закреплявшего за реальными поселенцами преимущественное право при покупке на аукционе земельного участка. Не исчезло и требование о дальнейшем облегчении доступа к государственному земельному фонду.

Эти требования получили законодательное воплощение после прихода к власти Э. Джексона и введомой им Демократической партии. В 1832 г. минимальный размер поступавшего в продажу земельного участка был снижен до 40 акров. В 1841 г. был принят федеральный закон, закреплявший за реальными поселенцами преимущественное право на покупку участков, выставленных на аукцион. После этого скваттер мог приобрести минимальный участок за 50 долл. В 1854 г. федеральным законом устанавливалось правило, согласно которому участки земли, не проданные на аукционе в течение 30 лет, могли быть куплены по цене 12,5 цента за акр. Тогда же среди демократически настроенных политиков был выдвинут законопроект о гомстеде — предоставление американским гражданам, пожелавшим приобрести землю на Западе, бесплатного участка земли в 160 акров (64 гектара). В 1860 г. они сумели провести законопроект в Конгрессе США, но президент Дж. Бьюкенен отклонил его, прибегнув к праву вето. И все же в 1862 г., уже в ходе Гражданской войны, новый президент А. Линкольн и Республиканская партия, рассматривавшие закон о гомстеде как главный в своих законодательных предложениях, сумели одобрить этот самый демократический аграрный акт в американской истории.

Массовое переселение простых американцев на Запад, их обращение в сельских собственников издавна привлекало внимание не только профессиональных историков, но всех, кто пытался осмыслить это явление и особенно его влияние на американское общество. Еще в 1820-х гг. знаменитый немецкий философ Г. Гегель увидел в нем уникальную особенность американского опыта, важнейшее условие снятия в США естественным образом социального напряжения и массового недовольства. Нижние слои вместо того, чтобы «выяснять отношения» с верхним классом в обжитых восточных районах, передви-

гались на свободные территории, превращаясь в самостоятельных фермеров³⁵. Это наблюдение Гегеля развивалось впоследствии многими, а в конце XIX в. получило классическое выражение в работе Ф.Дж. Тернера «Значение границы в американской истории»³⁶. Массовое переселение американцев на Запад было осмыслено им как основополагающая особенность американской цивилизации: оно было движущим фактором демократизации Соединенных Штатов, обеспечения высокой социальной мобильности, снятия социальных конфликтов. Одна из концепций, оформившихся в лоне этой интерпретации, наделяла западные земли ролью «предохранительного клапана». Трудящийся класс восточных классов протестовал против низкой заработной платы не с помощью забастовок, а посредством переселения на западные земли и обращения в фермеров, вследствие чего классовый конфликт труда и капитала не мог пустить в США сколько-нибудь прочных корней.

Концепция Тернера до сих пор сохраняет влияние в американской историографии, правда, в модернизированном виде³⁷. Но со временем у нее появились и критики, обнаружившие в построениях Тернера серьезные изъяны. Например, было показано, что эпицентром формирования американской демократии были все же не западные, а восточные районы. Наиболее же ощутимый удар критиками был нанесен по теории «предохранительного клапана».

Во второй четверти XX в. целая группа прогрессистских историков США (К. Гудрич, С. Дэвисон, Ф. Шэнон, Л. Хэкер и др.) выступила с доказательствами несоответствия положений Тернера реальной исторической практике. Были сформулированы следующие основные аргументы: у среднего американского рабочего не было достаточно средств для переселения на Запад и основания фермы (для этого даже при условии незаконного занятия земельного участка требовалось от 1 до 1,5 тыс. долл.); пик переселений на Запад приходился не на годы экономических кризисов и спадов, как это вытекало из построений Тернера, а на периоды экономического подъема; основную массу переселенцев составляли не рабочие, а дети фермеров, имевшие материальную поддержку семьи и навыки сельскохозяйственного труда³⁸.

³⁵ См. об этом: *Hacker L. The Triumph of American Capitalism. N.Y., 1963. P. 200–201.*

³⁶ *Turner F.J. The Frontier in American History. N.Y., 1920. P. 1–38.*

³⁷ См., напр.: *Billington R.A. Westward Expansion: A History of American Frontier. N.Y., 1967; idem. America's Frontier Heritage. N.Y., 1966.*

³⁸ Подробный анализ этих концепций см.: *Hacker L. Op. cit. P. 198–217; Болховитинов Н.Н. Указ. соч. С. 308–317.*

Во второй половине XX в. эта критика была дополнена представителями школы «новой экономической истории» (известна так же как школа клиометристов). При помощи математической обработки массовых источников они показали: оттока рабочих на Запад в годы экономических кризисов не происходило; фермы на свободных территориях создавались по преимуществу выходцами из фермерской среды восточных районов; пики переселений определялись в первую очередь таким экономическим фактором, как рост спроса и цен на сельскохозяйственные продукты — для Северо-Запада особое значение имел рост цен на пшеницу, а для Юго-Запада — на хлопок³⁹.

В концепции Тернера были обнаружены и другие недостатки. К наиболее серьезным следует отнести представление об освоении Запада как исключительно аграрном процессе. В действительности в продвижении на Запад активно участвовали земельные спекулянты, железнодорожные и иные транспортные компании, купцы, разработчики и добытчики полезных ископаемых, а в сельскохозяйственном освоении Юго-Запада с фермерами активно соперничали плантаторы. То есть и в экономическом, и в социальном плане освоение Запада было процессом гораздо более сложным и противоречивым, нежели это представлялось Тернеру.

И все же при всех недостатках концепции Тернера она и сегодня не может быть признана несостоятельной и списана в историографический архив. Ряд ее принципиальных положений сохраняет научное значение. Самое главное среди них заключается в том, что Запад действительно серьезно влиял на цивилизационное своеобразие США. Массовое переселение американцев на западные территории и обращение многих из них в самостоятельных собственников укрепляло демократические стороны американского капитализма, расширяло его социальную базу, обеспечивало ему преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации. Капитализм в сельском хозяйстве США развивался более динамично и успешно, нежели, например, в Англии, как и в большинстве других европейских стран, где нижние слои не располагали схожими возможностями продвижения в верхние социальные группы. Благодаря в первую очередь наличию «подвижной границы» на Западе, как она известна в исторической литературе, создавалась «подвижная граница» между классами, давшая основание К. Марксу, этому беспощадному критику капитализма, за-

³⁹ См., напр.: *North D.C.* Op. cit. P. 124–137; *The Reinterpretation of American Economic History* / Ed. W.R. Fogel, S.L. Engerman. N.Y., 1971. P. 80; *Atack J., Bateman F.* To Their Own Soil: Agriculture in the Antebellum North. Iowa State University Press., 1987. P. 142–144.

ключить в 1852 г., что в США «классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в непрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу...»⁴⁰. Это было серьезным отличием американского капитализма от европейского.

Сколько-нибудь массового оттока рабочих на Запад, вопреки утверждениям Тернера, не происходило, но это не означает, что необозримый государственный земельный фонд никак не влиял на американский пролетариат. Фактор Запада оказывал на него огромное социокультурное воздействие. Поддерживавшаяся благодаря этому фактору социальная мобильность вселяла в рабочих США веру в возможность если не быстрого, то, хотя бы со временем, обращения в самостоятельных хозяев, формировала у них не пролетарское, а буржуазно-индивидуалистическое сознание. Отток малоимущих фермеров на Запад по-своему влиял на взаимоотношения труда и капитала. «Излишние» восточные фермеры в случае отсутствия возможности обоснования на западных землях могли влиться в ряды восточного пролетариата, что усугубило бы ситуацию на рынке труда и было чревато обострением индустриальных конфликтов.

Западные земли, серьезно влиявшие на социальные черты американской цивилизации, оказывали не меньшее воздействие и на ее экономические показатели. К западным территориям переходило лидерство в производстве сельскохозяйственной продукции. К 1860 г. северо-западный регион выращивал более половины зерна, производимого США, а юго-западный регион опередил Юго-Восток в выращивании хлопка. Сельскохозяйственные успехи Запада стали важнейшей причиной успешной конкуренции США с европейскими странами на мировом сельскохозяйственном рынке.

Характеризуя роль свободных земель в развитии американской цивилизации, ее ни в коем случае нельзя рассматривать исключительно как роль географического фактора. Свободные земли имелись не только в США. Они в огромном размере наличествовали в России, которая, однако, не смогла даже в малой мере извлечь из них такую пользу, какую извлекли из своих западных территорий Соединенные Штаты. Главная причина заключена в фундаментальном различии социально-политических основ двух обществ. Феодално-монархическая Россия не могла дать своему населению тех возможностей в освоении свободных территорий, какие давали пусть и не всему, но значительной части своего народа радикально отличные по социальной природе Соединенные Штаты. Как следствие, радикальными

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 127.

были и различия экономических показателей двух разнородных цивилизаций.

Одной из важнейших черт американской рыночно-капиталистической экономики 1820–1850-х гг. было то, что ее органичной частью выступало рабовладельческое сельское хозяйство южных штатов. Взаимоотношение капитализма и рабства в национальном масштабе, как и соотношение капиталистических и некапиталистических начал в экономике самих южных штатов, является одной из фундаментальных проблем американистики, получавшей всегда неоднозначное решение. Оформились три основные точки зрения: 1) экономика южных штатов была по сути капиталистической; 2) Юг был рабовладельческим регионом, несовместимым с капиталистической цивилизацией; 3) Юг был гибридом, в котором присутствовали как капиталистические, так и не капиталистические черты.

Ответ на вопрос об общественно-исторической сущности американского Юга предполагает рассмотрение всех его основных составляющих — экономической, социальной, политической и культурной. Я сосредоточусь на экономической характеристике южных штатов. Другие составляющие южного рабовладения требуют отдельного анализа. Два региона — Север и Юг — применительно к рассматриваемому периоду часто характеризуются как свободные и рабовладельческие штаты. Данное определение в наибольшей степени подчеркивает их сущностное различие. Это не означает, что в северных штатах вообще не было рабов, они сохранялись, но к началу Гражданской войны их насчитывалось всего 64. В южных же штатах их было около 4 млн, и именно черные рабы составляли главную рабочую силу экономики Юга. Они же указывают на принципиальное различие в составе населения Севера и Юга.

Таблица 4

Сравнительная характеристика населения Севера и Юга в 1860 г.⁴¹

Регион	Общая численность	Белые американцы	Рабы	Свободные афро-американцы	Остальные
Север	19 127 948	18 828 075	64	26 152	76 657
Юг	12 315 373	8 097 464	3 953 696	261 918	2 295

⁴¹ Perry J.C. Myths and Reality of American Slavery. Shippensburg, 2002. P. 93.

Один из исторических парадоксов американского рабовладения заключался в том, что после революции конца XVIII в., нанесшей ему ощутимый удар на Севере и запретившей ввоз рабов во все штаты после 1808 г., рабство не только не ослабло, но, напротив, обрело вторую жизнь. Главная причина заключалась в потребностях как мирового, так и национального капитализма: его главная в тот период отрасль, хлопчатобумажная, остро нуждалась в сырье, и этот запрос был удовлетворен американским Югом, сменившим на рубеже XVIII–XIX вв. свою главную культуру, табак, на хлопок. Хлопок сделал товарно-рыночное сельскохозяйственное производство на Юге господствующим, стал одной из главных основ успехов не только региональной, но и общенациональной экономики. В 1860 г. южные штаты производили две трети мирового хлопка, составлявшего половину национального экспорта. Ввоз рабов в США извне после 1808 г. был прекращен, но в условиях гигантского спроса на рабскую силу некоторые южные штаты стали специализироваться на «разведении» рабов и их продаже в других штатах. В результате с 1790-х гг., когда в Соединенных Штатах были приняты роды «короля-хлопка», как его вскоре стали называть, по 1860 г. число рабов выросло почти в 7 раз. Американская мечта для белых жителей в южных штатах заключалась в приобретении не только собственной фермы, но также хотя бы нескольких собственных рабов, без которых производить хлопок на рынок было практически невозможно.

Сделать это было непросто: стоимость раба — сборщика хлопка в период с 1810 по 1860 г. возросла с 700 до 1800 долл. То есть приобретение раба, правда, из самой дорогой и самой востребованной категории, обходилось дороже, нежели основание фермы. Рабов имела одна четверть белых семей южных штатов — около 350 тыс. (общее количество белых семей на Юге составляло 1,5 млн). Среди рабовладельцев существовала многоступенчатая дифференциация.

Рабовладельческих семей, которые было принято считать плантаторскими (владели каждая более чем 20 рабами), насчитывалось около 38 тыс., т.е. менее 11% от общего числа. Остальные хозяйства относились к фермерским (владели 10 и менее рабами) и промежуточному типу (владели более чем 10, но менее чем 20 рабами). Рабовладельческие хозяйства — плантаторские и фермерские — были главными поставщиками хлопка и других культур на рынок, они же составляли верхний социально-экономический слой белого населения. В хлопковых районах рабовладельцам принадлежало от 90 до 95% сельскохозяйственного богатства. Рабовладельческая семья, по расчетам ис-

торика Г. Райта, была в 13,9 раза богаче нерабовладельческой⁴². Наконец, можно отметить, что среди рабовладельческих семей в качестве высшего класса выступали 1783 семьи, каждая из которых владела более чем 100 рабами.

В дискуссиях об экономическом характере и экономической составляющей американского рабовладения главным неизменно был вопрос о его прибыльности. На современном этапе этот вопрос был дополнен вопросом об его эффективности. Выразители критического взгляда на экономические возможности и показатели американского рабовладения указали, что рабство могло быть прибыльным, но неэффективным, основываться не на внедрении технических и организационных нововведений капиталистического типа, а на простой сверхэксплуатации рабов.

В десятилетия перед Гражданской войной оценки экономических показателей американского рабовладения, как правило, прямо зависели от мировоззренческих симпатий. Противники рабовладения доказывали, что оно деградирует и обречено на крах, их оппоненты, напротив, утверждали, что рабство развивается успешно и по всем экономическим показателям превосходит капиталистическую экономику Севера. После Гражданской войны, когда главную роль в изучении рабовладения стала играть профессиональная историография, значение мировоззренческих подходов стало ослабевать, хотя и не исчезло вовсе. На современном этапе привязка тех или иных оценок рабовладения к мировоззрению историков не принята; историков, настаивающих на экономической эффективности рабовладения и его капиталистическом характере, часто представляют как выразителей «оптимистического» подхода, а их оппонентов — «пессимистического».

Как это ни парадоксально, но первым авторитетным выразителем «пессимистического» подхода был историк — У.Б. Филлипс, который одновременно известен и как бескомпромиссный защитник системы плантационного рабства. Отстаиваемая им концепция заключалась в том, что плантаторы, несмотря на экономическую нерентабельность их хозяйств, продолжали их поддерживать, руководствуясь социально-патриархально-гуманистическими мотивами: рабовладение было незыблемым фундаментом миропорядка в южных штатах, представляло основу благополучия и покоя как хозяев, так и рабов, которые благодаря опеке рабовладельцев превращались из варваров в цивилизованных людей⁴³.

⁴² *Wright G.* The Political Economy of the Cotton South. N.Y., 1978. P. 35, 42.

⁴³ *Phillips U.* American Negro Slavery. N.Y., 1918; *idem.* Life and Labor on the Old South. Boston, 1929.

Среди первых профессиональных оппонентов Филлипса наиболее квалифицированным признают Л. Грея, крупнейшего специалиста по аграрной истории южных штатов. Согласно его заключению, рабство, в первую очередь на плантациях, было рентабельно, а труд рабов, возможно, даже более производителен, чем труд наемных рабочих на Севере; плантаторские хозяйства являлись по сути капиталистическими, но их неотъемлемыми чертами были изнурительный интенсивный труд подневольной рабочей силы и физические наказания⁴⁴.

В последующем вопрос о прибыльности и эффективности южного рабовладения привлекал внимание многих исследователей, разделившихся на влиятельные историографические школы. Ядро первой составили приверженцы неоклассического политэкономического подхода, для которых главным в оценке плантационного рабства являются показатели рентабельности, в первую очередь максимизация прибыли. Ядро второй составили представители неомарксистского подхода, а также те историки, для которых способ эксплуатации рабочей силы и вытекающие из него социально-экономические показатели и характеристики имеют принципиальное значение в оценке не только исторического места плантационного рабства, но и его экономических возможностей⁴⁵.

В рамках неоклассического подхода первым фундаментальным исследованием явилась монография А. Конрада и Дж. Мейера 1964 г., которая в отличие от работы Грея основывалась на экономико-математических методах исследования и являлась типичным продуктом новой клиометрической историографии. Конрад и Мейер скрупулезно рассчитали прибыльность плантаторских хозяйств: 2,2% на плохих почвах и 13% на плодородных, кроме того, они определили доход плантаций по «разведению» рабов — от 7,1 до 8,1%⁴⁶. Клиометрический подход гарвардских ученых был развит во многих работах, а самой знаменитой среди них явилась двухтомная монография Роберта У. Фогела и Стэнли Л. Энгермана, опубликованная в 1974 г.⁴⁷ Она стала предметом жарких дискуссий на протяжении нескольких десятилетий, в рамках споров оформились главные современные концепции плантационного

⁴⁴ *Gray L.C. History of Agriculture in the Southern United States to 1860. Vols. 1–2. Wash., 1933.*

⁴⁵ Современный анализ научных размежеваний в США по проблеме плантационного рабства см.: *Smith M.M. Debating Slavery: Economy and Society in the Antebellum American South. N.Y., 1998.*

⁴⁶ *Conrad A.H., Meyer J.R. The Economics of Slavery and Other Studies in Economic History. Chicago, 1964. P. 82, 223–233. Цит. по: Болховитинов Н.Н. Указ. соч. С. 170.*

⁴⁷ *Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross. Vols. 1–2. Boston, Toronto, 1974.*

рабства. Оба историка, в первую очередь Фогел, сохраняли в последующем высочайшую научную активность, став признанными мэтрами неоклассической школы.

В работах Фогела и Энгермана, как и их последователей, развивались и обосновывались четыре основных положения:

1) Экономическое развитие южных штатов было успешным и не испытывало кризисных явлений вплоть до Гражданской войны. Хотя Юг сохранял по преимуществу аграрный характер, его промышленность и торговля по показателям не уступали многим капиталистическим странам той эпохи. По этим показателям южные штаты уступали только Великобритании и Северу США, но шли вровень с такими европейскими странами, как Франция, Германия и Австро-Венгрия. Рабство было высокопродуктивной и прибыльной экономической системой, достигшей в канун Гражданской войны наивысших показателей.

2) Крупные плантации по организации труда и эффективности были по сути «полевыми фабриками», их владельцы по менталитету и поведению являлись типичными бизнесменами, предпринимателями капиталистического типа. Рабский труд на таких плантациях был более производителен, нежели свободный труд белых фермеров и сельскохозяйственных рабочих.

3) Плантационное рабство обеспечивало гораздо более высокий уровень жизни, нежели тот, который гарантировал промышленный капитализм наемному пролетариату, или тот, которого достигли черные американцы после освобождения.

4) Рабство не подавляло духовные, умственные и физические способности негров, которые прекрасно справлялись с функциями надсмотрщиков, перешли к моногамной семье, приобщились к христианской религии, а по своей трудовой этике не отличались от свободных рабочих. По этой причине отпадала необходимость их физического наказания, и типичные плантаторы прибегали к плети не более 0,7 раза в год. В целом рабовладельческие хозяйства, как и вся экономика Юга, соответствовали капиталистическому типу.

Оппоненты неоклассической школы выдвинули весомые контраргументы как теоретического, так и конкретно-исторического толка. Основополагающий аргумент заключался в том, что по всем основным показателям капиталистической модернизации Юг серьезно уступал Северу, все более от него отставал, превращаясь постепенно в аграрно-сырьевой придаток либерально-капиталистической цивилизации. Некоторые более высокие экономические показатели рабовладельческого Юга объяснялись тем, что он проходил стадию зрелости, в то время

как промышленно-капиталистический Север только начинал экономическое восхождение.

Трудно оспорить то, что своими высокими экономическими результатами Юг был обязан монокультурному характеру сельскохозяйственного товарного производства. Предпринимательские усилия рабовладельческого класса были подчинены производству и продаже хлопка, в жертву которому были принесены как промышленность, так и большинство сельскохозяйственных культур (они не были вообще преданы забвению, но их роль в экономике была второстепенно-вспомогательной). Как заметил П. Колчин, богатство Юга, подобно богатству современной Саудовской Аравии, возрастало благодаря счастливой, подаренной в первую очередь природой возможности производить и экспортировать во все возрастающих количествах дорогое сырье, востребованное в ту конкретную эпоху капиталистической промышленностью и мировым рынком⁴⁸. «Король-хлопок» на самом деле обслуживал интересы промышленного капитализма, был не господином его, а слугой, и перипетии последнего, например, смена ведущей отрасли, неизбежно должны были повлечь экономическую стагнацию Юга.

Экономическая однобокость Юга ярко проявилась в разных темпах урбанизации двух регионов. Темпы урбанизации Севера были одними из самых высоких в мире. Так, только в 1850-е гг. население Нью-Йорка выросло с 612 тыс. до 1 млн, а население Филадельфии — с 340 до 565 тыс. Население самого крупного города Северо-Запада, Чикаго, возникшего в 1830-е гг., за то же десятилетие выросло с 29 до 109 тыс. Городское население Севера в 1860 г. составляло 35,7% численности региона, в то время как на Юге оно не превышало 10%. Самые крупные города Юга, за единственным исключением Нового Орлеана (168 тыс. в 1860 г.), располагались в приграничных с Севером штатах, тесно связанных экономически с этим промышленным регионом (самым многочисленным городом Юга была столица одного из таких штатов, Мэриленда, Балтимор — 212 тыс. жителей в 1860 г.).

В последней трети XX в. одним из наиболее ярких оппонентов неоклассической школы выступал Ю. Джиновизе. Джиновизе особенно подчеркивал принципиальную роль разных способов эксплуатации рабочей силы на Севере и Юге в определении характера и, как неизбежное следствие, темпов экономического развития двух регионов. Если на Северо-Востоке, эпицентре капиталистической экономики, капиталовложения шли на расширение, перевооружение, развитие

⁴⁸ *Kolchin P. American Slavery, 1619—1877. N.Y., 1999 (1st print. 1993). P. 174.*

технико-производственного парка, что обеспечивало быстрые темпы индустриализации, то на Юге свободные капиталы были предназначены в первую очередь для приобретения рабов и свободных земель. «Цена» северо-восточного капиталиста определялась стоимостью принадлежавших ему акций, фабрик, станков, а «цена» плантатора — численностью и стоимостью принадлежавших ему рабов и земель. Северо-восточный капитализм обеспечивал развитие инфраструктуры рыночно-сельскохозяйственной экономики Юга: предоставлял займы, строил железные дороги, производил и поставлял сельскохозяйственные машины и иную технику⁴⁹.

Ф. Бейтмен и Т. Уэйс посвятили специальную работу исследованию промышленного развития рабовладельческого Юга, а итог подвели в самом ее названии — «Жалкие крохи: провал индустриализации рабовладельческого хозяйства». Скрупулезно изучив развитие разных промышленных отраслей Юга, в первую очередь хлопчатобумажных предприятий, историки пришли к заключению, что оно не может идти ни в какое сравнение с промышленным развитием Севера. Показателен такой пример: только в одном г. Лоуэлле, центре хлопчатобумажной промышленности Массачусетса, в середине XIX в. насчитывалось примерно столько же веретен, сколько на всем американском Юге⁵⁰.

Многие оппоненты неокласической школы показали, что ее представители, в том числе мэтры, сравнивая различные показатели южного и северного регионов, подчас их весьма грубо искажали⁵¹. Особенно это касается условий существования и доходов наемных рабочих на Северо-Востоке и рабов на Юге. Впрочем, и сами представители неоклассической школы порой приводили данные, свидетельствующие о неправомочности их выводов о лучших условиях существования рабов. Фогел во всех своих трудах приводил расчеты, свидетельствующие о более быстром росте душевого дохода белого населения Юга в сравнении с белым населением Севера (в период с 1840 по 1860 г. он вырос на Юге в 1,43, а на Севере в 1,29 раза). Но тот же Фогел показы-

⁴⁹ *Genovese E.D.* The Political Economy of Slavery. Studies in the Economy and Society of the Slave South. N.Y., 1965.

⁵⁰ *Bateman F., Weiss Th.* A Deplorable Scarcity: The Failure of Industrialization in the Slave Economy. Chapel Hill, 1981. P. 186–192. См. так же: *Шпотов Б.М.* Была ли на Юге и Западе США промышленная революция? Постановка проблемы // Американский ежегодник 2000. М., 2002. С. 37.

⁵¹ Одним из первых впечатляющую критику Фогела и Энгермана дал выдающийся историк — клиометрист демократической ориентации Г. Гатман: *Gutman H.G.* Slavery and the Number Game. A Critique of Time on the Cross. Urbana, etc., 1975.

вал, что если душевой доход белого населения Юга по абсолютному показателю был в 1860 г. в 1,05 раза выше, чем у белого населения Севера, то душевой доход всего населения Юга, т.е. включая рабов, был в 1,37 раза ниже, чем на Севере⁵². Эти цифры могут свидетельствовать об одном: положение рабов на Юге, вопреки всем иным сравнениям неоклассической школы, по совокупности было хуже, чем положение наемных рабочих на Юге.

Богатство Юга распределялось крайне неравномерно не только между свободными и рабами, но также и внутри самого белого населения. Д. Норт раскрыл крайне неблагоприятное воздействие рабовладения на экономику Юга. Согласно его аргументации, более-менее равномерное распределение доходов среди фермеров Севера поддерживало между ними высокий тонус конкуренции и стимулировало дальнейшие инвестиции в сельскохозяйственное производство. На Юге же сверхдоходы рабовладельческого меньшинства в первую очередь шли на расточительное личное потребление. Социальные особенности Юга, согласно расчетам Нортона, сказывались также неблагоприятно на финансировании сферы образования, игравшей ключевую роль в процессе капиталистической модернизации⁵³.

В целом можно заключить, что процесс капиталистической модернизации на Юге развивался существенно медленнее, чем на Севере, между экономиками двух регионов в эпоху промышленной революции накапливались принципиальные качественные различия. Главной причиной этого было радикальное различие социальных отношений и социальных структур Севера и Юга. Вместе с тем замедленная капиталистическая модернизация Юга не была равнозначна стагнации его экономического развития. А «король-хлопок», тормозивший капиталистическую модернизацию самого Юга, являлся важным фактором успешной капиталистической модернизации Севера, в первую очередь его хлопчатобумажной промышленности, выступавшей локомотивом промышленной революции в целом.

⁵² Fogel R. W. *Without Consent and Contract. The Rise and Fall of American Slavery*. N.Y., 1989. P. 85.

⁵³ North D. *Op. cit.* P. 4–9, 153–155.

Джексоновская демократия*

Джексоновская демократия — эпоха экономических и политических реформ 1820–1830-х гг., как и некоторые другие крупные проблемы истории США, имеет две главные различающиеся трактовки¹. В трудах прогрессистских историков Джексон и джексоновцы, создавшие в 1820–1830-е гг. Демократическую партию США, и их противники, организовавшие тогда же Вигскую партию, традиционно, по меньшей мере вплоть до середины XX в., представляли если уж не как классово противоположные, то точно как радикально отличные друг от друга. Историки-прогрессисты, противопоставлявшие демократов как народную «антикапиталистическую» и вигов, капиталистическую, партии, доминировали до середины XX в. В исторической литературе второй половины XX в. возобладал ревизионистский подход, отрицающий наличие социально-экономических и политических отличий между демократами и вигами. Признать единственно верной традиционную или, наоборот, ревизионистскую точку зрения не представляется возможным по той причине, что ни та, ни другая не заключают в себе удовлетворительного синтеза. В традиционной концепции преобладает интерес к идеологии демократов и вигов, в которой их различие проступает наиболее зримо. В ревизионистской литературе доминирует интерес к социальному составу демократов и вигов, в котором различие между ними минимально. Полнокровный синтез исторического места демократов и вигов предполагает, как минимум, анализ четырех компонентов: 1) состав их руководства; 2) социальная база; 3) идеология демократов и вигов; 4) результаты практической деятельности.

* Впервые опубликовано в кн.: Русское открытие Америки. Сборник статей в честь 70-летия академика Н.Н. Болховитинова. М., 2002.

¹ Подробный анализ историографии джексоновской демократии см.: *Согрин В.В.* Политическая история США. М., 2001. С. 100–103.

В наиболее обобщенном виде основной конфликт джексоновской эпохи можно обозначить как конфликт между теми слоями белого населения, которые уже обросли определенными статусами, правами и привилегиями, и теми слоями, которые таковыми были обделены, но на них все более активно претендовали. Эти ущемленные (конечно, в разной степени) социальные слои формировались и из пионеров-фермеров, осваивавших западные территории, и из начинающих предпринимателей и рабочего класса новой индустриальной Америки, и из европейских иммигрантов, оказывавшихся на нижних социальных ступенях в сравнении с коренными белыми американцами.

Возможности выражения политического недовольства при помощи избирательных бюллетеней, которыми воспользовались Джексон и его сторонники, серьезно упрочились в 1820-е гг., когда во многих штатах были приняты законы, расширявшие избирательное право. При этом процесс политической демократизации отнюдь не был запущен Джексонем, как полагают некоторые авторы², а предшествовал его приходу к власти. Еще в начале XIX в., в эпоху джефферсоновской демократии, штаты Нью-Джерси (1807) и Мэриленд (1810) отменили имущественный избирательный ценз. После англо-американской войны 1812–1815 гг. прокатилась целая волна отмены имущественного ценза. Американский историк Ч. Уильямсон, один из наиболее авторитетных исследователей эволюции избирательного права в США, попытался закрепить лидерство в этом процессе за восточными штатами и упрекнул известного историка Ф. Дж. Тернера в том, что, обосновывая приоритет западных штатов, он поставил «западную телегу впереди восточной лошади»³. Упрек этот не вполне справедлив: если имущественный ценз вначале был отменен действительно в некоторых восточных штатах, то его стремительное повсеместное крушение после 1815 г. было связано именно с политической активностью жителей западных штатов. В восточных штатах этот процесс протекал в целом медленнее и сталкивался с серьезным сопротивлением элит. В целом же к 1828 г., т.е. к моменту избрания Джексона президентом, имущественный ценз сохранялся только в трех (Род-Айленд, Виргиния и Луизиана) из 24 штатов. В результате демократизации избирательного права в 1800–1820-е гг. количество избирателей в США выросло в четыре раза.

² См., напр.: *Черниловский З.М.* От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного суда США. М., 1982. С. 52.

³ *Williamson Ch.* American Suffrage: From Property to Democracy, 1760–1860. Princeton, 1968. P. 209.

Вторая важная политическая новация 1820-х гг. — повсеместная передача права избрания президентских выборщиков от легислатур штатов рядовым избирателям. К 1828 г. только в одном штате — Южной Каролине — избрание президентских выборщиков еще сохранялось за легислатурой. Демократические нововведения способствовали росту политической активности взрослого белого мужского населения США, которое с 1820-х гг. почти в полном составе могло участвовать в выборах как законодателей, так и президента. Возрастанию политической активности рядовых избирателей благоприятствовали и экономико-технические изменения: благодаря бурному строительству дорог, совершенствованию транспортных средств путь к избирательным участкам стал много короче и легче.

Рост политической активности американцев характеризуют следующие цифры: в 1788-м и 1790-м гг. в первых общенациональных выборах участвовало соответственно 13 и 16% избирателей, в 1824 г. в президентских выборах приняли участие 26,5, а в 1828 г. уже 56,3%. Сам электорат в 1820-е гг. увеличился в четыре раза. В 1840-м количество избирателей, воспользовавшихся правом волеизъявления, достигло рекордного уровня — 78% и в последующем вплоть до начала 1900-х гг. составляло в среднем 75%⁴. В XX и XXI вв. этот уровень избирательской активности остался непревзойденным. Активность рядовых избирателей джексонской эпохи, вошедшей в историографическую традицию также как «эра массовой политики», явилась реальным фактором успеха либерально-демократических реформ 30–40-х годов XIX в.

Активность рядовых избирателей, обозначившаяся в 1820-е гг., отразила рост недовольства политикой «национальных республиканцев», утвердивших с конца 1810-х гг. практически свою партийную монополию в стране. Национальные республиканцы, формальные наследники джефферсоновской партии, фактически все более утрачивали связь с ее идеологией и стратегией. Они все более подчинялись интересам верхних слоев. В связи с этим в самой партии возникли разногласия. Она раскололась на фракции. Одну из них, заявившую о необходимости возрождения джефферсоновских принципов, возглавил Э. Джексон. Эта фракция постепенно оформилась в Демократическую партию. Те, кто остался в партии национальных республиканцев, стали называть себя вигами. С 1830-х гг. они взяли имя Виг-

⁴ *Formisano R.P.* The Transformation of Political Culture. Massachusetts Parties. 1790–1840-s. N.Y., 1983. P. 30; *McCormick R.L.* The Party Period and Public Policy. American Politics from the Age of Jackson to the Progressive Era. N.Y., 1986. P. 164.

ской партии. Так вызрела вторая американская двухпартийная система: демократы — виги.

Демократы и их политические оппоненты виги не были антагонистами. Созданная ими *вторая двухпартийная система* закрепила ту первооснову функционирования партий — консенсус в отношении основополагающих американских общественно-политических институтов, которая укоренилась еще в эпоху *первой двухпартийной системы* федералисты — джефферсоновские республиканцы. Ни виги, ни демократы не ставили под сомнение частную собственность, республиканизм, федерализм, разделение властей, социальную стратификацию. Демонстрируя приверженность мирному конституционному соперничеству, они одобрили принцип «кляпа» (the gag rule), т.е. запрет на обсуждение главной взрывоопасной проблемы — рабства. Но в взаимоотношениях партий присутствовала и альтернативность в выборе общественно-политического курса, которая по сравнению с эпохой первой двухпартийной системы серьезно обновилась.

Совокупность накопленных данных о социальном составе демократов и вигов свидетельствует, что обе партии рекрутировали свое руководство и актив из верхних слоев американского общества. Вместе с тем факты показывают, что новые и менее богатые элитные слои пополняли по преимуществу Демократическую партию. А актив вигов составляли уже устоявшиеся и более богатые страты верхнего класса⁵. О менее элитном характере Демократической партии в сравнении с Вигской свидетельствует то, что в ней было гораздо меньше людей с высшим образованием⁶. Не опровергнут и не утратил значения тот вывод, что после начала проведения джексоновских реформ соотношение американцев из верхнего класса в двух партиях стало резко меняться в пользу вигов⁷. Таким образом, сравнение социального состава и динамики руководства и актива двух партий позволяет увидеть в их соперничестве признаки «революции элит»: новые буржуазные слои и претенденты на элитные места пытались использовать Демократическую партию для того, чтобы потеснить старые, в первую очередь финансовые элитные группы.

Разношерстным был социальный состав электората демократов и вигов. При этом представители средних и нижних слоев, в том числе

⁵ Pessen E. Jacksonian America: Society, Personality and Politics. Urbana and Chicago, 1985. P. 236–243.

⁶ Burch P.H., jr. Elites in American History. Vol. 1. The Federalist Years to the Civil War. N.Y., L., 1981. P. 240–252.

⁷ Gatel F.O. Money and Party in Jacksonian America // Political Science Quarterly. 1967. No 2. P. 235–252.

фермерство и рабочие, разделялись в своих партийных симпатиях. Известный тезис А. Шлезингера-младшего о том, что рабочие безоговорочно поддерживали Джексона, не выдержал испытания временем. Локальные исторические исследования показали, что часть рабочих, как это имело место, например, в Нью-Йорке, голосовали за Демократическую партию, но другая часть, как, например, в Филадельфии, поддерживала вигов. И все же в поведении электората обнаруживается отчетливая и многозначительная тенденция: менее зажиточные и статусно ущемленные представители средних и нижних слоев отдавали предпочтение Демократической партии⁸. Характерна и политическая география разделения электората двух партий: экономически более развитые и коммерциализированные районы чаще отдавали предпочтение вигам, а экономическая «периферия» возлагала надежды преимущественно на Демократическую партию⁹.

Показательна социально-экономическая характеристика этнического и религиозного электората двух партий. Тезис Л. Бенсона¹⁰ и его последователей: большинство протестантов и янки голосовали за вигов, а католики и иммигранты становились опорой Демократической партии, — соответствует действительности. Но подобное этно-религиозное разделение включает в себе очевидный социальный подтекст. Коренные американцы, в первую очередь протестанты, обладали очевидными статусными преимуществами в сравнении с иммигрантами, среди которых во второй четверти XIX в. в большинстве были ирландцы и немцы католического вероисповедания. Поддержка коренными американцами и протестантами Вигской партии заключала желание сохранить эти преимущества, в то время как стремление иммигрантов и католических общин сплотиться вокруг Демократической партии, обещавшей последовательно бороться за «равенство возможностей», означало попытку перераспределения и обновления социальных статусов, укоренившихся в американском обществе. В целом анализ социальной базы двух партий, так же как социального состава их руководства и актива, позволяет заключить, что не только новые буржуазные группы, но и в целом экономически и статусно приниженные социальные слои белого населения обнаруживали тенденцию в большей мере поддерживать Демократическую партию.

⁸ *Holt M.F.* The Democratic Party 1828–1860 // *History of U.S. Political Parties*. Vols. 1–4 / Ed. A.M. Schlesinger, jr. N.Y., 1973. Vol. 1. P. 513.

⁹ *Watson H.L.* Liberty and Power. The Politics of Jacksonian America. N.Y., 1990. P. 236–237.

¹⁰ *Benson L.* The Concept of Jacksonian Democracy. New York as a Test Case. Princeton, 1961.

Однозначная социальная характеристика джексонских демократов затруднена по той причине, что в ней присутствовали разные и даже полярные фракции. В момент образования Демократической партии самыми влиятельными в ней были северо-восточная фракция во главе с М. Ван Бюреном и южная во главе с Дж. Кэлхуном. В образовании джексонской партии Ван Бюрен увидел шанс на пресечение «антиреспубликанской линии объединенного капитала» и твердо поддержал антимонополистические меры Джексона, став его самым надежным идейно-политическим партнером, а впоследствии и преемником, заняв после ухода Джексона в отставку кресло президента США (1837–1841). Дж. Кэлхун и ведомая им южная фракция возглавляли консервативное крыло Демократической партии. После избрания Джексона президентом США Кэлхун занял пост вице-президента. Вскоре, однако, между ними произошел острый конфликт. Отказ Кэлхуна подчиниться требованию Джексона о признании верховенства федеральных законов по отношению к правам штатов привел в 1830 г. к разрыву между ними. Кэлхун и часть южан, твердо отстаивавших суверенитет штатов, покинули Демократическую партию, но вернулись в нее в конце 1830-х гг. уже во времена президентства Ван Бюрена, сделавшего некоторые уступки раскольникам.

В Демократической партии были и более мелкие группировки как радикального, так и консервативного толка. На ее левом фланге были заметны сторонники Т. Бентона, блестящего оратора и яростного защитника западного фермерства. На левом фланге находились и представители северо-восточных рабочих партий типа О. Броунсона и Р. Оуэна, поддерживавших эгалитарные лозунги Джексона и дававших им радикальную трактовку. В зависимости от изменений курса Демократической партии «рабочая фракция» то покидала, то вновь поддерживала ее, не занимая, однако, ни разу сколько-нибудь влиятельного положения.

На правом фланге, кроме фракции Кэлхуна, расположилась также группировка северо-восточных буржуа, в которую входила и часть финансистов. С этой группировкой у Джексона произошел серьезный конфликт в 1833 г.: консервативная северо-восточная фракция встретила в штыки решение о ликвидации Национального банка. Джексон сомкнулся, как никогда тесно, с левыми фракциями. В целом магистральную линию Джексона и демократов 1830-х гг., если воспользоваться современной политической терминологией, можно определить как левоцентристскую.

Фракционные противоречия в Демократической партии достигли наивысшей точки уже после смерти Джексона (1845), во второй поло-

вине 1840-х гг., когда они приобрели региональный характер. Северная фракция выступила за запрещение рабства на присоединяемых к США территориях, а южная отстаивала противоположный подход. Верх взяли южане, и теперь уже северо-восточной фракции во главе с Ван Бюреном пришлось покинуть партию. Это означало радикальное изменение характера Демократической партии и прекращение эпохи джексоновской демократии.

Наиболее глубокими были идеологические различия между демократами и вигами. Эпоха джексоновской демократии оказалась важным самостоятельным этапом в развитии демократического варианта либерализма, которому противостоял элитарный вариант вигов. Ядро социально-экономических принципов Демократической партии той эпохи составляли идеи равенства возможностей и антимонополизм. Значительная часть демократов отстаивала джефферсоновскую концепцию прав человека, ставя права на свободу, жизнь, стремление к счастью выше права на собственность¹¹. Представители левого крыла извлекали отсюда радикально-уравнительные выводы, но большинство демократов ограничивались осуждением крайностей неравенства и требованием равной законодательной защиты всех, независимо от имущественных различий.

Кредо Демократической партии в целом лучше всего выражено самим Джексоном в обосновании вето на закон Конгресса о продлении полномочий Национального банка: «Заслуживает сожаления, что богатые и имущие столь часто используют правительственные законы для эгоистических целей. Различия в обществе сохраняются при любом справедливом государственном управлении. Равенство талантов, образованности и состояний не может быть утверждено общественными институтами. Но законы обязаны защищать равное право каждого на пользование господними дарами, изделиями промышленности, всей экономики, как и собственными добродетелями. Когда же эти законы используются для того, чтобы к этим естественным и справедливым благам добавить искусственные различия, даровать титулы, денежные подношения и искусственные привилегии, в результате чего богатые становятся богаче, а сильные сильнее, то простые члены общества — фермеры, ремесленники и рабочие, у которых нет ни времени, ни средств, чтобы приобрести подобные преимущества, имеют право жаловаться на несправедливость своему правительству»¹².

¹¹ Social Theories of Jacksonian Democracy / Ed. J.L. Blau. N.Y., 1947. P. 67.

¹² A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897. Vols. 1–11 / Ed. J.D. Richardson. Wash., 1900. Vol. 2 P. 590.

В обосновании вето, которое по значимости для американской демократической мысли приравнивается рядом историков к Декларации независимости 1776 г., заключен философский камень джексонской демократии. Джексон выступил противником радикального уравниательства, ликвидации естественных различий между людьми, вмешательства в «природу вещей». Но он же был против насаждения искусственных различий, губительных не меньше, чем искусственное уравнительство. Дайте равные шансы всем, и в результате каждый индивидум реализует полно свои возможности, а общество обретет наибольшее благо, — вот его лейтмотив. Фермеры и рабочие не могут быть искусственно обращены в капиталистов, но они должны иметь равные легальные возможности, чтобы накапливать богатства и пользоваться плодами своей деятельности.

Самым ярким образцом искусственных привилегий джексонцы считали хартию, выданную правительством США Национальному банку. Утвержденная правительством монополия Национального банка в денежно-кредитной сфере лишала равных прав и конкурентных возможностей другие банки, как и всех американских производителей и потребителей. Образцом искусственных привилегий являлись также хартии, выдаваемые властями штатов корпоративным предпринимательским объединениям. Наконец, к искусственным привилегиям приравнивались протекционистские тарифы, которые брали под особое покровительство национальную промышленность, но ущемляли интересы всех остальных слоев, вынужденных в условиях подавления иностранной конкуренции покупать отечественные товары по завышенным ценам.

Возможность создания искусственных привилегий, согласно идеологии Демократической партии, была заключена в любом альянсе государства с бизнесом. Поэтому государство поступило бы наилучшим образом, воздерживаясь от вмешательства в экономику и конкурентные отношения. А если уж государство не могло полностью отстраниться от участия в экономическом процессе, то оно должно было делать это с наименьшими издержками для конкуренции. Так, джексонцы требовали, чтобы помощь государства строительству дорог, каналов, другим «внутренним улучшениям» осуществлялась властями штатов, а не федеральным правительством, способным нанести большой вред «равенству возможностей».

Разрушая искусственные привилегии «денежной аристократии», «ассоциированного капитала», государство вместе с тем, согласно демократической доктрине, должно было по мере возможностей и легальными способами помогать простым американцам входить в класс

собственников. Упор делался на облегчение им доступа к западным землям: джексоновцы добивались уменьшения размеров продаваемых участков и цены за акр земли.

Социально-экономическая платформа вигов в ряде важных отношений звучала как прямая противоположность идеологии Демократической партии. Банки, промышленность и торговля объявлялись в ней столпами американского процветания, а потому государству надлежало приложить все возможные усилия для их поощрения. Виги защищали Национальный банк, видя в нем гарант денежно-кредитной стабильности, и корпоративную форму капитала как самую передовую, эффективную и способствующую реализации дорогостоящих проектов. Неравенство состояний объявлялось ими естественным результатом экономической конкуренции и не подлежало регламентации. Виги отвергали любую экономическую поддержку нижних слоев. Государственные земельные участки должны были распродаваться через аукционы по максимальной цене, а вырученные деньги использоваться, помимо всего прочего, для строительства дорог, каналов и других «внутренних улучшений»¹³.

Реальными были различия между демократами и вигами в политических вопросах. Главная идея демократов заключалась в отделении власти от собственности, самом широком приобщении к политическому управлению масс. Джексоновцы делали упор на развитие прямой демократии, предлагая ввести прямые выборы сенаторов, судей, президента, наделить избирателей правом инструктажа депутатов, закрепить регулярную ротацию государственных должностей. В целом политическая концепция Демократической партии, по определению ее видного публициста Дж. О'Салливана, воплощала «демократический республиканизм»¹⁴. Виги, напротив, следовали идее элитарного республиканизма. Многие из них были противниками отмены имущественного ценза, а в представительном управлении видели способ ограничения народного суверенитета.

Политическая практика джексоновских демократов обнаруживает отличия от их идеологии, но было бы преувеличением говорить о разрыве между словами и делами джексоновцев. Некоторые основополагающие доктрины джексоновцев получили практическое воплощение. Самой радикальной экономической мерой Джексона явилась

¹³ *Ashworth J.* «Agrarians» and «Aristocrats». *Party Ideology in the United States 1837–1846*. L., 1983. P. 64–71, 76–77; *idem.* *Slavery, Capitalism and Politics in the Antebellum Republic*. Vol. 1. Cambridge, 1995.

¹⁴ *Social Theories of Jacksonian Democracy*. P. 22.

ликвидация Национального банка США. Схватка между президентом и сторонниками банка обрела наибольшую остроту летом 1832 г., когда на голосование в Конгрессе США был поставлен вопрос о продлении полномочий банка. Сторонники банка добились преимущества как в сенате (28 голосов против 20), так и в палате представителей (107 против 86). Реакция Джексона на решение Конгресса была жесткой: «Банк намеревается убить меня, но я убью его». Быстро было подготовлено президентское вето, в которое было включено пространное, резко антимонополистическое и эгалитарно-демократическое обоснование мотивов президента. Преодолеть президентское вето Конгрессу не удалось.

Ликвидация Национального банка породила среди современников острые дискуссии, которые были продолжены историками. Многие критики справедливо указывали на противоречия и негативные стороны радикальной меры, например, рост инфляции, вызванный расщеплением контроля над финансами между множеством банков. Сторонники же реформы доказывали, что ее позитивные следствия перевешивали отрицательные. Главное позитивное следствие заключалось в резком разрастании «вширь» и углублении финансовой и предпринимательской активности новых буржуазных слоев. Число банков в США в период с 1829 по 1837 г. выросло с 329 до 788, а общий объем займов увеличился с 137 до 525 млн долл. Тысячи и тысячи американцев воспользовались расширившимися возможностями займа для приобретения земель на Западе: их продажа с 1832 по 1836 г. увеличилась более чем в 8 раз¹⁵.

Джексон воплотил в жизнь аграрную программу Демократической партии. В баталиях с вигами, требовавшими распродажи федерального земельного фонда на условиях, выгодных земельным спекулянтам, джексонцам удалось сначала провести серию биллей о временных преимущественных правах поселенцев-фермеров, а в 1841 г. добиться в интересах последних уже и закона о «всеобщем и постоянном преимущественном праве» на занятые земли. Следствием джексонской аграрной политики было расширение на Западе фермерского землевладения¹⁶.

В конце президентского срока Джексон смог осуществить одну из своих самых заветных целей — ликвидировать государственный долг. Последний стал предметом жарких межпартийных дискуссий еще во времена образования Соединенных Штатов: Гамильтон видел в госу-

¹⁵ История США. Т. 1. М., 1983. С. 317.

¹⁶ Либеральная традиция в США и ее творцы. М., 1997. С. 71.

дарственным долге одно из средств цементированья альянса правительства и капитала, а Джефферсон с единомышленниками критиковали долг как способ подчинения государства денежному мешку. Джексону удалось реализовать цель нескольких поколений демократов: в январе 1835 г. правительство Соединенных Штатов официально объявило, что государственного долга более не существует.

Внешне противоречивый, но вполне согласующийся с идеологией Демократической партии характер носила рабочая политика джексонцев. Партия поддерживала требования рабочих об улучшении условий труда, но она же, следуя индивидуалистической и антикорпоративной доктрине, относилась неодобрительно к попыткам использовать в этих целях профсоюзы и забастовки. В свете этого объяснимо, почему в рабочей политике джексонцев уживались такие непохожие меры, как например, законодательные инициативы по ограничению рабочего дня и использование федеральных войск для подавления рабочей стачки (в 1834 г. Джексон усмирил подобным образом выступление строительных рабочих в Мэриленде).

В целом можно заключить, что на федеральном уровне социально-экономическая политика джексонцев вполне согласовывалась с идеологическими установками Демократической партии. Более противоречиво эта политика выглядит на уровне отдельных штатов: в исторической литературе накоплено большое количество данных, свидетельствующих, что «на местах» демократы были исключительно прагматичны, подвержены воздействию бизнеса и в своих законодательных инициативах и политике во многих случаях мало чем отличались от вигов¹⁷.

Возводя во главу угла своей идеологии и политики концепцию «равенства возможностей» для белых американцев, Джексон и его последователи ничуть не смущались тем, что подобное равенство оставалось запретным плодом для «варварских» рас, к которым относили как индейцев, так и негров. Индейская политика Джексона по сути мало чем отличалась от постулатов, которые были провозглашены его именитыми предшественниками, в первую очередь Вашингтоном и Джефферсоном. Вашингтон в основу национальной индейской политики положил принцип, нареченный в научной литературе аккультурацией — приобщение аборигенов, даже ценой разрушения их общественных устоев, к цивилизационным нормам и образу жизни белых американцев. Этой же установки придерживался и Джефферсон, доказывав-

¹⁷ *McCormick R.L.* The Party Period and Public Policy. American Politics from the Age of Jackson to the Progressive Era. N.Y., 1986. P. 210–211; *Pessen E.* Op. cit. P. 218–229.

ший, что сколько-нибудь длительное сосуществование двух разнородных цивилизаций невозможно и что единственным выходом является усвоение индейцами норм белой Америки. Джексон в полной мере разделял данный постулат, равно как разделял он и то убеждение политических предшественников, что индейские племена должны уступать свои территории белым американцам, даже если для этого от них потребуется покинуть исконные места обитания и переселяться все далее на Запад. Федеральному правительству, как и властям штатов, надлежало вести переговоры с индейскими племенами, понуждая их продавать земли, которые согласно решениям американского государства революционной эпохи конца XVIII в. оказывались уже его достоянием и должны были распределяться между белыми соотечественниками. Если же индейцы проявляли неуступчивость, их необходимо было подчинить национальному интересу белой Америки силой.

За восемь лет пребывания Джексона на президентском посту у индейцев было выкуплено 100 млн акров земли за сумму примерно в 68 млн долл. (акр земли обходился государству в 68 центов, в то время как его минимальная продажная цена для белых поселенцев равнялась тогда 1,25 долл., что служило источником пополнения государственной казны). При возникновении конфликтов с племенами аборигенов Джексон неизменно занимал антииндейскую позицию. Одной из наиболее известных ее иллюстраций является его поведение во время конфликта между властями Джорджии и племенем чероки. После того как чероки отказались подчиниться властям штата, разрешение конфликта между ними было передано в Верховный суд США. В 1832 г. Верховный суд США, возглавлявшийся тогда еще Дж. Маршаллом, обосновал правомерность действий чероки, указал на несоответствие решений властей Джорджии законам Соединенных Штатов и предложил президенту страны использовать федеральные войска для восстановления законности в штате. Джексон просто-напросто проигнорировал решение Верховного суда.

Негритянская политика Джексона характеризовалась твердой поддержкой прав южан на «говорящую собственность», приверженностью запрету на обсуждение взрывоопасной темы, стремлением сохранить сложившийся баланс интересов северных и южных штатов. Этой линии следовала и политическая элита США в целом, обе главные партии. Большинство историков, как правило, выставляют отрицательную оценку негритянской политике Демократической партии. Но как раз в этом вопросе расхождения между демократами и вигами были наименьшими. К ним вполне применимо суждение авторитетного американского историка Р. Ремини: «На деле все белые амери-

канцы джексоновской эпохи были расистами»¹⁸. На протяжении практически всего джексоновского периода двум партиям удавалось достигать компромисса в взрывоопасном вопросе о рабстве. Наиболее ярким проявлением консенсуса внутри элиты стало одобренное в 1836 г. Конгрессом США «правило кляпа»: антирабовладельческие петиции и другие подобные документы, поступавшие в федеральный законодательный орган, регистрировались и без всякого оглашения и обсуждения клались «под сукно». Запрет на обсуждение проблемы рабства просуществовал до 1844 г., т.е. до конца эпохи джексоновской демократии. Было бы явным преувеличением и даже ошибкой утверждать, что в ту эпоху ее не существовало или что она не получала развития, но справедливым будет и тот вывод, что белой Америке в целом удавалось удерживать ее, как и связанные с нею противоречия, в латентном, «замороженном» состоянии.

Это явилось важным условием реального исторического успеха, сопутствовавшего джексоновской демократии. Главным общественно-политическим «нервом» той эпохи оставался конфликт внутри белого населения по вопросу о распределении социально-экономических и политических прав и возможностей между разными его слоями. Историческое значение джексоновской демократии при всех ее ограничениях и недостатках заключалось в закреплении и развитии либерально-демократических начал белой Америки.

¹⁸ *Remini R. The Democratic Party in Jacksonian Era // Democrats and the American Idea / Ed. P.V. Kovler. Wash., 1992. P. 43.*

Гражданская война и Реконструкция в США*

Гражданская война (1861–1865) и Реконструкция (1865–1877) различались задачами и содержанием, но имели и объединяющую их цель отмены рабства и утверждения в США чистого буржуазного общества, что послужило ряду историков (их мнение разделяет и автор) основанием поименовать оба этих события второй Американской революцией. Оппонирующее направление историков с таким определением никогда не соглашалось. Между двумя соперничающими направлениями неизменно сохранялись принципиальные разногласия в трактовке как Гражданской войны, так и Реконструкции.

В осмыслении причин и характера Гражданской войны первое историографическое направление обосновывало закономерное ее происхождение и выставляло в целом позитивную оценку ее результатам. Соперничающее же направление считало войну национальной трагедией, имевшей катастрофические следствия. Еще Александр Стеффенс, вице-президент созданных южанами и поверженных Севером Конфедеративных Штатов Америки, а вслед за ним Джефферсон Ф. Дэвис, президент самопровозглашенного рабовладельческого государства, сразу после Гражданской войны выступили с историческими сочинениями, возлагавшими всю ответственность за кровавый раскол на северные штаты и их лидеров во главе с А. Линкольном¹. Оба исходили из того, что рабство не имело никакого отношения к происхождению Гражданской войны. Единственной ее причиной объявлялось разное толкование принципов федеральной Конституции. Правильными толкователями объявлялись южные сепаратисты, которые твердо стояли на страже

* Впервые опубликовано в журнале: Новая и новейшая история. 2010. № 1.

¹ *Stephens A.H. A Constitutional View of the Late War Between the States. Vols. 1–2. Philadelphia, 1868–1870; Davis J. The Rise and Fall of the Confederate Government. Vols. 1–2. N.Y., 1881.*

равных прав штатов, являвшихся краеугольным камнем Основного закона США, а разрушителями Союза назывались северные политики, узурпировавшие центральную власть с целью закрыть Югу доступ к свободным землям.

В последующем историки-профессионалы из «южной школы» развили концепцию Стеффенса–Дэвиса. Обосновывался «секционный эгоизм» северных штатов, пошедших ради своих экономических выгод на трагическое обострение отношений с Югом². Во второй половине XX в. одним из распространенных положений историков, отрицавших непримиримость противоречий Севера и Юга и закономерность возникновения Гражданской войны, стало обоснование капиталистического характера плантационного рабства³.

На современном этапе свою лепту в умаление проблемы рабства в общественно-политических коллизиях 1850-х гг. внесла школа исторической политологии (известна также как «новая политическая история»). Ее представители, сосредоточившись на изучении мотивов голосования американского электората накануне Гражданской войны, доказывали, что проблема рабства его мало интересовала и он разделялся в первую очередь по этнической и религиозной принадлежности. В 1850-х гг., как и в предшествующую эпоху, в качестве основополагающих выступали различия между протестантами и католиками, коренными белыми американцами и иммигрантами, англосаксами и этническими белыми «меньшинствами». Если довериться подобным выводам, то происхождение Гражданской войны становится вообще необъяснимым, она оказывается исторической нелепостью, явлением сродни «черту из табакерки»⁴.

В оценке исторических итогов Реконструкции «южная школа» получила своих первых мэтров в лице Дж. Барджеса и особенно У. Даннинга⁵. Даннинг соглашался признать «ступенью в прогрессе американской нации» только восстановление единства американской нации и юридическое освобождение рабов, все же важнейшие мероприятия Реконструкции и особенно военно-политическую диктатуру федерального правительства в южных штатах решительно осуждал. Последова-

² См. об этом подробно: *Pressly T.J. Americans Interpret Their Civil War*. Princeton, 1954; *Дементьев И.П. Американская историография гражданской войны в США*. М., 1963.

³ См., напр.: *Hummel J.R. Emancipating Slaves, Enslaving Free People: A History of the American Civil War*. Peru (Ill.), 1996.

⁴ См. ее критику: *Согрин В.В. Политическая история США*. М., 2001. С. 131–132.

⁵ *Burgess J. Reconstruction and the Constitution, 1866–1876*. N.Y., 1902; *Dunning W.A. Essays on the Civil War and Reconstruction and Related Topics*. N.Y., 1898; *idem. Reconstruction, Political and Economic, 1865–1877*. N.Y., 1907.

тели Даннинга согласились признать позитивной так называемую президентскую Реконструкцию Юга, провозглашенную Э. Джонсоном и означавшую фактически свертывание революционных преобразований Гражданской войны, и осудили конгрессовскую Реконструкцию, направленную на поражение в правах южных плантаторов и предоставление гражданских свобод и экономических возможностей освобожденным неграм.

На современном этапе в оценке итогов Гражданской войны и Реконструкции был заметен голос школы «новой экономической истории». Историки-клиометристы при помощи компьютерных расчетов доказывали, что Гражданская война и Реконструкция не повлекли за собой обновления и тем более ускорения экономического развития нации, а, напротив, затормозили его. Концепции «новой экономической истории» при всем том, что ряд ее конкретных расчетов соответствует действительности, присущ теоретический изъян. Это неспособность признать, что экономические спады так или иначе характерны для радикальных перестроечных эпох, а экономические плоды тех из них, которые являются исторически оправданными и плодотворными, пожинаются позднее. Подтверждение — американский опыт: в последней четверти XIX в. в США произошел экономический взлет, немыслимый без очищающего воздействия на все сферы общества второй Американской революции, как называют Гражданскую войну и Реконструкцию некоторые историки⁶.

Историографическая традиция, признающая закономерный и позитивный характер Гражданской войны и Реконструкции, представлена научными школами либеральной и левой общественно-политической ориентации. В рамках самой этой традиции, как и каждой из представленных в ней школ, существуют достаточно серьезные различия. Первые ее выразители (Дж. Роудс, Дж. Дрейпер), отводившие рабству решающую роль среди причин Гражданской войны, трактовали борьбу вокруг него с морально-этических позиций, как результат реализации принципа свободы. В первой половине XX в. лидирующая роль в обосновании позитивного исторического вклада Гражданской войны принадлежала прогрессистской школе. Ее отец-основатель, Ф.Дж. Тернер, отнюдь не рассматривал рабство в качестве основополагающей причины конфликта Севера и Юга. Этот конфликт трактовался им сквозь призму «аграрного вопроса», борьбы северной и южной «секций» США за свободные западные земли⁷. Но супруги Бирды,

⁶ См. подробнее: *Согрин В.В.* Мифы и реалии американской истории. М., 1986. Гл. 2.

⁷ *Turner F.J.* The United States. 1830—1850. The Nation and It's Sections. N.Y., 1935.

занимавшие главенствующую позицию в прогрессистской школе в первой половине XX в., определили конфликт Севера и Юга как конфликт «двух господствующих систем организации труда — свободной и рабовладельческой». Гражданскую войну они назвали «второй Американской революцией»⁸. Бирды, так же как их единомышленники и последователи, упирая на фундаментальный характер противоречия экономических систем Севера и Юга США, не уделяли вместе с тем сколько-нибудь пристального внимания морально-нравственным, культурным, мировоззренческим, в целом цивилизационным его аспектам. Эта ограниченность прогрессистских историков была в значительной мере преодолена во второй половине XX в. представителями «новой левой» (известна также как «радикальная») и «новой социальной» историографических школ⁹.

Проблема рабства признается основополагающей причиной Гражданской войны и мною. Вместе с тем, на мой взгляд, заслуживает углубленного специального рассмотрения вопрос об удельном весе в воздействии на конфликт Севера и Юга разных составляющих этой проблемы, как и роли разных групп белого населения, как, конечно, и самого негритянского народа, в вызревании драматического конфликта.

К остро дискуссионным аспектам проблемы рабства как источника Гражданской войны традиционно относятся положение черных рабов в предвоенный период и их роль в вызревании кровавой схватки двух регионов Америки. Исходными вехами дискуссии можно признать концепцию представителя «южной школы» У. Филлипса и противоположную по выводам концепцию С. Элкинса. Если Филлипс обосновывал позитивное воздействие рабства на чернокожих невольников¹⁰, то Элкинс в монографии 1959 г.¹¹ доказывал, что черные рабы находились в состоянии перманентной деградации, существовали в условиях, сравнимых с гигантским концентрационным лагерем, а власть белых была для них историческим проклятием. При всем отличии и даже несовместимости двух историков в оценках положения черных невольников, они сходились в одном пункте: Филлипс утверждал, что у черных рабов не было никаких оснований сопротив-

⁸ *Beard Ch.A., Beard M. The Rise of the American Civilization. Vols. 1–2. N.Y., 1927. Vol. 1. P. 702; Vol. 2. P. 3, 7, 100.*

⁹ См., напр.: *Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men. N.Y., 1970; idem. Reconstruction. America's Unfinished Revolution. 1863–1877. N.Y., 1988.*

¹⁰ *Phillips U. American Negro Slavery. N.Y., 1918; idem. Life and Labor on the Old South. Boston. 1929.*

¹¹ *Elkins S.M. Slavery: A Problem in American Institutional and Intellectual Life. Chicago, 1959.*

ляться своему положению, и они этого не делали, а Элкинс полагал, что южные невольники были доведены своими хозяевами до такого изнеможения и отупления, что утратили саму способность к сопротивлению. То есть оба историка полагали, что черные рабы никак не способствовали возникновению антирабовладельческой революции.

Концепции Филлипса и Элкинса послужили исходной платформой длительной, продолжающейся по сегодняшний день дискуссии о положении черных рабов в южных штатах в предреволюционные десятилетия. О достижении научного согласия в этом вопросе можно говорить в ограниченной степени. Одна из ведущих позиций в дискуссии принадлежала лидерам «новой экономической истории» Р. Фогелю и С. Энгерману¹², как и их последователям. Свой вывод о капиталистическом характере и высокой рентабельности южного рабовладения они неизменно дополняли выводами о постоянном улучшении положения черных рабов и даже во многом лучших условиях их материального существования в сравнении с белыми рабочими¹³.

Достаточно быстро у Фогела и Энгермана появились и оппоненты среди самих клиометристов, пришедшие к отличающимся выводам. Но оппоненты не восприняли и заключений Элкинса о перманентной деградации черных рабов. Напротив, в их среде оформилась научная школа, ставшая частью «новой социальной истории», которая доказывала, что, несмотря на тяжкие условия существования, черные рабы смогли сохранить человеческое достоинство и даже — благодаря собственным усилиям и вопреки воле хозяев — создать для себя цивилизованные условия существования. Речь шла о создании черными рабами семьи, их приобщении к христианской религии, выработке своеобразных афроамериканских цивилизационных и культурных норм и традиций.

Создание унифицированной картины положения черных рабов затруднено. Тем не менее, определенная усредненная картина экономического и правового положения рабов вполне достижима. В сравнении с XVII и XVIII вв. положение чернокожих невольников изменилось к лучшему. В XIX в. осуществился переход черных рабов к нуклеарной семье, при этом не менее двух третей семей жили в отдельных бревенчатых хижинах. Большинство рабов приобщились к христианской религии. Многие среди них стали получать регулярную медицинскую

¹² Fogel R.W., Engerman S.L. *Time on the Cross*. Vols. 1–2. Boston, Toronto, 1974.

¹³ Концепция Фогела и Энгермана была развита в других трудах, в том числе и археологических. Археологи, раскапывавшие жилища черных рабов середины XIX в., обнаружили, например, что хотя те и питались хуже своих хозяев, но регулярно употребляли мясо домашних животных и различные сорта рыбы. См. об этом: Perry J.C. *Myths and Reality of American Slavery*. Shippensburg, 2002. P. 109–111.

помощь от хозяев. Улучшился рацион питания черных рабов, который включал различные мясные продукты, рыбу, овощи и фрукты. Улучшилось и их правовое положение. В некоторых штатах были приняты законы, ограничивавшие продажу рабов, особенно несовершеннолетних детей, отдельно от их семей. Были запрещены самые жестокие методы наказания или пыток рабов, например, кастрация, которая широко практиковалась в предшествующие столетия.

Но все эти позитивные сдвиги в положении рабов не означали принципиального или даже сколько-нибудь серьезного уменьшения власти над ними их хозяев, как и принципиальных изменений их статусов — экономического, правового, политического. Как классово-экономическая, социально-правовая и расовая общность, черные рабы оставались париями Америки. По своему основополагающему статусу рабы оставались «говорящей собственностью», и именно этот статус, в первую очередь, продолжал определять их положение в XIX в., так же как он определял его в предшествующие столетия. На практике хозяева обладали полной свободой купли-продажи рабов и могли без труда проигнорировать законы, которые ограничивали их в этом основополагающем праве. Прибегая к этому праву, они, по подсчетам историков, разрушили каждую третью молодую негритянскую семью. Они имели возможность уклониться от наказаний за самые тяжкие преступления против черных рабов, ибо закон запрещал последним свидетельствовать не только против своих хозяев, но и вообще против белых американцев (рабы имели право свидетельствовать только против своей расы). Смертельной опасности подвергались беглые рабы — по неписаному закону они могли быть пристрелены любым белым¹⁴.

Ответом на тяжелое положение и бесправие черных рабов стали разнообразные формы социального протеста. Самой радикальной были бунты и восстания. Историки левой ориентации, также как и афро-американские исследователи, неизменно отводили им важнейшую роль в расшатывании рабовладения. Но многие историки, наоборот, доказывали, что вооруженные выступления черных рабов происходили редко, вовлекали небольшое количество участников.

¹⁴ Обобщения сделаны на основе данных почерпнутых из: *Bancroft F.* Slave Trading in the Old South. N.Y., 1931; *Franklin J.H.* The Militant South, 1800–1861. Cambridge, 1956; *Franklin J.H., Moss A.A., jr.* From Slavery to Freedom. A History of African Americans. N.Y., 1994; *Yates D.L.* Plantation — Style Social Control: Oppressive Social Structures in the Slave Plantation System // *Plantation Society and Race Relations* / Ed. T.J. Durant, jr., J.D. Knottnerus. Westport (Conn.), L., 1999. P. 34–37; *Kolchin P.* American Slavery, 1619–1877. N.Y., 1999; *Trotter J.W., jr.* The African American Experience. Boston, N.Y., 2001. P. 178–181; *Cook R.* Civil War America. Making a Nation, 1848–1877. L., N.Y., 2003. P. 16–17.

Представляется, что именно эта оценка в большей степени соответствует реальной действительности. В XIX в. были отмечены только три заметных вооруженных выступления черных рабов, масштабы которых были достаточно скромными.

Первое такое выступление произошло в 1800 г. в Виргинии. Несколько десятков рабов во главе с Гэбриэлем Проссером в конце августа взбунтовались недалеко от столицы штата Ричмонда. Губернатор Дж. Монро действовал энергично, и бунт был быстро подавлен. Более 30 участников во главе с Проссером были казнены. В 1822 г. Денмарк Виси, свободный негр из Южной Каролины, попытался организовать вооруженное выступление рабов в Чарлстоне. Но еще во время подготовки выступления заговор был раскрыт и несколько десятков его участников во главе с Виси казнены. При подавлении обоих бунтов освещателями белых властей оказались лояльные черные рабы. Самое известное восстание рабов произошло в 1831 г. в Виргинии. Чернокожие невольники во главе с Натом Тернером ворвались в дом хозяина и уничтожили всю его семью. После этого бунтовщики двинулись в другие населенные пункты графства и в течение суток убили около 60 человек, среди них большинство детей¹⁵. Власти ответили жестоким подавлением бунта — были убиты более 100 чернокожих, на несколько десятков человек больше, чем непосредственных участников выступления. Сам Тернер был схвачен и казнен через два месяца.

Быстрое раскрытие заговоров, их энергичное и жесткое подавление в значительной мере были следствием эффективности репрессивной машины рабовладельческого Юга. Жесткие репрессии белой власти должны были вселить в черных рабов страх и убеждение, что любой бунт бессмыслен и будет беспощадно подавлен. Гораздо чаще рабы прибегали к пассивным формам сопротивления, например, отлынивали при каждом удобном случае от работы или работали спустя рукава. Но наиболее распространенной формой сопротивления рабству по мере приближения Гражданской войны становилось бегство рабов в свободные штаты. И опять-таки историки спорят о масштабах и последствиях этих побегов. Согласно официальным данным, которыми пользуются многие историки, в год убегало до тысячи черных рабов. Но ведущие афроамериканские исследователи приводят расчеты и аргументы, согласно которым накануне Гражданской войны на Север ежегодно бежало не менее 50 тыс. рабов¹⁶. Историки, которые разделяют данные выводы,

¹⁵ Trotter J.W., jr. Op. cit. P. 203.

¹⁶ Franklin J.H., Schweninger L. Runaway Slaves: Rebels on the Plantation. New York and Oxford, 1999. P. 270–294.

полагают, что как активное, так и пассивное сопротивление черной расы сыграло решающую роль в расшатывании рабовладения¹⁷. Но большинство американских историков придерживаются иного мнения, а некоторые вообще не отводят этому фактору сколько-нибудь важного места среди причин Гражданской войны. Как представляется, он играл важную роль в вызревании Гражданской войны, в частности, не только сам по себе, но и стимулируя активность северных аболиционистов, которые видели, что их действия и усилия совпадают с устремлениями самих рабов, и вдохновлялись позицией черных невольников. Но все же *ставить сопротивление рабов на первое или же ведущее место среди причин Гражданской войны было бы преувеличением. Ведущее место все же принадлежало конфликту по поводу рабства между самими белыми американцами.*

На Севере большинство белых американцев (но далеко не все) были противниками рабства, белые же южане его практически единодушно поддерживали. Единство в отношении к рабству не означало, что между белыми жителями южных штатов вообще не возникало разногласий или не было различий. Социальные различия между белыми Юга были не менее, а в ряде отношений даже более острыми, чем на Севере. Например, на Юге более глубокой и яркой была социальная дифференциация белого населения, особенно же разрыв между сверхбогатыми и бедными.

Белые бедняки и малоимущие фермеры выказывали неприязнь к богатым южанам, что зафиксировано в разнообразных первоисточниках, но в отношении к черным рабам они неизменно демонстрировали солидарность с плантаторами. Одним из главных объяснений является социокультурное: многие белые бедняки включали в свою Американскую мечту приобретение рабов и вхождение в рабовладельческий класс, пусть и в его нижние слои; в отношении черных рабов они ощущали себя социальным верхом, в определенном смысле родственным с подлинным верхним классом, и солидаризировались с ним в признании необходимости сохранения «говорящей собственности» и единения в отношении к ней белой расы¹⁸.

Северные штаты, особенно их политическая элита, и в первой, и во второй четверти XIX в., осуждая рабство, считая его чуждым аме-

¹⁷ *Aptheker H.* American Negro Slave Revolts. N.Y., 1963; *Ashworth J.* Slavery, Capitalism and Politics in the Antebellum Republic. Vols. 1–2. Cambridge, 1995. Vol. 1. P. 6–9; *Franklin J.H., Schwenger L.* Op. cit.

¹⁸ *Donald D.H., Baker J.H., Holt M.F.* The Civil War and Reconstruction. N.Y., 2001. P. 36–41; *Kolchin P.* American Slavery. P. 180–181; *Franklin J.H., Moss A.A., jr.* Op. cit. P. 122–123.

риканским первоосновам, были вместе с тем готовы к компромиссу с южанами. На протяжении всего этого периода конфликт Севера и Юга носил по большей части латентный характер. В основе длительного компромисса северян с южными рабовладельцами лежало не только желание сохранить федеральный Союз и социальный мир, но и расовая солидарность с южанами в отношении к чернокожим американцам.

«Север рабства» — так назвал свою монографию о положении свободных негров в северных штатах в первой половине XIX в. Л. Литвак¹⁹. Историк имел в виду, что и в северных штатах, антагонисте Юга, чернокожие американцы оставались париями общества, нежелательными гражданами, во всех отношениях стоявшими ниже белых и отделенными от них стеной сегрегации и расовой вражды. Чернокожие американцы добились определенных прав в северных штатах в период первой Американской революции (1775–1783), но в последующем эти права стали радикально ограничиваться.

По свидетельству А. де Токвиля, посетившего США в 1831 г., белые и черные в свободных штатах представляли отдельные касты — высшую и низшую. По заключению французского путешественника, чернокожие в свободных штатах были совершенно бесправны, а отношение к ним белых заключало в себе даже больше предрассудков и презрения, нежели в штатах, где господствовало рабство. Перспектива взаимоотношений белой и черной рас рисовалась Токвилю в мрачном свете. Рабство в Америке, по его убеждению, в итоге будет отменено, но за этим последует кровавая межрасовая война, в результате которой свободные негры будут или истреблены, или выселены в изолированную резервацию²⁰.

Одно из центральных убеждений белых американцев в свободных штатах состояло в том, что две расы несовместимы, что идея их интеграции утопична, вредна и опасна и что реальная цель заключается в отделении черных от белых и в изыскании способов избавления от негров. Одним из таких способов стало ограничение или даже запрет дальнейшего въезда негров в северные штаты — подавляющее большинство из них приняли в первой половине XIX в. соответствующие законы. В первой половине XIX в. в свободных штатах были предприняты массированные атаки на право голоса, предоставленное неграм в революционную эпоху конца XVIII в. При этом лишение негров избирательных прав развивалось параллельно с расширением из-

¹⁹ *Litwack L.F.* North of Slavery: the Negro in the Free States, 1790–1860. Chicago, 1961.

²⁰ *Tocqueville A. de.* Democracy in America. Vols. 1–2. N.Y., 1945. Vol. 1. P. 259–260, 370–373, 390–392, 397.

бирательных прав белых (оно в первой четверти XIX в. было распространено на всех взрослых белых мужчин, независимо от имущественного положения). К 1840 г. 93% негритянского населения Севера были лишены избирательных прав, при этом право голоса было отнято у них даже в штатах, являвшихся традиционно оплотом либерализма, например, Пенсильвании²¹.

Огромную популярность в северных штатах приобрела идея о необходимости полного разделения белой и черной рас посредством возвращения всех негров в Африку или же их вывоза в Латинскую Америку. Сторонники отправки черных в Африку, где с этой целью была создана специальная колония со звучным названием Либерия, объединились вокруг Американского колонизационного общества, возникшего в 1817 г. Общество предполагало вывоз в Либерию не только свободных негров, но также и рабов по мере их постепенного освобождения по воле хозяев. Подобный замысел вызвал возмущение со стороны рабовладельцев, которые и не помышляли освобождать черных невольников. В 1830 г., отвечая на протест плантаторов Южной Каролины по поводу планов и деятельности общества, его руководители заверили рабовладельцев, что, безусловно, признают их священное право на частную собственность, как и суверенитет южных штатов, но одновременно сочли необходимым предельно четко разъяснить собственную позицию. Бесконечное мирное проживание белой и черной рас в Соединенных Штатах, как вытекало из разъяснений Американского колонизационного общества, являлось в условиях США не более чем прекраснотушной утопией. Белые не были способны воспринять негров в качестве равных и подобных себе, во-первых, в силу прочно укоренившегося отношения к ним как к низшему сословию, а во-вторых, из-за неистребимого черного цвета кожи. Программа колонизационного общества была воспринята политическими кругами северо-восточных штатов в целом. В 1827 г. началась отправка первых свободных негров-добровольцев в Либерию. К 1830 г. в Африку было вывезено 1420 чернокожих американцев. Но затем процесс застопорился, и в период до Гражданской войны из США выехало не более 15 тыс. негров.

Неудача проекта колонизационного общества объяснялась рядом причин, но главной оказалось твердое нежелание подавляющего большинства свободных негров (их тогда насчитывалось около 400 тыс.) покидать Соединенные Штаты. Пик их протеста против, по определению лидеров чернокожих американцев, «одного из самых диких проектов, когда-либо выдвинутого просвещенными людьми», пришелся

²¹ *Litwack L.F.* Op. cit. P. 16, 29, 40–43, 79.

на конец 1820-х гг.²² К этому же времени в северных штатах созрел и протест той части белых американцев, которые признали, что не только рабовладение, но в равной степени разделение и неравноправие двух рас несовместимы с основополагающими ценностями либерально-демократической цивилизации. Так зародилось аболиционистское движение, выдвинувшее две радикальные цели — безотлагательная отмена рабства и обеспечение чернокожих равными с белыми гражданскими и политическими правами на территории самих США. Цели аболиционизма были впервые изложены его отцом-основателем Уильямом Ллойдом Гаррисоном в 1831 г. в созданной им же газете «Либерейтор»²³.

Идеи Гаррисона, в полной мере соответствовавшие духу, впрочем, как и букве либерально-демократических ценностей, не получили сколько-нибудь широкой поддержки. В 1840 г., когда аболиционистами была создана партия Свободы, она смогла собрать на президентских выборах только 7 тыс. голосов, а на выборах 1844 г. ее поддержали около 63 тыс. человек. В 1848 г. партия Фри Сойл (в переводе — «Свободная земля»), пришедшая на смену партии Свободы, предпочла смягчить аболиционистскую критику. Эта партия, выдвинувшая крылатый лозунг «Свободная земля, свободный труд, свободные люди», который стал девизом противников рабства в целом, в конкретной программе ограничивалась требованием запрета распространения рабства на свободные территории. Но и фрисойлеры не смогли пошатнуть позиции главных национальных партий — демократов и вигов.

В целом в 1820—1840-е гг. противники рабства, а тем более расизма в северных штатах оставались в явном меньшинстве. Их конфликт с белыми южанами мало влиял на общественно-политическую обстановку в стране, а политическая элита США их игнорировала. Они испытывали враждебное отношение со стороны не только южных штатов, но и многих жителей свободных штатов. Аболиционисты подвергались регулярным нападениям (подчас со смертельным исходом) белых расистов-северян, большинство среди которых принадлежало к социальным низам²⁴.

Резкое обострение конфликта Севера и Юга на рубеже 40—50-х годов формально имело в своей основе земельный спор: два региона вступили в спор по поводу распределения между ними отнятых

²² *Franklin J.H., Moss A.A.* Op. cit. 169.

²³ См. подробнее: *Согрин В.В.* Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. М., 1995. С. 74—80.

²⁴ *Grimsted D.* American Mobbing, 1828—1861. Toward Civil War. N.Y., Oxford, 1998.

у Мексики огромных юго-западных территорий. *Это и послужило основанием Ф. Дж. Тернеру, как и ряду других историков, утверждать, что конфликт Севера и Юга был по своей сути аграрным, а рабство к нему отношения не имело.* Данное положение, весьма популярное в историографической традиции, уязвимо для критики уже по той причине, что достаточно быстро, уже во второй половине 1850-х гг. именно проблема рабства, а не земельный спор, выдвинулась на первое место в дискуссиях и противоборстве Севера и Юга и стала фундаментальной причиной раскола двух регионов.

Конфликт Севера и Юга впервые обозначился в острой форме в 1846 г., когда представитель Демократической партии Д. Уилмот внес в Конгресс предложение о запрете на присоединяемых к США мексиканских территориях рабства. Это предложение Конгрессом США было отклонено. Вслед за этим последовали события, прежде для американской политической элиты невыносимые. Сразу после войны США с Мексикой (1846–1848) часть деятелей Демократической партии во главе с недавним президентом США Ван Бюреном образовали партию Фри Соил, которая взяла на вооружение требование полного запрета рабства на новых землях. Их поступок стал важнейшей причиной поражения Демократической партии на президентских выборах 1848 г. (Демократическая партия и фрисойлеры, вчерашние демократы, вместе набрали больше голосов, чем виги, так что при отсутствии раскола демократы вполне могли сохранить за собой президентское кресло).

Конфликт внутри правящего класса все более углублялся, и следующей его вехой стали дискуссии 1850 г. Во время «великих дебатов» в сенате США (событие названо так по той причине, что это был один из самых жарких споров в верхней палате Конгресса США за всю ее историю) южане твердо настаивали на том, что рабовладельческие штаты имеют право на доступ к новым территориям, а влиятельные северяне наконец-то проявили решимость поставить предел распространению антилиберального института «вширь». Верх взяли сторонники компромисса во главе с вигом Г. Клеем.

Сразу же выяснилось, что компромиссные предложения Клея не устраивали влиятельные общественно-политические силы как на Севере, так и на Юге. Многие южане отвергали содержащиеся в компромиссе уступки свободным штатам, а на Севере стали набирать силу те, кто решительно противился уступкам рабовладельцам. Среди северяне особое возмущение вызвал новый закон о беглых рабах, являвшийся частью компромисса Клея. Закон изымал вопрос о беглых рабах из юрисдикции самих северных штатов (как это было прежде) и

передавал его в ведение специальных уполномоченных федеральной власти. За решение в пользу истца-рабовладельца уполномоченный получал вознаграждение в 10 долл., а за решение в пользу чернокожего американца 5 долл. Эти цифры определили предпочтения федеральной власти и ее уполномоченных. В течение трех лет после вступления закона в силу в пользу рабовладельцев было вынесено 75 решений, а в пользу чернокожих не более 15²⁵. Прежние же решения судебных инстанций самих северных штатов были прямо противоположными; они, если перефразировать известную средневековую западноевропейскую максиму, чаще всего исходили из того, что «воздух Севера делает человека свободным» (другое дело, что северяне предпочли бы, чтобы на их территории не было вообще никаких негров, и не считали необходимым наделять свободных негров равными гражданскими и политическими правами). Массовый выигрыш рабовладельцами судебных исков в свободных штатов имел следствием всплеск в них антирабовладельческих настроений. И, если прежде гнев обывателей в свободных штатах чаще падал на аболиционистов, то теперь он уже чаще оборачивался против рабовладельцев, выигрывавших судебные дела не на своей территории.

Настоящий раскол в отношении Севера и Юга внес закон Канзас–Небраска, одобренный Конгрессом США в 1854 г. Закон был предложен С. Дугласом, одним из лидеров Демократической партии, в связи с обсуждением вопроса о приеме в Соединенные Штаты двух новых территорий. Обе эти территории, Канзас и Небраска, лежали севернее 36° 30' северной широты и, согласно Миссурийскому компромиссу 1820 г., который поддерживался на протяжении 34 лет и являлся главным условием сохранения мира между свободными и рабовладельческими штатами, как и целостности американского Союза, могли быть включены в США только в качестве свободных штатов. Законопроект Дугласа наносил сокрушительный удар по этому компромиссу и, как следствие, по всей системе баланса сил между Севером и Югом. Согласно законопроекту вопрос о разрешении или запрете на новых территориях рабства, независимо от того, должны ли они отходить по Миссурийскому компромиссу к северным или южным штатам, мог быть решен самим населением новых штатов, которое реализует свою волю при помощи процедуры демократического волеизъявления.

Дуглас и его сторонники доказывали, что их волнует не вопрос о рабстве, который они вообще не хотели вносить в повестку дня,

²⁵ *Fehrenbacher D.F.* The Slaveholding Republic. An Account of the United States Government's Relation to Slavery. N.Y., 2001. P. 235.

а вопрос о том, какой должна быть процедура приема новых штатов в Союз. При этом, указывали они, демократическое волеизъявление приобретет силу закона и в том случае, если оно одобрит рабство, и в том, если отвергнет его. А сам Дуглас, пытаясь отвести любые обвинения в защите интересов рабовладения, доказывал, что рабство не сможет укорениться ни в Небраске, ни в Канзасе.

Все эти аргументы не смогли, однако, обмануть ни противников рабства, ни жителей северных штатов в целом. Главным в законе Канзас–Небраска для них было то, что он создавал возможность проникновения и легализации рабства в сфере влияния свободных штатов и изменял сложившийся политический порядок в пользу рабовладельческого Юга. И уже во время обсуждения и голосования закона Канзас–Небраска американские политики разделились главным образом по географическому, а не по партийному признаку. Это новое, секционнно-географическое разделение американских политиков, в будущем закреплявшееся все больше и больше, нанесло сокрушительный удар по прежней двухпартийной системе.

Последствия принятия закона Канзас–Небраска для расстановки политических сил в США сказались незамедлительно. Уже в середине 1854 г. большая часть вигов и демократов из свободных штатов, объединившись с фрисойлерами, объявила о создании Республиканской партии, потребовавшей недопущения рабства на любой части новых территорий, как на Севере, так и на Юге. Образование Республиканской партии нанесло чувствительный удар по прежним партиям. Существенный урон понесло северное крыло Демократической партии, ставшее одним из главных доноров республиканцев. Но наиболее чувствительными оказались потери Вигской партии. Фактически 1854 год сокрушил ее как национальную политическую силу.

С 1854 г. Республиканская партия все более упрочивается в качестве главной антирабовладельческой силы США. *Ее позиция, идеология и действия определяли характер конфликта Севера и Юга, в наибольшей мере отражали умонастроения северян в целом, и по ним, в первую очередь, следует судить об изменении характера и содержания противоречий двух регионов.* Республиканцы с самого начала опирались на широкую либерально-демократическую коалицию, в которой были представлены самые разные социальные слои, но преобладали средние и мелкие собственники, фермеры, мастеровые, рабочие, а в их руководстве, в сравнении со всеми главными американскими партиями, было гораздо больше выходцев из нижних слоев.

Республиканцы неизменно исходили из несовместимости основополагающих для них ценностей либерализма и демократии, с одной

стороны, и рабовладения — с другой. По этой причине партия заслуживает названия антирабовладельческой, но это определение применительно к республиканцам нуждается в серьезном осмыслении и комментарии. В партии были разные политические течения, а наиболее влиятельными были два — радикальное и умеренное. Радикалы, костяк которых составили аболиционисты, предполагали не только отмену рабства, но также уравнивание негров в гражданских и политических правах с белыми. Но в 1850-е гг. радикалы явно уступали в политическом весе умеренным, и именно последние определяли мировоззрение и стратегию Республиканской партии предреволюционного десятилетия.

В антирабовладельческой же позиции умеренного течения были заключены, как минимум, два принципиальных отличия от радикальной позиции. Во-первых, умеренные, лидером которых, как и Республиканской партии в целом, выступал А. Линкольн, ориентировались на длительную эволюционную отмену рабовладения посредством запрета его распространения на свободные земли, а сохранение рабства в южных штатах не подвергали сомнению (но они вместе с тем были уверены, что рабство там обречено на отмирание и что бесконечное сосуществование свободных и рабовладельческих штатов невозможно; отсюда и крылатая библейская фраза, использовавшаяся Линкольном, — «Дом, разделившийся внутри себя, не устоит»). Во-вторых, умеренные, соглашаясь, что отмена рабства отвечает интересам негров, исходили из того, что сама *Республиканская партия осуждает и отвергает рабство, имея в виду интересы белой Америки, для которой избавление от рабовладения обернется экономическим процветанием всех социальных классов и групп, упрочением либерализма и демократии, морального и нравственного здоровья*. Умеренные, доказывая невозможность бесконечного сосуществования свободы и рабства, одновременно доказывали и невозможность сколько-нибудь длительного сосуществования белой и черной рас. Они восприняли логику и аргументацию Колонизационного общества и вынашивали идею вывоза освобожденных негров из США²⁶. Антирабовладельческая позиция белого большинства уживалась с белым расизмом.

Противоречивая позиция Республиканской партии в отношении черных рабов весьма полно и точно отразилась в высказываниях и оценках А. Линкольна. Он неоднократно заявлял, что принцип Декларации независимости о равных естественных правах людей распро-

²⁶ Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men. P. 41, 45, 63, 140–141, 146–151, 164, 188–189, 269, 281, 290–291, 294–295.

страняется как на белых, так и на черных, но он же, идя на очевидные уступки расовым предрассудкам белых избирателей, занимал весьма непоследовательную позицию в вопросе о том, какими реальными гражданскими и политическими правами должны быть наделены освобожденные рабы. Выступая перед массовыми аудиториями, он исключал из этих прав то равное с белыми право на образование, то право избирать и быть избранным, то право на приобретение собственности²⁷. В конечном счете, ссылаясь на неискоренимость расовых предрассудков белых американцев и вражду двух рас, Линкольн связывал реальную возможность реализации естественных прав негров с возвращением их после освобождения на прародину в Африку. Даже в конце 1862 г. на встрече с делегацией свободных негров Линкольн заявлял, что «две расы должны быть разделены»²⁸.

Главное внимание в идеологии Республиканской партии было уделено обоснованию *несовместимости рабовладения с интересами подавляющего большинства белых американцев*. Своей главной целью они провозглашали утверждение «цивилизации свободного труда» («free-labor civilization»)²⁹, опорой которой являются трудящиеся классы — рабочие, фермеры, а также мелкие и средние предприниматели. Республиканцы отказывались проводить принципиальные различия между этими социальными слоями и по той причине, что границы между фермерами и рабочими оставались в Америке, по их убеждению, подвижными, эти слои непрерывно обменивались между собой, а среди собственников численно преобладали мелкие независимые предприниматели и фермеры, в значительной мере вчерашние рабочие. А. Линкольн неизменно подчеркивал, что представляет интересы именно этих независимых предпринимателей и фермеров, которых никто не нанимает и которые работают на самих себя и свои семьи. Такой предприниматель и фермер, доказывал он, являются центральными фигурами американского общества, свидетельствуя, что в Америке труд стоит выше капитала и выступает в качестве главной ценности общества. Статус наемных рабочих характеризовался Линкольном как переходный. Ссылаясь на свой жизненный опыт, он доказывал: усердные и предприимчивые рабочие имеют в Соединенных Штатах стопроцентный шанс завести собственное дело и просто обязаны стремиться к этой цели. Но чтобы эта Американская мечта

²⁷ The Collected Works of Abraham Lincoln / Ed. R.F. Basler. Vols. 1–9. New Brunswick (N.Y.), 1953–1955. Vol. 2. P. 405, 409, 520, 546–547; Vol. 3. P. 16, 83, 146, 222.

²⁸ Ibid. Vol. 5. P. 371.

²⁹ Цит. по: Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men. P. 39.

становилась явью, в стране должна повсеместно утвердиться система свободного труда³⁰. Отсюда вытекал один из основополагающих лозунгов республиканцев — «Свободный труд!».

Свою цель как политической партии республиканцы видели в том, чтобы с помощью государства помочь гражданам реализовать Американскую мечту. Хотя большинство среди них отрицательно относилось к сверхбогатствам, они не принимали идеи перераспределения собственности. Главная возможность обращения американцев в независимых фермеров и предпринимателей, по убеждению республиканцев, заключалась в предоставлении им свободного доступа к западному земельному фонду. С момента возникновения Республиканская партия стала отстаивать закон о гомстедах. Согласно ему, земельные участки на свободных территориях должны были предоставляться простым труженикам или бесплатно, или за минимальную, чисто символическую плату. Такой подход был несовместим с распространением на новые территории рабства, в связи с чем формулировался второй важнейший лозунг Республиканской партии: «Свободная земля!»³¹. Еще до начала Гражданской войны они внесли в Конгресс США законопроект о гомстедах, который был отклонен усилиями представителей рабовладельческих штатов.

Было очевидно, что главным препятствием на пути реализации социальной программы Республиканской партии оказывались рабовладельцы, твердо вознамерившиеся прибрать западные земли к своим рукам и утвердить там рабский труд. Борьба против плантаторов обрела для республиканцев характер политической закономерности: без ликвидации рабства ее цели были недостижимы. Их осуществление потребовало выдвижения еще одного, третьего принципиального лозунга — «Свободные люди!».

Линкольн, как и другие республиканцы, разделял и развивал идею Джефферсона о необходимости сочетать принципы представительного управления с прямой демократией, означающей расширение непосредственного участия народа во власти. Именно Линкольну принадлежало определение демократии как «правления из народа, посредством самого народа, для народа», ставшее в США классическим. В целом политическая, социальная и экономическая программа Республиканской партии оказывалась в явном противоречии с ценностями рабовладельческого Юга, и не случайно в мировоззрении респу-

³⁰ The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 3. P. 462, 477, 479; Vol. 5. P. 52.

³¹ National Party Platforms, 1840–1864 / Ed. K.H. Porter, D.B. Johnson. Urbana, 1961. P. 48–49.

ликанцев и их сторонников разногласия между Севером и Югом представляли как антагонизм двух *противоположных по сути цивилизаций, несовместимых общественно-политических систем*. *Объективно Республиканская партия нацеливалась на либерально-демократическую революцию, которая призвана была обеспечить общенациональное торжество буржуазно-либерального миропорядка, причем — развитие его не только вширь, но и — о чем наиболее ярко свидетельствовала аграрная программа партии — также и вглубь.*

По мере приближения Гражданской войны все большее количество республиканцев приходило к убеждению, высказанному в 1858 г. У. Сьюардом: цивилизациям Севера и Юга предстоял «неотвратимый конфликт». Данное мнение разделялось не только республиканцами, в 1850-е гг. все большее количество жителей северных штатов в целом стали рассматривать рабовладельческий Юг как враждебную цивилизацию, в корне отличную от Севера. Можно говорить о том, что в 1850-е гг. в северных штатах произошла *идеологическая революция*. Их общественное мнение 1850-х гг. являло собою поразительный контраст с ситуацией 1830–1840-х гг.: тогда в отношении Юга не было не только вражды, но и сколько-нибудь массового негативного отношения³².

Стремительное отчуждение Севера от Юга сопровождалось не менее стремительным отчуждением рабовладельческих штатов от свободных: общественно-историческую противоположность двух регионов в 1850-е гг. в равной степени осознали обе стороны. В 1850-е гг. силу в плантаторских кругах все более набирали политические экстремисты. Они решительно настаивали на возобновлении ввоза в Соединенные Штаты рабов, распространении рабства на все новые территории, ужесточении репрессивного режима в отношении черных невольников. Вынашивалась и все более активно отстаивалась идея о необходимости существования Юга как автаркии, развивающей собственную промышленность, торговлю, финансы, изолирующей себя от капиталистического Севера. Южане подготавливали себя к инициативе отделения от Севера и настраивались на возможность и даже необходимость военных действий против Севера, защиты рабовладельческой цивилизации с помощью силы оружия³³. Активистская часть плантаторского класса

³² *Grant S.M.* North Over South. Northern Nationalism and American Identity in the Antebellum Era. Lawrence (Kansas), 2000. P. 38.

³³ *Franklin J.H.* The Militant South. P. 225–249; *Eaton C.* The Growth of Southern Civilization. N.Y., 1961; *Freehling W.* The Road to Disunion: Secessionists at Bay, 1776–1854. N.Y., 1990; *Oakes J.* Slavery and Freedom: An Interpretation of the Old South. N.Y., 1990; *Grant S.M.* Op. cit. P. 33.

готовилась к отделению от Севера и военным действиям еще до прихода Республиканской партии к власти.

Идеологические дискуссии и сражения северян и южан развивались на фоне непосредственных острейших политических столкновений, каждое из которых становилось катализатором Гражданской войны. Главное из этих столкновений произошло в 1854—1856 гг. после одобрения Конгрессом США закона Канзас—Небраска. Легализованная им формула свободного волеизъявления поселенцев как механизма общественного обустройства новых территорий привела к тому, что на территорию Канзаса с целью воплощения угодного «народного суверенитета» устремились как прорабовладельческие, так и антирабовладельческие силы. В 1855 г. в Канзасе были приняты прорабовладельческая и антирабовладельческая конституции. Канзас оказался зеркалом разделенного американского общества, а события в этом штате заключали в себе модель последующего национального развития. Очень быстро они переросли в малую гражданскую войну, причем обе стороны обнаружили намерение сражаться не на жизнь, а на смерть. В 1856 г., к моменту завершения активных военных действий, потери сторон составили 200 человек убитыми. Обе стороны получили своих героев. У северян таковым оказался Джон Браун, впервые приобретший национальную известность.

В ситуации, когда попытки поселенцев в Канзасе выяснить отношения между собой зашли в тупик, разрешение канзасского кризиса стало во все большей степени зависеть от федеральной власти. Очень быстро обнаружилось, что на федеральном уровне большей поддержкой пользуются прорабовладельческие силы. На их стороне выступали президент Пирс, так же как и сменивший его на посту главы государства в 1857 г. Дж. Бьюкенен (как и Пирс, представитель Демократической партии). К поддержке прорабовладельческой позиции склонялось большинство сената, и только в палате представителей наблюдалось определенное равновесие сил и готовность к поиску компромисса. Благодаря позиции нижней палаты прием Канзаса в Союз на условиях, навязанных рабовладельцами, был заблокирован (Канзас вошел в Союз, но уже в качестве свободного штата только в 1861 г.).

Откровенно прорабовладельческую позицию занял Верховный суд США. Избранная федеральной властью позиция твердой защиты интересов рабовладельцев усиливала радикальные настроения в северных штатах. Ярким их проявлением стала позиция У.Л. Гаррисона и поддерживавшей его части аболиционистов. С середины 1850-х гг. лидер аболиционистов начал проповедовать ту идею, что при существующей федеральной Конституции и сохранении политического союза

с рабовладельцами отмена рабства невозможна и что свободные штаты должны пойти на разрыв с рабовладельцами и образование собственного государства. Гаррисон пророчил скорый крах в этом случае рабовладельческого государства, а вместе с ним и рабства, так как южные штаты, основывавшиеся на отсталой аграрной экономике, не могли выжить без промышленных товаров, финансов и банков Севера³⁴. Другое течение в революционном аболиционизме исходило из необходимости насильственного ниспровержения рабства на Юге. Осенью-зимой 1859 г. его представители во главе с Джоном Брауном подняли антирабовладельческое восстание в Виргинии, в котором участвовали как белые, так и чернокожие американцы. Восстание было жестоко подавлено, но радикальные настроения продолжали набирать силу.

И все же радикальная позиция не находила поддержки у большинства северян, продолжавшем спланиваться вокруг Республиканской партии. На национальных выборах 1860 г. А. Линкольн, лидер умеренного большинства республиканцев, был избран президентом США. Программа партии не посягала на рабовладельческие отношения южных штатов, как и прежде она ограничивалась требованием запрета распространения рабства на свободные территории. Но умеренность Линкольна не могла обмануть южан: они судили о намерениях северян и их «секционной партии», как неизменно характеризовали республиканцев на Юге, по тысячам их речей, митингов, политических акций предшествующих лет. У них не было сомнений, что целью Севера было разрушение рабовладельческой цивилизации. 4 февраля 1861 г., за месяц до вступления Линкольна в президентскую должность, одиннадцать южных штатов из 15 провозгласили образование собственного государства. Делавэр, Мэриленд, Миссури, Кентукки, в которых позиции рабовладения были слабы и которые соседствовали со свободным штатами, сохранили верность Союзу. Президентом южной Конфедерации был избран Джефферсон Ф. Дэвис, а вице-президентом — Александр Стеффенс. 18 февраля, т.е. раньше Линкольна, они были приведены к присяге. А. Стеффенс, излагая кредо нового государства, лаконично определил суть: «Краеугольным камнем нашего государства является та великая истина, что негр не равен белому человеку и что рабство — подчинение высшей расе — является его естественным и нормальным состоянием»³⁵.

³⁴ The Letters of William Lloyd Garrison / Ed. W.M. Merrill, L.Ruchames. Vols. 1—4. Cambridge (Mass.), 1975. Vol. 4. P. 405, 408—409, 496, 567—574.

³⁵ Cleveland H. Alexander H. Stephens: In Public and Private; With Letters and Speeches Before, During and Since the War. Philadelphia, 1866. P. 721.

Конфликт Севера и Юга, приобретший характер антагонизма двух разнородных общественно-политических систем, завершился длительным периодом революционных преобразований, вместивших в себя два крупных этапа — Гражданскую войну и Реконструкцию. Вопросы, которые неизменно являлись главными и наиболее дискуссионными при их изучении историками, заключались в том, насколько были глубоки и обширны осуществленные преобразования, сколько в них было либерализма, демократизма и эгалитаризма, что получили и что потеряли в результате разные социальные классы и слои американцев, белая и черная расы, какой была цена революции.

Каждый из этапов второй Американской революции имеет собственную периодизацию. В Гражданской войне различимы два периода. В первый период — 1861–1862 гг. — Линкольн и его правительство твердо стояли на том, что с их стороны война ведется исключительно с целью восстановления единства федерального Союза, а ликвидация или даже ограничение рабства в их намерения не входит. Во второй период — конец 1862–1865 гг. — Линкольн и Республиканская партия восприняли цель полной отмены рабства и осуществления других радикальных общественных преобразований, что резко повлияло на характер войны, *трансформировавшейся в социально-политическую революцию*. В результате наступил перелом в войне, завершившейся полным разгромом рабовладельцев.

Особенностью Гражданской войны в сравнении с Реконструкцией было то, что главное место в ней все же занимали не социально-политические преобразования, а вооруженная борьба Севера и Юга. В ходе ее рухнула надежда Линкольна и его единомышленников завершить Гражданскую войну без революционного решения вопроса о рабстве. Летом-осенью 1862 г. после сокрушительных поражений армии северян их политическое руководство пришло к выводу о военно-политической целесообразности немедленного освобождения черных рабов и призыве их в армию. Прокламация об освобождении рабов, вступившая в силу с 1 января 1863 г., одним из следствий имела пополнение армии Севера сразу 100 тыс. чернокожих солдат. Это стало важнейшей причиной перелома хода военных действий в пользу свободных штатов. Подтверждался расчет Республиканской партии на активную поддержку армии Соединенных Штатов со стороны освобожденных рабов, подтверждались слова Линкольна: «Чем больше негры сделают для спасения Севера, тем меньше останется на долю белых солдат». Впервые негритянские полки участвовали в сражении на стороне армии Соединенных Штатов 27 мая 1863 г. и, как засвидетельствовала влиятельная американская газета, «сражались как тигры». Каждая но-

вая битва обнаруживала, что негры готовы сражаться за свою свободу насмерть. В плену их, в отличие от белых, ожидало повешение или возвращение в рабство, поэтому они предпочитали умирать на поле боя. Всего в войне приняли участие 186 тыс. чернокожих солдат — 51 тыс. из свободных штатов и 135 тыс. из рабовладельческих. Каждый четвертый чернокожий солдат отдал жизнь за освобождение своей расы.

Освобождение рабов явилось важнейшей мерой, свидетельствовавшей о трансформации Гражданской войны Севера и Юга в социально-политическую революцию. Другой важнейшей мерой явился закон о гомстедах, одобренный Конгрессом США 20 мая 1862 г., т.е. еще до освобождения рабов. Он воплотил в жизнь либерально-эгалитарную аграрную программу Республиканской партии. Согласно закону, все граждане США старше 21 года и даже претенденты на гражданство получали право на приобретение в полную собственность 160 акров (64 га) земли из государственного фонда (после занятия и пользования соответствующим участком в течение 5 лет и уплаты регистрационного взноса в размере от 26 до 34 долл.) Те же, кто хотел обратить участок в полную собственность быстрее, но не ранее чем через 6 месяцев после заявки, должны были уплатить также весьма небольшую сумму — по 1,25 долл. за акр.

Эту меру можно охарактеризовать как *самый выдающийся и самый демократический аграрный закон за всю историю США*. Он имел одновременно и антирабовладельческий характер, поскольку доступ к свободным территориям для рабовладельцев и рабовладения закрывался. Принятие закона упрочивало либерально-капиталистические начала американской цивилизации, оно открывало перспективу развития американского сельского хозяйства по самому прогрессивному в условиях рыночно-капиталистической экономики фермерскому пути. Несмотря на то, что практическая реализация закона в последней трети XIX в. сопровождалась нарушениями, земельными участками и фермами смогли обзавестись сотни тысяч простых американцев. Площадь выделенных по гомстед-акту земель составила в 60–90-е годы 170 млн акров, что равнялось одной трети всего прежнего фермерского землевладения в США³⁶. Конкуренция и темпы развития в сельском хозяйстве США существенно оживились. Закон поспособствовал укреплению американского сельского хозяйства в качестве одного из самых передовых в мире.

Вместе с тем гомстед-акт свидетельствовал о расовой ограниченности Гражданской войны как социально-политической революции:

³⁶ Encyclopedia of American History / Ed. R.B. Morris. N.Y., 1976. P. 636, 692.

огромный западный земельный фонд открывался только для нижних слоев белых американцев и только в интересах белых американцев вводился запрет на дальнейшее распространение рабства. В момент обнародования гомстед-акта Линкольн и его окружение еще не помышляли об освобождении рабов. Последовавшее же затем восприятие Линкольном идеи отмены рабства определялось фактором политической целесообразности. Прокламация от 1 января 1863 г. отменяла рабовладение в одиннадцати мятежных штатах, но сохраняла его в четырех лояльных. Это был только первый шаг в формировании революционной ментальности республиканцев и массы северян по отношению к черной расе. Лидеры республиканцев, как и основная масса белых американцев, пока не помышляли о наделении освобожденных рабов равными гражданскими и политическими правами, напротив, они продолжали вынашивать идею о вывозе свободных черных американцев за пределы США. В стране продолжали возникать колониальные общества, а Конгресс США в 1862 г. выкроил из дефицитного бюджета на их цели 100 тыс. долл.³⁷

Логика запущенной в жизнь социально-политической революции обусловила полную отмену рабства в США, не только в мятежных, но и в лояльных штатах Юга. В январе 1865 г. Конгресс США на исходе Гражданской войны просто не мог не принять соответствующую — 13-ю — поправку к Конституции США (она была ратифицирована необходимым большинством штатов в декабре 1865 г.). В исторической литературе остается не проясненным вопрос о том, сколько членов Конгресса, одобдивших эту меру, действовали по убеждению, а сколько руководствовались политическим расчетом. Но как бы то ни было, полная отмена рабства была выдающейся революционной мерой. Она покончила с дуализмом американской цивилизации и знаменовала превращение США в чистое либерально-капиталистическое общество. Она означала экспроприацию частной («говорящей») собственности на сумму в 3 млрд долл.³⁸ На протяжении десятилетий идеологи и политики свободных штатов накладывали табу на идею ограничения и тем более отмены рабства на том, в первую очередь, основании, что это означало бы недопустимое попрание священного права частной собственности. Но финальный и главный закон периода Гражданской войны опустил эту максиму ниже другой основопо-

³⁷ История США. Т. 1. С. 429.

³⁸ В исторической литературе существуют различные оценки стоимости освобожденных рабов. Но в современной исторической литературе закрепились именно эти цифры. См., напр.: *Walton G.M., Rockoff H. History of American Economy. N.Y., 1998. P. 309; Donald D.H., Baker J.H., Holt M.F. The Civil War and Reconstruction. P. 503.*

лагающей либеральной ценности — неограниченного права каждого человека на собственную жизнь и свободу.

Окончание Гражданской войны означало завершение первой фазы либерально-демократической революции и наступление второй фазы, вошедшей в историю под именем Реконструкции (1865—1877). В отличие от Гражданской войны в ней отсутствовал вооруженный конфликт, но по накалу страстей и социально-политическому противоборству Реконструкция не уступала Гражданской войне. Саму Реконструкцию возможно разделить на два крупных этапа: на первом этапе, от окончания Гражданской войны до рубежа 60—70-х годов она развивалась по восходящей линии, сопровождалась все более радикальными мерами, а на втором этапе, закончившемся в 1877 г., стала затухать, а в ряде штатов фактически пресеклась в уже самом начале 70-х годов. Первый этап Реконструкции обладает собственной внутренней периодизацией: первый, умеренный, период — с 1865 по 1866 г. известен как «президентская реконструкция», а второй, радикальный, — с 1866 по 1869 г. — как «конгрессовская реконструкция» (иногда его также называют периодом «Реконструкции для чернокожих» — *Black Reconstruction*).

Планы Реконструкции, т.е. способов и условий обратного принятия мятежных штатов в Союз, стали разрабатываться, хотя и весьма вяло, еще в период Гражданской войны. Главными были два плана: президента Линкольна и радикальных республиканцев в Конгрессе. Линкольн предложил «мягкий» вариант: все сторонники рабовладельческой Конфедерации, за исключением ее верхушки, попадали под амнистию, а после того, как 10 процентов избирателей того или иного мятежного штата подтверждали лояльность федеральному Союзу и соглашались с отменой рабства, этот штат возвращался в США на полноправной основе. Радикалы в Конгрессе подготовили альтернативный закон: тот или иной мятежный штат мог вернуться в Союз только в том случае, если большинство его избирателей присягнут на верность федеральному правительству и одобряют радикальные нововведения Гражданской войны. Линкольн наложил на радикальный законопроект вето и приступил к осуществлению Реконструкции по своему плану.

Программа Реконструкции приобрела настоящую актуальность уже после гибели Линкольна (убит сторонником рабовладения в апреле 1865 г.), вслед за капитуляцией Юга (май 1865 г.). Новый президент Э. Джонсон, воспринявший основы плана Линкольна, в своей политике в южных штатах очень быстро перешел к откровенно консервативно-реставрационной стратегии. Своими указами он возвратил бывшим плантаторам земли и имущество, конфискованные во время Гражданской войны (в том числе земли, которые уже были переданы

освобожденным рабам)³⁹. Президент объявил широкую, по сути тотальную амнистию мятежникам (амнистия была несколько затруднена для самых богатых рабовладельцев, которые должны были обратиться со специальным прошением к президенту). После того, как мятежные штаты согласились с 13-й поправкой к конституции, отменявшей рабство, в них были проведены выборы, в результате которых лидеры рабовладельцев практически в полном объеме вернули себе политическую власть на Юге, а некоторые из них даже были делегированы в Конгресс США.

Почувствовав в президенте покровителя, бывшие рабовладельцы стали восстанавливать свои социально-экономические и правовые позиции, в том числе утверждать фактическое и даже юридическое господство в отношении освобожденных негров. О реставрации рабства речи быть не могло, но ему была найдена приемлемая альтернатива — так называемые «черные кодексы», которые в 1865 г. были приняты на Юге повсеместно и практически ставили черных американцев в полную правовую зависимость от бывших хозяев. Правовое различие белой элиты и негров было недвусмысленно определено в «черных кодексах»: они обозначались как «хозяева» и «слуги»⁴⁰.

Уже в своем первом ежегодном послании Конгрессу США 6 декабря 1865 г. президент продекларировал завершение процесса восстановления Союза и предложил законодателям вернуть южным штатам все их права. Тут-то Конгресс США и заявил твердое «нет» президенту, решительно отказавшись допустить в свои ряды вновь избранных депутатов-южан и обратился к разработке собственных законопроектов реконструкции общественно-политических порядков в южных штатах и их возвращения в Союз. Между Конгрессом и президентом США началась жесткая политическая борьба, растянувшаяся на два года. Но уже в 1866 г. Конгресс сумел подчинить развитие событий своей воле, начав осуществление радикальной Реконструкции.

Среди историков США оживленно дебатировался вопрос о том, каковой оказалась бы судьба Реконструкции, если бы Линкольн не был убит 14 апреля 1865 г. и оставался на своем посту до конца срока. Справедливым представляется вывод тех исследователей⁴¹, которые доказы-

³⁹ История США. Т. 1. С. 467.

⁴⁰ *Hine D.C., Hine W.C., Harrold S.* African Americans. Upper Saddle River (N.J.), 2004. P. 205.

⁴¹ *Foner E.* Reconstruction. America's Unfinished Revolution. P. 179–181, 191; *McPherson J.M.* Ordeal by Fire. The Civil War and Reconstruction. N.Y., 1992. P. 494–497; *Trefousse* Abraham Lincoln and Andrew Johnson: a Comparison // A Crisis of Republicanism. American Politics in the Civil War Era / Ed. L.E. Ambrosius. L., 1990. P. 112–123.

вают, что между Линкольном и Джонсоном были принципиальные различия, и что в силу этого фактора Линкольн, даже с учетом того, что его собственный план Реконструкции не отличался от плана Джонсона, мог пойти и пошел бы в изменявшихся политических условиях на сотрудничество с радикальными республиканцами, как он это делал неоднократно в годы Гражданской войны. Джонсон такой готовности не проявил и вступил с Конгрессом в конфронтацию, одну из самых ожесточенных, а то и самую ожесточенную за всю историю США.

С начала 1866 г. Конгресс прочно взял в свои руки фактически все государственное управление страной. В самом Конгрессе господствовала Республиканская партия, в которой сохранялись две фракции — радикалы и умеренные. Столкнувшись с консервативной оппозицией Джонсона, две фракции сумели достичь единства, при этом радикалы, бывшие в меньшинстве, добились идейного и политического лидерства, так что Реконструкция Юга стала осуществляться именно по их планам. Единство радикалов и умеренных носило тактический и временный характер, сохраняясь только до той поры, пока южные штаты не приняли продиктованных Конгрессом США условий. Побудительные мотивы радикалов и умеренных обладали серьезными различиями. Если первые руководствовались идеальными соображениями, искренне хотели с помощью национального государства «гарантировать чернокожим равные права в политике и равные возможности в экономике свободного труда»⁴², то вторые поступали как политические прагматики, используя радикальные меры для уничтожения возможностей реставрации на Юге старого порядка и обеспечения безусловной победы капиталистического строя⁴³.

Конгресс приступил к политике радикальной Реконструкции в начале 1866 г., приняв законы о гражданских правах и о Бюро по обустройству освобожденных. Джонсон наложил вето на оба закона. Конгресс, твердо продолжая свою линию, принял 14-ю поправку к конституции, уравнивавшую негров в гражданских правах с белыми. Президент высказал отрицательное отношение к поправке, дав штатам недвусмысленный совет отвергнуть ее. Десять из одиннадцати бывших мятежных штатов так и поступили, что оказалось достаточным для отклонения поправки.

Осенью 1866 г. во время промежуточных выборов в Конгресс президент и радикальные республиканцы выступали уже как политические

⁴² *Foner E.* Reconstruction. America's Unfinished Revolution. P. 237.

⁴³ *Donald D.H., Baker J.H., Holt M.F.* The Civil War and Reconstruction. N.Y., 2001. P. 536–541.

противники. Радикалы и примкнувшие к ним умеренные республиканцы добились убедительной победы. После выборов они обладали более чем двумя третями голосов в обеих палатах, а этого было достаточно для преодоления президентских вето. 2 марта 1867 г. Конгресс принял закон о Реконструкции, отвергнуть который Джонсон был уже не в состоянии (его вето было успешно преодолено). Согласно закону, десять южных штатов, отказавшихся ратифицировать 14-ю поправку, разделялись на пять военных округов, каждый во главе с федеральным генералом. Во время чрезвычайного управления южные штаты были обязаны ратифицировать 14-ю поправку, одобрить новые конституции, которые бы наделили негров избирательными правами, выполнить ряд других условий. Только после этого Конгресс соглашался предоставить им равные права в федерации.

В течение двух лет Конгресс последовательно осуществлял на Юге политику радикальной Реконструкции. В системе высшей государственной власти его главным противником оставался президент страны, в отношении которого законодатели вынуждены были использовать неординарные меры. Первой стал закон, согласно которому президент мог производить не только назначения (это предусматривалось и конституцией), но и смещения с государственных должностей только с согласия законодателей. Закон был призван защитить высших государственных лиц, в первую очередь военного министра Э. Стэнтона, твердо проводивших в жизнь линию Конгресса.

Попытка Джонсона сместить Стэнтона, игнорируя новый закон, привела к возбуждению Конгрессом процедуры импичмента президента. В феврале 1868 г. палата представителей 126 голосами против 47 высказалась в пользу импичмента. В сенате для отстранения Джонсона от должности не хватило одного голоса (35 голосов за, 19 против). Против при этом проголосовало несколько сенаторов от Республиканской партии, побоявшихся, что импичмент может нанести непоправимый ущерб институту президентства. Тем не менее процедура импичмента нанесла сокрушительный удар по Джонсону: он был деморализован и противодействовать Конгрессу более не мог. На президентских выборах 1868 г. республиканцы выдвинули кандидатом в президенты генерала Гранта, который и стал главой государства.

Режим чрезвычайного управления, введенный Республиканской партией и Конгрессом в южных штатах, сопровождался принятием ряда радикально-демократических мер. Наибольшим радикализмом обладали политико-правовые преобразования. В 1867–1868 гг. в десяти подвластных Конгрессу США южных штатах были проведены конституционные конвенты, перед которыми ставилась задача уравнивать черно-

кожих в гражданских и политических правах с белыми. Во время их избрания несколько сот тысяч нелояльных белых южан были поражены в избирательных правах, зато правом голоса были наделены все взрослые чернокожие мужчины. В результате количество чернокожих избирателей существенно превысило число белых — 735 тыс. против 635 тыс.⁴⁴ Подавляющее число черных избирателей с энтузиазмом поддержали кандидатов от Республиканской партии, так что она добилась безоговорочного господства на конституционных конвентах. Новые конституции десяти штатов оказались очень похожими и своим демократизмом даже превзошли конституции северных штатов. Все они наделили негров равными с белыми гражданскими правами и предоставили им равные политические права (в северных штатах негры получили избирательные права только после того, как федеральная Конституция была дополнена 15-й поправкой, которая была одобрена Конгрессом США в 1869 г. и ратифицирована необходимым большинством штатов в 1870 г.).

Избранные на основе новых конституций представительные и исполнительные органы власти южных штатов также отразили резкий рост политического влияния чернокожих граждан. В годы Реконструкции в верхние палаты южных штатов были избраны 112 чернокожих депутатов, а в нижние — 683. Шесть чернокожих избирались вице-губернаторами, пять — мэрами, сорок один — шерифами⁴⁵. Более скромным выглядело представительство чернокожих южан в федеральном законодательном органе — за весь период Реконструкции в сенате США было только два черных депутата, а в палате представителей — 14. Но для позитивных перемен в их положении наибольшее значение имело именно представительство в законодательных органах южных штатов.

Благодаря деятельности новых законодательных органов, чернокожие в южных штатах добились радикального улучшения своих собственных, семейных, судебных, как и иных гражданских прав. Особо должно быть отмечено создание для чернокожих детей системы бесплатного школьного образования, в результате чего количество чернокожих детей, обучающихся в школе, увеличилось в несколько раз и к 1876 г. достигло 40% от всех чернокожих детей⁴⁶.

Гораздо более скромными оказались результаты Реконструкции в решении аграрного вопроса, равнозначного для чернокожих наделению их земельными участками, достаточными для благополучного ма-

⁴⁴ *McPherson J.M.* Ordeal by Fire. The Civil War and Reconstruction. P. 530.

⁴⁵ *Hine D.C., Hine W.C., Harrold S.* African Americans. P. 217.

⁴⁶ *Cook R.* Civil War America. Making a Nation, 1848–1877. L., N.Y., 2003. P. 253.

териального существования. В 1866 г. Конгресс США, приступив к политике радикальной Реконструкции, принял гомстед-акт для южных штатов. Созданный им общественный земельный фонд южных штатов включал 1 млн акров земли и предназначался для распределения между бывшими рабами, а также белыми бедняками. Но на практике закон этот потерпел фиаско: подавляющее количество земель, включенных в общественный фонд, были совершенно непригодны для сельского хозяйства, а пригодных земель хватило только для 4 тыс. негритянских семей. К четырем тысячам семей, получившим земельные участки от федерального правительства, следует также добавить 16 тыс. негритянских семей, получивших землю от самой демократичной среди южных законодательных собраний легислатуры Южной Каролины. Остальные негритянские семьи должны были приобретать земельные участки на собственные сбережения. К 1870 г. доля чернокожих фермеров составила только 2% от всех негритянских семей, занятых в сельском хозяйстве. К концу века эта цифра возросла до 20%, что, несмотря на заметную позитивную подвижку, свидетельствовало все же, по заключению большинства современных исследователей, о крахе аграрных ожиданий негритянского населения Юга.

Сказанное не означает, что бывшие рабовладельцы в полном объеме вернули и сохранили земельные владения. Напротив, в годы Реконструкции эти владения серьезно сократились, но не по причине земельных конфискаций. Бывшие плантаторы отказались от значительной части своих земель по иным причинам. Некоторым оказалось не под силу платить новые, весьма высокие налоги на латифундии, другие не смогли приспособиться к новым условиям рыночно-капиталистической конкуренции, третьи были просто деморализованы результатами Гражданской войны и новым общественным порядком и предпочли продать земли буржуазным нуворишам. Плантационное землевладение на Юге серьезно сократилось, но не утратило господствующих позиций. Это на десятилетия предопределило замедленное экономическое развитие Юга по сравнению с Севером, как и явилось причиной развития капитализма в сельском хозяйстве южных штатов не по демократическому фермерскому, а по консервативному «прусскому» пути⁴⁷.

Условием возвращения 10 непокорных южных штатов в федеральный Союз являлось принятие ими новых конституций, гарантировав-

⁴⁷ *Wiener J.M.* Social Origins of the New South: Alabama, 1860–1885. Baton Rouge (La.), 1978; *Mandle J.R.* Not Slave, Not Free: The African American Economic Experience since the Civil War. Durham (N.C.), 1992.

ших гражданское и политическое равенство негритянского населения. По мере одобрения таких конституций они восстанавливались в правах, и чрезвычайный режим в них отменялся. К 1870 г. в федеральный Союз вернулись все 10 штатов, а в начале 1870-х гг. практически все южане, участвовавшие в войне против США, были полностью амнистированы. Но уже вскоре после завершения процесса «исправления» Юга в нем вновь, как и в 1865–1866 гг., обозначились реставрационные тенденции. Особенность их заключалась в том, что «исправившиеся» (в американской литературе в данном случае используется понятие *redeemers*) южане не пытались отменить новые конституции, как и отнять у негров приобретенную ими собственность, лишить их формальных прав на свободу передвижения или доступа к школьному образованию. Теперь они действовали изощренно, в частности, создавали такие механизмы ограничения прав негров, которые с юридической точки зрения не противоречили конституции. Так, во всех южных штатах стали одобряться избирательные нормы, согласно которым для получения права голоса необходимо было заплатить специальный налог и сдать экзамен на грамотность. В течение короткого периода при помощи подобных норм, которые федеральной Конституцией не запрещались (она запрещала лишение права голоса по расовому признаку, а все остальные нормы оставались в компетенции штатов) от участия в выборах были отстранены 90% чернокожих избирателей. В результате белые южане вернули себе полную политическую власть, и уже в первой половине 1870-х гг. защищавшая их интересы Демократическая партия сумела потеснить республиканцев у руля власти в большинстве южных штатов.

Против чернокожих избирателей, политиков, их общественно-политических объединений стали все более активно использоваться и насильственные меры. Наибольшей агрессивностью отличались организации ку-клукс-клана, жертвами которых стали десятки тысяч негров⁴⁸. Под напором «исправившихся» белых южан программа и мероприятия Реконструкции стали быстро сужаться и к середине 1870-х гг. практически сошли на нет. Республиканская партия не обнаружила готовности сопротивляться этому, а в 1876–1877 гг. пошла на прямую сделку с Демократической партией, означавшей окончательное прекращение политики Реконструкции. Реконструкция пресеклась, не доведя до конца большинства своих начинаний и не выполнив еще

⁴⁸ *Trelease A.* White Terror: the Ku Klux Klan Conspiracy and Southern Reconstruction. N.Y., 1971; *Carter D.T.* When the War Was Over: the Failure of Self-Reconstruction in the South, 1865–1867. Baton Rouge (La.), 1985.

большого количества обещаний, данных Республиканской партией своим чернокожим союзникам в 1866—1867 гг.

Причины этого были разнообразны и многочисленны. Выделю ту, которая представляется наиболее важной. К началу 1870-х гг. опасность реставрации рабовладельческого строя на Юге была ликвидирована, экономическое могущество бывшего рабовладельческого класса серьезно ослаблено, утверждение основ рыночно-капиталистической цивилизации во втором по важности регионе США гарантировано. Северо-восточные нувориши в течение нескольких лет Реконструкции завоевали на Юге прочные экономические и социальные позиции, стали владельцами железных дорог, нефтяных скважин, многих промышленных и торговых предприятий. Их экономическим богатствам, созданным в значительной мере благодаря поддержке (как правило, щедро оплачиваемой) Республиканской партии и контролируемых ею органов власти южных штатов, ничто не угрожало. Их интересам не создавали никакой опасности и реставрационные намерения «исправившихся» южан, и по этой причине на ущемление интересов и прав чернокожих «друзей» можно было закрыть глаза.

Среди экономически преуспевших благодаря Реконструкции северян было и много деятелей Республиканской партии. Свои политические посты они все более активно использовали для извлечения экономической выгоды, все более руководствовались ею и расставались с идеальными мотивами, присущими, по крайней мере, части среди них в радикальный период Реконструкции. Имена организаторов Реконструкции, в том числе и бывших идеалистов, все чаще и чаще всплывали в связи с громкими скандалами, связанными с коррупцией, лихоимством, грязными финансовыми махинациями. На смену Революции пришел Термидор — завершающая фаза многих революционных эпох. Для термидорианцев всепоглощающей заботой оказывались личная карьера и выгода, а интересы и права черной расы отодвигались на политические задворки.

Термидорианское перерождение Республиканской партии на завершающих этапах Реконструкции имело непосредственное отношение к отказу от поддержки интересов бывших черных союзников в южных штатах. Не меньшее значение имело и то, что наделение и сохранение за неграми равных гражданских и политических прав не пользовалось ни популярностью, ни поддержкой среди основной массы белого населения. Все социальные классы белого населения были исполнены расовых предрассудков и предубеждений, наделение освобожденных негров равными гражданскими и политическими правами явно обогнало развитие позитивных изменений, безусловно, имевших место в рево-

люционную эпоху, в отношении белой Америки к чернокожим. Политический реванш «исправившихся» южан не вызвал сколько-нибудь серьезного протеста в северных штатах.

Сами северные штаты в 1870-е гг. всецело погрузились в собственные проблемы. Предпринимательский класс, не щадя ни себя, ни свою наемную рабочую силу, стремительно наращивал темпы индустриализации уже не только Севера, но также Юга и Запада, где раз и навсегда было искоренено соперничество рабовладельческого класса. Рабочие изыскивали способы повышения заработной платы, к которым относилась и защита от конкуренции со стороны дешевых рабочих рук освобожденных негров. Фермеры спешили воспользоваться благоприятным моментом в приобретении западных территорий, и в равноправии негров, способных стать конкурентами в сельскохозяйственном производстве, также видели скорее опасность, нежели благо. В таких исторических условиях «откат» радикальной Реконструкции был неизбежен. А тот факт, что возвращение к ее принципам произошло в США только спустя почти целое столетие, в 1960-е гг., свидетельствует, в какой степени отчасти идеалистические, отчасти прагматические уступки Республиканской партии чернокожим союзникам во второй половине 1860-х гг. опередили свое время.

Подобный исход Реконструкции на Юге дал основание ряду видных современных историков прийти к заключению о ее «провале»⁴⁹. На мой взгляд, подобная оценка все же является преувеличением и находится в противоречии с принципом историзма. Конечно, если судить о Реконструкции исключительно по обещаниям, данным Республиканской партией освобожденным неграм, по полноте воплощения в жизнь 14-й и 15-й поправок к федеральной Конституции, то тогда можно говорить о ее неудаче (но и то не полной). Но если рассматривать Реконструкцию в контексте революционной эпохи 1850–1870-х гг., противоборства Севера и Юга, либерально-капиталистической и рабовладельческой цивилизаций, то тогда ей необходимо будет выставить иную, положительную оценку, ибо именно Реконструкция поставила окончательную точку в победе и утверждении в чистом виде либерально-капиталистической цивилизации в США. Оценивая Реконструкцию в контексте обозначенной революционной эпохи, нельзя не принять во внимание то, что либерально-капиталистический Север США, нацелившийся на ликвидацию рабовладельческой цивилизации, в то же время не ставил своей целью уравнивание негров, после отмены рабства, в граждан-

⁴⁹ *Hine D.C., Hine W.C., Harrold S. African Americans. P. 229; Foner E. Reconstruction. America's Unfinished Revolution. P. 603.*

ских и политических правах с белыми. Эта ликвидация должна была осуществиться исключительно в интересах белой Америки, и если она на определенном этапе и в определенных условиях пошла на гражданское и политическое уравнивание двух рас, то это было продиктовано временной политической целесообразностью, а отнюдь не искренним желанием возвысить вчерашних рабов до уровня белой расы. Как только победивший Север убедился, что возможность реставрации рабовладельческого строя исчерпана, он позволил «исправившимся» южанам «опустить» черную расу на подобающую социальную ступень. Экономические и политические интересы самого Севера, как и всех белых американцев, при этом ничуть не пострадали. Север и либерально-капиталистическая цивилизация продолжали уверенное поступательное развитие на протяжении всего периода Реконструкции (другое дело, что эта либерально-капиталистическая цивилизация сохранила и расовый характер и, следовательно, расовую ограниченность).

Период Реконструкции ознаменовался стремительным развитием капиталистических начал национальной экономики, в первую очередь блестящими успехами железнодорожного строительства, этого фундамента национальных рыночных связей. С 1865 по 1878 г. протяженность железных дорог выросла больше, чем за 35 предшествующих лет, и достигла почти 82 тыс. миль. За тот же период в США удвоилось производство сельскохозяйственной продукции. Сельское хозяйство развивалось особенно ускоренными темпами в западных районах, куда устремились сотни тысяч американцев, как и иммигрантов из Канады и Европы. К 1870 г. северо-западный регион производил более 70% всей американской пшеницы. В целом же производство пшеницы, наиболее механизированной отрасли сельского хозяйства, выросло в США за период Реконструкции почти втрое⁵⁰.

Север и Запад развивались гораздо быстрее, чем в предреволюционные десятилетия, и их опережающее развитие выглядело особенно впечатляюще на фоне поверженного Юга, в экономике которого также происходили серьезные изменения. На Юге резко сократилось производство хлопка и выросло производство пшеницы. В результате ослабли (хотя и остались господствующими) позиции плантаторского класса и несколько улучшились позиции мелкого белого фермерства. Но в целом уровень доходов населения Юга серьезно уступал уровню доходов северян. Если на Севере в период с 1860 по 1880 г. среднегодовой доход (в постоянных долларах) вырос с 128 до 173 долл. (ежегодный

⁵⁰ *Donald D.H., Baker J.H., Holt M.F. The Civil War and Reconstruction. N.Y., 2001. P. 484, 486.*

рост 1,5%), то на Юге он за тот же период снизился с 103 до 88 долл.⁵¹ По завершению революционной эпохи капиталистический Север жил, грубо говоря, вдвое лучше поверженной рабовладельческой цивилизации, а будущее сулило ему, как и всему американскому капитализму, еще более радужные перспективы. Такой результат был слагаемым преобразовательных последствий обоих периодов революционной эпохи — и Гражданской войны, и Реконструкции.

⁵¹ *Donald D.H., Baker J.H., Holt M.F.* The Civil War and Reconstruction. P. 500; *Walton G.M., Rockoff H.* Op. cit. P. 317.

Крупный бизнес США от «Позолоченного века» до «Прогрессивной эры». 1870–1910-е годы*

50-летний период от окончания Гражданской войны до Первой мировой войны традиционно разделяется в исторической литературе на два этапа — «Позолоченный век» (последняя треть XIX в.) и «Прогрессивная эра» (1900–1914). При всей неоднозначности двух этапов¹ им присущи некоторые основополагающие общие тенденции, среди которых одними из главных явились *стремительная индустриализация всех регионов и выдвигание на ведущую, а вскоре и господствующую позицию в экономике крупных корпораций*. Эти экономические тенденции повлекли глубокие трансформации в социальной и политической жизни общества. И те и другие вызвали противоречивое отношение общества, породили серьезные, непрекращающиеся по сегодняшний день дискуссии в научной литературе. Дискуссионные аспекты проблемы интересуют автора в первую очередь.

Радикальные преобразования эпохи Гражданской войны, революционный удар по рабству имели следствием то, что чистый, классический капитализм получил самые благоприятные возможности для развития не только на Северо-Востоке, как это было прежде, но также на Юге и Западе. Капиталистические начала стремительно развивались как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. В пятидесятилетие после Гражданской войны сельское хозяйство США уверенно

* Впервые опубликовано в журнале: Новая и новейшая история. 2010. № 6.

¹ «Позолоченный век» (это ироничное название было дано М. Твенном) отмечен «вседозволенностью» бизнеса, в то время как «Прогрессивная эра» характеризовалась попытками общества и государства установить над ним контроль.

вышло на передовую позицию в мире. Но все же главные экономические успехи страны в рассматриваемый период были связаны не с сельским хозяйством, а с гораздо более быстрым развитием промышленности. Из аграрно-индустриальной страны предвоенной эпохи Соединенные Штаты быстро превратились в индустриальную. Уже в 1880 г. стоимость промышленной продукции в валовом внутреннем продукте (ВВП) в 2,5 раза превышала стоимость сельскохозяйственной продукции. В середине 1890-х гг. Соединенные Штаты вытеснили Великобританию с первого места в мире по промышленному производству. В дальнейшем позиции городской и индустриальной Америки все более упрочивались. В самой промышленности произошли радикальные количественные и качественные изменения².

Успешная индустриализация опиралась на ряд факторов, среди которых очень важными были структурные изменения и усовершенствования в системе частного предпринимательства, особенно же в корпоративной сфере³. Эти изменения — горизонтальная и вертикальная концентрация и централизация предприятий — способствовали ускорению индустриализации и экономическим успехам в самой серьезной мере. Но они же в сравнении с другими нововведениями имели более глубокие противоречия и последствия.

В советской исторической литературе именно процессы концентрации и централизации в американской промышленности рассматривались в качестве главного исторического явления конца XIX—XX вв. Следуя ленинской теории о смене в ту эпоху «свободного» капитализма монополистическим, отечественные историки, как и обществоведы в целом, объявляли главными итогами этих процессов крах свободной конкуренции, утверждение экономического господства промышленных и финансовых монополий, подчинение монополистическому капиталу политической власти, вступление капиталистической общественно-экономической формации в «высшую» стадию развития, которая была равнозначна перманентному и необратимому упадку («загниванию»).

В постсоветский период столь жесткие формулировки, как и фаталистические оценки возможностей монополистического капитализма, перестали употребляться. Но для исследовательского видения постсоветской историографии характерна определенная растерян-

² *Walton G.M., Rockoff H. History of American Economy. N.Y., etc., 1998. P. 375.*

³ Корпорации стали возникать в США еще на рубеже XVIII—XIX вв., но до последней трети XIX в. их удельный вес в промышленности был скромным, а затем они выдвинулись на господствующую позицию, составив основу крупного бизнеса.

ность в осмыслении экономических процессов рубежа XIX–XX вв.: с одной стороны, по сути, признается, что упадка и «загнивания» капитализма не наблюдалось, с другой стороны, присутствует пассивность в исследовании того, что же реально произошло в организации и функционировании системы капиталистического хозяйства.

В самих Соединенных Штатах никогда не было единства в понимании и оценке структурно-организационных изменений в экономике конца XIX — начала XX в. Глубокие разногласия наблюдались в саму эпоху радикальных перемен. Сторонники предпринимательских объединений, как и их создатели, с самого начала доказывали глубокую экономическую обусловленность, целесообразность и полезность для общества концентрации и централизации производства. Социал-дарвинизм, утвердившийся тогда на ведущей позиции не только в американской социологии, но и в национальной индивидуалистической культуре, рассматривал предпринимательские объединения в качестве естественного результата общественной эволюции, как следствие «отбора» «наиболее приспособленных» экономических «видов», безусловное воплощение общественного прогресса, которому общество не вправе чинить никаких препятствий. Но большая часть американцев видела в предпринимательских объединениях безусловное зло, которое должно быть искоренено. Их идеологи и политические лидеры стали называть фактически любые предпринимательские объединения монополиями, образовавшимися в результате заговоров, нечестной предпринимательской практики, преступных деяний против конкурентов. Противоречивым оставалось отношение американской общественности к предпринимательским объединениям и в последующие десятилетия.

Амбивалентность укоренилась и в научных исследованиях. Позиции направления, которое подчеркивало безусловную позитивность предпринимательских объединений, при этом все более усиливались. Одним из его лидеров, оказавших огромное влияние как на историков, так и на экономистов, на протяжении ряда десятилетий выступал А.Д. Чендлер⁴. Для Чендлера в возникновении предпринимательских объединений заключены исключительно положительные черты, среди которых центральное значение придается укоренению вместе с ними в высшей степени рационального (употребляется также определение «научного») менеджмента. Искусный менеджмент, пришедший, согласно Чендлеру, на смену «невидимой руке рынка», которую в свое

⁴ Из наиболее известных его работ укажу две: *Chandler A.D. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Cambridge (Mass.), 1977; idem. Scale and Scope: the Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge (Mass.), 1990.*

время обнаружил и благословил Адам Смит, рационализировал производство, благотворно повлияв на все его стороны.

Наблюдения и выводы Чендлера были так или иначе восприняты большинством американских специалистов, обращавшихся к теме становления предпринимательских объединений, но значительная часть исследователей все же пыталась избежать апологетической односторонности. Приведу показательное суждение Д. Бурстина, признанного главы отнюдь не либеральной, а консервативной историографической школы. Включив в свою характеристику нефтяной империи Дж. Рокфеллера оценку, выдержанную в духе Чендлера, Бурстин вместе с тем отметил непривлекательные черты в деятельности создателя знаменитого нефтяного треста: «Объединение “Стандард ойл” было одним из достижений в области организации. Цена на нефть даже уменьшилась в период расцвета монополии “Стандард ойл”. Но возможно, она бы еще больше уменьшилась без “Стандард ойл”? Безжалостная тактика Рокфеллера по отношению к конкурентам — угрозы, запугивание, готовность применить силу, использовать шпионов (и даже, как поговаривали, убийц) — стала типичным образчиком изменившихся нравов века»⁵.

Среди современных американских авторов многие признают наличие в процессе монополизации ряда отрицательных черт, но те, кто дает ему отрицательную оценку в целом, находятся в явном меньшинстве. В группе меньшинства до сих пор наиболее заметен Г. Колко⁶. Один из главных тезисов Колко заключался в обосновании отсутствия объективных экономических оснований для сверхконцентрации и централизации капитала как в последние десятилетия XIX в., так и в начале XX в. Рокфеллер и другие «капитаны промышленности», доказывал историк, были не в состоянии собственными усилиями подавить конкурентов и смогли сделать это только при помощи государственной власти и государственного законодательства. Выводы Колко звучат тем более неожиданно, что в данное законодательство он включает и те законы, которые формально были приняты с целью пресечения монополистических тенденций.

Концепцию Колко в целом вряд ли можно признать научно обоснованной, но в ней, безусловно, присутствует ряд реалистических наблюдений, которые невозможно встретить в работах Чендлера и его

⁵ Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М., 1993. С. 66.

⁶ Kolko G. Railroads and Regulation, 1877–1916. Princeton (N.J.), 1965; *idem*. The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History, 1900–1916. N.Y., 1963; *idem*. Main Currents in Modern American History. N.Y., 1976.

последователей. Эти наблюдения касаются, например, скрытых механизмов власти, которые использовались крупными предпринимателями к своей выгоде, в том числе для подчинения своим интересам даже антимонополистических законов. Это прослеживается на примере уже первого — 1887 г. — федерального закона, принятого с целью пресечь злоупотребления железнодорожных корпорации в сфере цен на перевозки. С мнением Колко о том, что сам закон был принят по воле железнодорожных корпораций, стремившихся покончить с междоусобной «войной цен», согласиться трудно (Колко не приводит весомых доказательств того, что корпорации имели отношение к принятию закона). Но вывод историка о том, что корпорации подчинили себе суды, отвечавшие за практическую реализацию закона, и стали использовать последний в собственных интересах, подтверждается весьма обстоятельно.

В целом среди американских исследователей предпринимательских объединений сохраняются достаточно серьезные разногласия. Вопросов, в которых достигнуто единство, не так много, хотя среди них есть важные. Например, практически никто не считает, что в США утвердилось монополизация, реально отменившая конкуренцию, хотя, как пишут известные экономические историки Р. Робертсон и Дж. Уолтон, некоторые предпринимательские объединения, не будучи монополиями, обнаруживали «монопольную власть», т.е. способность диктовать рыночные цены даже при наличии конкуренции⁷. Фактически общепринятым стало определять крупные корпорации как «крупный бизнес» («big business»)⁸, а не монополии. Но в оценке их влияния на американское общество различия достаточно серьезны. В этом влиянии были и плюсы, и минусы, а объективная оценка предполагает их полное раскрытие и выявление их точной меры.

Первые шаги в становлении «большого бизнеса» связаны с деятельностью железнодорожных корпораций. Их роль в распространении процесса индустриализации на все регионы страны невозможно преуменьшить. Именно железнодорожные корпорации связали тесными экономическими узами Север и Юг, Восток и Запад, создали в короткий срок развитый общенациональный рынок, позволили промышленным компаниям создавать предприятия в самых удаленных уголках страны. Сами железнодорожные компании были долгое время также и лидерами процесса индустриализации. По подсчетам

⁷ *Robertson R.M., Walton G.M. History of the American Economy. N.Y., 1979. P. 143.*

⁸ В отечественной литературе наряду с понятием «крупный бизнес» используется и понятие «большой бизнес». Они равнозначны, в статье используется и то и другое.

А. Фишлоу, одного из авторитетных исследователей истории железнодорожного транспорта в США, его производственная эффективность в 1870–1910 гг. была почти в полтора раза выше, чем в промышленности в целом, а расценки за перевозку грузов (из расчета одной тонны за милю пути) сократились в три раза⁹. Трансформация железнодорожных компаний в крупные корпорации, начавшаяся уже в период Гражданской войны и завершившаяся к концу XIX в., обуславливалась выдвиганием в повестку дня новой грандиозной задачи — строительство трансконтинентальных железных дорог. Задача была под силу только железнодорожным гигантам, способным привлечь крупные капиталы. Темпы и объемы железнодорожного строительства были впечатляющими: в период с 1860 по 1900 г. протяженность железных дорог увеличилась с 31 до 207 тыс. миль, а к 1910 г. до 266 тыс. миль. Протяженность американских железных дорог превышала протяженность железных дорог всего остального мира.

Роль крупного частного предпринимательства в строительстве железных дорог была огромной, но одному ему справиться с новыми грандиозными задачами было не под силу. Весомую роль в их решении сыграло государство, помогавшее железнодорожным корпорациям, как никому другому. При этом, в отличие от предшествующих периодов активную поддержку железнодорожным корпорациям оказывали не только власти штатов, но и федеральное правительство. Власти предоставляли железным дорогам огромные льготные займы, налоговые преимущества, активно приобретали их акции. Щедрыми были государственные земельные дары железным дорогам, составившие 131 млн акров, или 9% земельного фонда, находившегося в распоряжении государства в период с 1789 по 1904 г.¹⁰

Первая трансконтинентальная железная дорога была проложена корпорациями «Сентрэл Пасифик» и «Юнион Пасифик» при прямой поддержке федерального правительства. Ее открытие 10 мая 1869 г. стало общенациональным событием. В крупнейших городах страны были устроены празднества, президент У. Грант лично поздравил строителей магистрали, длина которой превысила 1700 миль¹¹. К началу 1890-х гг. при поддержке властей в стране были пущены в строй еще три трансконтинентальные железные дороги. Железнодорожная интеграция Востока и Запада одновременно подкреплялась интеграцией

⁹ *Fishlow A. Internal Transportation // Economic Growth: An Economic History of the United States / Ed. L.E. Davis et al. N.Y., 1972. P. 500–508.*

¹⁰ *Walton G.M., Rockoff H. Op. cit. P. 354.*

¹¹ *Cashman S.D. America in the Gilded Age. From the Death of Lincoln to the Rise of Theodore Roosevelt. N.Y., L., 1993. P. 24–26.*

Севера и Юга. Ее также осуществляли крупные железнодорожные корпорации, среди которых особенно заметной была «Нью-Йорк Сент-рэл», возглавлявшаяся самым богатым американцем послевоенной эпохи К. Вандербильтгом (к концу жизни Вандербильта, скончавшегося в 1877 г., его состояние оценивалось в 105 млн долл., что по меркам начала XXI в. равняется примерно 1,8 млрд долл.)¹².

Уже в 1870-е гг. крупнейшие железнодорожные корпорации обладали монополистическим влиянием и во многих случаях могли диктовать цены на железнодорожные перевозки. Железнодорожные корпорации осуществляли дискриминацию среди грузоперевозчиков: для крупных товаропроизводителей устанавливались льготные тарифы, а для мелких тарифы, напротив, сверх всякой меры повышались. От этой практики страдали прежде всего фермеры, активно требовавшие пресечения злоупотреблений и государственного контроля над тарифами. В 1887 г. был принят первый федеральный закон по регулированию железнодорожного сообщения между штатами. Межштатная торговая комиссия, созданная в соответствии с этим законом, была наделена внешне весомыми полномочиями. Она собирала жалобы на злоупотребления железнодорожных компаний, организовывала слушания, добивалась утверждения «справедливых и разумных» тарифов, боролась с дискриминацией грузоотправителей. Но решения комиссии носили рекомендательный характер, а вопрос об их исполнении передавался в суды. В судах же верх чаще брали железнодорожные компании. В период с 1890 по 1905 г. из 16 дел, переданных федеральной комиссией в суды, железнодорожные компании сумели выиграть 15. Рассмотрение дел неизменно крайне затягивалось, что также оборачивалось к выгоде владельцев железнодорожных дорог (в среднем каждое дело рассматривалось 4 года). В конце XIX в. Верховный суд США вообще нанес сокрушительный удар по полномочиям комиссии, объявив, что она не вправе определять ни минимальные, ни максимальные тарифы¹³.

Экономический кризис 1893 г. ускорил крах небольших и независимых железнодорожных компаний. Последние стали быстро поглощаться железнодорожными гигантами, среди которых особенно заметными были корпорации Э. Гарримана и Дж. Хилла. На рубеже веков между самими этими гигантами развернулась жестокая схватка за власть над национальной железнодорожной сетью. Вначале преимущества добил-

¹² Брандс Х.В. Адмирал американского капитализма // Большой бизнес. 2004. № 10. С. 139.

¹³ Ripley W.Z. Railroads: Rates and Regulation. N.Y., 1912. P. 463; Miller S.L. Railway Transportation. Chicago, 1924. P. 743; Faulkner H.U. The Decline of Laissez Faire 1897–1917. N.Y., Toronto, 1951. P. 189.

ся Гарриман, но после того, как на стороне Хилла выступил финансовый король Дж.П. Морган, силы уравнились и битва гигантов зашла в тупик. Морган сумел добиться компромисса, и стороны в 1901 г. стали соучредителями холдинговой компании «Норзерн секьюритиз», подчинившей себе львиную долю железных дорог страны.

Монопольные притязания компании навлекли гнев нового американского президента Т. Рузвельта, настоявшего на судебном расследовании ее деятельности. Компания была ликвидирована, но тенденция централизации железнодорожного бизнеса не была пресечена. К 1906 г. железнодорожный бизнес был фактически поделен между семью предпринимательскими группами, при этом группы Моргана—Хилла и Гарримана доминировали в контроле над трансконтинентальным сообщением. Первая подчинила северо-западные, а вторая — центральные и южные трансконтинентальные маршруты¹⁴.

Централизация железнодорожного транспорта имела две стороны. Она существенно обогатила магнатов, использовавших в достижении своих целей самые разнообразные, в том числе противозаконные средства. Президент Т. Рузвельт говорил о Гарримане и его сторонниках: «Нет таких форм лжи, подкупа и коррупции, к которым бы они не прибегли»¹⁵. Вместе с тем централизация не только не понизила, но напротив, серьезно повысила эффективность железнодорожного транспорта, как и снизила железнодорожные тарифы. Г. Фолкнер, известный исследователь экономической истории США, близкий к прогрессистской школе, дал весьма критический анализ становления американских предпринимательских объединений, но он же признавал «творческие способности и организаторский гений» Э. Гарримана и Дж. Хилла. В отличие от первого поколения железнодорожных магнатов (к нему относились Дж. Гульд и К. Вандербильт), которые обогащались главным образом при помощи финансовых спекуляций, второе поколение, к которому принадлежали Гарриман и Хилл, уделило огромное внимание усовершенствованию железнодорожного транспорта и менеджмента. И Гарриман, и Хилл неоднократно покупали и поднимали на ноги железные дороги, которые при прежних хозяевах, казалось бы, попадали в безнадежное положение¹⁶.

Железнодорожные компании продемонстрировали пример объединения в прибыльные и динамичные корпорации, которому быстро ста-

¹⁴ *Faulkner H.U.* Op. cit. P. 197.

¹⁵ *Брандс Х.В.* Главный железнодорожник Америки // Большой бизнес. 2005. № 7. С. 177.

¹⁶ *Faulkner H.U.* Op. cit. P. 218.

ли следовать все отрасли американской промышленности. А.Д. Чендлер выделил два крупных этапа в процессе концентрации и централизации промышленности США (его схема была воспринята многими американскими исследователями). Первый этап — с конца 1870-х до середины 1890-х гг. — характеризовался развитием так называемых «горизонтальных» предпринимательских объединений, т.е. таких, которые концентрировали в своих руках главным образом производство одной и той же продукции. Следующий этап — вторая половина 1890-х — первые годы XX в. — ознаменовался утверждением таких объединений, которые сконцентрировали контроль над отраслью «по вертикали», включая добычу и поставку сырья, производство продукции и ее рыночную реализацию. Пик второго этапа — 1899–1903 гг. — явился и пиком процесса становления предпринимательских объединений в целом.

Первой формой «горизонтальных» объединений стали пулы (американские аналоги европейских картелей) — «джентльменские» соглашения независимых производителей в рамках одной отрасли, преследовавших цель прекращения «ценовой войны», раздела рынка, определенного квотирования производимой продукции. Пулы, достаточно эффективные в благополучные экономические периоды, легко разрушались в периоды экономических спадов, когда каждый предприниматель, желая спасти самого себя, забывал о всех договоренностях. С начала 1880-х гг. на смену пулам приходят новые «горизонтальные» объединения — тресты и холдинговые компании.

Первым и одновременно классическим примером треста явилось нефтяное объединение Дж. Рокфеллера «Стандард ойл компэни». В 1860–1870-е гг. в нефтеперерабатывающем бизнесе существовало множество конкурентов, среди которых Рокфеллер был самым успешным. Успех его компании основывался как на очевидных, признанных практически всеми исследователями управленческих способностях собственника, так и на агрессивных (также подтверждаемых практически всеми исследователями) методах борьбы с конкурентами. Беспощадная борьба Рокфеллера с конкурентами привела к тому, что их число в 1870-е гг. существенно сократилось. В конце 70-х — начале 80-х годов Рокфеллер добился того, что большинство оставшихся конкурентов передали свои активы в трастовое (от английского trust — доверять) управление его компании, согласившись в дальнейшем только на получение от ее хозяина дивидендов. Рокфеллер сосредоточил в своих руках более 90% нефтепереработки в стране, его состояние и доходы треста стали быстро расти. По стопам Рокфеллера последовали ведущие производители других отраслей.

Действия Рокфеллера и его последователей вызвали широкий протест в разных слоях общества, и, реагируя на него, законодатели США в 1890 г. одобрили законопроект сенатора Джона Шермана, получивший название «антитрестовского закона». Однако закон, направленный на пресечение попыток монополизации торговли между штатами, был легко обойден. Во-первых, суды, принявшие к рассмотрению первые иски против трестов, пришли к заключению, что пресекаться, как это вытекало из буквы закона, могли только попытки монополизировать торговлю, но не производство, поэтому производственные тресты были вполне законны. Во-вторых, на помощь учредителям трестов в 1889 г., т.е. еще до принятия закона Шермана, пришли законодатели штата Нью-Джерси. Отреагировав на обвинения общественной о наличии в деятельности трестов «преступного заговора», поскольку передача несколькими компаниями своих активов в управление только одной не подтверждалась никакими законами, законодательное собрание Нью-Джерси исправило этот изъян. Усилиями его депутатов прежний корпоративный статус штата был исправлен таким образом, что предпринимательские компании получили легальное право передавать свои активы в управление любых других или даже одной-единственной. Легализованная властями Нью-Джерси форма предпринимательского объединения получила название холдинговой компании. Критики, полагавшие, что между трестами и холдинговыми компаниями никакой разницы нет, стали именовать Нью-Джерси «родиной трестов».

Учредители трестов без промедления устремились за регистрацией в Нью-Джерси. Одним из первых среди них оказался Дж. Рокфеллер: после того как в 1892 г. законодатели штата Огайо, где был зарегистрирован «Стандард ойл», приняли решение о его роспуске, он зарегистрировал свое детище в Нью-Джерси под чуть-чуть измененным названием («Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» вместо «Стандард ойл оф Огайо»). На пике образования предпринимательских объединений, в 1898–1901 гг., в Нью-Джерси было зарегистрировано 183 холдинговых компании с общей капитализацией в 4 млрд долл., что составляло тогда одну двадцатую всего национального богатства США и в четыре раза превосходило капитализацию всех предпринимательских объединений, созданных в промышленности в период с 1860 по 1893 г.¹⁷

Процесс образования предпринимательских объединений в США был серьезно подстегнут экономическим кризисом 1893–1897 гг., одним из самых глубоких в американской истории. Спад производства,

¹⁷ *Cashman S.D.* Op. cit. P. 56.

разорение массы независимых предпринимателей оказались на руку «капитанам индустрии», скупавшим по минимальным ценам тысячи рухнувших предприятий и выстраивавшим «зашатавшуюся» экономику уже не только по «горизонтали», но и по «вертикали». В 1898 г. в Соединенных Штатах был установлен рекорд поглощения независимых предприятий — 303 фирмы с общей капитализацией в 651 млн долл. В 1899 г. этот рекорд был превзойден в 4 раза — 1208 поглощенных компаний с общей капитализацией в 2,26 млрд долл. В следующем году было поглощено 340 компаний, а в 1901 г. (последний год массовых поглощений) — 423¹⁸. В результате этих «великих поглощений», которые обозначаются некоторыми историками также как «корпоративная революция», в руках 2 тыс. крупнейших корпораций, составлявших 1% от общего числа предприятий, оказалось сосредоточено 40% активов всей американской промышленности¹⁹. По свидетельству Дж. Муди, одного из наиболее квалифицированных аналитиков той эпохи, самыми влиятельными в американской промышленности выступали 300 трестов, а двумя ведущими экономическими гигантами являлись бизнес-группы Дж. Рокфеллера и Дж.П. Моргана²⁰.

В ходе поглощений и слияний 1897–1901 г. образовались объединения, вставшие в один ряд с нефтяным трестом Рокфеллера. Самым крупным среди них была корпорация «Юнайтед стейтс стил», в образовании которой решающую роль сыграл Дж.П. Морган. Это «вертикальное» предпринимательское объединение сконцентрировало активы на сумму в 1 млрд долл., подчинило своему контролю 60% сталелитейной промышленности, 1100 миль железных дорог, огромное количество шахт, флотилии грузовых пароходов и барж. Тенденция монополизации, достигшая тогда наивысшего развития, имела оборотной стороной и наивысший подъем антимонополистических настроений. Реагируя на них, президент США Т. Рузвельт объявил в 1901 г. кампанию борьбы с трестами. В течение восьми лет его президентства против предпринимательских объединений было возбуждено более 40 дел, а в последующие четыре года количество антимонопольных исков — 90 — оказалось рекордным за всю американскую историю. Тем не менее тенденция образования крупных предпринимательских объединений не была пресечена, хотя и была ограничена.

¹⁸ *Kolko G.* The Triumph of Conservatism. P. 18–19.

¹⁹ *Ransom R.L.* Coping With Capitalism. The Economic Transformation of the United States, 1776–1980. Englewood Cliffs (N.J.), 1981. P. 71–72; *Bailyn B., Dallek R., Davis D.B., Donald D.H., Thomas J.L., Wood G.S.* The Great Republic: A History of the American People. Vol. 2. Lexington–Toronto, 1992. P. 182–183.

²⁰ *Moody J.* The Truth about the Trusts. N.Y., 1904. P. 469, 493.

Одной из причин поражения многих антимонопольных дел являлась поддержка крупных предпринимательских объединений судебными инстанциями. Ее наиболее ярким выражением стало «правило разумности», сформулированное Верховным судом США в 1911 г. Согласно «правилу разумности» противозаконными объявлялись не всякие ограничения конкуренции, а только те, которые сопровождались преступными действиями против конкурентов. Если же, например, предпринимательское объединение, даже достигавшее гигантских размеров, не совершало подобных преступлений, оно сохраняло право на существование. Этот подход Верховного суда США был принят судебной властью в целом. «Правило разумности» было воспринято и другими ветвями власти. Президент Т. Рузвельт начал проводить различие между «плохими» и «хорошими» трестами, требуя наказывать только последние.

И все же, хотя в начале XX в. в США по сути произошла легитимация «горизонтальных» и «вертикальных» предпринимательских объединений, это не было равнозначно экономическому всевластию крупных корпораций. Тенденция монополизации, наиболее явственно обозначившаяся на рубеже веков, в дальнейшем пошла на спад. Новые предпринимательские объединения продолжали образовываться, но ни они, ни старые объединения не могли достичь влияния, которое на рубеже веков приобрели «Стандард ойл» и «Юнайтед стейтс стил», как и ряд корпораций в других отраслях. «Стандард ойл», самая монопольная корпорация, стала утрачивать позицию безраздельного господства в отрасли еще до ее роспуска в 1911 г. Если к концу XIX в. компания Рокфеллера контролировала более 90% нефтепереработки в стране, то в 1904–1907 гг. эта доля сократилась до 84%. Решение Верховного суда 1911 г. повлекло сокращение доли рокфеллеровской корпорации в нефтепереработке до 50%. К началу Первой мировой войны оживление конкуренции наблюдалось и в других отраслях, в которых на рубеже XIX–XX вв., казалось бы, возобладали монопольные компании. Отчасти этому способствовали антимонополистические настроения общества, как и попытки властей ограничить откровенно противоправные действия «капитанов индустрии». Еще одна причина заключалась в потребностях самого экономического развития и экономической эффективности бизнеса. Обнаружилось, что утверждение монополии в «чистом» виде ведет к снижению ее собственной эффективности и вступает в противоречие с потребностями максимизации прибыли. Утверждению «чистой» монополии препятствовали также экономико-политические особенности Америки, например, ее разделение на множество штатов, обла-

давших часто специфическими интересами и законодательством. Свою роль играла и неискоренимая предприимчивость миллионов американцев, готовых начинать и продолжать предпринимательскую активность даже в условиях диктата со стороны промышленных гигантов и опасности быть разоренными в любой момент.

Признание отсутствия в США «чистых» монополий не означает попытки преуменьшить реальный экономический, как и политический вес предпринимательских объединений в ту эпоху. Точное измерение этого влияния продолжает сохранять для историков исследовательскую важность, что же касается имеющихся на сегодняшний день данных, то они свидетельствуют, что крупные корпорации превратились тогда если не в господствующую, то в ведущую экономическую силу. Ярким примером экономического могущества, достигнутого крупным бизнесом, может служить финансовая зависимость правительства США от Дж.П. Моргана в периоды экономических кризисов 1893 и 1907 г. В 1893 г., когда США погрузились в состояние финансовой паники, президент Г. Кливленд, лично недолюбливавший Моргана, должен был обратиться к нему с просьбой оплатить золотом выпуск государственных облигаций. Моргановского золота оказалось достаточно, чтобы стабилизировать финансовое положение государства. Финансовый король спас правительство, а затем с выгодой уже для себя распорядился приобретенными государственными облигациями. В 1907 г. с аналогичной просьбой спасти нацию к Моргану обратился уже Т. Рузвельт. В 1913 г., когда Морган скончался, американцы были единодушны в том, что из жизни ушел их самый могущественный соотечественник²¹.

Не только современники, но и поколения историков не смогли прийти к единодушной оценке последствий экономического триумфа большого бизнеса. Очевидно, что эти последствия, с точки зрения интересов общества, включали как «минусы», так и «плюсы», а объективно определить их баланс и соотношение очень непросто. Главными плюсами большого бизнеса было то, что он рационализировал экономическую жизнь США, снизил издержки производства, намного ускорил экономическое развитие нации. Несмотря на присущие ему монополистические тенденции, роста цен в США в ту эпоху не происходило, напротив, они определенно снижались.

Но переход к эпохе большого бизнеса в глазах многих классов и социальных групп заключал в себе также серьезные минусы и издержки.

²¹ Брандс Х.В. Крестный отец американских финансов // Большой бизнес. 2004. № 9. С. 129–130.

«Капитаны индустрии» беспощадно сокрушали массы конкурентов, ради достижения своих целей попирали законы, насаждали коррупцию в государственных органах. Причем они не стеснялись открыто декларировать социал-дарвинистские убеждения, полагая, что выражают суть национальной индивидуалистической веры и отнюдь не вступают в противоречие с пуританской этикой. Многим американцам были хорошо известны циничные высказывания К. Вандербильта, признанного пионера «большого бизнеса». В своем окружении он изрекал: «На что мне закон? У меня что, нет силы?» Своим конкурентам он однажды направил характерную записку: «Господа, вы попытались обмануть меня. Я не буду подавать на вас в суд, судопроизводство у нас работает слишком медленно. Я вас разорю». Подобные приговоры, выносившиеся Вандербилтом единолично, нередко превращались в жизнь²². Миллионы американцев, испытавших на себе в ту эпоху «железную пята» большого бизнеса, дали его творцам хлесткое прозвище, сохранившееся в сознании многих и многих поколений — «бароны-разбойники».

Как «минусы», так и «плюсы» в деятельности большого бизнеса, при всем том, что они контрастируют друг с другом, имели *общий источник* — *стремление энергичных, талантливых и беспощадных предпринимателей к максимизации прибыли, извлечению доходов, создающих максимальные экономические возможности и дающих максимальную экономическую власть*. Их технологические, управленческие и иные нововведения способствовали снижению оптовых и розничных цен, но издержки производства снижались в гораздо большей степени, так что даже те результаты деятельности большого бизнеса, которые, несомненно, приносили пользу потребителям и обществу в целом, оборачивались гораздо большей выгодой для самих предпринимателей. *Именно эта выгода являлась определяющим мотивом крупного бизнеса с момента его зарождения.*

При всем том, что состав как верхнего, так и нижнего экономического класса в США в пятидесятилетие после Гражданской войны серьезным образом изменился (из верхнего класса исчезла плантаторская олигархия, а в нижнем классе уже не было рабов), разрыв между ними, как минимум, ничуть не уменьшился. Современники и историки уделили внимание статистическому расчету распределения национального дохода корпоративной Америки между разными социальными слоями. Большинство из них соглашались, что господствующая позиция принадлежала владельцам крупных корпораций, числен-

²² Брандс Х.В. Корнелиус Вандербильт // Большой бизнес. 2004. № 10. С. 138.

ность которых не превышала 1% американцев и которые владели 70% корпоративных богатств и половиной всей американской промышленности. Фактически верхушка корпоративной Америки заняла на экономической лестнице то место, которое до Гражданской войны занимал 1% плантаторских семейств южных штатов²³.

Еще один важный вопрос социальных последствий триумфа большого бизнеса заключается в выявлении возможностей вхождения в капиталистический класс, а в более широком плане — вертикальной социальной мобильности. В эпоху после Гражданской войны широко распространилось то представление, что эти возможности были очень большими, и в ряды «капитанов индустрии» могли встать даже выходцы из рабочих и иммигрантских семей. Наиболее талантливым пропагандистом такого представления являлся Горацио Элджер, автор более ста романов, воспевавших предпринимательские успехи выходцев из социальных низов. Это представление подтверждалось и биографиями ряда крупнейших предпринимателей. Но в исследованиях академической науки, накапливавшей со временем все больше свидетельств противоположного сорта, это представление было объявлено по преимуществу мифом. Э. Пессен, обобщая данные исследования, отмечал, что нижние социальные слои обладали минимальными возможностями вхождения в национальную элиту новых предпринимателей (в национальной экономической элите начала XX в. было не более 3% выходцев из бедных иммигрантских и фермерских семей)²⁴.

Можно признать, что благодаря мощному росту экономики и прибавочной стоимости ухудшения («абсолютного обнищания», по марксистской терминологии) в положении рабочего класса не происходило. Напротив, реальная заработная плата рабочих в рассматриваемое пятидесятилетие последовательно повышалась: в период с 1870 по 1900 г. она выросла примерно в 1,5, а в период с 1870 по 1920 г. в 2 раза²⁵.

Но насколько это улучшило положение рабочего класса? М. Дубофски, один из наиболее авторитетных современных исследователей рабочего класса той эпохи, собрал весомые свидетельства того, что большинство рабочих тогда едва сводило концы с концами. Напри-

²³ *Story R.* Social Class // Encyclopedia of American Social History / Ed. K. Cayton, E.J. Gorn, P.W. Williams. Vols. 1–3. N.Y., 1993. Vol. 1. P. 474.

²⁴ *Pessen E.* Social Mobility // Encyclopedia of American Economic History / Ed. G. Porter. Vols. 1–3. N.Y., 1980. Vol. 3. P. 1129–1130.

²⁵ *Long C.D.* Wages and Earnings in the United States, 1860–1890. Princeton (N.J.), 1960. P. 3–12, 109–118; *Rees A.* Real Wages in Manufacturing, 1890–1914. Princeton (N.J.), 1961. P. 3–5; *Puth R.C.* American Economic History. Chicago, 1988. P. 374; *Adams D.R., jr.* Prices and Wages // Encyclopedia of American Economic History. Vol. 1. P. 244.

мер, в Нью-Йорке, где положение рабочих в целом было лучше, чем в других промышленных городах, средняя заработная плата рабочих в годы перед Первой мировой войной по самым оптимистическим оценкам колебалась между 550 и 600 долларами в год, а прожиточный минимум рабочего-одиночки по официальной статистике составлял 505 долл. (прожиточный минимум для семьи из четырех человек составлял от 800 до 876 долл.). Особенно низкими были доходы иммигрантов: по данным иммиграционного бюро в этой группе рабочих (было обследовано 10 тыс. человек) средний ежегодный доход составлял 413 долл., а у половины рабочих он был ниже 400 долл.²⁶ При таких доходах у подавляющего числа рабочих не было шансов накопить средства на собственное жилье, и они должны были на протяжении всей жизни арендовать скромные квартиры и комнаты у частных собственников. Их питание, одежда, медицинские условия, досуг были ненамного лучше, чем у рабочего класса предшествующей эпохи.

Одним из показателей затруднительных материальных условий рабочего класса, как и нижних социальных слоев в целом, является широкое признание со стороны американского общества наличия в стране перманентной массовой бедности²⁷. Критерии бедности, предлагавшиеся исследователями, различались порой весьма серьезно, но в любом случае они основывались на учете потребностей, характерных для американцев той эпохи. В сравнении с последующими эпохами они выглядели явно заниженными, например, в 1970-е гг., когда в США была впервые одобрена федеральная программа «войны с бедностью», порог бедности в неизменных долларах был определен в 2 раза выше, нежели тот, который был предложен Хантером в начале XX в. Если руководствоваться официальным критерием 1970-х гг., в начале XX в. бедными в США было подавляющее большинство жителей²⁸.

Огромные материальные блага, накопленные верхним экономическим классом в десятилетия после Гражданской войны, обретенное экономическое могущество побуждали его к распространению влияния на другие сферы жизни, в первую очередь на политическую власть. Его представители активно баллотировались на депутатские места в Конгресс и законодательные органы штатов, пытались занять как можно больше мест также в исполнительных и судебных ветвях власти. Представляется, что современные исследовательские данные

²⁶ *Dubofsky M.* *Industrialism and the American Worker. 1865–1920.* Arlington Heights (Ill.), 1985. P. 19–21.

²⁷ *Hunter R.* *Poverty.* N.Y., 1904.

²⁸ *Patterson J. T.* *America's Struggle Against Poverty.* Cambridge (Mass.), 2000. P. 11.

дают основание для заключения: удельный вес социально-экономических элит во властных структурах в период после Гражданской войны существенно увеличился и достиг одного из наивысших показателей в американской истории. Американский исследователь П. Берч в фундаментальном и самом полном на сегодняшний день трехтомном исследовании роли социально-экономических элит в политической системе США на разных этапах приводит многочисленные данные, подтверждающие данный вывод. Согласно его расчетам, социальные элиты добились следующего представительства в верхнем эшелоне исполнительной власти и дипломатической службы на трех этапах революционной и постреволюционной эпохи: 1861–1877 гг. — 81,1%; 1877–1897 гг. — 86,8%; 1897–1913 гг. — 91,7%. Подлинный триумф характеризует их участие в Верховном суде США: 1861–1877 гг. — 88,9%; 1877–1897 гг. — 84,2%; 1897–1913 гг. — 100%²⁹.

Наиболее притягательным политическим местом для представителей финансово-промышленной элиты стал американский сенат, властные возможности которого в ту эпоху, по заключению многих историков, оказались наибольшими за всю историю США. В конце XIX в. в сенате заседало 25 миллионеров, почти треть его состава (современники, как и некоторые историки, нарекли сенат той эпохи «клубом миллионеров»). Многие другие сенаторы непосредственно представляли интересы финансово-промышленных объединений. Ведущие сенаторы-республиканцы конца XIX в. У. Аллисон, Н. Олдрич, О. Платт, Д. Спунер («философский клуб», как величали их) были адвокатами крупных корпораций³⁰.

Оплотом корпоративного капитала в конце XIX — начале XX в. выступала судебная ветвь государства. Она блокировала робкие, а потом и более настойчивые реформаторские маневры законодательной и исполнительной ветвей, приспособливая к интересам бизнеса законодательство прежних эпох. Историки практически единодушны в том, что именно судебные интерпретации наполняли в тот период реальным содержанием американские законы, при этом последние испытывали порой удивительные метаморфозы. Классическим стал пример 14-й поправки к федеральной Конституции США. Одобренная в 1868 г., она провозглашала, что «ни один штат не может лишить кого-либо жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры»³¹. Радикаль-

²⁹ Burch P. H., jr. *Elites in American History*. Vol. 2. The Civil War to the New Deal. N.Y., 1980. P. 320–321.

³⁰ Josephson M. *The Politicos, 1865–1896*. N.Y., 1938. P. 445.

³¹ Конституции зарубежных государств. М., 2002. С. 362.

ные республиканцы эпохи Гражданской войны, инициаторы поправки, предназначали ее для пресечения попыток властей южных штатов ограничить гражданские и политические права освобожденных негров. В 1870–1890-е гг. судебная ветвь использовала эту поправку для того, чтобы пресечь попытки властей штатов, как на Юге, так и на Севере, ущемить права и интересы бизнеса.

Политические метаморфозы последней трети XIX в. создали реальную угрозу для демократических оснований американской государственности. В представлениях критически настроенных американцев обозначилась перспектива утверждения в стране *всевластия крупного капитала*, означавшего, что корпоративный бизнес вслед за утверждением господства в экономике неизбежно подчинит себе и политическую власть. В состоянии ли было американское общество противостоять этим тенденциям, ограничить экономические притязания корпоративного капитала, нейтрализовать попытки приватизации политической власти? Ответ на этот вопрос, ответ противоречивый, но в серьезной мере и положительный, заключен по преимуществу уже в истории не «Позолоченного века», а «Прогрессивной эры».

В американской исторической литературе можно выделить две главные оценки итогов «Прогрессивной эры». *Оптимистическая* заключается в том, что в начале XX в. общество восторжествовало над корпорациями³². *Пессимистическая* доказывает, что корпорации в союзе с государством совершили в тот период реформистский маневр-обман в отношении общества³³. Не соглашаясь ни с одной из них, автор ниже развивает тот тезис, что экономическая власть и политическое влияние крупного бизнеса в начале XX в. были определенно огра-

³² Hofstadter R. *The Age of Reform: From Bryan to F.D.R.* N.Y., 1955; Goldman E.F. *Rendezvous With Destiny: A History of Modern American Reform.* N.Y., 1952; Hays S.P. *The Response to Industrialism, 1885–1914.* Chicago, 1957; Wiebe R.H. *The Search for Order, 1870–1920.* N.Y., 1967; Cohen N. *The Reconstruction of American Liberalism, 1865–1914.* Chapel Hill, 2002; Cyphers C.J. *The National Civic Federation and the Making of New Liberalism.* Westport, 2002; McGerr M. *A Fierce Discontent: The Rise and Fall of the Progressive Movement in America, 1870–1920.* N.Y., 2003.

³³ Главным выразителем этой оценки является уже охарактеризованный выше Г. Колко. В монографии «Триумф американского консерватизма» (*Kolko G. The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History, 1900–1916.* N.Y., 1963) он доказывал, что инициатором и движущей силой прогрессистских преобразований были экономические и политические элиты, которые, однако, вопреки интерпретациям историков-«оптимистов», были озабочены не утверждением «всеобщего благосостояния», а спасением и укреплением собственной классовой гегемонии в системе американского капитализма.

ничены. Но это было именно определенное ограничение экономических и политических позиций корпораций (имевшее позитивное историческое значение и демократический характер), а не их подчинение обществу и государству.

«Прогрессивная эра» и развивавшееся в ее рамках широкое прогрессистское движение американской общественности уходят корнями в «Позолоченный век», когда американские социальные низы, в первую очередь фермерство, но также и рабочий класс попытались по отдельности противостоять эгоистическим устремлениям крупного бизнеса. Уже тогда белая Америка (чернокожие американцы в тот период в своем большинстве были социально пассивны) впервые приблизилась в тем образцам классовых конфликтов, которые были характерны для европейской части западной цивилизации. В гуще американского фермерства оформились последовательно гринбекерское, грейнджерское и, наконец, популистское движения, заявившие о намерении обуздать железнодорожные и финансовые корпорации. Наибольших успехов добились популисты, склонившие в ходе президентских выборов 1892 г. на свою сторону около 10% избирателей и потребовавшие ликвидации не только экономического господства корпоративного капитала, но и политической монополии Республиканской и Демократической партий. В рабочем движении «Позолоченного века» оформились массовые профсоюзы от «Рыцарей труда» до Американской федерации труда, а также первые, правда, малочисленные социалистические партии.

«Прогрессивная эра» имела генетические связи и сходство с протестными выступлениями «Позолоченного века», она позаимствовала многие требования популистского движения, восприняла и развила свойственную практически всем социальным движениям предшествующей эпохи критику антиобщественных действий большого бизнеса и политической коррупции. Но она имела и важные отличия, главное среди которых заключалось в том, что движение за реформы в начале XX в. приобрело общенациональный характер, в него вовлеклись многие общественные слои и классы. Как отмечал современный историк Р. Маккормик, «прогрессизм был первым (и, возможно, единственным) реформаторским движением, охватившим всю американскую нацию»³⁴. Но роль разных социальных групп была неоднозначной и неодинаковой. Центральное место в реформаторском движении начала XX в. заняли городские (и это тоже важное отличие от протестных

³⁴ *McCormick R.L.* The Party Period and Public Policy. American Politics From the Age of Jackson to the Progressive Era. N.Y., 1986. P. 272.

движений «Позолоченного века», в которых все же преобладало фермерство) средние слои. Политическое лидерство постепенно перешло к просвещенной элите. Самостоятельное место принадлежало рабочему движению. Американская федерация труда, самая массовая профсоюзная организация, реально влияла на реформаторскую часть Демократической партии. Оформилась массовая Социалистическая партия, добившаяся на выборах 1912 г. такого же успеха, какой на выборах 1912 г. сопутствовал популистам. Социалисты добились наибольшего (да реально и единственного) за всю американскую историю успеха среди рабочих и, в не меньшей мере, среди среднего класса. Рабочие и социалисты являлись самостоятельной частью движения социального протеста, но оказывали также влияние на идеологическую повестку «Прогрессивной эры» в целом. Подлинным же идеологическим «бродилом» прогрессистского движения, взбудоражившим всю нацию, стало движение «разгребателей грязи».

Социальная критика звучала на страницах американских газет и журналов и в конце XIX в., но с начала нового столетия она приобрела необычайно жесткий, целенаправленный и доказательный характер. Родилась критика, отмеченная высоким журналистским профессионализмом и получившая незамедлительно широчайший отклик в американском обществе. Периодические издания, вставшие на тропу разоблачений, стали самыми популярными и первыми по-настоящему массовыми в США. Хлесткие названия статей: «Враги республики», «Предательство сената», «Бешеные финансы» — превратились в общенациональные клише для обозначения коррумпированных и аморальных политиков, промышленников, финансистов.

«Разгребание грязи» охватило все штаты и города, журналистская кампания по разоблачению противоправных и откровенно преступных деяний «капитанов индустрии», партийных боссов, законодателей, чиновничества приобрела характер общенационального социального протеста и породила широкие выступления общественности за устранение выявленных пороков. Одну из ведущих позиций в этих выступлениях с самого начала заняли представители церкви. Первыми выступили представители протестантских деноминаций. Еще в конце XIX в. они подвергли острому бичеванию аморальные действия нуворишей, решительно отвергли социал-дарвинистскую апологию «наиболее приспособленных» индивидуумов, осудили крайности неравенства и массовую нищету. Формулируя позитивную платформу, они решились на пересмотр традиционной и основополагающей протестантской концепции «личного спасения», выдвинув во главу угла своих проповедей новую концепцию «социального спасения». Суть ее

заклучалась в том, что в новой общественной ситуации спасение каждой личности только с помощью собственных усилий невозможно, целью должно было стать спасение целого социального организма усилиями всего общества. Особая ответственность за ликвидацию общественных пороков возлагалась на государство³⁵. Менее заметной была реформаторская активность католической церкви, но и ей нашлось место в прогрессивном движении.

Важную роль в выработке цельной идеологии прогрессивного движения, как и развернутой программы практических преобразований, сыграли светские интеллектуалы, среди них и представители академической общины. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что никогда прежде академическая община не оказывала такого воздействия на умонастроения и устремления американской нации, как в десятилетия перед Первой мировой войной. Консервативная часть академической общины сыграла свою роль в пестовании и распространении социал-дарвинистских, а в более широком плане «грубоиндивидуалистических» доктрин, но серьезного, к тому же все более возраставшего влияния смогла добиться и ее либерально-реформаторская часть. Она сформулировала важнейшие принципы обновления основополагающей национальной идеологии — либерализма в направлении соединения его с социально-экономическим и политическим реформаторством³⁶. Этот обновленный вариант со временем стали называть *новым, или социальным, либерализмом*. Традиционный же, или классический либерализм, обретший ипостась «грубого индивидуализма», стал отождествляться в Соединенных Штатах с консерватизмом³⁷.

Среди социальных проблем Америки всеми либералами в качестве главных были признаны проблемы крупного бизнеса и рабочего движения. Были предложены и конкретные реформы по согласованию интересов рабочих и корпоративной Америки. В отношении к предпри-

³⁵ Кислова А.А. Социальное христианство в США. М., 1974.

³⁶ Среди наиболее весомых академических работ прогрессивистского направления назову следующие: *Ward L.* Pure Sociology: A Treatise on the Conscious Improvement of Society by Society. N.Y., 1903. P. 16–17; *Ely R.* Socialism. An Examination of It's Nature, It's Strength and It's Weakness With Suggestions for Social Reform. N.Y., 1894; *idem.* Studies in the Evolution of Industrial Society. N.Y., 1903; *Croly H.* The Promise of American Life. N.Y., 1909. P. 26–35; *Smith J.A.* The Spirit of American Government. N.Y., 1907; *Beard Ch.A.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N.Y., 1913; *Weyl W.* The New Democracy. N.Y., 1913.

³⁷ Подробно о метаморфозах либерализма в США см.: *Согрин В.В.* Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. М., 1995.

нимательским объединениям либералы разделились. И здесь их взоры устремились к государству, но политика его мыслилась по-разному. Часть либералов проповедовала ликвидацию объединений с монопольными признаками, восстановление и поддержание при помощи государства свободной конкуренции, вместе с которой должна была установиться и столь желанная социальная гармония. Другая часть предлагала признать предпринимательские объединения в качестве новой и более эффективной экономической ступени развития, но вместе с тем требовала от государства создать надежный регулирующий механизм, который бы позволил воспользоваться плодами возросшей экономической мощи общества всем его представителям.

Мощная общенациональная кампания по «разгребанию грязи», интеллектуальный протест академической общины, как и широких кругов интеллигенции в целом, воодушевляли массы на поддержку разнообразных реформ, которые все чаще стали обозначать как «прогрессивные». Массовые настроения и выступления в поддержку реформ первоначально формировались на уровне отдельных городов и постепенно поднимались на уровень штатов. Первыми политиками-прогрессистами были мэры городов, такие как Т. Джонсон в Кливленде, С. Джонс в Толидо, С. Лоу в Нью-Йорке, Э. Зейдель в Милуоки, П. Джонс в Миннеаполисе. Как правило, они представляли Республиканскую и Демократическую партии, но в их программах были положения, позаимствованные у популистов и социалистов. На уровне штатов прогрессисты впервые добились успеха в Висконсине, где в начале XX в. губернатором был избран реформистски настроенный представитель Республиканской партии Р.М. Лафоллетт. Лафоллетт смог в течение короткого срока провести серию демократических реформ. В Висконсине были приняты законы о прогрессивном налогообложении корпораций, о регулировании деятельности железнодорожных компаний, о налоге на наследство, о регистрации лоббистов, которым запрещались тайные связи с законодателями³⁸. Вслед за Лафоллеттом реформистски настроенные политики были избраны губернаторами Айовы, Нью-Йорка, Калифорнии, ряда других штатов. Во всех них в течение нескольких лет были приняты законы, аналогичные висконсинским. Подъем прогрессивных реформ на уровне штатов пришелся на 1903–1908 гг.

³⁸ *Gould L.L. Reform and Regulation. American Politics from Roosevelt to Wilson. Prospects Heights (Ill.), 1996. P. 77.*

Таблица

**Количественная характеристика «прогрессивных» законов
в штатах в 1903–1908 гг.³⁹**

Важнейшие типы законодательства	1903–1904	1905–1906	1907–1908	Всего за 1903–1908 гг.
Регулирование лоббизма	0	2	10	12
Запреты на взносы корпораций в избирательные кампании	0	3	19	22
Ограничение или запрет на предоставление госслужащим бесплатных проездных билетов	4	6	14	24
Обязательные праймериз (прямое выдвижение кандидатов на выборах самими избирателями)	4	9	18	31
Регулирование деятельности железнодорожных корпораций	5	8	28	41
Всего	13	28	89	130

Прогрессивное законодательство все более активно выходило и на общенациональный уровень. Его наиболее видными национальными проводниками традиционно признаются Т. Рузвельт, занимавший президентский пост с 1901 по 1909 г., и В. Вильсон, бывший хозяином Белого дома с 1913 по 1921 г. Но если относительно деятельности реформаторов на уровне городов и штатов особо острых дискуссий среди историков нет (мало кто сомневается в искренности их мотивов), то в отношении национальных реформаторов сложились достаточно серьезные разногласия. Многие историки (в первую очередь американские) считают их искренними выразителями общенационального интереса, но весьма велика и группа исследователей, которая видит в них по преимуществу талантливых политиков, свершивших мощный социальный маневр в интересах верхнего класса. Поскольку вопрос

³⁹ *McCormick R.L.* Op. cit. P. 343.

об истинных мотивах Рузвельта и Вильсона, как и федеральной власти в целом, не утрачивает остроты, я считаю необходимым высказать в связи с этим некоторые принципиальные теоретические суждения.

На американское государство и его представителей всегда воздействовали разные социальные слои, при этом по мере демократизации избирательного права и политического процесса количество этих слоев увеличивалось и социальная база государства расширялась и демократизировалась. Между разными классами и слоями всегда велась борьба за наибольшее влияние на государство, при этом преимуществами в этой борьбе в силу своих огромных экономических и социальных возможностей располагали верхние классы. Может быть, наиболее ярко это проявилось в рассматриваемый период, когда крупный бизнес обратился решительно к подкупу политической власти, щедрой оплате предоставляемых ему государственных услуг и сам все более активно обосновывался на политическом Олимпе. Но и в этот период американское государство и политический класс не превратились в слепое орудие большого бизнеса, внутри них присутствовали и сохраняли реальный вес те, кто был привержен достижению примирения и гармонии интересов разнообразных, в первую очередь главных общественных классов и слоев. Среди них возникло то убеждение, укрепляемое ростом и радикализацией движений социального протеста, что дальнейшее усиление олигархических черт государственной власти, как и дальнейшее нарастание социальных конфликтов, чревато самыми серьезными последствиями и что по этой причине они должны возложить на себя миссию переосмысления, необходимого ремонта и обновления оснований развития цивилизации США. Ради достижения этой общенациональной цели должно было быть осуществлено необходимое количество либерально-демократических реформ, среди них ограничение экономического и политического влияния крупного бизнеса.

Американская политика, как и экономика, всегда в качестве одного из главных оснований имела рыночные принципы. Политические партии, формировавшие эту политику, соперничавшие за власть, в качестве все более важного ориентира имели улавливание максимального количества голосов, гарантировавшего политическую победу. Барометром возникновения кризиса в реализации этих целей являлся переход широких слоев избирателей на сторону новых партий (в рассматриваемый период — популистов и социалистов), возникновение массовых движений социального протеста, расшатывание устойчивости как двухпартийной системы, так и системы власти в целом. Именно такая кризисная ситуация оформилась на рубеже XIX–XX вв. Неудивитель-

но, что в обеих главных партиях — республиканской и демократической — появились такие лидеры, которые осознавали, что сохранение их позиций на политическом рынке требует необходимых изменений в партийно-политической стратегии.

К таким лидерам относились в Республиканской партии Т. Рузвельт, а в Демократической — В. Вильсон. Первым в качестве национального лидера-реформатора выступил Т. Рузвельт. Его приход к власти произошел по воле случая, после трагической гибели в сентябре 1901 г. президента У. Маккинли. Сменив вице-президентство на президентство, Рузвельт за почти 8 лет пребывания у власти зарекомендовал себя полной противоположностью невыразительных президентов последней трети XIX в. Обосновывавшуюся им модель верховного лидера нации Рузвельт весьма настойчиво закреплял и в своих взаимоотношениях с различными общественными классами. Провозглашенный им в начале второго президентского срока *Честный курс* означал, что среди разных общественных классов у него нет любимчиков, что в отношении всех них он будет вести себя по справедливости. Он отказывался осуждать огульно весь большой бизнес или поддерживать целиком все профсоюзы, но неизменно подчеркивал, что в каждом социальном классе есть хорошие и плохие представители. Цель главы государства заключалась в том, чтобы в равной степени поддержать хорошие тресты и профсоюзы и строго наказать плохие⁴⁰. В 1902 г. его правительство потребовало ликвидации железнодорожной империи «Норзерн секьюритис компани» по обвинению в нарушении закона Шермана. Несмотря на все попытки Дж.П. Моргана договориться с президентом, железнодорожная корпорация была распущена. В том же 1902 г. Рузвельт решительно вмешался в конфликт между Объединенным профсоюзом горняков и предпринимателями, поддержав требования рабочих. Угрозы президента по адресу предпринимателей вынудили их повысить зарплату рабочим на 10%.

Позиция, занятая президентом конкретно в 1902 г., не означала, что он намеревался стать «разрушителем трестов» (именно так нарекли его некоторые современники) или что он будет во всех случаях выступать на стороне профсоюзов. Президент был намерен следовать уже охарактеризованной стратегии наказания «плохих» и поддержки «хороших» объединений — как предпринимателей, так и рабочих.

Наиболее известные меры по государственному регулированию бизнеса были одобрены в 1906 г. Первая среди них — закон Хэпберна, реанимировавший деятельность Межштатной торговой комиссии и наде-

⁴⁰ *Harbaugh W.H.* The Republican Party 1893–1932 // *History of U.S. Political Parties.* Vols. 1–4 / Ed. A.M. Schlesinger, jr. N.Y., 1973. Vol. 3. P. 2085.

лявший ее новыми важными полномочиями. Главное среди новых полномочий — право комиссии определять максимальную тарифную ставку — вызвало широкий протест со стороны железнодорожных компаний, но было поддержано как грузоотправителями, так и общественностью. Как и закон 1887 г., закон Хэпберна предоставлял железнодорожным корпорациям право в случае несогласия с тарифами комиссии апеллировать в судебные инстанции. Но если в конце XIX в. суды по сути приняли сторону корпораций, то в «Прогрессивную эру», по заключению авторитетных американских исследователей, «суды пошли на широкое признание полномочий комиссии по фиксированию тарифов»⁴¹.

Второй мерой явился закон о контроле над изготовлением пищевых продуктов и медицинских препаратов. К тому времени «разгребатели грязи» собрали множество фактов, свидетельствовавших о массовых отравлениях американцев продукцией недобросовестных производителей. На Конгресс США обрушился поток петиций с требованиями поставить деятельность алчных компаний под контроль федеральной власти. Соответствующий закон был одобрен в 1906 г. Наконец, третьей мерой стал закон о контроле над условиями работы на скотобойнях. В целом названные меры, как и другие регулирующие законы Рузвельтовского президентства, способствовали оформлению федеральной политики контроля за деятельностью бизнеса в направлении ее согласования с интересами общества и утверждения с помощью власти цивилизованных норм поведения корпоративного капитала.

После выхода Т. Рузвельта в отставку в качестве президента его сменил У. Тафт, другой представитель Республиканской партии. Деятельность консерватора Тафта (1909—1913) находилась в противоречии со стратегическими установками Рузвельта, но пресечь тенденции прогрессивного реформаторства, как и прогрессивного движения, Тафту не удалось. Более того, прогрессивное движение продолжало развиваться по восходящей линии. Нарастание прогрессивного движения ярко проявилось в результатах «промежуточных» национальных выборов 1910 г.: Демократическая партия, раскритиковавшая политику Тафта и включившая в свою платформу большое количество либерально-реформистских мер, резко расширила поддержку среди избирателей. Внутри Республиканской партии, кроме того, возник раскол: часть ее деятелей, взявшая название прогрессистов, в отличие от консерваторов, не только сохранила, но даже расширила свое представительство в высшем законодательном органе нации.

⁴¹ Kelly A.H., Harbison W.A. The American Constitution. Its Origins and Development. N.Y., 1970. P. 614.

В 1912 г. прогрессисты из Республиканской партии выдвинули своим кандидатом в президенты Т. Рузвельта. Платформа Прогрессивной партии, как они себя назвали, включила много демократических политических требований. В социально-экономической области платформа поддерживала требования о введении подоходного налога и прогрессивного налога на наследство. Платформа признавала профсоюзы и отстаивала широкое законодательство в интересах рабочих. Мелкому и среднему бизнесу обещалась надежная защита от противоправных действий корпораций⁴².

Восприняв подобную платформу и возглавив Прогрессивную партию, Рузвельт, казалось бы, имел серьезные шансы стать и главным лидером общенационального прогрессивного движения. Но в решающий момент это лидерство было вырвано у него кандидатом в президенты от Демократической партии В. Вильсоном. На президентских выборах 1912 г. и Рузвельт, и Вильсон уверенно обошли консерватора Тафта, но Вильсон в свою очередь не менее уверенно победил Рузвельта — 6 286 214 голосов избирателей против рузвельтовских 4 126 020.

После этого судьба национальных прогрессивных реформа была связана с деятельностью В. Вильсона (годы президентства — 1913—1921). Во время выборной кампании Вильсон обозначил свою реформаторскую программу как *Новую свободу*. В чем было отличие вильсоновской *Новой свободы* от рузвельтовского *Нового национализма* (так обозначил свою реформаторскую программу 1912 г. Рузвельт)? Не будет преувеличением утверждать, что реформаторские программы Прогрессивной и Демократической партий совпадали на 90% и по сути расходились только в одном пункте. Но этот пункт имел принципиальное значение: если Рузвельт требовал отказаться от дальнейшего использования антимонопольного закона Шермана и сосредоточиться на государственном контроле за деятельностью гигантских предпринимательских объединений, то Вильсон настаивал на необходимости совершенствования антимонополистического законодательства. «Я за большой бизнес, но я против трестов», — высказал свое кредо Вильсон. Пытаясь конкретизировать, какое предпринимательское объединение можно считать монополистическим, Вильсон указывал, что к таковым необходимо отнести корпорации, контролирующие более 50% производства и сбыта определенной товарной продукции⁴³.

⁴² National Party Platforms, 1840—1972 / Ed. K.H. Porter, D.B. Johnson. Urbana, 1973. P. 175—178.

⁴³ Wilson W. The New Freedom. N.Y., 1913. P. 163, 165—166, 172, 179—180, 192—193, 212—216; Clements K.A. The Presidency of Woodrow Wilson. Lawrence (Kansas), 1992. P. 51.

После победы на выборах Вильсону предстояло доказать возможность утверждения Новой свободы в реальной жизни. С момента вступления в должность Вильсон начал ощущать мощное давление со стороны защитников крупного бизнеса, как и самих его лидеров, выказывавших желание поучаствовать в корректировке программы Новой свободы и ее практической реализации с учетом собственных интересов. В результате этого давления Вильсон к концу 1913 г. начал высказываться в пользу сотрудничества с бизнесом при определении экономической политики правительства. Возможности и объем компромисса двух сторон получили недвусмысленное выражение в двух важнейших федеральных реформах 1914 г. — закона о Федеральной промышленной комиссии от 26 сентября и закона Клейтона от 15 октября. Исследователи до сих пор не достигли единого мнения относительно реального значения и последствий этих законов. Большинство приходит к выводу, который представляется справедливым, что в совокупности они, как минимум, означали отход от концепции Новой свободы в сторону Нового национализма⁴⁴. Оба закона, что наиболее полно проявилось в ходе их практической реализации, отдавали явное предпочтение «регулированию», а не «ропуску трестов». Это не означает, что в законах вообще не было антимонополистических положений или что антимонополистические положения вообще не проводились в жизнь. Закон Клейтона расширял и уточнял закон Шермана, в частности запрещал практику перекрещивающегося директората, что вызвало недовольство крупного бизнеса. На основании этого закона в годы президентства Вильсона было возбуждено около 80 антимонопольных дел, завершившихся в 70% случаев разукрупнением корпораций, а Федеральная промышленная комиссия в тот же период вынесла 224 решения, направленных на пресечение противоправных действий большого бизнеса⁴⁵. Но слияний и поглощения среднего и мелкого бизнеса крупным это не остановило⁴⁶.

Как и во времена Т. Рузвельта, слабый эффект «прямой атаки» власти на бизнес в значительной мере объяснялся консервативной позицией судебных инстанций, которые еще больше расширили арсенал мер по защите предпринимательских объединений. Суды отвергли критерий Вильсона, согласно которому монополией признавалась корпорация, установившая контроль над производством и реализа-

⁴⁴ *Brinkley A.* The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. N.Y., 1997. P. 623; *Robertson R.M., Walton G.M.* History of the American Economy. N.Y., 1979. P. 394–395; *Kelly A.H., Harbison W.A.* Op. cit. P. 609–610; *Clements K.A.* Op. cit. P. 51.

⁴⁵ *Clements K.A.* Op. cit. P. 51.

⁴⁶ *Robertson R.M., Walton G.M.* History of the American Economy. P. 394.

цией более чем 50% продукции в данной отрасли, и объявили, что корпорация с подобным влиянием должна быть сохранена, если соответствует критериям «разумности» судебной ветви. Подобная твердая позиция судов не могла не действовать «отрезвляюще» на Вильсона, она в значительной мере способствовала тому, что президент изыскивал изощренные, «не лобовые» методы урегулирования конфликтов большого бизнеса и общества.

К важнейшим реформам первого этапа следует отнести закон о создании Федеральной резервной системы (ФРС), подписанный Вильсоном 23 декабря 1913 г. Закон создавал 12 федеральных резервных банков, подчинявшихся Федеральному резервному управлению. Все национальные банки были обязаны войти в федеральную резервную систему и осуществлять в нее отчисления в размере 6% своих активов. Накопления ФРС должны были гарантировать финансовую стабильность страны. Закон реально ослаблял зависимость национальной финансовой системы, как и нации в целом, от финансовой элиты.

Среди социально-экономических мер первого этапа вильсоновского правления выделялась 16-я поправка к Конституции США, вступившая в силу в 1913 г. и вводившая федеральный подоходный налог. Этот налог первоначально распространялся только на зажиточных американцев, а нижние и даже средние слои от него освобождались. Подоходный налог обладал чертами пропорционального: индивидуальные и корпоративные доходы от 4 тыс. долл. в год облагались налогом в 1%, а доходы свыше 500 тыс. долл. — 6%. В течение нескольких лет подоходный налог превратился в один из главных источников наполнения федерального бюджета.

Среди демократических социальных мер первого этапа вильсоновских реформ выделяются статьи закона Клейтона, ограничивавшие использование антитрестовского закона Шермана в отношении профсоюзов. На втором этапе вильсоновских реформ законов в интересах рабочих было принято больше. Федеральный закон Адамсона 1916 г., ограничил рабочий день на частных железных дорогах 8 часами. Был одобрен закон о компенсации при несчастных случаях на производстве рабочих и служащих, занятых на государственных предприятиях. Один из законов запрещал использование детского труда на предприятиях, участвующих в междуштатной торговле (но в 1918 г. Верховный суд объявил этот закон неконституционным). Рабочее законодательство США в «Прогрессивную эру» развивалось преимущественно на уровне штатов. К 1915 г. в 25 штатах были приняты законы о компенсации рабочим за производственные травмы. В 9 штатах вводился закон о минимальной заработной плате для женщин и в 20 шта-

тах — об ограничении продолжительности женского труда на ряде производств 10–12 часами. В 22 штатах были одобрены законы об ограничении детского труда⁴⁷.

Серьезными были политические реформы вильсоновского периода, как и всей «Прогрессивной эры». Важнейшей среди этих реформ оказался закон 1913 г. о передаче права избрания сенаторов от легислатур штатов самим избирателям. Большое количество демократических политических реформ было принято на уровне штатов, одобрявших серию законов, соответствовавших концепции прямой демократии. С 1898 по 1918 г. 22 штата внесли поправки в свои конституции, наделявшие избирателей правом законодательной инициативы и референдума в рамках собственных штатов, причем в 12 случаях избиратели получили право вносить поправки и в конституции штатов. К 1917 г. в 44 штатах были одобрены законы о прямых первичных выборах, предоставлявших самим избирателям право выдвигать кандидатов на различные государственные должности. Правда, речь шла в основном о должностях на уровне штатов. Что касается законов о прямых первичных выборах кандидатов в президенты, то они к 1916 г. были одобрены в половине штатов⁴⁸.

Уступки демократии, социальный мир со средним и нижним классами оказались для большого бизнеса экономически выгоднее, нежели конфронтация и стремление к всевластию⁴⁹. Эта выигрышная «цена» реформ в момент их запуска осознавалась далеко не всеми представителями большого бизнеса, но те, кто ее предвидел, активно поддерживали как Т. Рузвельта, так и В. Вильсона. Они же выступали ближайшими советниками и финансовыми покровителями политических кампаний двух президентов. Роль этих советников и покровителей (Дж.У. Перкинс, Ф. Манси и др.) была откровенно демонизирована представителями левых историографических школ (Г. Колко вообще объявил их истинными творцами и властителями «Прогрессивной эры»). Такая интерпретация, позитивной частью которой является раскрытие фактической стороны воздействия крупного бизнеса на реформы «Прогрессивной эры», не может быть признана удовлетворительной в качестве исторического синтеза. Прогрессивные реформы и «Прогрессивная эра» были вызваны к жизни волей активной части всей американской нации, при этом на ведущую позицию в этой активной

⁴⁷ История США. Т. 2. С. 252–253.

⁴⁸ *Argersinger P.H.* Structure, Process and Party. Essays on American Political History. N.Y., 1992. P. 63; *Kelly A.H., Harbison W.A.* Op. cit. P. 629.

⁴⁹ *Burch P.H., jr.* Op. cit. Vol. 2. P. 292.

части в начале XX в. вышли городские средние слои. Американские рабочие, социалисты, фермеры также внесли свой вклад в успех прогрессивного движения, хотя их мотивы и устремления обладали спецификой, порой серьезными отличиями от устремлений городских средних слоев. Реформаторская часть американской политической элиты сначала примкнула к прогрессивному движению, а потом и возглавила его в силу разнообразных мотивов.

Важное место среди этих мотивов занимало стремление к обеспечению общественного консенсуса. Традиция «согласительного действия» присутствовала в политической культуре американской элиты, как и нации в целом, со времен отцов-основателей, но в десятилетия после Гражданской войны она была попорана большим бизнесом и подчинившейся его воле большей частью политической элиты. «Прогрессивная эра» и прогрессивное движение реанимировали согласительные механизмы и мотивы американской политической власти.

Америка 1920-х: экономика, социум, власть*

1920-е гг. в историческом сознании американцев, как и в исторической литературе США, традиционно обозначаются как десятилетие процветания (просперити). Исследователи обнаруживают в том десятилетии ростки *общества потребления, массовой культуры*, как и другие общественно-исторические феномены, которые легли в основание современной Америки. Иначе подавался этот период советскими американистами. Они отталкивались от подхода советской исторической литературы, трактовавшей основную часть того десятилетия — 1923—1929 гг. — как период «временной и частичной стабилизации капитализма». Такое определение означало, что в эпохе общего кризиса капитализма, начавшейся, согласно советской историографической концепции, с Октябрьской 1917 г. революции в России, то был период краткого торможения экономического и социально-политического упадка капитализма, принципиально на его судьбы никак не повлиявшего. Данная схема распространялась и на США. К сожалению, применительно к США (впрочем, на мой взгляд, и к ряду других стран) она не подверглась всестороннему исследовательскому переосмыслению.

Главный тезис переосмысления заключается в том, что 1920-е гг. стали не только одним из удачных десятилетий в экономическом росте Соединенных Штатов, но и оказали огромное воздействие на социальное, а особенно на социокультурное развитие США. Данному аспекту отечественная американистика практически не уделила внимания. Кризис 1929—1933 гг. прервал успешный рост американской экономики, но после того, как кризис был преодолен, матрица общества потребления 1920-х гг. реанимировалась, а вместе с этим возродились со-

* Впервые опубликовано в кн.: 200 лет российско-американских отношений. М., 2007.

циокультурные нормы десятилетия просперити, которые в современной Америке только упрочились. Не будет преувеличением утверждать, что в ряде важных отношений, особенно опять-таки в социокультурном, современная Америка «стоит на плечах» 1920-х.

В американской исторической литературе распространена та точка зрения, что 1920-е гг. явились высшим этапом *второй промышленной революции*, начавшейся после завершения Гражданской войны и Реконструкции¹. Наличие преемственной связи в экономическом развитии 1870–1920-х гг. представляется несомненным. На всем его протяжении наблюдались бум технического изобретательства, массового внедрения этих изобретений в производство, повышенные инвестиции в отрасли, ориентированные на массового потребителя. Очевидно, впрочем, не только то, что существуют преемственные связи в экономическом процессе названных шести десятилетий и то, что 1920-е гг. явились их высшим достижением. Очевидно также то, что последовавший затем драматический экономический кризис стал квинтэссенцией как экономических, так и особенно социальных издержек не только десятилетия просперити, но и социал-дарвинистской тенденции «твердого» индивидуализма 1870–1920-х гг. в целом.

Некоторые наиболее важные позитивные экономические показатели периода просперити в обобщенном цифровом выражении могут быть представлены в следующем виде.

Таблица 1

Экономическое развитие США 1920–1929 гг.²

Год	Валовой национальный продукт (ВНП) в постоянных (1958 г.) долл. (млрд долл.)	ВНП на душу населения в постоянных (1958 г.) долл.	Число безработных (млн чел.)	% безработных к общему количеству занятых
1920	140	1315	2,132	5,2
1921	127,8	1177	4,918	11,7
1922	148,0	1345	2,859	6,7

¹ См., напр.: *Finkelstein J.* The American Economy. From the Great Crash to the Third Industrial Revolution. Arlington Heights (Ill.), 1992. P. 6–7; *Leuchtenberg W.* The Perils of Prosperity 1914–1932. Chicago and L., 1993. P. 178.

² Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Parts 1, 2. Wash., 1975. Part 1. P. 224; 135.

Год	Валовой национальный продукт (ВНП) в постоянных (1958 г.) долл. (млрд долл.)	ВНП на душу населения в постоянных (1958 г.) долл.	Число безработных (млн чел.)	% безработных к общему количеству занятых
1923	165,9	1482	1,049	2,4
1924	165,5	1450	2,190	5,0
1925	179,4	1549	1,453	3,2
1926	190,0	1619	801	1,8
1927	189,8	1594	1,519	3,3
1928	190,9	1584	1,982	4,2
1929	203,6	1671	1,550	3,2

Валовой национальный продукт увеличился за десятилетие почти на 50%, при том что все население выросло на 16% (с 105,7 до 122,8 млн), а количество занятых в народном хозяйстве — на 14% (с 42,2 до 48,7 млн). Рост ВНП осуществлялся в первую очередь за счет увеличения производительности труда. Она выросла в США за десятилетие на 43%³. Первостепенное отношение к ее росту имело увеличение производства электроэнергии, в результате чего энерговооруженность американской промышленности возросла с 30 до 70%. Америка стала более индустриальной и урбанизированной и по другим показателям, так, рост городского населения составил за 10 лет 27% (с 54,2 до 67 млн), а сельского — 4,5% (с 51,5 до 53,8 млн)⁴.

Как и в прежние десятилетия, в промышленности наряду с энергетикой на ведущих позициях находились машиностроение, нефтяная, сталелитейная и химическая отрасли. Впечатляющими были успехи автомобилестроения. Производство автомобилей увеличилось с 1,5 млн в 1921 г. до 4,8 млн в 1929 г. В 1929 г. в США имелось 23 млн легковых автомобилей, т.е. машину имел каждый пятый американец, в то время как в Великобритании один автомобиль приходился на 43 человека,

³ *Soul G. Prosperity Decade. From War to Depression: 1917–1929 (The Economic History of the United States. Vol. VIII). N.Y., Toronto, 1947. P. 121.*

⁴ *Historical Statistics of the United States. Part 1. P. 8, 11, 138–139; Soul G. Op. cit. P. 128–129.*

в Италии на 325, а в СССР на 7000 человек. Еще более быстрыми темпами развивалась радиопромышленность — в 1920 г. радиоприемники имелись у менее чем одного процента американцев, а в 1929 г. количество владельцев радио вдвое превысило количество автовладельцев. Среди новых отраслей одну из ведущих позиций заняла киноиндустрия — инвестиции в нее выросли с 78 млн долл. в 1921 г. до 850 млн долл. в 1929 г. Приведем показатели роста в других ведущих отраслях: химическая — 90%, нефтяная — около 40%, сталелитейная — более 25%⁵. Американская промышленность прочно удерживала мировое лидерство, и к концу 20-х годов удельный вес США в промышленном производстве капиталистических стран в целом приблизился к 50%.

Более противоречивыми были тенденции развития сельского хозяйства. Среди негативных тенденций на первом месте был постоянно нараставший диспаритет («ножницы цен») между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. К 1922 г., в сравнении с довоенным периодом «ножницы цен» увеличились в пользу промышленности на 19%, затем, правда, произошло незначительное сокращение, не снявшее остроты проблемы. В 1920 г. все фермерские семьи, составлявшие 22% населения США, получили только 15% общенационального годового дохода. Через восемь лет доля фермерства в общенациональном доходе сократилась до 9%. В 1929 г. средний душевой доход всех фермеров был в три раза ниже, чем у американцев в целом⁶.

В развитии уже и сельского хозяйства и промышленности наблюдалась реанимация процессов концентрации и централизации производства и капиталов, которая ослабла в период перед Первой мировой войной. Поглощения и слияния вели к возникновению не монополий, а олигополий — групп крупных корпораций, которые доминировали в той или иной отрасли. Между этими корпорациями формально сохранялась конкуренция, но на практике они достигали взаимопонимания в установлении такового ценового режима, который благоприятствовал в первую очередь им, а не потребителям. В 1929 г. двести крупнейших корпораций сосредоточили в своих руках половину всех корпоративных капиталов нации, 38% всего бизнеса и 20% общенационального богатства. Известные американские экономисты той эпохи утверждали, что сохранение заданных в 20-е годы темпов концентрации и централизации национальной экономики грозило тем, что

⁵ *Goldberg R.A.* America in the Twenties. Syracuse (N.Y.), 2003. P. 130–131; *Soul G.* Op. cit. P. 146–147; *Historical Statistics of the United States. Part 2.* P. 589, 591–593, 693, 821.

⁶ *McElvaine R.S.* The Great Depression. America, 1929–1941. N.Y., 1984. P. 21.

к 1950 г. двести крупнейших корпораций могли сосредоточить в своих руках уже 80% корпоративного капитала и 50% общенационального богатства⁷.

Цифры свидетельствуют, что крупный бизнес был главным бенефициарием экономического роста 1920-х гг. А в какой мере он отразился на благосостоянии нации в целом и разных социальных классов, слоев, групп? Этот вопрос вызывает в исторической литературе серьезные разногласия и до сих пор остается до конца не проясненным, в частности, даже солидные авторы приводят различающиеся цифры и оценки относительно экономического положения разных социальных слоев.

Совокупность накопленных на сегодняшний день данных позволяет утверждать, что плоды экономического роста 20-х годов так или иначе способствовали улучшению положения подавляющего большинства американцев, но распределение благ было в высшей степени неравномерным. Показателем выигрыша большинства является, например, такой факт: если перед Первой мировой войной электричеством были обеспечены 16% жилых помещений, то в 1929 г. уже более 65%. К подобным фактам, свидетельствующим, что в 20-е годы улучшалось положение большинства американцев и нации в целом, можно добавить и другие. В то же время есть основание и для того вывода, что наиболее весомые достижения того десятилетия (например, приобретение автомобиля, собственного дома или квартиры) достались американскому меньшинству, в которое можно включить верхний и средний классы и которое не превышало 25% населения.

Вопрос о том, в каких пропорциях американское общество 20-х годов делилось на верхний, средний и нижний классы, является настолько спорным, что большинство историков вообще обходят его и воздерживаются от использования данных понятий. Рассмотрение его, как и сравнение социальной структуры американского общества десятилетия просперити и современной Америки, между тем представляется принципиально важным. В современной Америке верхний и средний классы составляют солидное большинство в две трети населения, что, по заключению представителей всех социальных наук, является одним из главных показателей зрелости и стабильности — экономической, социальной и политической — капиталистической цивилизации. Америка 1920-х даже близко не подошла к этому пока-

⁷ *Berle A., Means G.C. The Modern Corporation and Private Property. N.Y., 1933. P. 31–40.*

зателю. В то десятилетие не менее двух третей американцев прочно находились в нижнем классе.

В него, как представляется, необходимо включить тех, чей уровень доходов был ниже прожиточного минимума. Большинство историков согласны с тем, что минимальный прожиточный минимум в 1920-е гг. составлял 2500 долл. в год для семьи из 4 человек и 1750 долл. для одиночек. Американцев, доходы которых были на уровне этого минимума и ниже, тогда насчитывалось не менее 70% (цифры, приводимые разными историками, колеблются от 70 до 78%). Ниже черты бедности — 1500 долл. в год для семьи из 4 человек и 750 долл. для одного человека — находились 40% американцев. Примем во внимание и то, что 80% американцев не имели никаких накоплений⁸. Можно заключить, что именно это большинство — от 70 до 80% — не имело шансов сколько-нибудь прочно приобщиться к обществу потребления того десятилетия и составляло нижний класс 1920-х гг. При соотношении этого класса с этническими и поселенческими группами можно прийти к выводу, что относительный удельный вес небелого населения и сельских жителей был в нем выше, чем белых американцев и горожан. Об этом говорят и такие цифры: рост доходов сельских жителей в 1920-е был в три раза ниже, чем в целом по стране; большинство (55%) коренного индейского населения имели годовой душевой доход меньше 200 долл.⁹

Приведенные данные не означают, что материальное положение и доходы нижнего класса не менялись в лучшую сторону. Реальные доходы наемных рабочих, этого костяка нижнего класса, выросли в 1920-е гг. в среднем на 8%. Доход же среднестатистического американца за то десятилетие вырос почти на 30%, а это означает, что благосостояние верхнего и среднего классов выросло в несколько раз больше. В результате разрыв в положении верхних 20% американцев, которые и включали в себя тогда верхний и средний класс, и нижним классом оказался одним из наиболее глубоких в американской истории. Об этом свидетельствуют цифры: в 1929 г. на долю верхних 20% приходилось 54,4% совокупных денежных доходов, а на долю 80% — 45,6%. Это является наибольшим разрывом не только в сравнении с предшествующими десятилетиями, но также и со всеми последующими периодами американской истории (в 1948 г. доля верхних 20% составила 42,5%, в 1972 г. —

⁸ *Biles R.* A New Deal for the American People. De Kalb, 1991. P. 9–10; *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 38–39; *Leuchtenberg W.* Op. cit. P. 193; *Goldberg R.A.* Op. cit. P. 128–129; *Brinkley A.* The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. N.Y., 1997. P. 661.

⁹ *Badger A.J.* The New Deal. The Depression Years, 1933–1940. Chicago, 2002. P. 28, 30.

41,4%, в 1981 г. — 45,3%, в 2001 г. — 47,7%). Особенно быстро обогащался верхний класс — наиболее зажиточные 5% американцев¹⁰.

Увеличение разрыва в положении верхних и нижних социальных слоев, казалось бы, должно было иметь следствием нарастание социального напряжения и увеличение социальных конфликтов. Но этого не происходило: в 1920-е гг. социальных конфликтов было существенно меньше, чем в предшествующие десятилетия, а в целом десятилетие просперити предстает как десятилетие социального мира, один из самых социально спокойных периодов в американской истории. Как представляется, объяснение этого феномена в значительной степени лежит в социально-психологической сфере. Для возникновения и обострения классового конфликта необходимо было не только более четкое оформление классовых границ и углубление разрыва между классами, но также осознание и признание нижним классом антагонистичности своих взаимоотношений с верхними слоями и несправедливости утвердившегося в обществе распределения национальных благ. Социологам хорошо известно, что реалии классовых взаимоотношений определяются не только и даже не столько действительными экономическими, социальными и иными границами между классами, сколько тем, как сами классы осознают свое положение в обществе. Например, в современном американском обществе многие американцы, даже по объективным показателям не принадлежа к среднему классу, идентифицируют себя как средний класс и в своем общественно-политическом выборе следуют нормам этого класса. В 1920-е гг. в США еще не проводилось социологических исследований общественного мнения, по этой причине крайне затруднительно выяснить, как американский нижний класс идентифицировал себя, но можно предполагать, что многие его представители следовали господствующим социокультурным нормам. Главной среди традиционных общенациональных норм оставался индивидуализм, а среди новых норм на ведущую позицию выдвинулся *консьюмеризм* — приобретение и потребление товаров, которые обеспечивали комфортное существование и, что не менее важно, воспринимались в общественном сознании как метка принадлежности к респектабельным слоям общества.

Потребительское сознание и потребительская культура в качестве основополагающего общенационального феномена оформляются именно в 1920-е гг., когда стали закладываться материальные основания массового производства товаров индивидуального и семейного

¹⁰ *Puth R.C. American Economic History. Chicago, 1988. P. 605; Statistical Abstract of the United States 2001. Wash., 2001. P. 459.*

комфортного потребления (автомобили, холодильники и т.д.), так же как стали возрастать возможности их приобретения не только средним, но отчасти и нижним классом. Для средне обеспеченных американцев одна из главных возможностей была связана с приобретением подобных товаров в кредит. Этой возможностью пытались воспользоваться и представители нижних слоев, «заразившиеся» потребительской психологией и исполненные желания приобщиться по образу жизни к среднему классу. Роль кредитования покупателей в приобретении товаров массового спроса иллюстрируют следующие цифры: к концу 1920-х гг. в кредит приобреталось 85% мебели, 80% фонографов, 75% стиральных машин, 70% холодильников, более половины пылесосов и пианино¹¹.

Миллионы американцев, таким образом, залезали в кредитные долги не только для того, чтобы улучшить свой быт, но и для того, чтобы осознать себя достойными людьми по новым американским меркам. Новая потребительская ментальность приобретала все более массовый, общенациональный характер, размывала значение классовых субкультур. Роль консюмеристской (потребительской) ментальности в смягчении и «обезвреживании» классовой культуры нижних слоев осознали в тот период многие просвещенные поборники американской цивилизации, среди них С. Пэттен и У. Липпман. Первый видел в потребительском сознании подлинное противоядие от классового, а второй в 1920-е гг. констатировал, что первое начинает брать верх над вторым¹².

Роль консюмеризма как противоядия от классового самосознания и важного инструмента достижения социального мира и согласия осознавали дальновидные представители предпринимательского класса. Следуя примеру, поданному еще в начале века Г. Фордом, они воспринимали схемы, ставшие известными как «благотельный капитализм» («welfare capitalism») и включавшие в себя такие меры, как приобретение рабочими акций предприятия, обеспечение пристойной заработной платы, предоставление оплачиваемых отпусков, пособий в случае болезни, создание компанийских профсоюзов (иницировались самими предпринимателями). Вместе с тем дальновидные предприниматели, как уже и весь капиталистический класс, были твердыми противниками независимых действий рабочего класса по защите своих интересов. Независимые профсоюзы рабочих, как и их собственные схемы организации профсоюзов, были для предприни-

¹¹ *Goldberg R.A.* Op. cit. P. 129.

¹² *Foner E.* The Story of American Freedom. N.Y., 1998. P. 148, 151.

мателей неприемлемыми. Число участников профсоюзного движения в десятилетие просперити снизилось с 5 до 3,4 млн человек. В 1928 г. был побит рекорд снижения количества стачек — всего 629, как и числа их участников — 230 тыс. человек¹³.

Классический классовый конфликт в 1920-е гг. определенно пошел на убыль, на первый же план вышли конфликты иного рода, а один из главных среди них можно определить как социокультурный.

Культурные сдвиги 1920-х включили резкое изменение соотношения между *традиционными* и *современными* ценностями. Современные ценности все увереннее выдвигались на ведущую позицию, при этом к ним приобщались не только численно возобладавшие городские слои, но во все возрастающем количестве также и сельские. Размыванию различий между городской и сельской субкультурами способствовала революция коммуникативных национальных связей, включавшая такие инструменты подчинения сельской культуры городской, как автомобили, радио, реклама.

Массовая автомобилизация способствовала тому, что, с одной стороны, многие городские жители переселялись в пригороды, трансформируя урбанистскую культуру за городские границы, а, с другой стороны, обеспеченные сельские жители все чаще появлялись в городах, воспринимая и «импортируя» в сельскую местность ценности современного общества. Огромную роль в унификации национальной культуры играло радио. К 1930 г. радиоприемниками обладали 40% американских семей. Тематика радиопередач была разнообразной, по преимуществу развлекательной, но также просветительской и общественно-политической (с 1920-х гг. по радио стали транслироваться съезды обеих национальных политических партий). Но все больше и больше времени стала занимать реклама, ставшая основным источником прибыли радиостанций. Коммерческая реклама, господствовавшая на радио, распространяла исключительно стереотипы и ценности потребительской культуры. Простые американцы хотели подражать кумирам, которых делало все то же радио, а также газеты и, конечно, кино. Коммерческая реклама выдвигалась на ведущую позицию и в печатной продукции — она занимала все больше места в традиционных газетах, а также увеличивала самостоятельный удельный вес (рекламная печатная продукция в 1920-е гг. составляла уже 50% от всего типографского производства).

Производство массовой культуры во все большей степени учитывало значение массовой психологии и массовых инстинктов. При-

¹³ *Fausold M.L.* The Presidency of Herbert Hoover. Lawrence (Kansas), 1985. P. 67; *Goldberg R.A.* Op. cit. P. 133.

быль стала извлекаться из тех запросов «толпы», которые, по меркам традиционной религиозной культуры, доминировавшей в массовом сознании в XVII–XIX вв., были, безусловно, аморальными. Но массы все реже посещали церковь, зато все чаще читали таблоиды, как и прочие разновидности «желтых» изданий, начавших активно распространяться также в 1920-е.

Городские массы, располагавшие большим, чем прежде, свободным временем, активно приобщались к посещению спортивных состязаний и кино. Посещение спортивных состязаний уверенно выходило на ведущую позицию в национальной массовой культуре. В 1920-е гг. наиболее популярными видами спорта стали бокс, американский футбол и бейсбол. Киноиндустрия вышла на пятое место среди ведущих отраслей национальной экономики. Каждую неделю сто миллионов американцев, практически все население, способное к восприятию кино, посещало 20 тыс. «храмов» самого массового из новых массовых искусств. Эти новые «храмы» (кинотеатры) по посещаемости превзошли прежние религиозные, а исповедуемые ими «заповеди» по влиянию стали успешно соперничать с морально-нравственными нормами Священного Писания.

Все более активная эксплуатация в кино темы секса отразила реальию стремительного раскрепощения нравов огромной массы городских жителей Америки. Именно 1920-ми многие исследователи датируют начало американской «сексуальной революции». Именно в 1920-е гг. в США достигает пика популярности австрийский психолог З. Фрейд, доказывавший, что сексуальная активность является краеугольным камнем человеческой жизнедеятельности. Под его влиянием понятия секс и любовь были отделены друг от друга, и секс стал рассматриваться как самостоятельная ценность, приятное и полезное развлечение. Тема секса и свободной любви заняла ведущее место не только в «желтой» прессе, но и в произведениях ведущих американских писателей той эпохи. Все более активно проповедовалась идея равного права на секс, сексуальные удовольствия, выбор партнера для мужчин и женщин. Наиболее радикальные перемены произошли в поведении и нравах «продвинутой» части женской половины Америки. Еще десятилетие назад общественная мораль запрещала женщинам курить в общественных местах или даже вести автомобиль без сопровождения мужчины¹⁴. В 1920-е все подобные запреты рухнули. Символом женского раскрепощения стала девушка — флэппер (flapper) — она коротко стриглась «под мальчика», носила прямое платье, открывавшее резинки на чулках, всячески подчеркивала

¹⁴ *Perret G. America in the Twenties. A History. N.Y., 1982. P. 157.*

свое свободное поведение и независимость от традиционных общественных норм.

Флэпперы утверждали равное с мужчинами право на курение, ненормативную лексику, сексуальную активность, в целом неограниченную поведенческую свободу, в первую очередь для себя, но их усилия влияли на изменение ментальности более широких слоев американских женщин. Рост женской раскрепощенности, осознания равноправия с мужчинами явились важной причиной резкого увеличения в 1920-е гг. количества разводов: если в 1914 г. распадался только один брак из семнадцати, то в 1929 г. уже один из шести. «Новая женщина» добивалась равенства с мужчиной не только в семье и бытовой сфере, но также на работе, в деловой карьере, общественно-политической деятельности. Лозунг равных прав для женщин стал боевым кличем Национальной женской партии, добившейся того, что в 1923 г. поправка к федеральной Конституции о равных правах женщин была впервые вынесена на рассмотрение Конгресса США. Поправка, гласившая, что «женщины и мужчины наделены равными правами на территории всех Соединенных Штатов», не получила сколько-нибудь широкой поддержки, при этом, как выяснилось, в самом женском движении возникли серьезные разногласия по принципиальным стратегическим вопросам улучшения положения женщин¹⁵.

Главную же оппозицию индивидуалистическому феминизму составили защитники традиционных семейных ценностей (как мужчины, так и женщины), а в более широком смысле поборники традиционных морально-нравственных норм, воспринявшие в штыки не только «сексуальную революцию», но всю совокупность радикальных социокультурных нововведений 1920-х. В стране впервые с такой очевидностью обозначился *культурный раскол*, отодвинувший на вторые позиции все иные противоречия, в том числе классовые. Границы между поборниками новых и старых культурных норм проходили внутри каждого социального класса, а главной была территориальная граница: оплотом новой культуры были мегаполисы и индустриальные центры, а традиционализма — провинциальная Америка.

Первой широкой атакой поборников традиционного «американизма» против «аморальных» норм явилась кампания за сухой закон, для чего предлагалось ни много ни мало как внести дополнение в федеральную Конституцию. Борьба за трезвый образ жизни издавна значилась среди главных ценностей американского протестантизма, а наиболее ревностными его защитниками были представители бап-

¹⁵ *Evans S.M.* Born for Liberty. A History of Women in America. N.Y., L., 1989. P. 186–189.

тистской и методистской деноминаций. Десятилетия страстных проповедей и целенаправленных усилий как протестантских златоустов, так и многомиллионной рядовой паствы увенчались триумфом. В 1919 г. подавляющим большинством штатов (против проголосовал только Род-Айленд) была ратифицирована 18-я поправка к федеральной Конституции, запрещающая с 1920-го «производство, продажу и перевозку алкогольных напитков, а также их ввоз в Соединенные Штаты и во все территории, находящиеся под юрисдикцией Соединенных Штатов»¹⁶.

Для поборников традиционной культуры «сухой закон» был как бы рычагом, с помощью которого можно было приостановить и выкорчевать преступность (алкоголь объявлялся ее главной причиной), сексуальную распущенность, прочие пороки современности, разрушавшие американские морально-нравственные устои. Антиалкогольный закон и бдения его защитников формально принесли определенные результаты. Потребление алкоголя в США за десять лет, согласно официальной статистике, сократилось на 50%¹⁷. Но «зеленый змий» оказался искусней и изощренней его душителей, обрушив на Америку, наряду с резким ростом «скрытого» алкоголизма, стремительное увеличение преступности, связанной с незаконным производством и оборотом спиртного, двойными стандартами в образе жизни тех, кто формально поклонялся ценностям американизма, но не хотел отказываться и от алкогольных удовольствий.

Через тринадцать лет после принятия «сухого закона» федеральная власть должна была признать поражение в борьбе с носителями современной морали. Предложенная в феврале 1933 г. 21-я поправка к федеральной Конституции, которая была ратифицирована штатами в рекордно короткий срок — в декабре того же года, констатировала факт поражения в лаконичной форме (21-я поправка оказалась самой короткой среди всех 27 поправок к конституции): «Восемнадцатая статья поправок к Конституции Соединенных Штатов настоящим отменяется»¹⁸.

В 1920-е гг. представители фундаменталистских течений протестантизма предприняли активные усилия по дискредитации сциентистских подходов к тем темам, которые являлись основополагающими по меркам Священного Писания. Бесспорного осуждения в их глазах заслуживал З. Фрейд, но еще большим нападкам подвергся Ч. Дарвин

¹⁶ Конституция США // Конституции зарубежных стран / Сост. проф. В.В. Маклаков. М., 2002. С. 364.

¹⁷ *Goldberg R.A.* Op. cit. P. 109.

¹⁸ Конституция США. С. 365.

с его теорией естественно-эволюционного происхождения рода человеческого. В законодательные собрания 20 штатов были внесены законопроекты, запрещающие преподавать учение Дарвина в школах, и в пяти южных штатах — Оклахома, Флорида, Теннесси, Миссисипи и Арканзас — они были одобрены.

В 1920-е гг. одним из агрессивных защитников традиционных ценностей выступил Ку-клукс-клан. В предшествующий период его влияние заметно ослабло, но в десятилетие просперити он обрел второе дыхание, а главной причиной реанимации стало обновление и расширение стратегических целей. Если прежде Ку-клукс-клан сосредоточивался на распространении расистских настроений и борьбе с освобожденными неграми, то теперь его деятельность включала защиту американских «первооснов» от разрушительных влияний политических и культурных радикалов, иммигрантов, евреев, католиков, спиртных бутлегеров. Клан, вставший также на защиту религиозных ценностей, вступил в тесные контакты и заручился поддержкой влиятельных протестантских церквей, в первую очередь баптистской и методистской. Главной опорой Ку-клукс-клана оставались южные штаты, провинциальные города и сельские районы, но впервые он начал увеличивать число сторонников в северо-восточных штатах и промышленных городах. Всего его влиянием были охвачены 45 штатов. В первой половине 1920-х гг. ряды ку-клукс-клановцев увеличились с 5 тыс. до 4 млн человек¹⁹.

Во второй половине 1920-х гг. влияние Ку-клукс-клана стало падать в значительной степени по причине нравственного «перерождения» его лидеров — многие из них не избежали соблазнов хищений из разбухшей «партийной» кассы, стали приобщаться к «сладкой жизни» и сами погрязать в пороках, искоренение которых объявляли главной и единственной целью жизни. Коррупционные и иные скандалы, связанные с «отцами» клана, отвернули от него массу истых и бескорыстных поборников «чистоты» американских первооснов²⁰.

Но в годы подъема, опираясь на многомиллионную поддержку белых американцев, ку-клукс-клановцы, вместе с другими национал-патриотическими организациями, повлияли на принятие ряда важных консервативных мер. Среди них выделялись ограничительные иммиграционные законы 1921 и 1924 гг. Федеральный закон 1921 г. ввел иммиграционную квоту, согласно которой ежегодное число иммигрантов любой национальности не должно было превышать 3% численности соответствующей этнической группы в США на 1910 год. Вследствие этого

¹⁹ *Goldberg R.A.* Op. cit. P. 14; *Brinkley A.* Op. cit. P. 673.

²⁰ *Goldberg R.A.* Op. cit. P. 106.

закона приток иммигрантов в США сократился в 2,5 раза, но англо-саксонские национал-патриоты на этом не успокоились. В 1924 г. была полностью запрещена иммиграция из Восточной Азии (удар был направлен против китайцев и японцев). Для европейцев иммиграционная квота была снижена с 3 до 2%, при этом процент определялся в соответствии с численностью той или иной этнической группы в США не на 1910-й, а на 1890 год, после которого в Соединенные Штаты хлынули иммиграционные потоки из Восточной и Южной Европы. В результате численная квота для России и Италии, вместе взятых, оказалась меньше, чем для Норвегии. К концу 1920-х гг. общее число иммигрантов, ежегодно въезжающих в США, было законодательно ограничено 150 тыс., но на практике иммиграционные власти понижали ее еще до более низкой цифры. Снижение иммиграции продолжилось и в первой половине 1930-х гг., что дополнительно обуславливалось ухудшением экономической ситуации в стране. Меньше всего от иммиграционных ограничений пострадали жители Южной Америки и Канады, которым североамериканские власти на протяжении всего периода отдавали определенное предпочтение.

Таблица 2

Иммиграция в США с 1921 по 1935 г.²¹

Годы	Общее число	Из Европы	Из Южной Америки и Канады	Из Азии	Из СССР, Литвы, Латвии, Эстонии
1921	805 228	652 364	124 118	25 034	10 193
1922	309 556	216 385	77 448	14 263	19 910
1923	522 919	307 920	199 972	13 705	21 151
1924	706 896	364 339	318 855	22 065	20 918
1925	294 314	48 366	141 496	3 578	3 121
1926	304 488	155 562	144 393	3 413	3 323
1927	335 175	168 368	161 872	3 669	2 933
1928	307 255	158 513	144 281	3 380	2 652
1929	279 678	158 598	116 177	3 758	2 450

²¹ Historical Statistics of the United States. Part 1. P. 105, 107.

Годы	Общее число	Из Европы	Из Южной Америки и Канады	Из Азии	Из СССР, Литвы, Латвии, Эстонии
1930	241 700	147 438	88 104	4 535	2 772
1931	97 139	61 909	30 816	3 345	1 396
1932	35 576	20 579	12 577	1 931	636
1933	23 068	12 383	9 925	552	458
1934	29 470	17 210	11 409	597	607
1935	34 956	22 778	11 174	682	418

На протяжении всего периода процветания сохранялась высокая напряженность в отношениях белой и черной рас. Она обострилась сразу после Первой мировой войны. Чернокожая часть ветеранов американской армии ожидала, как минимум, улучшения отношения к себе со стороны белых сограждан, но ее ожидания не оправдались. Белый расизм был прочен, как и прежде, в южных штатах и обнаружил тенденцию усиления на Севере. В годы войны из южных штатов в поисках лучшей доли на Север переселилось полмиллиона чернокожих, столкнувшихся с неприязненным отношением белых, при этом неприязнь нарастала в условиях послевоенного обострения конкуренции на рынке труда. Взрыв межрасового конфликта произошел в 1919 г. В один из июльских дней к пляжу для белых на озере Мичиган неожиданно приблизился заблудившийся чернокожий пловец. Белые встретили его камнями, чернокожий тинейджер потерял сознание и утонул. Ответом разъяренных чернокожих близлежащего Чикаго стал расовый бунт, в ходе которого погибли 15 белых, 23 чернокожих и было ранено 537 человек. Расовые бунты прокатились и по другим регионам, в результате в течение трех месяцев с обеих сторон были убиты 120 человек. В течение одного года белые линчевали 78 чернокожих, среди которых оказались 10 ветеранов Первой мировой войны.

В последующем подобных взрывов не случалось, но в «спокойных» формах (сегрегация как на Юге, так и на Севере, создание для чернокожих режима гетто во всех жизненных сферах, в том числе на рынке труда) конфликт сохранялся во всей полноте. Реакцией со стороны уни-

женной расы явилось усиление «черного национализма». В 1920-е гг. его наиболее ярким идеологом выступил выходец из Ямайки (иммигрировал в США в 1917 г.) Маркус Гарви, подхвативший и радикализировавший лозунги Б. Вашингтона начала века.

Гарви решительно отверг идею интеграции черных в белое североамериканское общество, призывал чернокожих пестовать чувство собственной расовой гордости, развивать собственный социум и культуру (последнюю он ставил выше белой культуры). Расово угнетенные американцы должны были создавать «черный» капитализм, собственные профсоюзы, доказывая разнообразными способами жизнеспособность и достоинство черной Америки. Гарви, добившись влияния, изменил акценты «черного» национализма и сделал упор на возвращение черной расы в Африку. В реализации этой идеи чернокожего Моисея поджидали непредвиденные трудности и, в конечном счете, крах. Организованная им акционерная пароходная компания быстро обанкротилась. Гарви был обвинен в мошенничестве, привлечен к суду и приговорен к пяти годам тюремного заключения (в 1927 г. он был помилован, но тут же депортирован из США как «нежелательный иностранец»)²². После этого пресеклась и деятельность его сторонников.

Оппонентом гарвизма в негритянском движении выступала созданная еще в начале века Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН). В ней, как и прежде, важную роль играл У. Дюбуа. Дюбуа, характеризовавший Гарви как «самого опасного врага негритянской расы не только в Америке, но и в мире»²³, делал упор на достижение равноправия чернокожих во всех сферах жизни и их интеграцию на равноправной основе в североамериканское общество. Успехи сторонников Дюбуа и НАСПЦН были в первой половине 1920-х скромнее, чем у Гарви, но после краха гарвизма интеграционистская стратегия вновь стала главной в негритянском движении.

В политическом отношении десятилетие просперити явилось периодом практически безраздельного господства Республиканской партии. В партии, наряду с консервативным большинством, была и аграрно-прогрессивистская фракция, но ее удельный вес был настолько мал, что оказать воздействия на курс партии она не могла. Консервативные республиканцы на протяжении всего десятилетия определяли

²² *LaFeber W., Polenberg R., Woloch N.* The American Century. A History of the United States Since 1890-s. N.Y., 1986. P. 167.

²³ *Hine D.C., Hine W.C., Harrold S.* African Americans. Upper Saddle River (N.J.), 2004. P. 319.

политику как в сенате, так и в палате представителей национального Конгресса, что в полной мере отразилось на законодательных начинаниях. Консервативные республиканцы в тот период неизменно выдвигались кандидатами в президенты страны и одерживали уверенные победы на общенациональных выборах: в 1920 г. президентом был избран У. Гардинг; в 1923 г. после смерти Гардинга высший пост в государстве занял вице-президент К. Кулидж, который в 1924 г. одержал победу на очередных президентских выборах; в 1928 г. президентом Соединенных Штатов был избран Г. Гувер.

Президенты США эпохи просперити были типичными «серыми лошадками», невыразительными личностями (за исключением Гувера, обладавшего и политической, и интеллектуальной индивидуальностью), а их политические победы определялись широкой популярностью, которую тогда приобрели идеологемы и имидж Республиканской партии, ее главный лозунг — «назад к нормальности». Объясняя триумфальный успех Гардинга на выборах 1920 г., исследователь истории Республиканской партии заключал: «Республиканцы одержали бы победу с любым кандидатом, любой платформой, любой риторикой»²⁴. Большинство избирателей опасалось любых потрясений, перемен, нововведений.

Во всех предвыборных платформах Республиканской партии периода просперити, в обращениях и посланиях всех президентов главными лозунгами были решительное сокращение налогов, неукоснительное свертывание государственных расходов, а, следовательно, государственного регулирования экономики и социальных отношений, превышение бюджетных доходов над расходами, обеспечение преимуществ национальному бизнесу в конкуренции с иностранными товаропроизводителями. Идеологическая quintэссенция этой политики — твердый индивидуализм, а, по сути, освобожденное от всякого государственного вмешательства частное предпринимательство — выражала, в первую очередь, интересы крупного бизнеса, но лидерам республиканцев удавалась создавать в массах представление, что обеспечение полной свободы бизнесу отвечает чаяниям всех американцев. Кулидж в знаменитом высказывании о «главном занятии» американцев объявлял бизнес основой жизнедеятельности всего американского народа, а не какого-то одного класса: «Главное занятие американского народа есть бизнес» («the chief business of American people is business»)²⁵.

²⁴ *Harbaugh W.H.* The Republican Party 1893–1932 // *History of U.S. Political Parties* / Ed. A.M. Schlesinger, jr. Vols. 1–4. N.Y., 1973. Vol. 3. P. 2105.

²⁵ *Sobel R.* Coolidge. An American Enigma. Wash., 1998. P. 313..

Определенные нововведения в идейно-политическую доктрину Республиканской партии были внесены Г. Гувером. На современном этапе в американской политической и исторической мысли обозначились достаточно серьезные разногласия в трактовке как личности, так и политики Гувера, которых прежде не существовало. Во второй трети XX в. Гувера оценивали в контексте его жесткого конфликта с Ф.Д. Рузвельтом, его непримиримой оппозиции рузвельтовскому Новому курсу. В этих оценках Гувер предстал как стопроцентный консерватор и поборник грубого индивидуализма. Но в последней трети XX в. сравнительно исторический контекст и ретроспектива осмысления исторического места Гувера серьезно расширились, его стали сопоставлять не только с ведущим либералом второй трети XX в. Ф.Д. Рузвельтом, но и с главным консерватором последней трети столетия Р. Рейганом. В результате Гувер предстал в работах американских историков как крупная и вместе с тем драматическая «транзитная» политическая фигура²⁶, как выразитель «третьего пути»²⁷. В подобных интерпретациях заключена возможность идеалистической оценки деятельности Гувера как позитивной политической альтернативы «крайностям» главных моделей американского либерализма и консерватизма.

Идеологически Гувер был весьма противоречив, по крайней мере, он выдвигал и защищал два разнящихся варианта индивидуализма: один обозначался как *грубый индивидуализм* и, по сути, мало отличался от социал-дарвинистской модели, а другой определялся как *просвещенный индивидуализм* и имел реформаторское звучание, включал в себя коллективистские и социальные начала. На протяжении 1920-х гг. Гувер соблюдал определенный паритет в отстаивании двух концепций, но в 1930-е гг. в жесткой полемике с последователями Ф.Д. Рузвельта, безусловно, склонился в пользу грубого индивидуализма, что стало причиной восприятия в последующем Гувера массовым общественным сознанием в качестве апологета именно этого варианта. Идеологический дуализм Гувера проявился уже в книге «Американский индивидуализм», опубликованной в 1922 г. С одной стороны, он твердо отстаивал классические индивидуалистические заповеди Республиканской партии, особенно же ничем не ограниченную, абсолютную свободу индивидуального выбора и деятельности. В наличии у американ-

²⁶ Wilson J.H. Herbert Hoover: Forgotten Progressive. Boston, 1992.

²⁷ Uncommon Americans. The Lives and Legacies of Herbert and Lou Henry Hoover / Ed. T. Walch. Westport (Conn.), L., 2000. О смене негативных оценок Гувера на позитивные в американской историографии см.: Brinkley A. Prosperity, Depression, and War, 1920–1945 // The New American History / Ed. E. Foner. Philadelphia, 1997. P. 142–143.

ской цивилизации подобной свободы он видел ее принципиальное отличие и превосходство в сравнении со всеми иными странами, в том числе и западноевропейскими. Подобная свобода была несовместима с государственным регулированием социально-экономических процессов, и Гувер его решительно отвергал. С другой стороны, он доказывал, что индивидуализм типа *laissez faire*, моделировавший взаимоотношения индивидов на основе естественного состояния, себя давно исчерпал, индивиды должны взаимодействовать на основе совокупности накопленных историей социальных, морально-нравственных, политических и иных цивилизационных норм, с помощью их облагораживать и гуманизировать свои отношения. Облагораживание взаимоотношений индивидумов должно носить добровольный характер, взаимопонимание между капиталом и трудом, промышленностью и сельским хозяйством, прочими социальными институтами и группами не может навязываться государством с помощью законов, указов, инструкций, но власть может просвещать разные социальные классы и группы относительно выгод взаимопонимания, взаимодействия, компромиссов. Так может быть выпестована модель просвещенного и кооперативного индивидуализма²⁸.

Будучи министром торговли и президентом, Гувер без устали инициировал всевозможные конференции (всего их было проведено около 250) предпринимателей, фермеров, профсоюзов, на которых звучали призывы к выработке принципов честного поведения на рынках товаров, капиталов и труда, пресечению всевозможных злоупотреблений, достижению взаимопонимания и сотрудничества. Практические последствия исповедовавшейся Гувером концепции просвещенного индивидуализма были минимальны, по сути, не влияли на политику республиканской администрации, которая подчинялась концепции грубого индивидуализма. Одно из основных ее направлений заключалось в свертывании механизмов государственного социально-экономического регулирования, созданных правительством В. Вильсона в годы Первой мировой войны. В 1920-е гг. фактически перестало действовать антимонополистическое законодательство²⁹. Вместе с тем, Верховный суд США объявил правомерными антимонополистические иски и постановления против «агрессивных» профсоюзов, дезавуировав тем самым те положения либерального закона Клейтона 1914 г., которые выводили рабочие объединения из-под действия анти-

²⁸ Hoover H. *American Individualism*. N.Y., 1922; *idem*. *Challenge to Liberty*. N.Y., 1934. P. 31–32, 53, 54, 110, 181.

²⁹ Sobel R. *Op. cit.* P. 317–318.

трестовского законодательства. В результате рабочие в своих взаимоотношениях с предпринимателями оказались менее защищенными, нежели в предшествующий период. К концу 1920-х гг. продолжительность рабочей недели в США была больше, чем в других странах западной цивилизации; в отличие от них в Соединенных Штатах продолжал использоваться ночной труд женщин и детей³⁰. Как и прежде, отсутствовало федеральное социальное страхование по безработице, старости, болезни, инвалидности.

Консервативная социальная и рабочая политика благоприятствовала выполнению главной стратегической задачи республиканской администрации — максимальному сокращению государственных расходов и обеспечению бездефицитного бюджета. В этом отношении десятилетие процветания оказалось уникальным за всю историю XX в.: в 1920-е гг. расходы федерального правительства ни разу не превысили доходы³¹, государственный бюджет, что составляло предмет особой гордости Республиканской партии, неизменно оказывался бездефицитным.

Важнейшей целью финансово-экономической политики республиканского правительства на протяжении всего периода процветания являлось также снижение налогов, в первую очередь прямых. Смысл и последствия налоговой реформы республиканской администрации до сих пор вызывают серьезные разногласия в исследовательской литературе. Представители либеральной, леворадикальной и марксистской школ подчеркивают, что от снижения налогов выиграл верхний класс, в первую очередь сверхбогатые американцы, а их оппоненты доказывают, что в выигрыше были все налогоплательщики, а наибольшие налоговые выгоды достались нижним слоям.

Критически настроенные историки при этом в качестве главного аргумента выдвигают то, что абсолютная величина налогового выигрыша сверхбогатого налогоплательщика оказалась неизмеримо выше налогового выигрыша налогоплательщика из нижестоящих социальных групп. В 1921 г. прогрессивный налог на часть индивидуального дохода, превышавшую 1 млн долл., был снижен с 66 до 50%, в 1924 г. он был понижен до 40, а в 1926 г. до 20%. В эти же годы примерно наполовину были снижены максимальные налоги на наследство и недвижимость. Таким образом, каждый супермиллионер, среди них и Эндрю Меллон, бессменный министр финансов и автор налоговых

³⁰ *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 22.

³¹ *Spitzer R.J.* President and Congress. Executive Hegemony and the Crossroads of American Government. Philadelphia, 1993. P. 112–113.

законопроектов, ежегодно сберегал сотни тысяч, а то и миллионы долларов, в то время, как экономия налогоплательщика из нижнего или среднего класса составляла несколько десятков долларов³².

Вторая ведущая общенациональная партия, Демократическая, неизменно критиковала политику республиканцев как узкоклассовую и со своей стороны обещала установить социальную справедливость в налогообложении, тарифной политике, вывести профсоюзы из-под анти-трестовского законодательства, помочь фермерам, реанимировать практику антимонополистического законодательства³³. По сути в этих предложениях не было ничего нового по сравнению с той платформой, которая приводила к власти В. Вильсона и его сторонников-реформаторов в 1912 и 1916 гг. Демократическая партия не смогла сформулировать такой альтернативы политике Республиканской партии, которая бы отражала особенности и потребности национального развития в 1920-е гг. Иллюстрацией идеологической беспомощности партии служит предвыборный манифест «Американское кредо», предложенный Дж.У. Дэвисом, демократическим кандидатом в президенты 1924 г. Центральным в нем оказалось ветхозаветное суждение Т. Джефферсона — «Наилучшее правительство то, которое правит меньше всего»³⁴.

Драматическим для партии демократов оказался ее раскол на две фракции — урбанистскую, возглавлявшуюся нью-йоркским губернатором А. Смитом, и аграрно-сельскую, во главе которой выступал У. Макаду. Две фракции решительно расходились по центральным вопросам периода просперити — отношение к иммиграции, Ку-клукс-клану, католикам, «сухому закону». А. Смит и его сторонники изображались как воплощение «пороков» Нью-Йорка и антиамериканизма. Но нью-йоркский губернатор, поддерживавший иммигрантов, католиков и осуждавший Ку-клукс-клан и «сухой закон», отнюдь не был стопроцентным либералом и модернистом, а в каких-то вопросах, например в отношении сексуальных и семейных норм, проявил себя традиционалистом; У. Липпман даже назвал его «самым влиятельным консерватором городской Америки»³⁵. На съездах партии две фрак-

³² *LaFeber W., Polenberg R., Woloch N.* Op. cit. P. 140; *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 23; *Goldberg R.A.* Op. cit. P. 57; *Schlesinger A., jr.* The Age of Roosevelt. Vols. 1–3. Boston, 1957–1960. Vol. 1. P. 62. *Sobel R.* Op. cit. P. 311, 326; *Silver T.B.* Coolidge and the Historians. Durham (N.C.), 1982. P. 101–121.

³³ *National Party Platforms 1840–1972* / Ed. K. Porter, D. Johnson. Urbana, 1974. P. 244–249, 270–275.

³⁴ *Burner D.* The Democratic Party 1910–1932 // *History of U.S. Political Parties*. Vol. 3. P. 1823.

³⁵ *Ibid.* P. 1826.

ции блокировали друг друга, предоставляя выигрышный шанс «серым лошадкам», как это было в 1924 г., когда кандидатом в президенты от демократов был выдвинут Дэвис. В 1928 г. сторонникам Смита все же удалось выдвинуть его кандидатом в президенты, но для этого пришлось завуалировать все его либеральные предпочтения. В результате Смит предстал «беззубым» оппонентом республиканца Гувера и с треском проиграл выборную гонку (соотношение голосов президентских выборщиков было 444 к 87 в пользу Гувера)³⁶.

Исторические реалии эпохи процветания не благоприятствовали партиям, заявлявшим об оппозиции двухпартийной системе. Еще на исходе Первой мировой войны сошла с исторической арены Прогрессивная партия. Остатки ее сторонников попытались объединить разрозненных последователей прогрессистско-популистской политической традиции, но добились временного успеха только на выборах 1924 г. Их кандидат Р. Лафоллетт сумел собрать около 5 млн голосов, или 17% от числа принявших участие в выборах. Это был весомый результат, но закрепить его не удалось, и после смерти Лафоллетта в 1925 г. общенациональное демократическое движение за независимые политические действия сошло со сцены.

В 1920-е гг. произошло серьезное ослабление американского социализма. Причины были заключены как в правительственных репрессиях, так и в особенностях эволюции социализма. В партии возникла угрожавшая ее существованию опасность раскола. Раскол был осуществлен левыми социалистами, создавшими Коммунистическую партию США, которая в свою очередь объявила себя непримиримой противницей любого соглашения, в том числе и с «оппортунистической» соцпартией.

Американские коммунисты с самого начала игнорировали национальные традиции, что, как выяснилось очень скоро, обрекало их на сектантское существование. В 20-е годы компартия США записала в свою программу дикую, по понятиям подавляющего большинства американцев, цель установления диктатуры пролетариата. Вопреки очевидным фактам, свидетельствовавшим о стабилизации капитализма, компартия ориентировалась на скорую его смену в США, как и во всем мире, социализмом. В конце 1920-х гг. компартия вооружилась принципом «класс против класса», который в ее интерпретации, воспринятой от Коминтерна, означал особенно непримиримое отношение к либералам, социалистам, фермерским партиям. Такие из-

³⁶ *Burner D.* The Politics of Provincialism. The Democratic Party in Transition, 1918–1932. N.Y., 1968.

вестные и авторитетные лидеры социалистов, как Норман Томас и Эптон Синклер, были заклеены как «социал-фашисты».

В отношениях с черными американцами компартия проводила идею о том, что они представляют собой особую нацию, и выдвигала требование создания независимого негритянского государства в так называемом «черном поясе» Юга. Это требование не находило поддержки среди большинства лидеров чернокожих американцев, ориентировавшихся на процесс демократической интеграции в американское общество, и вызывало откровенно враждебное отношение со стороны белых американцев, решительно отвергших идею государственного членения США.

В целом соотношение политических сил в 1920-е гг. характеризовалось очевидным доминированием консерватизма. Его триумфальное шествие было прервано внезапным и беспрецедентным по глубине экономическим кризисом, разразившимся в 1929 г.

Вступая в президентскую должность 4 марта 1929 г., Гувер был исполнен оптимизма, обещая американцам продолжение и укрепление экономического процветания, социального мира и общественного прогресса. Менее чем через восемь месяцев произошло непредвиденное: «черный четверг» 24 октября и «черный вторник» 29 октября на нью-йоркской бирже дали толчок стремительному финансовому краху, подкрепленному тотальным, беспрецедентным по глубине общим экономическим кризисом. В течение четырех лет гуверовского президентства страна падала в пропасть, и в 1933 г. десятилетие процветания представлялось канувшим в Лету золотым веком.

Общий спад производства за четыре года составил 30%, и в 1933 г. объем ВВП в стоимостном выражении абсолютно повторял показатель 1920 г. Безработица выросла в 8 раз, при этом частичная безработица была гораздо выше, а по данным АФТ в 1932 г. полностью занятыми были только 10% рабочих. Драматическими были проявления и следствия финансового кризиса. За эти годы произошло 130 тыс. коммерческих банкротств, закрылись 5760 банков — 20% от их общего числа в США.

Подобно экономической катастрофы США не знали ни до, ни после 1929–1933 гг. Ее причины стали важной темой для представителей самых разных обществоведческих специальностей. В отечественной обществоведческой литературе советского периода упор делался на фундаментальное противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения при капитализме. В американской литературе утвердилась концепция множественности причин кризиса, вместе с тем произошло разделение на разные школы в пони-

мании главных причин. На современном этапе это разделение в значительной мере определяется наличием в американской экономической мысли и политике двух различающихся и даже альтернативных методологических подходов: *экономики предложения* и *экономики спроса*.

Таблица 3

Экономический кризис в США 1929–1933 гг.³⁷

Годы	Валовой национальный продукт (ВНП) в постоянных (1958 г.) долл. (млрд долл.)	Национальный доход (млрд долл.)	Выплаты наемным работникам (млрд долл.)	Число безработных (млн чел.)	% безработных к общему количеству занятых
1929	203,6	86,8	51,1	1,55	3,2
1930	183,5	75,4	46,8	4,34	8,7
1931	169,3	59,7	39,8	8,02	15,9
1932	144,2	42,8	31,1	12,06	23,6
1933	141,5	40,3	29,5	12,83	24,9

Защитники «экономики предложения» видят главную причину экономического кризиса в том, что финансово-банковские банкротства 1929–1930 гг. резко сократили «впрыскивание» в реальную экономику необходимой денежной массы, правительство же не смогло принять адекватных монетаристских мер по ее восполнению, что и повлекло развитие глубочайшего промышленного и сельскохозяйственного кризиса. Подобное объяснение получило весьма аргументированные возражения. Например, известный экономист и историк П. Темин доказал, что последовавшее за финансово-экономическими банкротствами падение розничных и оптовых цен как в промышленности, так и в сельском хозяйстве практически нейтрализовало эффект дефицита денежной массы³⁸.

В один ряд с сторонниками «экономики предложения» можно поставить авторов, которые предлагают отличающиеся объяснения кри-

³⁷ Historical Statistics of the United States. Part 1. P. 135, 235, 241.

³⁸ Излагаю по: *McElvaine R.S.* Op. cit. P. 27–28; *Fausold M.L.* Op. cit. P. 80.

зиса, но также находящиеся в финансовой сфере. Одно из них состоит в том, что важнейшей причиной кризиса стали безудержные финансовые спекуляции на нью-йоркской бирже, безответственное поведение как биржевых игроков, так и правительства, которое не смогло укротить брокерские игры с ценами на акции в эпоху просперити. Но и это объяснение, возлагающее вину за кризис на безответственных брокеров и акционеров, не может быть признано в качестве раскрывающего фундаментальную причину кризиса. Как замечает американский историк Мак Илвейн, 4 млн человек, составлявших общее количество американских акционеров в 1929 г. (причем только 1,5 млн имели отношения с биржевыми брокерами), не могли перевернуть жизнь нации, насчитывавшей 120 млн жителей³⁹.

Более весомым выглядит объяснение, возлагающее основную вину за кризис на финансовые трудности Европы, которые оказывали самое непосредственное влияние на американскую экономику 1920-х гг. После Первой мировой войны западноевропейские страны, в том числе победительницы, оказались должниками США. Западноевропейские страны-победительницы надеялись возвращать значительную часть долгов с помощью репараций, получаемых от Германии, но так их выплате оказалась неспособна. Соединенные Штаты отказывались прощать или снижать долги, вместо этого американские банки предоставляли европейским странам новые, все возрастающие займы, которые должны были использоваться для возвращения США прежних долгов. Эта финансовая стратегия США не сработала в значительной мере по причине углублявшихся кризисных тенденций в промышленности и сельском хозяйстве западноевропейских стран: возможности возвращения ими долгов Соединенным Штатам не только не увеличивались, но даже сокращались. Американская экономика в значительной мере стала заложницей европейской, и резкое углубление кризиса последней к концу 1920-х гг. не могло не повлиять на возникновение американского экономического кризиса.

Но все же, по мнению приверженцев концепции *экономики спроса*, не это явилось главной причиной экономического кризиса 1929–1933 гг. Они считают главной и фундаментальной в происхождении кризиса причину внутреннюю, которая выступает одновременно и как экономическая, и как социальная. Можно отметить, что эту причину в качестве главной выделил еще Ф. Рузвельт в ходе своей предвыборной президентской кампании 1932 г., как и в своих реформаторских разработках последующего периода. Рузвельт указывал, что быстрый рост производитель-

³⁹ McElvaine R.S. Op. cit. P. 43–44.

ности труда и товарной продукции, наблюдавшийся в Америке 20-х годов, не подкреплялся радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возраставших прибылей с учетом интересов большинства общества. Производительные мощности нации беспрерывно увеличивались, а ее потребительские возможности в силу эгоизма и всевластия крупного бизнеса изменялись слабо. В таких условиях перепроизводство, безработица, экономический крах стали неизбежными. Далее следовал основополагающий реформаторский лозунг Рузвельта: основные усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости⁴⁰. Радикальная реформа системы распределения, направленная на расширение покупательной способности (спроса) основной массы населения, нижнего и среднего классов, образно обозначалась самим Рузвельтом как «заправка насоса». В научной литературе эта модель и совокупность включаемых в нее мероприятий стали обозначаться как *экономика спроса*, а с ее теоретическим обоснованием выступило направление, названное кейнсианским, а впоследствии левокейнсианским.

Рузвельтовские разъяснения звучали радикально и были похожи на марксистскую критику противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения при капитализме. Но между рузвельтовским подходом, как и концепцией экономики спроса, с одной стороны, и марксистской критикой — с другой, было важное и принципиальное различие. Марксисты считали критикуемое ими противоречие фатальным для капитализма, заключавшим смертный для него приговор, Рузвельт же верил в фундаментальное превосходство капитализма над социализмом и считал вполне возможным нейтрализацию этого противоречия при помощи государственного реформаторства. Подход Рузвельта разделялся и разделяется многими американскими обществоведами, в том числе историками либеральной школы.

⁴⁰ *Roosevelt F.D. Looking Forward. N.Y., 1933. P. 29, 31–33.*

Ключевые проблемы истории Нового курса Ф.Д. Рузвельта*

В США споры об историческом смысле рузвельтовского Нового курса возникли уже в 1933 г., как только в жизнь стали воплощаться первые реформы. В последующем оформились три главные школы в его изучении — либеральная, консервативная и леворадикальная. В период пребывания у власти Рузвельта на ведущей позиции оказалась либерально-прогрессистские авторы, определившие Новый курс как третью Американскую революцию. Согласно этой концепции, первая революция (1775—1783) покончила с пережитками феодализма и колониальной зависимостью, вторая (1861—1865) уничтожила рабовладение, а третья революция изменила природу капитализма и государства в США. Оба стали общенародными¹. По сути либерально-прогрессистская интерпретация была лишена каких-либо критических оценок, Новый курс предстал как народно-демократическая альтернатива предшествующего консервативного этапа и политики президента — республиканца Г. Гувера. Во второй половине XX в. либеральные интерпретации носили более взвешенный характер и включали определенные критические оценки². Но общее отношение обоих авторов к Рузвельту и Новому курсу — сугубо положительное.

* Впервые опубликовано в журнале: Новая и новейшая история. 2007. № 5.

¹ *Nevins A.* 1933—1934: Two Momentous Years // *The New York Times Magazine*. December 31, 1933; *Beard Ch.A., Beard M.R.* *America in Midpassage*. N.Y., 1939; *Beard Ch.A., Beard M.R.* *The American Spirit. A Study of the Idea of Civilization in the United States*. N.Y., 1942; *Beard Ch.A.* *The Republic*. N.Y., 1943; *Hacker L.* *The Shaping of the American Tradition*. N.Y., 1947; *idem.* *The American Capitalism. Its Promise and Accomplishment*. Princeton (N.J.), 1957; *Schlesinger A.M., jr.* *The Age of Jackson*. Boston, 1945; *idem.* *The Age of Roosevelt* Vols. 1—3. Boston, 1957—1960.

² *Leuchtenberg W.* *Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932—1940*. N.Y., 1963; *idem.* *The FDR Years: on Roosevelt and His Legacy*. N.Y., 1995; *Freidel F.* *Franklin D. Roosevelt*. Vols. 1—4. Boston, 1952—1973; *idem.* *Franklin D. Roosevelt: A Rendezvous with Destiny*. Boston, 1990.

Консервативные оценки Нового курса, как и либеральные, обозначились в 30-е годы. С основополагающей консервативной интерпретацией выступил Г. Гувер. Рузвельтовское планирование и регулирование промышленности, финансов и торговли, а тем более развитие государственной собственности, как и правительственные социальные программы помощи фермерам и рабочим, приравнялись Гувером то к фашизму, то к коммунизму³. Один из главных аргументов консерваторов состоял в том, что социальные программы Нового курса, подтачивая первоосновы индивидуализма и капитализма, вместе с тем не могли сколько-нибудь существенно помочь нижним слоям⁴.

В 50–60-е годы в консервативную интерпретацию были внесены коррективы. Сформировавшаяся в тот период школа консенсуса, которая всячески преуменьшала роль конфликтов и разногласий в американской истории, попыталась максимально принизить значение нововведений Ф.Д. Рузвельта, доказать, что в отношении предшествующего периода им была в большей степени присуща преемственность, нежели отличие. Роль главных критиков Нового курса перешла к «новой левой», или «радикальной», школе. Радикальные исследователи Нового курса основывались на концепции «корпоративного либерализма». Согласно ей реформы Ф.Д. Рузвельта, так же как и более ранние реформаторские курсы Т. Рузвельта и В. Вильсона, вынашивались и воплощались в жизнь в самом тесном взаимодействии просвещенной политической элиты и лидеров бизнеса. Исторический смысл Нового курса в свете подобной интерпретации заключался в обеспечении *классовой гегемонии* корпоративного бизнеса, которая была наиболее «продвинутой» и изощренной формой классового господства капитала. Что касается реального значения социально-экономических реформ Нового курса, то от них выиграли в первую очередь верхние слои, а нижние остались в своем традиционном пониженном положении⁵. Предельно четко этот вывод сформулировал Б. Бернштейн: «Новому курсу в большей степени присущи начала преемственности, значение его преобразований серьезно преувеличивается. Новый курс не смог излечить депрессию, ему сопутствовали провалы в борьбе с бедностью, перераспределении доходов, расшире-

³ Hoover H. The Challenge to Liberty. N.Y., 1934. P. 81–89, 111–115, 125, 142, 154–159, 170–171.

⁴ Lawrence D. Stumbling in the Socialism and the Future of Our Political Parties. N.Y., L., 1935; Flynn J.T. The Roosevelt Myth. N.Y., 1948; Robinson E. The Roosevelt Leadership, 1933–1945. Philadelphia, 1945.

⁵ Conkin P.K. The New Deal. Arlington Heights (Ill.), 1992 (1st ed. 1967); Gordon C. New Deals: Business, Labor and Politics in America, 1920–1935. N.Y., 1994.

нии равенства, в противостоянии расовой дискриминации и сегрегации»⁶.

В 70-е годы, как и в последующие десятилетия, количество критических монографий о Новом курсе увеличивалось. Их авторами были уже не только и не столько радикальные историки (радикальная школа, по сути, «скончалась» в 80-е годы), сколько представители академической общины, воспринявшие принципы либеральной политкорректности. Наряду с исследованиями, доказывавшими, что Новый курс мало что дал рабочему классу и не способствовал развитию индустриальной демократии, появилось много работ, свидетельствовавших, что рузвельтовские реформы меньше всего повлияли на улучшение положения женщин и чернокожих американцев⁷.

Многочисленной группе историков-критиков Нового курса, которых обобщенно можно обозначить как «пессимистов», противостояла также солидная группа историков-«оптимистов». Современные «оптимисты» в той или иной степени признают ограниченность реформ Нового курса. Как заметил Р. Байлс, в признании их недостатков достигнут историографический консенсус⁸. Но вместе с тем «оптимисты» считают, что Новый курс достиг максимума возможного, сыграл выдающуюся роль в американской истории. Безусловной заслугой Рузвельта признается то, что он продемонстрировал способность снимать коллизию между «свободой и равенством»⁹.

В отечественной историографии проблематика Нового курса наиболее активно разрабатывалась в 60–80-е годы прошлого века. Были созданы серьезные научные исследования, в первую очередь посвященные внутривнутриполитической борьбе по вопросам Нового курса и основным социально-экономическим реформам¹⁰. Они сохраняют научное значение, но вместе с тем на них в той или иной степени лежит

⁶ *Bernstein B.J.* The New Deal: the Conservative Achievement of Liberal Reform // *Towards a New Past: Dissenting Essays on American History* / Ed. B.J. Bernstein. N.Y., 1968. P. 264.

⁷ См., напр.: *Brody D.* Workers in Industrial America: Essays on the Twentieth Century Struggle. N.Y., 1980; *Vittoz S.* New Deal Labor Policy and the American Industrial Economy. Chapel Hill (N.C.), 1987; *Gordon L.* Pitied But Not Entitled: Single Mothers and the History of Welfare. N.Y., 1994.

⁸ *Biles R.* A New Deal for the American People. DeCalb, 1991. P. 3.

⁹ *Polenberg R.* The Era of Franklin D. Roosevelt 1933–1945. Boston, N.Y., 2000. P. 35.

¹⁰ См., напр.: *Сивачев Н.В.* Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX века. М., 1966; *Мальков В.Л.* «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М., 1973; *он же.* Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988; *Кредер А.А.* Американская буржуазия и «новый курс», 1933–1940. Саратов, 1988; *Манькин А.С.* «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США, 1932–1952. М., 1990.

печать идеологических предубеждений советской историографии. Вот как охарактеризовал этот недостаток один из ведущих отечественных исследователей Нового курса Е.Ф. Язьков: «Однако вплоть до конца 80-х годов в трудах российских ученых по новейшей истории, в том числе и по проблемам Нового курса Ф. Рузвельта, сохранялось немало догматических положений, прочно вошедших в марксистскую историографию. Особенно негативным было влияние пресловутой теории общего кризиса капитализма, руководствуясь которой отечественные историки, как правило, делали вывод о невозможности успешного решения социальных проблем в условиях капитализма, а значит, и о невозможности его прогрессивного приспособления к потребностям общественного развития»¹¹.

На современном этапе распространилась иная точка зрения, согласно которой реформы Рузвельта способствовали серьезному преобразованию капитализма на основе соединения его с процессом социализации¹². Но общие позитивные оценки Нового курса не подкреплялись диссертационными и монографическими исследованиями различных его тем и проблем, в том числе принципиально важных. Я сосредоточусь на трех таких проблемах, носящих дискуссионный характер. 1. Соотношение в реформаторской практике Рузвельта осознанно мировоззренческого выбора и экспериментаторского начала. 2. Расстановка общественно-политических сил и ее влияние на реальные возможности воплощения в жизнь реформ Нового курса. 3. Реальный исторический вес социально-экономических преобразований Нового курса и их воздействие на изменение сущностных черт американского капитализма.

С момента возникновения Нового курса стала закрепляться та точка зрения, что реформы Ф.Д. Рузвельта были основаны на политической интуиции, являлись экспериментом в чистом виде, были чужды каким-либо теоретико-мировоззренческим оснований. Одними из первых такую точку зрения высказали ближайшие соратники Рузвельта, Ф. Перкинс и Р. Моли¹³. Рузвельт и сам давал основание для того, чтобы счи-

¹¹ Язьков Е.Ф. Новый курс Ф. Рузвельта и его место в истории США // Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России / Отв. ред. А.С. Маныкин, Ю.Н. Рогулев, Е.Ф. Язьков. М., 1996. С. 4.

¹² Наиболее весомо пересмотр традиционных отечественных взглядов на Новый курс прозвучал на научной конференции Ассоциации изучения Соединенных Штатов Америки. См. материалы конференции: «Новый курс Ф.Рузвельта: значение для США и России» / Отв. ред. А.С. Маныкин, Ю.Н. Рогулев, Е.Ф. Язьков. М., 1996.

¹³ Greer T. What Roosevelt Thought: The Social and Political Ideas of Franklin Delano Roosevelt. Michigan, 1958. P. 140–141; Moley R. The First New Deal. N.Y., 1966. P. 5.

тать его прагматиком и экспериментатором «по определению». Уместно привести прагматическое кредо Рузвельта, высказанное во время президентской кампании 1932 г.: «Страна нуждается, и, если я правильно понимаю ее настроения, она требует смелого и настойчивого эксперимента. Здравый смысл требует выбрать метод и испытать его, а если не получится — честно признайтесь и попробуйте другой. Но главное — попробуйте»¹⁴.

Мысль о теоретико-мировоззренческой ограниченности Рузвельта была развита многими маститыми историками¹⁵. А. Бринкли, известный современный исследователь Нового курса, не видит оснований придавать значение интеллектуально-мировоззренческим различиям между Рузвельтом и Гувером, полагая, что исход выборов 1932 г. обусловлен не альтернативными идеями Рузвельта (их присутствие-де не было заметно), а непопулярностью Гувера¹⁶.

Представление об абсолютно экспериментаторском характере Нового курса и Рузвельта сохраняет прочные позиции в исторической науке (не будет преувеличением сказать, что именно оно пользуется наибольшей популярностью и в непрофессиональной среде). Но есть сторонники той точки зрения, что деятельность Рузвельта представляла диалектическое, подчас весьма противоречивое, но в то же время и достаточно цельное соединение прочной либерально-прогрессивской идеологии и смелого прагматического экспериментаторства¹⁷. Поддерживая ее, я далее обосновываю следующий тезис: *Рузвельт был привержен либерально-демократической идеологии на протяжении четверти века до прихода к власти, в 1932 г. защищал и развивал ее в качестве альтернативы гуверовскому консерватизму, а в последующем ее серьезно обновил и усовершенствовал.*

В либеральную веру Рузвельт обратился еще в начале XX в., будучи студентом Гарвардского университета. Он стал горячим поклонником реформаторских идей как Т. Рузвельта, так и В. Вильсона, но предпочтение отдал либерально-прогрессивскому подходу Демократической

¹⁴ Public Papers and Addresses of Franklin Delano Roosevelt / Ed. S.I. Rosenman. Vols. 1–13. N.Y., 1938–1950. Vol. 1. P. 646.

¹⁵ Hofstadter R. The American Political Tradition and Men Who Made It. N.Y., 1967 (1st ed. 1948). P. 379; Conkin P. Op. cit. P. 13; Burns J.M. The Lion and the Fox. N.Y., 1956. P. 198; Ward G.C. A First-Class Temperament. The Emergence of Franklin Roosevelt. N.Y., 1989.

¹⁶ Brinkley A. The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. N.Y., 1997. P. 700.

¹⁷ Такую точку зрения обосновывают Т. Гриер и Ч. Кеслер: Greer T. Op. cit. P. 211; Kester C.R. The Public Philosophy of the New Freedom and the New Deal // The New Deal and It's Legacy. Critique and Reappraisal / Ed. R. Eden. N.Y., Westport (Conn.), L., 1994. P. 160–161.

партии, с которой связал свою судьбу. Искренность и прочность его убеждений была впервые полностью испытана на практике в период пребывания Рузвельта на посту губернатора штата Нью-Йорк (избран на этот пост в 1928-м и переизбран в 1930 г.)¹⁸. Реформаторская активность Рузвельта была подстегнута беспрецедентным экономическим кризисом, разразившимся в 1929 г. В течение короткого времени нью-йоркский губернатор предложил серию смелых мер помощи фермерам, безработным, другим категориям сограждан, которых во время президентской кампании 1932 г. он назовет «забытыми людьми». Уже с 1929 г. он начал решительно критиковать Гувера за чрезмерную робость в подключении федерального государства к решению кризисных проблем. В 1932 г., когда Демократическая партия решала вопрос о выдвижении кандидата на новые, в этот раз поистине «критические выборы», Рузвельт, одержав победу в четвертом туре голосования, стал без промедления отстаивать смелые либерально-прогрессистские идеи и предложения. Г. Гувер, оценивая либерально-прогрессистскую платформу оппонента, нареченную Новым курсом, увидел в ней угрозу американским основам. «Данная кампания представляет нечто большее, нежели соперничество двух партий, — доказывал он избирателям, — это соперничество двух философий правления»¹⁹.

В 1932 г., в отличие от предшествующего периода, в который либерально-прогрессистские высказывания Рузвельта носили все же фрагментарный и разрозненный характер, у него появилось то, что можно назвать философией правления. В последующем она стала приобретать все более цельный характер, преодолевая противоречивость, вбирая в себя новые социально-либеральные идеи и доктрины, которые можно определять как оригинальный вклад Рузвельта в американскую либеральную идеологию. Кандидат в президенты, а потом четырежды президент стал (и он не мог не стать им) полнокровным идеологом по очевидной причине: десятки миллионов соотечественников, неожиданно оказавшиеся в рушащейся цивилизации, начавшие стремительно терять веру в традиционные ценности, нуждались в новом Евангелии, которое бы обещало, а еще лучше гарантировало спасение. В возникший идейный вакуум поспешили вторгнуться разношерстные апостолы — от право- до леворадикальных. В такой ситуации главный спасатель нации не мог не предложить своей идеологии.

Она была предложена. Среди историков, которые признают наличие в наследии Рузвельта не только экспериментальной деятельности,

¹⁸ *Freidel F. Franklin D. Roosevelt: A Rendezvous with Destiny. Boston, 1990. P. 57.*

¹⁹ Цит. по: *Ibid. P. 77.*

но и либеральной идеологии, ведется спор, насколько оригинален вклад в нее самого Рузвельта. Дело в том, что с начала президентской кампании Рузвельт включил в свою команду выдающихся либеральных интеллектуалов, среди которых выделялись три профессора Колумбийского университета — Р. Моли, Р. Тагвелл и А. Берли. Интеллектуальная команда Рузвельта, названная «мозговым трестом», являлась не только соавтором, но и просто автором многих идей, программ, речей Рузвельта. Каково соотношение авторства и соавторства «мозгового треста» в рузвельтовской идеологии? По свидетельствам самих участников «мозгового треста» Рузвельт, безусловно, являлся генератором стратегии Нового курса: он определял цели преобразований, основное их содержание, а члены «мозгового треста» насыщали его установки конкретными разработками, деталями, выступали в роли научной экспертизы. Рузвельт тщательно прорабатывал и редактировал все проекты, подготовленные «мозговым трестом» в соответствии с его рекомендациями²⁰.

Никто из членов «мозгового треста» не подвергал сомнению того, что стратегия Нового курса была детищем самого Рузвельта. Но было бы ошибкой отрицать или преуменьшать роль «мозгового треста». Многие важнейшие идеи, формулировки, предложения были высказаны им, его участники предлагали не только заготовки, но и законченные тексты многих выступлений Рузвельта. Так что в целом идеология Нового курса была продуктом коллективного творчества. Другое дело, что глава государства в силу своего положения имел право представлять и представлял ее положения в качестве своих индивидуальных открытий. Но такова привилегия всех американских президентов.

Во взглядах Рузвельта эпохи Нового курса, как и в любой типичной идеологии, различимы общеисторическая, политическая, экономическая и социальная части (другое дело, что Рузвельт в отличие от типичных идеологов не изложил их в виде системы и не издал некоего компендиума своей идеологии). В общеисторическом видении он выступал твердым приверженцем капиталистической цивилизации и не мыслил альтернативное развитие Америки в рамках выбора между капитализмом и социализмом. Он признавал реальным для Америки выбор между двумя «школами мысли — либеральной и консервативной»²¹. В отличие от консерватизма, отдававшего развитие Америки в распоряжение

²⁰ *Fusfeld D.R.* The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origins of the New Deal. N.Y., 1956. P. 208–209.

²¹ *Nothing to Fear: The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt, 1932–1945.* Cambridge, 1946. P. 150.

естественных сил, либерализм твердо высказывался в пользу целенаправленных усилий государства по преобразованию общества и объединению вокруг него с целью исправления социальных и экономических пороков всех классов и слоев.

Рузвельт неизменно демонстрировал приверженность идее органического, избегающего революционных скачков процесса преобразований, который должен был совершенствовать и дополнять, но ни в коем случае не отменять либеральные ценности, закрепленные в Декларации независимости, федеральной Конституции, Билле о правах. Ему оказалась очень близка идея Т. Джефферсона о праве каждого поколения людей на обновление общественного договора в соответствии с меняющимися запросами и потребностями общества. Эту идею он истолковывал в духе прагматической философии, подчеркивая, что нововведения — как крупные, так и мелкие — должны производиться не в соответствии с умозрительными построениями и идеологическими клише, а исключительно в ответ на живые потребности общественного развития. Излюбленным кредо Рузвельта стала и та мысль, что общественные изменения, после того как они назрели, должны осуществляться без всяких промедлений.

Нет ничего удивительного в том, что Рузвельт, возводивший с 1932 г. во главу угла идею более справедливого распределения с помощью государства национального богатства, особое внимание уделил джефферсоновской концепции собственности. Опираясь на авторитет Джефферсона, он доказывал, что право собственности оформилось исторически, само ее возникновение было невозможно без государства и в силу этого государство было обязано бороться с издержками свободного развития собственности²².

В политических рассуждениях Рузвельта одно из центральных мест заняла тема природы государственной власти. В духе либерально-прогрессистского мировоззрения Рузвельт доказывал, что государство не может отдавать предпочтение какой-либо из социальных групп, цель его состоит в том, чтобы координировать их взаимоотношения и интересы и пытаться сплотить их в общенациональном интересе. При этом государство в интересах общего блага должно возвыситься над частными интересами отдельных социальных групп, в том числе и особенно над интересами бизнеса. В 1935 г., когда конфликт Рузвельта и крупного бизнеса обострился до крайности, Рузвельт указал, что «старое ошибочное мнение о банкирах и Правительстве как более-менее равных и независимых субъектах должно быть оставлено в прошлом. Правительство по са-

²² *Roosevelt F.D. Looking Forward. N.Y., 1933. P. 21, 29, 31–33, 35.*

мой природе вещей должно быть лидером, должно быть судьей конфликтующих интересов всех групп общества, включая и банкиров»²³.

Уже с самого начала президентской кампании 1932 г. особое, а потом и все более важное место в идеологии Рузвельта стали занимать экономические и социальные вопросы. Рузвельт собирался не просто вытаскивать из кризиса экономику, он намеревался делать это в первую очередь в интересах «забытого человека» (этот крылатый термин был предложен весной 1932 г. Р. Моли), т.е. обделенного большинства американцев. В интересах «забытого» большинства американцев *на главное место* среди множества социально-экономических проблем Рузвельт и «мозговой трест» поставили вопрос о *распределении и потреблении производимой нацией продукции*. Лейтмотивом рузвельтовской кампании стала та мысль, что возможности потребления наций и разными социальными группами промышленной и сельскохозяйственной продукции должны быть приведены в соответствие с резко возросшими в предшествующий период возможностями ее производства. Избиратели чутко уловили этот мотив Нового курса, ставший основополагающим в социально-экономической идеологии Рузвельта, но начисто отсутствовавший в программе Гувера и республиканцев²⁴.

Следующим важным вопросом социально-экономической стратегии Рузвельта и «мозгового треста» стало определение позиции государства в отношении станового хребта национальной экономики — крупного бизнеса. Среди сторонников Нового курса в этом вопросе не было единства. Р. Моли выделил пять либерально-реформаторских групп, предлагавших собственные подходы к проблеме²⁵, но главными среди них были две. Первая, в духе вильсоновской концепции Новой свободы, предлагала разукрупнение крупных корпораций, а вторая, реанимируя идеи Нового национализма Теодора Рузвельта, считала рациональным всестороннее регулирование большого бизнеса. Вторая группа, включавшая ведущих участников «мозгового треста», среди них Берли, Тагвела и Моли, была более влиятельна. Ф.Д. Рузвельт «разрывался» между двумя концепциями и был противником жесткой догматической позиции в отношении монополий²⁶. С одной стороны, он до-

²³ Greer T. Op. cit. P. 30.

²⁴ Public Papers and Addresses of Franklin Delano Roosevelt / Ed. S.I. Rosenman. Vols. 1–13. N.Y., 1938–1950. Vol. 1. P. 751–752; Johnson H. The Blue Eagle from Egg to Earth. Garden City, 1935. P. 158–162; Fustfeld D.R. Op. cit. P. 212; Moley R. Op. cit. P. 226–229; Maney P. The Roosevelt Presence. A Biography of Franklin Delano Roosevelt. N.Y., 1992. P. 37; Kesler. Op. cit. P. 162–164.

²⁵ Moley R. Op. cit. P. 228.

²⁶ Jackson R.H. That Man. An Insider's Portrait of Franklin Roosevelt. N.Y., 2003. P. 122, 124.

казывал, что если бы Первая мировая война не прервала вильсоновских реформ, то с монополиями было бы покончено, и Америка никогда не узнала страшного экономического крушения 1929 г.²⁷ С другой стороны, он внимал и аргументам влиятельных членов «мозгового треста», склоняясь в практическом плане, особенно на первом этапе Нового курса, к государственному регулированию и планированию деятельности крупного бизнеса.

Но это не означало стирания коллизий между крупным бизнесом и Рузвельтом, который, признавая возможность сотрудничества с корпоративным капиталом, вместе с тем в ходе президентской кампании 1932 г. совершенно определенно возложил ответственность за экономический кризис на «экономическую олигархию», сконцентрировавшую в своих руках более половины производственных мощностей нации. Антиолигархический компонент рузвельтовской идеологии резко усилился с 1934 г., когда большая часть крупного бизнеса сочла государственное регулирование экономики чересчур для себя обременительным. При этом Рузвельт неизменно подчеркивал, что тень не должна быть брошена на весь бизнес, частное предпринимательство и индивидуализм, что, наоборот, эти фундаментальные установления должны быть защищены от капиталистических цезарей — «жирных котов». Власть должна быть отнята у «200 гигантских корпораций», распоряжающихся половиной богатства нации, у финансовых гигантов, которые при помощи нечестных сделок и махинаций непрерывно отчуждают в свою пользу «деньги народа, бизнес народа, труд народа»²⁸.

В экономической части Нового курса наиболее противоречивой оказалась финансовая доктрина. Во время избирательной кампании Рузвельт выступал твердым защитником сбалансированного бюджета. Но финансовая доктрина Рузвельта затрещала по швам, как только он оказался у руля федеральной власти. Не сокращающийся, а, наоборот, быстро увеличивавшийся бюджетный дефицит был вынужденной уступкой требованиям жизни: сбалансировать бюджет в 1933, 1934 или 1935 г., признает позднее Рузвельт, означало совершить преступление против народа. И все же Рузвельт цеплялся за доктрину сбалансированного бюджета до 1937 г. И только новый финансовый и экономический спад 1937 г. склонил его в пользу принятия доктрины дефицитного финансирования антикризисных мероприятий²⁹, которая в самой

²⁷ *Roosevelt F.D. Looking Forward.* P. 21, 26, 28–31, 33, 231.

²⁸ *Nothing to Fear: The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt.* P. 20, 22, 63–64, 66–68.

²⁹ *Greer T. Op. cit.* P. 53.

практике Нового курса восторжествовала гораздо раньше. Рузвельт начал говорить о наличии среди либералов двух школ в вопросе бюджетной политики: одна твердо исповедовала теорию сбалансированного бюджета, другая признавала узаконение дефицита, определяемого задачами снятия экономического кризиса и обеспечения социально-экономических запросов бедствующего народа. Рузвельт встал на сторону второй школы³⁰.

Среди исследователей высказывалась мысль, что концепция дефицитного финансирования правительственных расходов была воспринята Рузвельтом у английского экономиста Джона Кейнса. Действительно, Кейнс обосновывал концепцию широких государственных расходов как средства воздействия на стагнирующую экономику, повышения покупательной способности нижних слоев и рассасывания на этой основе кризиса перепроизводства еще до Нового курса. Рузвельт встречался с Кейнсом в 1934 г., но беседа не изменила доктринальной приверженности Рузвельта бездефицитному бюджету. Основной труд Кейнса по острой проблеме был опубликован в США в 1936 г., но Рузвельт вряд ли прочел его. Переход Рузвельта на позицию, совпавшую с кейнсианской, произошел под воздействием общественно-исторических обстоятельств, в первую очередь новой экономической рецессии в 1937 г. Осознанно Рузвельт стал использовать дефицитное финансирование государственных программ с 1938 г.³¹

Наличие в идеологии Ф. Рузвельта и Нового курса ряда противоречий, порой серьезных, не может перечеркнуть того, что сама эта идеология, а следовательно, идеологический выбор в политике Рузвельта существовали. Идеология Ф.Д. Рузвельта была либерально-прогрессистской, реформаторско-эгалитаристской и демократической. В 1932 г. Рузвельт и его «мозговой трест» обновили либерально-прогрессистское наследие в эгалитарно-демократическом направлении. Подобная направленность укреплялась на протяжении всего рузвельтовского президентства, при этом преодолевалась и противоречивость идеологии Нового курса. Современная историография выделяет в эволюции рузвельтовского Нового курса три этапа, которые также подчас обозначаются как «три Новых курса». Повестка *первого Нового курса* была определена весной 1933 г. На том этапе, охватившем 1933–1935 гг., основные усилия президента и его команды были направлены на преодоление кризиса и включали по преимуществу приемы экономического планирования и регулирования, а социальные нововведения находились на втором плане. Такая

³⁰ Nothing to Fear: The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. P. 170.

³¹ Greer T. Op. cit. P. 53–54.

политика способствовала «вытаскиванию» экономики из кризиса, но мало содействовала разрешению острых социальных коллизий. Напротив, они продолжали обостряться, вследствие чего в стране наблюдался всплеск левого и правого радикализма. Реагируя на него, Рузвельт решительно перенес главные усилия на социальные реформы. В результате с весны 1935 г. был запущен *второй Новый курс*. Он помог Рузвельту одержать триумфальную победу на президентских выборах 1936 г. Далее последовал *третий Новый курс*, охвативший 1937–1940 гг. Он оказался сложен и неоднозначен. С одной стороны, стратегические расчеты привели Рузвельта к решению о приостановке радикальных реформ и консолидации того, что уже было сделано, но, с другой стороны, неожиданный экономический спад 1937 г. побудил к возобновлению, пусть и не в прежнем объеме, новаторских экономических и социальных экспериментов. К 1940 г. перестройка социально-экономических оснований американской либерально-капиталистической цивилизации была завершена.

Стратегические и реформаторские маневры Рузвельта, реальный объем преобразований определялись не только его собственными замыслами, но *напрямую зависели от расстановки общественно-политических сил*. От Рузвельта, как политика и реформатора либерального (а не радикального) толка, требовалось найти такую меру реформ, которая сплачивала в их поддержку большинство общества (заинтересованного в реальных позитивных переменах, но не в разрушении первооснов американской цивилизации), получала одобрение государственных институтов, согласовывалась с принципами демократии, нейтрализовала «левые» и «правые» общественно-политические крайности. Либеральный вариант политики как «искусства возможного» в значительной мере предопределил те «недостатки» Нового курса, например, сохранение режима расовой сегрегации на Юге и женского неравенства, которые подвергаются жесткой критике леворадикальными историками, как и выразителями современной либеральной политкорректности.

В начале первого этапа Нового курса Рузвельт добился широкой поддержки своих мероприятий. Его поддержала даже значительная часть оппозиционной Республиканской партии, исходившая из того, что страна столкнулась с реальной угрозой национальной катастрофы и Рузвельту должен быть предоставлен реальный шанс на смелые эксперименты по спасению американской цивилизации. Но уже во второй половине 1933 г., а наиболее полно в 1934 и 1935 гг. зазвучала острая критика президента со стороны как радикалов, так и консерваторов. На ведущей позиции среди оппонентов Рузвельта обосно-

вались «левые» и «правые» радикалы, поставившие под угрозу сохранение Рузвельтом массовой социальной опоры.

В левом политическом спектре 1930-х гг. различимы три течения. Первое — течение революционного социализма. Второе — течение реформистского, или демократического, социализма. Третье — левый радикализм несоциалистического толка. Представителем революционного социализма являлась Коммунистическая партия США. В ее эволюции в 1930-е гг. произошло серьезное изменение. Поначалу партия выступала острой противницей рузвельтовских реформ, но в середине 1930-х гг. поменяла цель борьбы за «Советскую Америку» на цель создания народного демократического фронта с участием либералов и Ф.Д. Рузвельта.

Главной выразительницей демократического социализма в 1930-е гг., как и прежде, выступала Социалистическая партия США. Как это ни парадоксально, именно она, а не компартия, заняла непримиримую позицию в отношении Нового курса, являясь главным раздражителем для Рузвельта «слева». Руководство соцпартии во главе с Норманом Томасом признавало свою родословную связь с марксизмом, но решительно отрешивалось от революционного коммунизма, жестко критиковало советский социализм, сталинскую диктатуру и однопартийный режим. Демократическое наследие американской цивилизации было для Томаса и его сторонников непреходящей ценностью, которая должна была сохраняться и в условиях социалистической трансформации, и после окончательного утверждения социализма. Экономический кризис 1929—1933 гг., с точки зрения социалистов, свидетельствовал о «перезрелости» капитализма, исторической возможности и обусловленности перехода к социализму, который должен был быть осуществлен посредством демократических выборов. Возможность реформирования капитализма на либерально-демократической основе Томас категорически отвергал. Кроме того, он не видел в США реальной опасности фашизма, поэтому идея антифашистского фронта с либералами в условиях Соединенных Штатов представлялась Томасу новым образцом коммунистического догматизма. Он не был против единства действий с коммунистами, но целью единения должен был стать парламентский переход к социализму³².

На президентских выборах 1932 г. Томас занял третье место, собрал 882 тыс. голосов (в 3 с лишним раза больше, чем в 1928 г.) и воспринял свой успех как реальность социалистической перспективы. Но после

³² *Thomas N. Fascism or Socialism? The Choice Before Us*. L., 1934. P. 7, 15, 24—26, 33, 65—67, 92, 165; *idem. After the New Deal, What?* N.Y., 1936. P. 12, 43, 46, 77, 187.

того, как Рузвельт в 1935 г. провел социальные реформы, совпадавшие с ближайшими требованиями Социалистической партии, влияние социалистов стало резко падать. В 1936 г. Томас собрал 187, в 1940-м — 99, в 1944-м — 80 тыс. голосов. На закате лет Томас объяснил причину падения влияния партии лаконично: «Что же выбило почти полностью почву из-под наших ног? Причина может быть выражена в одном слове — Рузвельт. Больше можно ничего не добавлять». Когда задавали наводящий вопрос: «Не имеется ли в виду, что Рузвельт присвоил себе программу соцпартии?» — Томас отвечал утвердительно³³.

В левом радикализме несоциалистического толка самым ярким и влиятельным оказалось движение «Покончим с бедностью в Калифорнии». Его организатор, знаменитый писатель Э. Синклер, в предшествующий период поддерживал Социалистическую партию. Но в 1933 г. он решительно поменял политическую привязанность и решил выдвигаться кандидатом в губернаторы Калифорнии от Демократической партии. Америка, разъяснял он свою позицию, не готова поддерживать идеалы, обозначаемые при помощи понятий *социализм* и *коммунизм*. Конкретная программа Синклера предполагала передачу правительству Калифорнии всех пустующих или покинутых разоренными фермерами земель. На средства штата здесь должны были быть восстановлены фермы и построены фабрики и заводы, на которых предстояло занять всех местных безработных, бездомных и бедняков. Денежный фонд для учреждения коммун создавался за счет введения правительством штата пропорционально-прогрессивного налога на крупную собственность и наследства. Коммунальная собственность передавалась полностью в распоряжение тружеников, которые получали в качестве юридических лиц свидетельства на право владения своей долей акций. На территории коммун, как, впрочем, и во всем штате Калифорния, согласно плану Синклера, вводилась широкая система социального обеспечения престарелых, инвалидов, нетрудоспособных, матерей-одиночек и т.д.³⁴

К ноябрю 1933 г. было создано около тысячи политических клубов, объединенных в движении «Покончим с бедностью в Калифорнии», Синклер без особого труда добился поддержки рядовых сторонников Демократической партии, а на губернаторских выборах 1934 г. занял второе место, уступив победителю менее 300 тыс. голосов. За него про-

³³ *Seidler M.B.* Norman Thomas: Respectable Rebel. Syracuse, 1961. P. 313.

³⁴ *Sinclair U.I.* Governor of California and How I Ended Poverty: A True Story of the Future. Los Angeles, 1933. P. 2–3, 10, 20, 61; *idem.* We, People of America and How We Ended Poverty: A True Story of the Future. Pasadena, 1935. P. 13–14, 19, 23, 29, 31, 34–35, 50, 60.

голосовало 880 тыс. избирателей, почти столько же сколько за социалиста Н. Томаса на общенациональных выборах 1932 г.

Одновременно с Синклером в Калифорнии успешно действовал Ф. Таунсенд, предложивший выплачивать американцам старше 60 лет пенсии по старости в размере 200 долл. в месяц (эта сумма превышала среднюю заработную плату). Данная реформа, согласно Таунсенду, не только обеспечила бы достойную старость миллионам американцев, но и высвободила бы огромное количество рабочих мест для безработных сограждан не пенсионного возраста. План Таунсенда быстро завоевал поддержку и в других штатов, в созданные в его поддержку клубы вовлеклись миллионы людей.

В 1933—1935 гг. упрочили свои позиции многие другие организации, настаивавшие на приоритете социальных реформ. Некоторые из них добились политических побед: в Миннесоте провела своего кандидата в губернаторы Фермерско-рабочая партия, а в Висконсине обыграл соперников из двух главных партий Р.М. Лафоллетт, баллотировавшийся в сенаторы от Прогрессивной партии. Радикальные социальные реформы приобрели такую популярность, что их поспешили превратить в боевые лозунги не только лево-, но и праворадикальные критики Рузвельта. Наиболее колоритным и влиятельным среди них оказался луизианский политик Хью Лонг.

Лонг добился политической известности в 1928 г., будучи избранным губернатором штата Луизиана от Демократической партии. В 1930 г. он попадает в верхнюю палату Конгресса США и упрочивает свое влияние при помощи умелой популистской демагогии и практики. Со времен губернаторства Лонг прочно подчинил себе аппарат Демократической партии в Луизиане, установил жесткий контроль над местными законодателями и исполнительной властью, прессой, многими общественными организациями. Лонг превратился в полновластного босса южного штата и начал использовать авторитарную власть для упрочения массовой опоры. В Луизиане по его инициативе были отменены налоги на бедных, введена бесплатная раздача школьных учебников, резко расширено строительство дорог, мостов, в целом инфраструктуры общественного пользования. В 1934—1935 гг. Лонг замахнулся на большее — президентское кресло и бросил смелый вызов Рузвельту.

С начала 1935 г. он обратился к организации клубов под названием «Разделим наше богатство» и стал готовить почву для объединения всех социальных радикалов в массовую третью партию. Программные заявления Лонга были сыры, противоречивы, но основные требования были в высшей степени просты, доходчивы для масс. Лейтмотив — решительная конфискация сверхбогатств. Лонг требовал обложить беспре-

цедентными налогами недвижимость, состояния, наследства миллионеров. Первый миллион, разъяснял он, будет освобожден от налога, второй миллион обложен налогом в 1%, третий — в 2, четвертый — в 4, пятый — в 8, шестой — 16, седьмой — в 32, восьмой — в 64%, а с девятого миллиона будет вводиться 100-процентный налог. Доходы богатых также должны были быть обложены прогрессивным налогом с тем, чтобы ежегодный доход одного индивидуума не превышал средний семейный доход американцев более чем в 100–300 раз, т.е. 600–1800 тыс. долл. Миллионеры, таким образом, сохранялись, но мультимиллионеры элиминировались. Огосударственные при помощи налогов богатства распределялись между малоимущими³⁵.

В 1935 г. в клубы Лонга было вовлечено 7 млн человек, он превратился в самую серьезную радикальную опасность для Рузвельта, но в сентябре карьера луизианского популиста прервалась — он был смертельно ранен молодым человеком по имени Карл Уэйс. Дело Лонга было продолжено его ближайшим сподвижником Дж. Смитом, сумевшим привлечь на свою сторону Ф. Таунсенда, а также влиятельного «радио-проповедника» Чарлза Кофлина. Кофлин, подобно Лонгу и Таунсенду, находился тогда на пике влияния, его радиопроповеди *социальной справедливости* приковывали внимание более 10 млн слушателей. Как и поклонники Лонга, они были преисполнены ненависти к богатым, но равным образом отвергали коммунизм и социализм. И только себя они считали радетьями истинного американизма, опирающегося на заветы отцов-основателей.

В 1935 г. последователи Лонга, Таунсенда и Кофлина образовали Национальную юнионистскую партию, а своим кандидатом в президенты выдвинули конгрессмена Уильяма Лемке, до того связанного с прогрессистской фракцией Республиканской партии. Но к этому времени Рузвельт уже в полной мере осознал силу и опасность социального радикализма, хоть в правых, хоть в левых одеждах. С весны 1935 г. Рузвельт решительно запустил второй, на этот раз ярко выраженный социальный Новый курс, провел законы о пособиях по безработице, пенсиях по старости, широком признании прав профсоюзов, предложил резко повысить налоги на корпорации и мультимиллионеров. К президентским выборам 1936 г. он сумел нейтрализовать как левых, так и правых радикалов. Лемке вместо ожидаемых миллионов получил на президентских выборах только 882 тыс. голосов. Руз-

³⁵ The Great Depression. Opposing Viewpoints / Ed. W. Duddley. San Diego (Ca.), 1994. P. 55–59; *Polenberg R.* The Era of Franklin D. Roosevelt 1933–1945. A Brief History With Documents. Boston, N.Y., 2003. P. 128–132.

вельт же был подлинным триумфатором — за него проголосовало более 25 млн человек, или 60,8% избирателей (второй результат в истории президентских выборов XX века).

Снятие опасности социального радикализма вывело на первый план опасность противоположного толка — социальный консерватизм. Его главным выразителем выступал крупный бизнес, банки и промышленные корпорации. Отношения Рузвельта с бизнесом были неоднозначны на различных этапах, но в период первого Нового курса им было присуще определенное равновесие — реформы, вызывавшие болезненную реакцию бизнеса, смягчались мерами, которые прямо отвечали интересам банковского и промышленного капитала. Знаменитый закон 16 июня 1933 г. о восстановлении промышленности — НИРА, как и создание Национальной администрации по восстановлению — НРА, фактически не вызвал сопротивления бизнеса. Его поддержали ведущие организации бизнеса — Национальная ассоциация промышленников (НАП) и Американская торговая палата (АТП). Поддержка крупного бизнеса привела к тому, что уже через три месяца 85% промышленности было охвачено «кодексами честной конкуренции»³⁶.

Обострение отношений правительства и бизнеса произошло в начале 1934 г. в связи с принятием закона о контроле над выпуском ценных бумаг и в целом биржевой деятельности. Ассоциация биржевых фирм, Ассоциация банкиров-инвесторов, Американская торговая палата резко осудили закон как уничтожающий не только спекуляции, но и саму биржу. В мае 1934 г. завершился период «почтительных» отношений бизнеса и правительства и начался период жесткой конфронтации³⁷.

Большой бизнес, все его ведущие организации твердо и жестко противостояли как экономическим, так и особенно социальным реформам Рузвельта. Они ультимативно требовали остановить рост государственных расходов, восстановить сбалансированный бюджет, прекратить «разорительные» общественные работы. Для них оказался абсолютно неприемлем законопроект Вагнера (одобрен в 1935 г.), отвечавший интересам профсоюзов и резко ущемлявший традиционные прерогативы бизнеса. В 1935 г. Национальная ассоциация промышленников объявила ликвидацию Нового курса главной задачей бизнеса. Но Рузвельт не уступал. «Промежуточные» национальные выборы 1934 г. показали, что

³⁶ *Кредер А.А.* Американская монополистическая буржуазия и «новый курс» Ф.Д. Рузвельта // Американский ежегодник. М., 1979. С. 121–124.

³⁷ *Schlesinger A.M., jr.* The Age of Roosevelt. The Coming of the New Deal. Boston, 1958. P. 472.

нация в целом предпочитает Демократическую партию Республиканской. Рузвельт считал, что ее поддержка имела главное значение для сохранения и продолжения Нового курса. Большой бизнес ответил Рузвельту классическим политическим приемом: во время президентской кампании 1936 г. он резко увеличил финансирование Республиканской партии и соответственно сократил пожертвования для демократов. Если в 1932 г. число вкладов в фонд демократов размером более 1 тыс. долл. каждый составляло 25% от всех вкладов, то в 1936 г. только 4%. В абсолютном выражении богатые американцы пожертвовали Рузвельту 250 тыс. долл., в то время как профсоюзы внесли в фонд демократов 750–770 тыс. долл.³⁸.

В 1935–1936 гг. Рузвельт, по выражению историка Э. Лэдда, подвергся «бешеной атаке со стороны бизнеса»³⁹, но и президент не жалел жестких выражений в адрес людей, оказавшихся его главными противниками. Драматизм беспрецедентной для американской истории схватки главы государства и бизнеса усугублялся тем, что на стороне бизнеса выступала большая часть государственных институтов, среди которых «ударной силой» оказалась судебная ветвь.

Рузвельт столкнулся с оппозицией со стороны Верховного суда США с самого начала реформ. Двенадцать предшествующих лет пребывания у власти республиканцев привели к тому, что их назначенцы возобладали в высшем судебном органе. Четверо из девяти верховных судей были твердыми консерваторами, еще два близки к ним, и только трое во главе с Л. Брандейсом имели репутацию либералов. В первые полтора года Нового курса Верховный суд не решался на открытую схватку с Рузвельтом, но в январе 1935 г. решительно перешел в контратаку. Были последовательно отменены положения о прекращении расчетов золотом, о пенсиях для железнодорожников, наконец, в мае объявлен неконституционным Закон о восстановлении промышленности — базисный для всей социально-экономической политики Рузвельта. Всего в 1935 — начале 1936 г. Верховный суд отменил, как антиконституционные, 11 рузвельтовских законодательных актов. В глазах Рузвельта Верховный суд предстал не меньшей опасностью для Нового курса, чем большой бизнес, поэтому сразу после победы на президентских выборах 1936 г. он объявил приоритетной задачей радикальную реформу судебной власти.

Ключевым положением президентской реформы, предложенной на рассмотрение Конгресса США 5 февраля 1937 г., являлось увеличе-

³⁸ *Кредер А.А.* Указ. соч. С. 135.

³⁹ *Ladd E.* American Political Parties: Social Change and Political Response. N.Y., 1970. P. 187.

ние состава Верховного суда на шесть человек, что должно было обеспечить в нем твердое большинство сторонникам Нового курса. Реакция высшего законодательного органа оказалась для Рузвельта шокирующей неожиданностью. Не только консервативные оппоненты, но и большое число либералов, включая республиканско-демократический прогрессивный блок, решительно высказались против столь откровенного, в их глазах, посягательства на демократические первоосновы США и опасный прецедент политического авторитаризма. Против Рузвельта решительно ополчилась и консервативная, и либеральная пресса. Президент, проявив незаурядный характер и политическую волю, апеллируя к «мандату народа» на продолжение реформ, пытался воплотить радикальный замысел в жизнь. Но реальных шансов на победу при сложившемся соотношении сил в верхнем эшелоне власти у него не было.

Развязка одного из самых драматических эпизодов в истории Нового курса оказалась неожиданной. Консервативные «старцы» Верховного суда, не выдержав политического напряжения и положившись на инстинкт самосохранения, дрогнули. 29 марта 1937 г. Верховный суд согласился признать конституционным закон штата Вашингтон о минимуме заработной платы для женщин (хотя за несколько месяцев до того они объявили неконституционным схожий закон штата Нью-Йорк)⁴⁰. После этого последовали другие, еще более важные уступки Верховного суда, среди них признание закона Вагнера и закона о социальном обеспечении. В 1937–1938 гг. два консервативных члена Верховного суда вышли в отставку, и Рузвельт уже по собственному законному праву заполнил вакансии либеральными судьями.

«Оливковая ветвь», протянутая Верховным судом президенту, потребовала, в соответствии с нормами демократической политической культуры, уступок и со стороны президента. Это явилось одной из причин ослабления радикальных нововведений на третьем этапе Нового курса. Рузвельт не мог до бесконечности сохранять режим жесткой конфронтации и в отношениях с бизнесом, который, будучи, по яркому определению современников, «загнанным в собачью конуру», начал подавать сигналы о готовности воспринять «социальную ответственность». Политические реалии, диалектика и логика либеральной стратегии Рузвельта, основополагающей для Нового курса, ставили пределы его дрейфу «влево». Но масштаб этого дрейфа все

⁴⁰ Манькин А. С. «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США 1933–1952 гг. М., 1990. С. 67–68.

равно был беспрецедентен в истории американских президентов, государственной власти и политической системы.

Высшим выражением левого сдвига стало возникновение знаменитой рузвельтовской коалиции, которая на многие десятилетия, вплоть до наших дней, определила американский политический ландшафт. В своей основе эта коалиция, вобравшая большинство американцев из средних и нижних слоев и ставшая социальной опорой Демократической партии, оформилась в 1932–1936 гг. Ее создание было обусловлено углублявшейся *социализацией* либерализма Демократической партии, но также и другими факторами, среди них изменением соотношения сил внутри самой партии. Уже в самом начале Нового курса о разрыве с Рузвельтом объявили наиболее консервативные деятели партии, среди них кандидат в президенты США на выборах 1924 г. Д.У. Дэвис и кандидат на президентских выборах 1928 г. А. Смит. В 1934 г. они образовали Лигу свободы, поставившую своей целью очищение Демократической партии от сторонников Рузвельта и возвращение к идейно-политическим доктринам 1920-х гг. Но Рузвельт и нью-дилеры смогли переломить соотношение сил в партии в свою пользу и сделать этот поворот исторически необратимым.

После фактического откола от партии крайних консерваторов в партии наличествовали три основных течения: умеренно-консервативное, центристское, а также леволиберальное, в котором были такие яркие политики, как Р.Ф. Вагнер, Ф. Перкинс, Г. Гопкинс, Г. Уоллес и Г. Икес. Рузвельт стоял над фракциями, но по своей сути, подобно другому выдающемуся президенту — реформатору, А. Линкольну, был центристом и осуществлял сложные примирительные маневры, которые обеспечивали поддержку его мероприятий большинством партии и сохраняли ее единство, крайне необходимое в условиях жесткой конкуренции с другими партиями. Диалектика поведения Рузвельта имела много сходных черт с политическим поведением А. Линкольна. Удерживая единство большинства партии, Рузвельт вместе с тем в критические моменты воспринимал в качестве общепартийных требования левых либералов (в случае с Линкольном это были радикальные республиканцы), хотя те неизменно оставались фракцией меньшинства. Выдающееся политическое искусство и харизма Рузвельта проявлялись в том, что две другие фракции, бывшие в явном большинстве, поступались своими принципами и принимали выбор Рузвельта. В результате партия в целом сдвигалась влево и радикально обновлялась. Уже в 1934 г. один из прозорливых политических наблюдателей отмечал: «Нынешняя так называемая Демократическая партия ничем не напоминает партию прошлого. Похоже, что Рузвельт со-

здал совершенно новую партию под старым названием, со старым хорошо известным клеймом»⁴¹.

В результате этой трансформации демократы нанесли сокрушительный удар по всем политическим партиям: третьей партии, от лево-до праворадикальных, к концу 1930-х гг. по сути потерпели фиаско, а Республиканская партия на целых двадцать лет оказалась в политическом нокдауне. Избиратели, поддержавшие демократов, были в основном из средних и нижних социальных слоев, при этом многие из них радикально поменяли свои политические предпочтения.

Важнейшим изменением в соотношении сил двух главных партий стал переход на сторону демократов большинства городских избирателей, при этом они включили в себя жителей наиболее крупных промышленных городов, ранее голосовавших за Республиканскую партию. Среди городских избирателей, поддерживавших демократов, был особенно заметен рост числа организованных рабочих. Еще в 1932 г. такой крупный тред-юнион, как Объединенный союз горняков, поддерживал Гувера, а Объединенный союз швейников высказался в пользу социалиста Томаса. В 1935 г. оба союза вошли в Конгресс производственных профсоюзов (КПП), оформившийся благодаря демократическому рабочему законодательству Рузвельта и отдавший ему свои голоса.

На сторону Демократической партии перешло большинство иммигрантов. Особенно весомой стала поддержка демократов со стороны ирландской и еврейской общин (85% последней голосовали за Рузвельта в 1936 и 1940 гг.). Еще в большей степени, чем среди белых американцев, влияние демократов возросло среди чернокожих избирателей. Это произошло несмотря на то, что Рузвельт не покушался на расовую сегрегацию, суды Линча и лишение негров гражданских и политических прав в южных штатах. Чернокожие избиратели северных штатов были благодарны Рузвельту за социальные законы в интересах нижних слоев, к которым они в подавляющем большинстве относились, и в 1936 г. предпочли Демократическую партию Республиканской (демократам отдали голоса около 70% чернокожих избирателей)⁴².

Резко возросла поддержка Рузвельта среди женщин, хотя Новый курс и не включал специальных мер в поддержку женского равноправия. Женщин привлекала социальная политика Рузвельта, как и осуществленные им впервые в американской истории назначения женщин на

⁴¹ Цит. по: *Манькин А.С.* Указ. соч. С. 35–36.

⁴² *Kirkendall R.* The New Deal and American Politics // Fifty Years Later: The New Deal Evaluated / Ed. H. Sitkoff. Philadelphia, 1985. P. 22–27; *McJimcey G.* The Presidency of Franklin Delano Roosevelt. Lawrence (Kansas), 2000. P. 142.

важные правительственные посты (самое известное — назначение Фрэнсис Перкинс министром по трудовым отношениям). Наконец, был заметен рост влияния Демократической партии среди фермерства. Демократы доминировали не только в сельских районах Юга, традиционном оплоте партии, но добились поддержки даже со стороны фермерства Среднего Запада, прежде отдававшего преимущество республиканцам. В южных штатах демократов поддерживали 80% избирателей. Но демократы впервые за 70 лет добились превосходства над республиканцами и в северных штатах, где на их сторону перешли 20% бывших приверженцев Республиканской партии. Добившись поддержки большинства избирателей в обоих главных регионах страны, Рузвельт стал «первым подлинно общенациональным президентом» со времен Ф. Пирса, получившего большинство как на Севере, так и на Юге еще в 1850-е гг.⁴³

Подобный успех демократов, на мой взгляд, вызывает у части историков соблазн критиковать Рузвельта за недостаточную решительность в расширении социально-экономических возможностей и прав нижних социальных слоев, женщин и чернокожих американцев. Такие требования представляются завышенными и неисторичными по ряду причин. Рузвельт смог создать столь широкую национальную коалицию как раз потому, что находил ту меру углубления реформ, которая привлекала на его сторону «позабывших» американцев, но в то же время не отпугивала и многих сторонников из более благополучных слоев. Самым серьезным поводом для критических оценок Нового курса служит отказ Рузвельта от посягательства на социальную и политическую сегрегацию чернокожих, суды Линча в южных штатах. Но мог ли президент, в случае принятия иной позиции, сохранять стабильную гегемонию Демократической партии, если учесть, что главной опорой демократов неизменно были белые избиратели южных штатов, да и на Севере расизм не сдавал позиций? *Рассматривая «оппортунизм» и недостаточную смелость Рузвельта, невозможно абстрагироваться от того, что президент США, безусловно, следовал классическому для государственного деятеля восприятию политики как «искусства возможного» и не мог не осмысливать пределы радикального реформаторства. Наконец, необходимо учитывать и то, что Рузвельт по убеждениям был реформатором либерально-демократического, а не радикального толка и что его уступки радикализму не могли не носить вынужденного, а следовательно, расчетливо ограниченного характера.*

Обратимся к третьей главной проблеме статьи — реальный объем социально-экономических преобразований и их воздействию на американское общество. В *финансовой области* выделялась санация банков-

⁴³ *McJimcey G.* Op. cit. P. 140.

ской системы, отделение с помощью государства «перспективных» банков от «безнадежных». Было реанимировано 90% банковского бизнеса. Из 6000 банков, которым была оказана помощь, не смогли спастись только 106. Важной реформой стало обязательное страхование банковских вкладов — эта мера приобрела непреходящее значение. Огромную роль в финансовой стабилизации играло введение государственного контроля над фондовым рынком, деятельностью бирж, выпуском и обращением ценных бумаг. Подтверждением основательности этого закона явилось то, что он просуществовал без изменения вплоть до 1964 г., когда в него были включены дополнения, распространившие требования закона и на незарегистрированные ценные бумаги⁴⁴.

В области *промышленно-аграрной политики* особое значение имели два закона. Первый — Национальный закон о восстановлении промышленности от 16 июня 1933 г. (НИРА) вводил систему кодексов «честной конкуренции». Всего было разработано и после утверждения главой государства введено в качестве обязательных 541 основной кодекс и 185 дополнительных. 90% американских промышленных предприятий вступили в соглашения, определявшие объемы и цену производимой продукции, минимальную заработную плату рабочих и максимальную продолжительность рабочего дня. Закон просуществовал два года и был отменен решением Верховного суда США. Его воздействие на экономику было противоречиво, он позитивно повлиял на рынок рабочей силы, но мало поспособствовал преодолению кризиса перепроизводства. Слабая эффективность закона в первую очередь была определена тем, что его судьба была по сути вручена крупному бизнесу, не сумевшему подчинить свои интересы общенациональным.

Второй важный закон — о восстановлении сельского хозяйства (AAA) от 12 мая 1933 г. Основными целями закона стали повышение цен на сельскохозяйственную продукцию и восстановление их паритета с ценами на промышленные товары, а также предоставление фермерам льготных кредитов для модернизации производства и рефинансирования фермерской задолженности. Главным средством повышения цен на сельхозпродукцию стало сокращение посевных площадей и поголовья скота, за что государством выплачивались специальные премиальные.

Среди *социальных реформ* первой фундаментальной мерой стал закон Вагнера, одобренный 5 июля 1935 г. Закон легализовал профсоюзы,

⁴⁴ *Портной М.А.* Новый курс — важный рубеж в государственном регулировании кредитного и фондового рынков // Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России. С. 112.

в правовом отношении уравнил, а в чем-то даже возвысил их над предпринимателями (например, согласно принципу «закрытого цеха», последние могли нанимать только тех рабочих, которые вступили в профсоюз). В результате за годы президентства Рузвельта численность профсоюзов выросла более чем втрое, профсоюзы одержали победы в 80% стачек, благодаря их активности и поддержке государства реальная заработная плата американских рабочих с 1935 по 1945 г. выросла на 80%⁴⁵.

Второй важной социальной реформой стал закон о социальном страховании по старости и безработице, одобренный в августе 1935 г. Он положил начало федеральной государственной системе социального страхования в США, которая стала фундаментом американского социального государства на весь последующий период. Наконец, третьей важной социальной мерой стал закон о справедливых условиях труда 1938 г. Он ввел минимальную почасовую заработную плату и максимальную продолжительность рабочего дня. В последующем закон стал фундаментальным федеральным актом, гарантирующим минимальный уровень справедливых условий труда. Среди важных социальных мер необходимо также назвать масштабные программы общественных работ, в которые в разные годы было вовлечено более десяти миллионов безработных из разных социальных слоев.

В какой степени все эти мероприятия поспособствовали выходу США из социально-экономического кризиса? В четырехтомном фундаментальном труде отечественных американистов, появившемся в середине 1980-х гг., содержится положение, что Новый курс не смог вывести страну из экономического кризиса, что уровень безработицы в 1939 г. был выше, чем в 1931 г., и «фактически только война спасла капиталистическую экономику США от очередного, может быть еще более глубокого, кризиса и нового увеличения массовой безработицы»⁴⁶. Данный вывод, однако, не подтверждается, за исключением данных о безработице, статистическими выкладками о динамике американской экономики в 30-е годы, как и на протяжении всего рузвельтовского периода. Сравнительные данные по безработице трудно признать вполне корректными, ибо показатель 1939 г. сравнивался с показателем 1931-го, а не 1933 г., когда кризис достиг пика и безработица была наивысшей.

Некоторые основные экономические результаты развития США в годы пребывания у власти Ф.Д. Рузвельта с 1933 по 1945 г. представлены в приводимой ниже таблице. В нее включены в целях сравнительного

⁴⁵ Encyclopedia of American Economic History / Ed. G. Porter. Vols. 1–3. N.Y., 1980. Vol. 1. P. 244; Robertson R.M., Walton G.M. History of American Economy. N.Y., 1979. P. 482.

⁴⁶ История США. Т. 3. С. 247.

анализа и данные 1929 г., наиболее удачного в предшествующей экономической истории США. Также я счел необходимым привести данные об изменении валового национального продукта — ВВП — из трех разных источников, поскольку эти данные приводятся в них в неизменных долларах трех разных лет — 1958, 1982 и 1992 гг.

Таблица 1

Экономические показатели президентства Ф.Д. Рузвельта⁴⁷

Годы	ВВП в неизмен- ных (1958 г.) долл. (млрд долл.)	ВВП на душу населения в неизмен- ных (1958 г.) долл.	ВВП в неизмен- ных (1982 г.) долл. (млрд долл.)	ВВП в неизмен- ных (1992 г.) долл. (млрд долл.)	Индекс розничных цен 1910–1914 =100	Безрабо- тица (млн чел.)	% от всей рабочей силы
1929	203,6	1671	709,6	796,8	177	1,550	3,2
1933	141,5	1126	498,5	580,3	134	12,830	24,9
1934	154,3	1220	536,7	643,7	138	11,340	21,7
1935	169,5	1331	580,2	701,4	142	10,610	20,1
1936	193,0	1506	662,2	792,4	143	9,030	16,9
1937	203,2	1576	695,3	835,0	148	7,700	14,3
1938	192,9	1484	664,2	804,9	146	10,390	19,0
1939	209,4	1598	716,6	870,3	144	9,480	17,2
1940	227,2	1720	772,9	944,2	145	8,120	14,6
1941	263,7	1977	909,4	1105,9	152	5,560	9,9
1942	297,8	2208	1080,3	1312,7	169	2,660	4,7
1943	337,1	2465	1276,2	1526,3	176	1,070	1,9
1944	361,3	2611	1380,6	1648,2	182	0,670	1,2
1945	355,2	2538	1354,8	1629,3	186	1,040	1,9

⁴⁷ Данные во второй, третьей, седьмой и восьмой колонках взяты из кн.: Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975. P. 224, 135; данные в четвертой колонке из Vital Statistics on American Politics / Ed. H.W. Stanley, R.G. Niemi (Wash., 1992), P. 410; данные в пятой колонке из кн.: Vital Statistics on American Politics / Ed. H.W. Stanley, R.G. Niemi. (Wash., 1998), P. 385; данные в шестой колонке из кн.: Encyclopedia of American Economic History. Vol. 1. P. 234.

Как можно заключить из статистических данных, экономика США в первые четыре года Нового курса достаточно последовательно выходила из беспрецедентного экономического кризиса. В 1937 г. показатели ВВП были практически на уровне 1929 г., а безработица в сравнении с 1933 г. снизилась на 10%. В конце 1937–1938 гг. произошел некоторый новый спад производства (противники президента назвали его «рузвельтовской рецессией»), который был, после возобновления и расширения Рузвельтом антикризисных мер, быстро преодолен. В 1939–1940 гг., т.е. еще до вступления США в войну и начала ими массового военного производства, показатели ВВП 1929 г. были превзойдены. Безработица вернулась к уровню 1937 г. и была в полтора раза ниже, чем в 1933 г. Обращает на себя внимание стабилизация цен — их колебания в 30-е годы были незначительны.

В связи с этим приводившийся выше вывод советских американистов о том, «фактически только война спасла капиталистическую экономику США от очередного, может быть еще более глубокого, кризиса и нового увеличения массовой безработицы» представляется преувеличением. Экономические результаты Нового курса невозможно назвать в полной мере успешными, но нельзя отрицать и того, что благодаря нему экономика США к концу 30-х годов по ряду важнейших показателей была восстановлена, а по другим показателям восстановление, пусть и медленно, но продолжалось. Вступление США во Вторую мировую войну, безусловно, ускорило восстановление этих показателей и одновременно создало условия для нового, во многом беспрецедентного взлета американской экономики. Показатели же американской экономики, относящиеся непосредственно к периоду участия США во Второй мировой войне (Соединенные Штаты вступили в нее в декабре 1941 г.), выглядят в высшей степени успешными. К концу войны промышленное производство в сравнении с предвоенным показателем удвоилось, а сельскохозяйственное увеличилось на одну треть. Рентабельность экономики быстро пошла вверх, при этом прибыли сельского хозяйства, явно «униженного» в сравнении с промышленностью в предвоенные десятилетия, выросли в 1940–1945 гг. более чем в четыре раза⁴⁸. Безработица стремительно пошла на убыль, практически исчезнув к концу войны. Этому в первую очередь способствовало резкое увеличение вооруженных сил и стремительный рост военного производства (в США в годы войны было создано 15 млн новых рабочих мест). Взлету американской экономики в огромной степени способст-

⁴⁸ *Finkelstein J.* The American Economy. From the Great Crash to the Third Industrial Revolution. Arlington Heights (Ill.), 1992. P. 42.

вовало то, что Америка работала не только на саму себя, но активно поставляла вооружение, одежду, продовольствие своим союзникам, среди них СССР.

Обратимся теперь к социальным показателям Нового курса и всего рузвельтовского периода.

Таблица 2

Социальные показатели президентства Ф.Д. Рузвельта⁴⁹

Годы	Индекс реальной заработной платы всех занятых 1910–1914 =100	Реальная понедельная заработная плата промышленных рабочих 1967=100	Все социальные расходы государства (млн долл.)	Расходы по социальному страхованию (млн долл.)	Численность профсоюзов (млн чел.)	% к рабочей силе
1929	136	43,0	3921	342	3,75 (1930 г.)	7,5
1933	137	38,2	4462	34		
1934	159	40,5	5832	362		
1935	161	43,3	6548	406	3,65	6,9
1936	164	46,4	10 184	456		
1937	180	49,4	7858	545		
1938	189	46,7	7924	849		
1939	194	50,6	9213	1181		
1940	199	53,1	8795	1272	7,3	13,1
1941	214	59,3	8953	1330		
1942	222	66,3	8609	1376		
1943	239	73,5	8283	1259		
1944	246	77,3	8228	1256		
1945	250	72,8	9205	1409	12,25	22,8

⁴⁹ Данные во второй колонке взяты из кн.: Encyclopedia of American Economic History. Vol. 1. P. 244; данные в третьей колонке — из кн.: Robertson R.M., Walton G.M. History of American Economy. P. 482; данные в четвертой и пятой колонках — из кн.: Historical Statistics of the United States. P. 340; данные в шестой и седьмой колонках — из кн.: Vital Statistics on American Politics (Wash., 1998), P. 399.

Рузвельтовский период, в том числе и годы Нового курса, ознаменовались серьезным ростом реальной заработной платы американских трудящихся. В годы Нового курса она выросла на 40%, а за весь период президентства Рузвельта почти в два раза. Это наивысший показатель за всю американскую историю, и он непосредственным образом связан с рузвельтовскими реформами. Наибольшее значение для улучшения материального положения трудящихся имел закон Вагнера 1935 г.: используя его, рабочие повели жесткую атаку на предпринимателей, вырывая одну уступку за другой. Они не отказались от наступательной тактики и в годы Второй мировой войны. В 1939 г. количество забастовок составило 2639, а их участников 1180 тыс., в 1940 г. соответственно 2493 и 573 тыс., в 1941 г. — 4314 и 2360 тыс., в 1943 г. — 3752 и 2 млн человек. В 1942–1945 гг. состоялось свыше 14 тыс. забастовок, в них участвовало свыше 6 млн человек⁵⁰.

Что касается социальных расходов, то их рост в годы войны затормозился: если в период Нового курса они увеличились почти вдвое, а расходы на социальное страхование даже втрое, то в военный период рост и тех и других не достиг и десяти процентов. Приостановка принятия новых социальных реформ объяснялась не только усилением позиций консерваторов в Конгрессе США, но определялась стратегическим выбором самого Рузвельта, исходившего из того, что государственный бюджет не выдержит беспрецедентного роста военных расходов и одновременного увеличения расходов социальных. Но после достижения победы Рузвельт планировал безусловное возобновление социальных реформ Нового курса, о чем свидетельствовал предложенный им в 1944 г. вниманию Конгресса «Экономический билль о правах».

Оценивая социальные последствия реформ 30-х гг., как и всего рузвельтовского периода, необходимо признать, что они не привели к принципиальному изменению классовой структуры США. Но большая часть нижнего класса, существенно упрочив свое материальное положение в военный период, подошла вплотную к границе среднего класса. Широкие слои рабочих и служащих, накопившие значительные денежные средства, создали мощный «отсроченный спрос» на товары широкого потребления (в годы войны их производство было замедлено по причине подчинения промышленности военным заказам). Этот фактор облегчил переход (реконверсию) американской промышленности на мирные рельсы, существенно ослабил послевоенную экономическую рецессию, помог предотвратить повторение серьезного кризиса перепроизводства.

⁵⁰ История США. Т. 3. С. 324–325, 376–377, 463.

В 30–40-е годы под воздействием реформ Нового курса наметилась тенденция некоторого сокращения разрыва в материальном положении разных социальных слоев. В этот период возросли доходы всех пяти экономических квинтилей (пять равных частей населения с различающимися доходами) американцев, при этом относительный рост доходов нижних квинтилей, в отличие от предшествующих десятилетий, был выше, чем у верхних.

Перераспределению доходов в определенной степени поспособствовала налоговая политика Рузвельта. В 1935 г. был резко повышен налог на индивидуальные доходы свыше 1 млн долл. (с доведением налога на доход от 5 млн долл. до 75%). В 1942 г. минимальный подоходный налог равнялся 18%, а максимальный 88. Рузвельт даже предложил ввести такую шкалу подоходного налога, при которой ни один американец не имел бы возможности получить более 25 тыс. долл. в год⁵¹. Это предложение звучало даже более радикально, чем программа борьбы с миллионными доходами покойного Х. Лонга. Но Конгресс отклонил идею президента.

Подведение исторических итогов рузвельтовского президентства затруднено по той причине, что многие его мероприятия заключали противоречивые тенденции. В отношении них срабатывает злополучная формула «с одной стороны, но с другой стороны». Рузвельт подверг резкой критике корпоративный капитал и олигархию, при нем было возбуждено множество антимонополистических исков, но он же проводил меры, которые ограничивали конкуренцию и способствовали картелизации промышленности. Рузвельт первым среди президентов США принял реальные меры в интересах мелкого фермерства, но от его аграрной политики в целом выиграли и усилились зажиточные фермерские хозяйства. Рузвельт ставил целью возвысить «забытых американцев» и преодолеть социальные контрасты, но по завершении его президентства классовая структура США осталась неизменной. Перечень этих противоречий, дающих критикам Рузвельта возможность выставить негативную оценку его президентству, можно продолжить.

Но признать подобную оценку в качестве итоговой и объективной невозможно, если стоять на позиции историзма. Историзм требует выделить те нововведения, которые приобрели для американской истории непреходящее позитивное значение, поспособствовали, в сравнении с предшествующими периодами, совершенствованию общест-

⁵¹ Encyclopedia of American History / Ed. H.S. Commager. N.Y., 1976. P. 418; *Finkelstein J.* Op. cit. P. 33.

ва, улучшили положение большинства народа, в том числе и особенно его нижних слоев.

Среди экономических мероприятий рузвельтовского президентства к таким нововведениям необходимо отнести механизмы регулирования денежной эмиссии, банковско-финансовой сферы, фондового рынка. В исторической ретроспективе выдающимся достижением предстает выдвинутая Рузвельтом и настойчиво воплощавшаяся в жизнь концепция «заправки насоса» — расширения покупательной способности основных слоев общества как фундаментального механизма борьбы с перепроизводством и экономическими кризисами.

Среди социальных достижений на первое место можно поставить создание впервые в американской истории национальной системы социального страхования. Два его главных компонента — страхование по старости и безработице — стали непреходящими основаниями американского социального государства и в последующем не подвергались сомнению ни одной из политических сил, были признаны и совершенствовались как либералами, так и консерваторами. К важнейшим достижениям необходимо отнести законы, позволившие нижним социальным классам и группам резко расширить возможности участия в распределении национального богатства. Рабочее законодательство позволило трудящимся твердо и эффективно оспорить монопольное прежде право предпринимательского класса на распределение прибавочной стоимости. Жизненные условия трудящихся в результате серьезно улучшились, и значительная их часть стала приближаться к границе среднего класса, а в последующем его пополнять.

В политическом отношении американское общество стало более плюралистическим. Удельный вес среднего и нижнего класса в политическом процессе и системе увеличился, а удельный вес верхнего класса сократился. Созданная Рузвельтом коалиция Демократической партии, включившая рабочий класс, фермерство, большинство чернокожих американцев, как и поддержавшую Новый курс часть бизнеса, может быть определена как широко демократическая. Президентство Рузвельта, так же как прежде президентства Э. Джексона, А. Линкольна, В. Вильсона, подтвердило, что деятельность американского государства и политической системы не является чем-то раз и навсегда данным. Она определяется соотношением разных социальных сил, как и позицией политической элиты, а преимущества, которые дает для воздействия на политическую власть собственность и богатство, могут быть серьезно ослаблены противодействующими силами.

Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества*

На современном этапе в отечественном общественном знании при изучении тенденций развития западных стран широко воспринята концепция смены индустриального общества постиндустриальным. Она становится одним из теоретических инструментариев и в исследованиях отечественных историков, специализирующихся в области новейшей истории стран Запада.

С экономической точки зрения основой разделения обществ на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные является разное соотношение в них трех секторов народного хозяйства, обозначаемых современной экономической наукой как первичный, вторичный и третичный. На доиндустриальной стадии господствовал первичный сектор, включающий в себя сельское хозяйство и добывающие отрасли. На индустриальной стадии господство перешло к обрабатывающей тяжелой и легкой промышленности, а также к строительству, входящим во вторичный сектор. Наконец, на постиндустриальной стадии утвердилось лидерство третичного сектора — сферы услуг. В США удельный вес третичного сектора в валовом внутреннем продукте (ВВП) с середины XX в. увеличился более чем в полтора раза и в начале XXI в. составил 80%. Соответственно удельный вес первичного и вторичного секторов экономики, как и занятых в них работников физического труда («синих воротничков»), постоянно уменьшался. В начале XXI в. доля первичного сектора в ВВП составила 3%, а вторичного — 14¹. Ведущие некогда отрасли первичного и вторичного секторов — угледобывающая, металлургическая, ряд других — были вытеснены в развивающиеся страны.

* Впервые опубликовано в журнале: Новая и новейшая история. 2008. № 3.

¹ Экономика США / Под ред. В.Б. Суяна. М., 2003. С. 18.

При этом сфера услуг в США постоянно разнообразилась, усложнялась, обогащалась, в ней выстроилась собственная иерархия. Д. Белл, один из наиболее известных исследователей постиндустриального общества, разделил сферу услуг на три части. В первую были включены транспорт и коммунальное хозяйство, во вторую — торговля и финансы, наконец, в третью — производство научных знаний и информации, образование, здравоохранение, сфера государственного управления. Для постиндустриальной эпохи характерно не просто возрастание удельного веса третичного сектора — оно происходило и в индустриальную эпоху. Но тогда возрастал в первую очередь удельный вес торговли и финансов, а в постиндустриальном обществе главная роль в третичном секторе перешла к сферам производства знаний, образованию, медицине, а ведущая роль в обеспечении экономического прогресса окончательно перешла от промышленного и финансового капитала к капиталу человеческому².

В научной литературе нет общепринятой концепции этапов становления постиндустриального общества, она слабо разработана в мировой историографии, а в отечественной вообще практически отсутствует. В общих работах, как правило, критической точкой в становлении постиндустриального общества считается середина 50-х — начало 60-х годов прошлого века, когда численность работников сферы услуг в ведущих странах Запада превысила численность занятых в материальном производстве, а «беловоротничковые» работники численно возобладали над «синеворотничковыми». Относительно 50–70-х годов, часто отождествляемых с первым этапом научно-технической революции в западных странах, принято говорить о зарождении постиндустриального общества, а его реальное оформление, связанное со вторым этапом научно-технической революции, относится уже к последней четверти XX века³.

Утверждение постиндустриального общества, история которого насчитывает в США уже полвека, сопровождалось радикальным изменением как экономики, так и социальной структуры. Переход к постиндустриальному обществу перетряхнул практически все классы, слои, социальные группы, серьезно трансформировал взаимоотношения между ними, внес серьезные коррективы в характер и содержание социальных движений. В обществоведческой литературе при анализе со-

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 158 (первое издание в США: *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society*. N.Y., 1973).

³ *Иноземцев В.Л.* Модели постиндустриализма: сходство и различия // Общество и экономика. 2003. № 4–5. С. 26.

циальной структуры постиндустриального общества укоренились такие понятия, как «беловоротничковые» социальные слои, «новый средний класс», ряд других. Социальные конфликты, занимавшие центральное место в американском обществе в прежние эпохи, в первую очередь конфликт между рабочим движением и предпринимателями, а также между крупным бизнесом и мелкими собственниками, были потеснены другими конфликтами, например, расово-этническим и гендерным.

Отечественная американистика советского периода, как и все обществознание, при рассмотрении социальных реалий постиндустриального общества подчинялась теоретическим стереотипам, использовавшимся для анализа индустриального общества. Один из ведущих отечественных исследователей социальной структуры современного американского общества в монографии, появившейся уже в период горбачевской перестройки, когда зародились возможности более свободного научного анализа, утверждал: «...обобщающая категория “белые воротнички” в научном отношении несостоятельна, ибо в нее включены разнородные и даже противоположные элементы (крупнейшие собственники, президенты фирм и мелкие конторские служащие)»⁴. Социальная структура США разделялась на пролетариат, в который включались «рабочий класс материального производства» и «рабочий класс услугопроизводящих отраслей» (т.е. наемные «белые воротнички». — *Авт.*), монополистическую и состоятельную немонополистическую буржуазию, а также «промежуточные слои», состоящие из городской и сельской мелкой буржуазии, а также интеллигенции. На основании такой схемы в рабочий класс зачислялось не менее двух третей занятого населения США. В постсоветский период количество исследованных американского социума (так на современном этапе в научной литературе стала обозначаться социальная составляющая общества) резко сократилось, монографии перестали появляться вообще, практически исчезли работы, посвященные крупным социальным общностям, в том числе капиталистическому классу, пролетариату и среднему классу.

Американским исследованиям социума постиндустриального общества присущи собственные особенности. Американские историки практически полностью поглощены изучением социальных движений, а анализ структурных изменений в социуме отдали на откуп социологам. Подобная позиция, с точки зрения исторического постижения социума, обнаруживает негативные научные следствия. Дело в том, что

⁴ Мельников А.Н. Американцы: социальный портрет. Новые явления в классовой структуре США. М., 1987. С. 15.

социологов интересует непосредственно наблюдаемый социум, а его историческая эволюция практически не исследуется. Очевидно, что она должна изучаться историками, но те, полагая, по-видимому, что структурные изменения социума — это объект для социологов, не уделяют им исследовательского внимания. Не случайно, что в обобщающих американских работах по новейшей истории США отсутствуют развернутые убедительные свидетельства этапов и содержания структурных изменений социума периода перехода от индустриального к постиндустриальному обществу.

Что касается американских социологов, то для них характерен теоретический и методологический плюрализм, перерастающий в некий хаос, который выражается в том, что практически каждый более-менее значительный исследователь предлагает собственную модель американской социальной структуры. Но, с точки зрения обобщающей оценки американского социума, можно выделить две главные научные школы — *оптимистов* и *пессимистов*.

Оптимистическая оценка включает следующие основные положения: в новейший период в США не только сохранились, но и расширились возможности как горизонтальной, так и вертикальной социальной мобильности, а взаимообмен между классами происходил более активно, чем раньше; наиболее динамично развивался средний класс, достигший двух третей общества; резко улучшил свое положение и нижний класс.

Пессимистическая оценка состоит в том, что качественных изменений в распределении национального богатства и классовой структуре не произошло и что основополагающим остается разделение на верхний финансово-предпринимательский класс и армию работников наемного труда (социальный облик последней менялся, но место в системе собственнических и производственно-распределительных отношений оставалось неизменным).

Вместе с тем среди как пессимистов, так и оптимистов существует разнообразие научных позиций. Среди пессимистов достаточно активной остается группа неомарксистов, для которых главным критерием деления на классы является их разное отношение к средствам собственности и производства, как и контроля над экономическим процессом. В их работах обосновывается тот вывод, что основополагающим в американском обществе остается двухмерное деление на капиталистический и рабочий классы, при этом утверждается, что численность рабочего класса не уменьшается, а даже увеличивается (в работах неомарксистов называются цифры от 80 до 90% занятого населения). В отношении наемных работников, занятых в сфере услуг, т.е. «белых во-

ротничков», используется понятие «новый рабочий класс». Типичным является вывод об уменьшении, а не увеличении среднего класса в постиндустриальной Америке⁵.

Другая группа авторов социально-критической ориентации, не игнорируя марксистского критерия классово дифференциации, сочетает его с критериями влиятельных немарксистских социологов, в первую очередь М. Вебера. Для него в построении модели социальной стратификации важнейшее значение имели социальные статусы тех или иных социальных и профессиональных групп, определяемые уровнем дохода, образования, жилищными условиями, образом жизни, властными возможностями, а также социальной самоидентификацией. Последний фактор особенно важен, ибо социальное поведение многих индивидов определяется не только и не столько отношением к средствам собственности и производства, сколько совокупностью ментальных и идеологических установок, формируемых внеэкономическими реалиями. В США это обстоятельство имело важнейшее значение на всех исторических этапах, а в постиндустриальную эпоху оно не только не уменьшилось, а даже усилилось. Согласно многим социологическим исследованиям, большинство работников сферы услуг — «белые воротнички» — причисляют себя не к рабочему, а к среднему классу. Они обладают его ценностными установками и стереотипами поведения, ведут себя в соответствии с ними в реальной жизни, что дает реалистически, а не догматически мыслящим социологам основание причислять их не к «новому рабочему», а к «новому среднему» классу.

Об уменьшении рабочего и возрастании среднего класса уже в середине XX в. заявляли некоторые влиятельные социально-критические исследователи США, например, лидер «новой левой» социологической школы Ч.Р. Миллс. Они приходили к неприятным для марксистских авторов выводам об «обуржуазивании» рабочего класса и исчерпанности его революционного потенциала. Их концепция социальной стратификации в США была воспринята многими профессиональными социологами, которые, признавая переход значительной части наемных работников в средний класс, улучшение их материального положения, вместе с тем, подобно Миллсу, не отрицали реального разде-

⁵ *Anderson Ch.H.* The Political Economy of Social Class. Englewood Cliffs, 1974; *idem.* The Sociology of Survival. Social Problems of Growth. Homewood, 1976; *Loren Ch.* Classes in the United States. Workers Against Capitalists. Davis (Ca.), 1976; *Wright E.* Class Structure and Income Determination. N.Y., 1979; *idem.* Class Counts. Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge, 1997; *Perucci R., Wyszong E.* The New Class Society. Goodbye American Dream? Lanham (Md.), 2002.

ления американского социума на классы, как и сохранения, и даже увеличения реальных проявлений классового неравенства в США. Но, в сравнении с марксистской моделью, это было классовое деление и неравенство в гораздо более сложном, многосоставном и диверсифицированном обществе.

Примером подобного подхода могут служить исследования Р. Росмана, одного из наиболее известных американских социологов последних десятилетий. В монографии, изданной в начале XXI в., он выделяет «пять широких социальных классов». В первый, включающий 1–2% занятого населения, входят несколько групп «капиталистической элиты», среди них «старая» и «новая» элиты. Во второй — «верхний средний» класс — включен ряд социально-профессиональных групп, в первую очередь, менеджеры и «профессионалы» (последняя группа включает наиболее конкурентоспособных юристов, медиков, ученых, чиновников, профессуру, компьютерных специалистов и т.д.). Его численность достигает 40 млн человек — 28–30% от занятого населения. Третий — «нижний средний» — класс включает офисных служащих, верхние и средние слои занятых в торговле, инженерно-технических работников. Его численность равна численности верхнего среднего класса. Четвертым является рабочий класс, включающий работников, использующих физический труд (рабочие обрабатывающих отраслей, транспортники, работники сферы обслуживания, сельскохозяйственные рабочие). Его численность равна численности каждого из двух средних классов. Наконец, пятый класс — «беднота» — неквалифицированные рабочие, безработные, домашние слуги. Он составляет 14–16% от занятого населения. Таким образом, численность совокупного среднего класса составляет 60% занятого населения — в два раза больше рабочего класса и в полтора раза — двух нижних классов вместе взятых⁶.

⁶ Rothman R.A. *Inequality and Stratification. Race, Class and Gender*. Upper Saddle River (N.J.), 2002. P. 6–7, 201. Схожая модель предлагается другим современным социально-критическим исследователем, Джилбертом, дополнившим схему Росмана показателем средних доходов социальных классов. В капиталистический класс он включил 1% занятого населения, а типичный доход его представителя определил в 1,5 млн долл. в год. В верхний средний класс вошли те же социальные группы, что и у Росмана, а доходы его представителей варьируют от 45 до 80 тыс. долл. в год. Нижний средний класс включает 30% занятого населения, а доходы его представителей составляют от 30 до 45 тыс. долл. в год. В рабочий класс включены 30% занятого населения с доходами от 20 до 30 тыс. долл. в год. «Бедный класс» Джилберт разделил на «работающую бедноту» (доходы от 10 до 20 тыс. долл. в год) и «деклассированных» (безработные и частично занятые бедняки) с доходом ниже 10 тыс. долл. в год. Он составил 12% от занятого населения (Gilbert D. *The American Class Structure In An Age of Growing Inequality*. Belmont (Ca.), 1998. P. 18–19).

Социально-критические социологи, выявляя экономическое неравенство классов, в его объяснении делают упор на неравные условия и возможности доступа классов и социальных групп к престижным социальным позициям и статусам. Различия в социальном происхождении, доступе к высшему, тем более, элитному образованию, в материальном достатке семьи и в получаемом от нее наследстве — эти и другие факторы предопределяют воспроизводство социально-экономического неравенства индивидов и классов. Такая позиция включает в себе принципиальное отличие «пессимистов» от «оптимистов», которые, также признавая наличие классов и неравенства между ними, основываются на *функциональном подходе*, объявляющем такое неравенство следствием неравных способностей индивидов, как и различным востребовани-ем этих способностей со стороны общества.

Классическим выражением функционального подхода (теории) к происхождению социальной стратификации и неравенства признана концепция К. Дэвиса и У. Мура, изложенная ими в статье 1945 г.⁷ Современные российские социологи дали следующее ее лапидарное обобщение: «Некоторые позиции в обществе функционально более важны, чем другие. Только небольшое количество людей в любом обществе обладает способностями, дающими возможность выполнять эти более ответственные функции. Чтобы побудить одаренных людей нести нелегкие нагрузки, овладевать знаниями и навыками, им общество открывает доступ к дефицитным и необходимым благам. Этот неравный доступ к благам (= дефицитным ресурсам, например, уникальным средствам поддержания здоровья) приводит к тому, что разные страты пользуются неодинаковым престижем и уважением. Престиж и уважение + права и преимущества создают институализированное неравенство, т.е. стратификацию. Следовательно, социальное неравенство между стратами по этим признакам позитивно функционально и неизбежно в любом обществе»⁸.

Социологи-функционалисты, они же «оптимисты», занимающие в США ведущую позицию в изучении социума, не только объясняют социально-экономическое неравенство естественными причинами, но считают его необходимым и полезным для успешного развития общества⁹.

⁷ Davis K., Moore W. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. № 4. P. 242–249.

⁸ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1995. С. 28.

⁹ См. об этом: Kerbo H.R. Social Stratification and Inequality. Class Conflict in Historical and Comparative Perspective. N.Y., 1996. P. 209–210.

Среди социологов-функционалистов широко распространена шестиклассовая модель американского социума. Это «верхний высший», «нижний высший», «верхний средний», «нижний средний», «верхний нижний» и «нижний» классы. Главным критерием подобного деления является величина получаемого дохода, к которому добавляются социально-профессиональная принадлежность, место и условия проживания, уровень образования. При всем различии между нею и моделями «пессимистов» они вполне соотносятся. Так, «синеворотничковые» рабочие попадают у функционалистов в «верхний нижний» класс, а деклассированные и наименее обеспеченные слои в «нижний нижний». Предпринимательские слои распределяются в верхнем классе. Средний класс в моделях оппонизирующих социологических школ по сути идентичен.

Представляется, что *принципиальная схема постиндустриального американского социума может быть сведена к трем главным экономическим классам — верхнему, среднему и нижнему*. Внутри каждого класса по совокупности экономических и статусных различий могут быть выделены собственные «подклассы», слои, группы. В последующем изложении я буду придерживаться этой схемы. Что касается причин неравенства между классами, социальными группами и индивидами, то, на мой взгляд, рациональное зерно заключено в суждениях как функционалистов, так и социально-критической школы. Невозможно отрицать то, что от природы индивиды наделены разными способностями, которые в разной степени востребованы рыночным обществом, и это является важной причиной распределения индивидов по разным стратам и наделения их разными статусами. Но эта важная причина социальной стратификации не является единственной. Наряду с ней на стратификацию воздействуют многие другие причины. В современном американском обществе представители разных классов и социальных групп поставлены в неравные условия конкуренции. Различия в доступе к качественному (платному и дороговому) образованию, в материальном достатке, в наследстве, получаемом от родителей, как и многие иные, делают *стартовые возможности* индивидов из разных классов и групп неравными. При этом даже между соседними классами степень неравенства достигла серьезных размеров, а между крайними — нижним и верхним — она вообще огромна. Интерес социально-критической школы к этим различиям при изучении социальной стратификации абсолютно оправдан. Без их всестороннего выявления и анализа подлинно объективная оценка характера и причин общественного неравенства в современном американском обществе невозможна.

Кто вошел в верхний экономический класс американского постиндустриального общества? В этом вопросе высказываются разные мнения, как и обозначаются разные критерии. Одним из таких критериев служит степень богатства индивидов, например, их принадлежность к миллионерам. Их количество в Америке новейшего времени постоянно увеличивалось: если в 1945 г. их насчитывалось 13 тыс. человек, то в начале XXI в. уже два с половиной миллиона. Но для большинства специалистов принадлежность к миллионерам не является основанием автоматического включения их всех в верхний класс, ибо ряд индивидов, обладающих подобным состоянием, не являются предпринимателями и не занимают влиятельных позиций в экономике страны. Принадлежность к предпринимательскому классу для большинства специалистов также не является причиной для автоматического зачисления в верхний класс. Количество предпринимательских единиц в США перевалило за двадцать миллионов, но большинство среди них — это предприятия индивидуальной и партнерской частной собственности, относящиеся к мелким и средним капиталистическим фирмам, чей совокупный объем продаж и прибыли не превышает одной трети от показателей всех американских предприятий. Две трети объема продаж и чистой прибыли приходится на долю корпораций, составляющих 20% от общего числа предприятий. Именно среди владельцев корпоративного капитала большинство исследователей выявляют представителей верхнего класса, который некоторыми социологами обозначается как *корпоративный класс*¹⁰.

Но корпорации, число которых в начале XXI в. превысило 5 млн (а их акционерами являются десятки миллионов американцев), серьезно различаются по экономическому весу и влиянию в народном хозяйстве. Большинство современных социологов и экономистов включают в верхний экономический класс только влиятельных владельцев, которые обладают контрольными пакетами акций в крупных корпорациях, контролируют их и ими управляют. Это инвесторы, члены советов директоров, главные управленцы ведущих групп промышленных и финансовых корпораций, их общая численность не превышает 2 млн человек.

Именно эти два миллиона индивидов сконцентрировали в своих руках львиную долю американского богатства и контроль над ним, позволивший им возвыситься над миллионами предпринимателей средней руки, людей также богатых, как и над мелкими бизнесменами, большинство среди которых тоже зажиточны и относительно ус-

¹⁰ См., напр.: Kerbo H.R. Op. cit. P. 186.

пешны. Уровень концентрации богатства и контроля над ним в постиндустриальной Америке не уменьшился и вполне сопоставим с его уровнем в индустриальную эпоху. Согласно данным, которые приводит Т. Дай, один из наиболее авторитетных и часто цитируемых социологов США, в конце XX — начале XXI в. 22 тыс. американских корпораций, т.е. 0,4% от их общего числа, получали ежегодную прибыль в 50 и более миллиона долларов и в совокупности имели около 70% доходов всех корпораций. В то же время 4 млн корпораций, т.е. 80% от общего числа, получали прибыль менее 1 млн долл. каждая, и их совокупный доход составлял 5% от дохода всех американских корпораций. 500 крупнейших американских корпораций имели совокупный доход, равный примерно 60% прибыли всех 5 млн корпораций. Еще более высокой была концентрация богатства в банковском секторе. В Соединенных Штатах к началу XXI в. насчитывалось 12 тыс. банков, но 25 крупнейших среди них сосредоточили половину всех депозитов. А три банка-гиганта сконцентрировали одну треть всех банковских активов. Тенденция концентрации богатства в руках крупнейших собственников нашла отражение в росте числа долларовых миллиардеров. После Второй мировой войны долларовых миллиардеров в США еще не было, в начале 1980-х гг. их насчитывалось 13, в начале 1990-х — более 70, в 2000 г. — 274¹¹ (примерно половина от общего количества миллиардеров в мире). О концентрации экономической власти в руках верхнего класса, составляющего 1% американского населения, свидетельствует и то, что он сосредоточил в своих руках 56,5% всего акционерного капитала корпораций, т.е. больше, чем приходится на долю остальных 80 млн акционеров. При этом верхняя половина одного процента самых богатых вкладчиков владела 49,3% акционерного капитала корпораций США¹².

В марксистской литературе, как американской, так и советской, была распространена точка зрения, согласно которой представители верхнего экономического класса были по преимуществу выходцами из того же верхнего класса, т.е., что решающее значение для присутствия в этом классе имело наследование сверх крупного состояния. Такая точка зрения, однако, не подтверждается солидными исследованиями. Верно то, что большинство представителей верхнего класса являются выходцами из обеспеченных социальных групп (по преимуществу из среднего класса), что они имели доступ к элитному образованию, другие очевидные

¹¹ Dye Th.R. Who's Running America? The Bush Restoration. N.Y., 2002. P. 13–14, 38–39, 50.

¹² Kerbo H.R. Op. cit. P. 168.

стартовые преимущества перед представителями нижних классов. Но это не означает, что это большинство возвысилось до самого высшего экономического уровня благодаря крупным наследствам.

В современной исследовательской литературе доказано, что на каждом новом этапе постиндустриального общества верхний класс во все большей мере формировался не из наследников крупнейших состояний, а из предприимчивых представителей нижестоящих, пусть и зажиточных социальных групп. Активное вытеснение из высшей страты верхнего класса «старых» богачей «новыми» — вот очевидная тенденция социальной истории США в десятилетия после Второй мировой войны. Знаменитые «старые» богатые семейства — Рокфеллеры, Морганы, Дюпоны, Карнеги, Меллоны, Форды и другие стали сдавать позиции еще до Второй мировой войны, а после нее этот процесс резко ускорился. В 60-е годы ведущие места в верхнем классе принадлежали уже новым богачам, таким, как Дж.П. Гетти, Д. Паккард, Г. Хант, У. Хьюлетт, Э. Ланд, Д. Людвиг. Эти богачи возвысились благодаря успешному развитию таких новых отраслей, как аэрокосмическая, фотокопировальная, ряд других. В последней четверти XX в. появление новых богачей в верхнем классе стало еще более заметным. Теперь главной «пружиной» их успеха стал компьютерный бизнес. Символом их триумфа в течение уже двух десятилетий является У. Гейтс. С ними по наращиванию богатства успешно соперничали торговые корпорации новейшего типа. По подсчетам Дая в середине XX в. 30 из 100 крупнейших корпораций США принадлежали собственникам по праву наследования, а в конце века таких владельцев осталось 10%¹³. Показательна и такая современная тенденция, подмеченная российским исследователем А. Зайченко: «Крупное наследуемое богатство становится в следующем поколении, как правило, фондом, управляемым попечительским советом, а детям передается только часть наследства. Создатель нового состояния стремится тем самым предотвратить паразитическое “проедание” накопленного богатства и стимулировать новый рынок в предпринимательской деятельности своих наследников»¹⁴.

В исследованиях о верхнем экономическом классе одним из остро дискуссионных вопросов являлось отношение к этому классу управляющих корпораций. В американской литературе еще до Второй мировой войны была выдвинута концепция «революции управляющих», согласно которой контроль над корпорациями переместился из рук собствен-

¹³ *Dye Th.R.* Op. cit. P. 24.

¹⁴ Зайченко А.С. Доходы и потребление. Богатые и сверхбогатые // США–Канада. Экономика. Политика. Идеология. 1988. № 8. С. 31.

ников в руки менеджеров, т.е. наемных управляющих корпораций¹⁵. После Второй мировой войны эта концепция получила в научной литературе США широкое признание. Ее жесткими оппонентами выступали марксистские авторы, объявлявшие «революцию управляющих» апологетическим мифом и относившие менеджеров к разряду наемных работников, не влиявших на управление капиталами.

На современном этапе эта дискуссия по сути исчерпана. В научной литературе восторжествовала та точка зрения, что верхний слой управляющих — топ-менеджеры ведущих корпораций являются составной частью верхнего класса, реально влияют на процесс управления капиталами. Верхний экономический класс, таким образом, включает в себя две главные группы: инвесторов, крупнейших акционеров, во-первых, и управляющих корпорациями, во-вторых. Топ-менеджеры по богатству, как правило, серьезно уступали ведущим собственникам-акционерам, но на современном этапе налицо тенденция превращения успешных управляющих одновременно в ведущих акционеров и выравнивания экономического положения двух групп верхнего класса.

Рост вознаграждений и упрочение материальных позиций управляющих корпорациями явились следствием обострения экономической конкуренции в условиях глобализации экономики, повышения ответственности топ-менеджмента как в оперативном, так и в стратегическом руководстве бизнесом. На рубеже XX—XXI вв. среднегодовой доход управляющих (*chief executive officer*) крупных американских корпораций достиг 12 млн долл. Это в 475 раз выше средней зарплаты промышленного рабочего (для сравнения: в Германии данное соотношение равно 13, а в Японии — 11). Рекорд годового дохода управляющего, установленный в 2000 г., равнялся 650 млн долл. Значительную часть вознаграждений управляющие получали акциями, что позволило им войти в число ведущих владельцев компаний. Но подобное возвышение управляющих не сделало их незаменяемыми, напротив, с 80-х годов прошлого века ротация управляющих компаниями резко увеличилась. Стратегические инвесторы не испытывали колебаний в смене управляющего в случае снижения, а тем более падения конкурентоспособности корпорации¹⁶.

В социологических исследованиях постиндустриального общества важное место неизменно отводится среднему классу. В постиндустриальной Америке относительно него используются две пары ключевых

¹⁵ *Berle A.A., jr., Means G.S.* The Modern Corporation and Private Property. N.Y., 1932; *Burnham J.* The Managerial Revolution. N.Y., 1941. P. 79–80.

¹⁶ *Dye Th.R.* Op. cit. P. 30–32.

понятий. Это «новый» и «старый» средний класс, а также «верхний» и «нижний» средний класс. Понятие средний класс впервые стало широко употребительным в XIX в., и тогда в него включали по преимуществу средних и мелких собственников, а также специалистов с хорошими доходами — юристов, врачей, государственных чиновников, профессуру. В начале XX в. впервые стало использоваться понятие «новый средний класс» в связи с резким увеличением количества инженерно-технических работников и офисных служащих. В отличие от традиционного или «старого» среднего класса эти слои не были связаны с собственностью и не являлись высокооплачиваемыми специалистами. Но они по целому ряду характеристик — величина дохода, уровень образования, социальный престиж, место и условия проживания, жизненные установки — отличались и от рабочего класса. Также в отличие от рабочих они обладали определенными контрольными функциями в сфере производства и в экономическом процессе в целом. В 20–30-е годы XX в., также в отличие от рабочих, они стали активно приобщаться к обществу потребления, приобретая собственные дома, автомобили, направляя своих детей в платные учебные заведения.

Но подлинная история «нового» среднего класса началась после Второй мировой войны, когда под воздействием научно-технической революции его ряды стали стремительно расширяться, пополняться представителями все новых и новых профессий. Его отличия от «старого» среднего класса сохранились, при этом численно «новый» средний класс возобладал. В результате большинство в среднем классе стало принадлежать индивидам, не связанным с собственностью, в том числе лицам наемного труда. Последние отличались от наемных рабочих не только тем, что были заняты умственным, а не физическим трудом, приходили на работу и работали в белых рубашках и костюмах, а не в синих или серых спецовках. Они обладали целым рядом статусных отличий, которые в совокупности дали основание отделить их от классического пролетариата индустриальной эпохи.

Одним из таких отличий можно считать различие в доходах. В конце XX в. среднегодовые доходы профессиональных групп, относимых к новому среднему классу, были в 2 раза выше доходов профессиональных групп, занятых физическим трудом. Средний срок их образования равнялся 15 годам, в то время как у представителей классического рабочего класса — 11¹⁷. Трудовая деятельность профессиональных групп нового среднего класса носила более творческий характер, чем у рабочих, и не была связана с риском физических перегрузок, травматизма.

¹⁷ *Gilbert D. Op. cit. P. 63.*

Серьезно различались трудовые мотивы и жизненные ориентиры двух классов. Типичных рабочих интересовала исключительно материальная сторона трудовой деятельности (согласно социологическим опросам, большинство рабочих заявляли, что их жизненная цель — заработать как можно больше денег и обеспечить благополучную старость). А для наемных работников из среднего класса были характерны мотивы карьерного роста, повышения имевшихся социальных статусов и приобретения новых¹⁸. Наконец, можно отметить, что представители нового среднего класса обладают большей личностной автономией, они, в отличие от классического рабочего класса, гораздо меньше коллективисты, что объясняет их меньшую склонность объединяться в профсоюзы. Рост нового среднего класса и уменьшение рабочего класса стали главной причиной серьезного сокращения американского профсоюзного движения. Во второй половине XX — начале XXI в. оно сократилось с 35 до 10% занятого населения.

Удельный вес среднего класса в занятом населении динамично возрастал, а работников физического труда уменьшался на протяжении всего XX в., но особенно в его второй половине. Об этом свидетельствуют следующие цифры. В начале XX в. удельный вес социальной группы среднего класса, обозначаемой в социологической литературе как «специалисты» или «профессионалы» (юристы, медики, ученые, преподаватели, компьютерные специалисты и т.д.), составлял 4%, в середине века — 9%, а в конце — 17%. Удельный вес другой социальной группы — менеджеры и администраторы (корпоративные управленцы среднего и нижнего уровней, государственные чиновники), владельцы средних и мелких торговых единиц, предприятий сферы обслуживания, в начале XX в. составлял 6%, в середине — 9%, а в конце — 13%. Удельный вес офисных работников в соответствующие периоды составлял 3, 12 и 17%. Такова динамика главных групп современного среднего класса. Удельный вес основной социальной группы работников физического труда, обозначаемой в американской социологической литературе как «операторы» (operatives) и включающей сборщиков на конвейерах, рабочих-станочников, водителей, ряд других категорий, составлял в начале XX в. 10%, в середине — 20, а в конце вновь 10%. Различные категории неквалифицированных рабочих (laborers) в те же периоды составляли 9,7 и 4%. Единственная социальная группа работников физического труда, увеличившаяся в XX в., — это разнорабочие сферы обслуживания и торговли¹⁹.

¹⁸ Шкаратан О.И., Иняевский С.А. Новый средний класс на Западе (Полвека дискуссий, полвека перемен) // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 55–56.

¹⁹ Gilbert D. Op. cit. P. 64; Kerbo H.R. Op. cit. P. 223; Rothman R.A. Op. cit. P. 53.

В исследовательской литературе пока отсутствуют точные данные о том, как «старый» и «новый» средний класс распределяются на двух имущественно-экономических «этажах» этого класса — верхнем и нижнем. Но есть основания полагать, что в «верхнем» среднем классе преобладают его традиционные, «старые» группы, а в нижнем — представители «нового» среднего класса. Можно также отметить, что некоторые группы верхнего среднего класса близки верхнему классу, по этой причине ряд исследователей размещает их не в «верхнем» среднем, а в «нижнем» верхнем классе.

Костяк нижнего экономического класса в постиндустриальном обществе США составляют «синеворотничковые» работники физического труда, т.е. классический промышленный пролетариат, который составляет не более 14% занятого населения. Ряд исследователей обозначают работников физического труда как американский рабочий класс и выделяют его в самостоятельный экономический класс, и это не вызывает возражений. Вместе с тем, представляется возможным поместить его основную часть в верхний нижний класс постиндустриального американского общества (хотя некоторые квалифицированные группы «синих воротничков» относят себя к среднему классу), а чернорабочих и деклассированные группы — в нижнюю часть нижнего класса. В результате совокупный нижний класс предстает крупной социальной общностью, насчитывающей вместе с семьями до 30–35% современного американского общества.

Так выглядит принципиальная структура американского общества, которую можно представить в виде пирамиды, разделенной классовыми горизонталями на три неравные части. В реальной жизни — это три разных социальных мира, серьезно различающихся между собой по многим характеристикам и показателям, среди которых главным было и остается материальное неравенство. В исследовательской литературе достигнуто практическое согласие относительно главных тенденций материального неравенства в США во второй половине XX — начале XXI в. Эти тенденции подтверждаются официальными данными американской статистики: *если в период от окончания Второй мировой войны до 1970-х гг. преобладающей была тенденция сокращения неравенства между тремя главными экономическими классами, то с середины 70-х годов возобладали тенденция его расширения и углубления.*

Рост относительного неравенства основных экономических классов не означал абсолютного ухудшения какого-либо одного из них, даже самого неблагополучного. Средние доходы всех экономических классов росли, но неравномерно, особенно в последней четверти XX в. Средние реальные (в неизменных долларах) доходы американ-

цев в 50–70-е годы выросли в два раза, а в 80–90-е годы на 20%²⁰. Но рост доходов верхних экономических групп в последние десятилетия XX в., как и в начале XXI в., серьезно опережал эти показатели, а у нижних экономических групп отставал от них.

Реальная заработная плата американцев из нижнего и среднего классов в 50–70-е годы выросла более, чем в полтора раза. В 80-е годы ее рост прекратился и даже произошло некоторое понижение, в 90-е годы рост возобновился на уровне 1–2% в год. При этом наблюдалась тенденция возникновения и нарастания разрыва в заработной плате сине- и беловоротничковых работников. Так, почасовая реальная заработная плата синеворотничковых работников-мужчин в период с 1973 по 2000 г. снизилась почти на 20%, а у беловоротничковых работников за тот же период увеличилась на 10% и в начале XXI в., достигнув около 23 долл., оказалась почти в два раза выше, чем у синеворотничковых работников²¹. О тенденции снижения реальных доходов синеворотничковых рабочих свидетельствует и динамика минимальной почасовой оплаты труда, устанавливаемой федеральным законодательством и призванной защитить главным образом эту категорию работников. В 1950 г. ее размер, рассчитанный в долларах 2000 г., был равен 5,36 долл., а в 2000 г. составил 5,15 долл.²²

Вновь отметим, что сохранение экономических контрастов не означало абсолютного ухудшения положения нижнего класса. Во второй половине XX в. США добились реальных успехов в борьбе с бедностью. В начале XX в. 70–80% американцев были бедняками. Благодаря реформам Нового курса этот процент серьезно сократился, но и в середине века бедные составляли более 30, а в начале 60-х годов более 20% американского населения²³. В результате законов, одобренных правительством Л. Джонсона, бедность стала сокращаться. В годы правления Р. Рейгана она вновь выросла, но в конце столетия уровень бедности опустился до самого низкого показателя в XX в.

Во второй половине XX в., в отличие от первой половины, представители нижнего класса приобщались к владению автомобилями и

²⁰ Vital Statistics on American Politics / Ed. H.W. Stanley, R. Niemi. Wash., 1998. P. 357–358; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 460.

²¹ Robertson R.M., Walton G.M. History of the American Economy. N.Y., 1979. P. 483; Encyclopedia of American Economic History / Ed. G. Porter. Vols. 1–3. N.Y., 1980. Vol. 1. P. 244; Kozmetsky G., Yue P. The Economic Transformation of the United States, 1950–2000. West Lafayette (Indiana), 2005. P. 215–217; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 420; Perucci R., Wysong E. The New Class Society. Goodbye American Dream? Lanham (Md.), 2002. P. 51.

²² Statistical Abstract of the United States 2003. P. 425.

²³ The Cambridge Economic History of the United States. Vol. III. The Twentieth Century / Ed. S.L. Engerman, R.E. Gallman. N.Y., 2000. P. 267.

недвижимостью, и к концу века 40% семей, отнесенных к бедным, имели собственное жилье, и 76,8% — автомобили. Но среди других семей владение собственным жильем достигло почти 80%, а автомобилями — более 97%²⁴. Среди представителей верхнего и среднего класса владение собственным жильем практически достигло 100%. Экономические контрасты, может быть, ярче всего обнаруживаются в распределении ценных бумаг. В конце XX в. верхний 1% американцев владел около 50% всех ценных бумаг, верхние 10% американцев — около 90%, а 90% жителей США всего лишь около 10% всех ценных бумаг²⁵.

В постиндустриальном обществе изменились не только структура и отношения экономических классов, но также и отношения важных *парных социальных групп* — мужчины и женщины; белые и чернокожие; коренные американцы и иммигранты; молодые и пожилые. Во взаимоотношениях гендерных групп — мужчины и женщины — в последние десятилетия наблюдалось не нарастание, а, наоборот, снижение неравенства как в экономическом положении, так и в социальных статусах. Социальные статусы женщин в постиндустриальной Америке серьезно улучшились, причем главную роль в этом сыграла не столько структурная перестройка экономики, сколько активизация женских движений и организаций в борьбе за гендерное равноправие. Десятилетием «великого перелома» в положении американских женщин стали 1960-е гг., когда были приняты федеральные законы о равной оплате за равный труд, равенстве гражданских прав, «позитивных действиях» в интересах приниженных социальных групп. Бенефициариями этих законов, наряду с чернокожими американцами, стали и женщины, уже независимо от их расовой принадлежности.

Резкое снижение дискриминации женщин на рынке труда имело первым следствием резкое возрастание их численности в занятом населении. К концу XX в. они составили практически половину трудовых ресурсов нации. Особенно быстро увеличивалась доля в занятом населении замужних женщин: в сравнении с началом XX в. она выросла в пять, а в сравнении с серединой века — в два раза. Следующим следствием снижения, а во многих случаях отмены дискриминации женского труда стало увеличение доли женщин в престижных профессиональных группах. Так, в 1960 г. доля женщин в управленческом слое занятого населения составляла 16%, в 1975 г. — 19%²⁶, в 1990 г. — 42%,

²⁴ Rothman R.A. Op. cit. P. 191.

²⁵ Gilbert D. Op. cit. P. 104.

²⁶ Beeghly L. Op. cit. P. 284.

в 2002 г. — 47%²⁷. Удельный вес женщин в беловоротничковых профессиях к концу века превысил удельный вес мужчин. Особенно показательны гендерные изменения в банковско-кредитном секторе. Если в начале XX в. 95% его служащих были мужчинами, то в 2000 г. 69% служащих банковско-кредитного сектора являлись женщинами. В управленческом звене банковско-кредитного сектора женщины также возобладали над мужчинами: в 1970 г. доля женщин среди банковских управленцев составляла 21%, в 1980 г. — 39%, в 2000 г. — 55%²⁸. В начале XXI в. женщины по численности превзошли мужчин в совокупной группе специалистов умственного труда (врачи, преподаватели, государственные служащие, юристы и др.). В синеворотничковом рабочем классе доля женщин была в несколько раз ниже доли мужчин²⁹.

Уровень средней заработной платы женщин и мужчин к началу XXI в. не сравнялся. Но за последние 70 лет XX в. средняя зарплата женщин по отношению к мужчинам выросла с 56 до 73%. При этом заработная плата самых молодых поколений женщин к началу XXI в. вплотную приблизилась к мужской, достигнув 93%³⁰. Можно также отметить, что средняя заработная плата женщин в США по отношению к мужской оказалась в результате выше, чем в Германии, Великобритании, Швейцарии, Канаде и Японии (но ниже, чем в Швеции, Франции и Австралии)³¹.

Противоречивой выглядит динамика экономических и статусных отношений внутри другой пары социальных групп — белая и черная расы. Ей присущи позитивные тенденции: в период после Второй мировой войны до начала XXI в. чернокожие американцы добились ощутимых успехов в улучшении своего экономического положения и статусов. Главной причиной успехов явилась их борьба за гражданские и политические права, достигшая наибольшего размаха в 50–60-е годы XX в. С правовой точки зрения дискриминация чернокожих американцев по сути была ликвидирована, что позволило ей улучшать свое положение. И все же в реальной жизни дискриминация продолжала сохраняться, а главной причиной можно считать глубокую устойчивость расовых предрассудков в ментальности белых американцев. Многие из них и сегодня не хотят жить в одних районах с чернокожими, учиться с ними в одних школах, работать с ними бок о бок. «Тихий» бойкот значитель-

²⁷ Рассчитано по: Statistical Abstract of the United States 2003. P. 423.

²⁸ Katz M.B., Stern M.J. One Nation Divisible: What America Was and What it is Becoming. N.Y., 2006. P. 83, 85.

²⁹ Statistical Abstract of the United States 2003. P. 423.

³⁰ Katz M.B., Stern M.J. Op. cit. P. 82–83; Rothman R.A. Op. cit. P. 17.

³¹ Kerbo H.R. Op. cit. P. 29.

ной частью белой Америки экономических и социальных прав чернокожих во многом объясняет, почему некоторые важные показатели экономического неравенства двух рас сохраняли свое значение и в современной истории США³². Реальные сдвиги произошли и в продвижении чернокожих американцев в верхние социальные и профессиональные страты американского общества. В середине 1940-х гг. шведский исследователь Г. Мюрдаль в своем знаменитом исследовании «Американская дилемма: негритянская проблема и современная демократия» отмечал, что система расовой сегрегации с точки зрения доступа чернокожих к более статусным профессиям оказалась еще более жесткой, чем рабство³³. В последующие десятилетия ситуация стала изменяться.

Во второй половине XX в. чернокожие американцы, численность которых составляла 12–13% американского населения и к концу столетия превысила 35 млн человек, все более перемещались из южных штатов в северные и из сельских районов в городские. К концу XX в. на Юге оставалось 55% чернокожего населения, но как на Юге, так и на Севере подавляющее его большинство проживало в городах. Среди чернокожих горожан наибольших успехов в приспособлении к требованиям постиндустриального общества добивались женщины. Если в начале XX в. только 2% чернокожих работниц было занято в «беловоротничковых» профессиях, а в 1940 г. 7%, то в 2000 г. таковых было уже 63%. Заработная плата чернокожих работниц относительно белых с 1940 по 2000 г. выросла с 40 до 96%. Эти позитивные тенденции уживались с сохранением серьезных различий в экономическом положении и социальных статусах черной и белой рас. Более того, по заключению авторитетных американских исследователей М. Каца и Д. Стерна, с конца XX в. вновь обозначилась тенденция нарастания этих различий³⁴.

Белые и чернокожие американцы представляют две из пяти главных американских расовых и этнических групп. К трем другим относят индейцев, американцев азиатского происхождения и американцев, выходцев из Латинской Америки. Индейцев к началу XXI в. насчитывалось около 2 млн. Тридцать миллионов американцев имели латиноамериканские корни и десять миллионов — азиатские. Численность последних двух групп на современном этапе увеличивалась наиболее быстро, и по прогнозам к середине XXI в. они вместе с чер-

³² Vital Statistics on American Politics. P. 360; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 465; Vital Statistics on American Politics. P. 400, 402; Vital Statistics on American Politics. P. 357; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 458.

³³ *Myrdal G. An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy.* N.Y., 1962. P. 222.

³⁴ *Ibid.* P. 86–89.

нокожими и индейцами могут составить почти половину американского населения, практически сравнявшись по численности с главенствовавшей на протяжении четырех столетий белой расой.

Всплеск латиноамериканской и азиатской иммиграции в период после Второй мировой войны объясняется либерализацией иммиграционного законодательства США. Закон 1952 г. снял запрет на иммиграцию из азиатских стран. Закон 1965 г. отменил прежние квоты для отдельных стран. Потолок для иммигрантов из стран неамериканского континента был установлен в 170 тыс. (но число переселенцев из одной страны не должно было превышать 20 тыс. человек), а для иммигрантов из американского континента в 120 тыс. (без фиксации количества переселяющихся из отдельно взятой страны). В дальнейшем иммиграционный потолок еще больше повысился. Закон 1990 г. установил его в 490 тыс. человек в год с повышением к 1995 г. до 675 тыс. Политические иммигранты и переселенцы по графе «воссоединение семей» не включались в эти квоты, в результате количество реальных переселенцев было выше квот³⁵. Кроме того, после либерализации иммиграционного законодательства резко возрос поток нелегальных переселенцев, в первую очередь из Мексики. В США стали фиксироваться ежегодные иммиграционные рекорды. А безусловное лидерство среди иммигрантов перешло к переселенцам из Латинской Америки и Азии. Как результат, удельный вес выходцев из европейского континента стал в США неуклонно снижаться.

Таблица

Легальная иммиграция в США (тыс. чел.) в 1950–2000 гг.³⁶

Период	Общее число из всех стран	Из Европы	Из Азии	Из Латинской Америки	Из Африки
1951–1960	2515	1328	240	618	Данных нет
1961–1970	3322	1129	421	1303	Данных нет
1971–1980	4493	801	1634	1815	91
1981–1990	7338	706	2817	3462	192
1991–2000	9095	1313	2892	4320	383

³⁵ Encyclopedia of American Social History / Ed. K. Cayton, E.J. Gorn, P. W. Williams. Vols. 1–3. N.Y., 1993. Vol. 2. P. 883.

³⁶ Historical Statistics of the United States. P. 105, 107; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 9, 11.

Самую многочисленную группу среди выходцев из Латинской Америки составляли мексиканцы, которые часто обозначают себя как «чикано» (Chicano). Латиноамериканские иммигранты на своей родине по социальному положению находились ниже выходцев из Азии, второй по численности современной иммигрантской этногруппы. Ниже в целом был у них и уровень образования. Это явилось важной причиной того, что на новой родине их экономическое положение и социальные статусы улучшались медленнее, чем у выходцев из Азии.

Средний уровень доходов американцев азиатского происхождения на современном этапе оказался существенно выше, нежели даже у американцев с европейскими корнями. Что касается выходцев из Латинской Америки, то их экономические показатели — уровень бедности, средние доходы семей и индивидов — практически совпадают с показателями чернокожих американцев³⁷. По этой причине эти две группы составляют подавляющее большинство нижнего класса в США. Данное обстоятельство дало основание ряду исследователей США выставить пессимистическую оценку возможностям адаптации латиноамериканцев в условиях США. Более того, с их точки зрения, выходцы из Латинской Америки, прежде всего мексиканцы, прочно сохраняющие свои социокультурные характеристики, особенно приверженность испанскому языку, могут представить в будущем угрозу национальному и государственному единству США. Альтернативная концепция была обоснована в упомянутом исследовании М. Каца и Д. Стерна. Согласно их подсчетам в 2000 г. 40% мексиканских иммигрантов второго поколения переместились в беловоротничковые профессии, а это сопоставимо с социальной мобильностью второго поколения итальянских и польских иммигрантов, лидировавших среди европейских переселенцев первых десятилетий XX столетия. Среди мексиканских иммигрантов во втором поколении практически все свободно владеют английским языком. А это превосходит соответствующий показатель для польских и итальянских иммигрантов³⁸.

Если в новейшее время улучшалось экономическое положение приниженных прежде социальных групп — женщины и расово-этнические меньшинства, то чем объяснить то, что неравенство между тремя основными экономическими классами — верхний, средний, нижний не уменьшилось, а в последние десятилетия даже имело тенденцию к расширению? Причина в том, что внутри женщин и расово-этнических

³⁷ Statistical Abstract of the United States 1996. P. 472; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 458; Vital Statistics on American Politics. P. 357, 360.

³⁸ Katz M.B., Stern M.J. Op. cit. P. 116–118.

меньшинств, улучшивших свое положение в целом, одновременно развивалось имущественное неравенство, воспроизводящее классическую экономическую пирамиду американского общества, в которой его граждане разделены на три класса — верхний, средний, нижний — с зримыми, во многих отношениях остро неравными параметрами существования.

Подведем итог. Переход США от индустриального к постиндустриальному обществу сопровождался серьезными и принципиальными изменениями в их социальной структуре. В занятом населении на ведущую позицию выдвинулись «беловоротничковые» слои, вошедшие в современный средний класс, который в свою очередь делится на «старый» и «новый». В совокупности он включает до двух третей американского общества. «Синеворотничковый» промышленный пролетариат утратил ведущую позицию в занятом населении и обосновался на верхней позиции в нижнем классе, который в совокупности включает до одной трети американского общества. Верхний экономический класс включает узкую группу наиболее богатых и влиятельных предпринимателей и менеджеров, численность которых не превышает 1–2% занятого населения. В постиндустриальную эпоху улучшилось материальное положение всех трех экономических классов, но умножившиеся материальные блага распределялись, как и в прежние эпохи, крайне неравномерно. Позитивной стороной изменений постиндустриального общества явилось улучшение экономических и статусных позиций женщин и расово-этнических меньшинств.

Экономическое неравенство в истории США*

Отечественная американистика уделяла обозначенной проблеме много внимания в советский период. Хотя специальные исследования этой проблемы назвать затруднительно, в работах, посвященных темам рабочего движения, истории чернокожих, в целом нижних социальных слоев, впрочем, как и верхних, содержались выводы об углубляющихся экономических контрастах в США. Но, подчеркну, специальных исследований тенденций экономического неравенства на разных этапах американской истории, его исторической динамики, как изменчивости, так и преемственности, не было. Не появились они и в постсоветский период. Исчерпывающее раскрытие истории экономического неравенства в Соединенных Штатах в рамках статьи, понятно, невозможно, я сосредоточусь на выявлении его главных тенденций, как связующих, так и отличительных.

Колониальный период истории США, охватывающий 1607–1775 гг., явился первым этапом, на котором зримо выступило экономическое неравенство. Его специфика в значительной мере определялась спецификой социального и этнического состава североамериканского населения. Основные социальные группы составляли белые поселенцы: их численность к концу XVII в. достигла более 200 тыс. человек, а к концу колониального периода — 2 млн. Другую социальную группу составляли чернокожие американцы, подавляющее большинство среди которых были рабами. К концу XVII в. их было около 25 тыс. человек, а к концу колониального периода — 0,5 млн. Третью крупную группу составляли индейцы.

Белое население колониальной эпохи делилось на две главные экономически и социально неравные категории — свободных поселенцев

* Впервые опубликовано в журнале: Новая и новейшая история. 2009. № 1.

и так называемых «законтракованных слуг», или сервентов. К труду белых сервентов прибегали по причине отсутствия для найма достаточной рабочей силы. В Европе сервенты черпались из бедных или деклассированных слоев, соглашавшихся на условиях обеспечения мизерным пропитанием и одеждой (но без денежного вознаграждения) выполнять любую работу для своего хозяина в течение обусловленного срока (как правило, от 4 до 7 лет). К 1700 г. колонисты, вышедшие из числа белых сервентов, составляли более 100 тыс. человек, т.е. две пятых всех переселенцев¹. В период с 1700 по 1775 г. законтракованных слуг было ввезено даже больше, чем в предшествующее столетие, — 190 тыс. В целом в колониальную эру они составили примерно половину от общего количества белых переселенцев из Европы². Законтракованные слуги были среди белого населения классом париев, они существовали в режиме физического выживания, были близки к крепостному состоянию юридически. Но через 4–7 лет они становились свободными людьми, переходили в разные слои свободных американцев, и по этой причине сервенты в белом населении были в явном меньшинстве. К концу колониального периода белые сервенты были решительно потеснены в составе подневольной рабочей силы чернокожими рабами (содержание первых обходилось в 2–4 раза дороже, а, кроме того, белые сервенты через 4–7 лет получали свободу, в то время как черных рабов эксплуатировали пожизненно). Но полностью труд белых сервентов был отменен уже после революции конца XVIII в.

По истечении срока контракта большинство белых сервентов оказывались в нижнем классе свободного белого населения. Только 20% из них удавалось войти в слои фермерства и ремесленников³. Их потомки уже в большей степени пополняли средние слои белых американцев, но все же на протяжении всего колониального периода выходцы из сервентов составляли львиную долю нижнего класса свободного белого населения. В состав свободного белого населения, кроме нижнего класса, входили также средние слои и верхний экономический класс (он включал купцов, финансистов, владельцев мануфактур, плантаторов). Каковы были их пропорции и каковы были имущественные различия между ними?

¹ *Bailyn B., Donald D.H., Davis D.B., Thomas J.L., Wiebe R.H., Wood G.S.* The Great Republic: A History of the American People. Lexington–Toronto. Vol. 1. 1981. P. 68.

² *Dunn R.S.* The Recruitment and Employment of Labor // Colonial British America: Essays in the New History of the Early Modern Era / Ed. J.P. Grene, J.R. Pole. Baltimore, (Md.), 1984. P. 159.

³ *Smith A.E.* Colonists in Bondage: White Servitude and Colonial Labor in America, 1607–1776. N.Y., 1947. P. 299–300.

Подавляющее большинство белых американцев, более 90%, проживали в сельской местности, и только меньшинство являлись жителями городов. Экономическое расслоение в сельской местности и городах имело серьезные различия и должно быть рассмотрено отдельно.

По поводу имущественной дифференциации в сельскохозяйственных районах колониальной Америки существуют разные мнения, но наиболее авторитетными остаются выводы прогрессистского историка Ф. Дж. Мейна. Мейн указывал, что единая оценка экономического расслоения в сельской колониальной Америке крайне затруднительна, и предлагал исследовать его по отдельности в разных типах экономических районов — приграничных (фронтир), т.е. расположившихся между обжитыми восточными и неосвоенными западными территориями; самообеспечивающихся (натуральных) фермерских поселениях обжитых территорий; коммерческих фермерских поселениях атлантического побережья. Мейн также, подобно в данном случае и другим исследователям, отдельно анализировал экономическую дифференциацию в двух серьезно различающихся экономико-географических районах — Северо-Востоке и Юге колониальной Америки.

В регион Северо-Востока включают колонии пуританской Новой Англии (Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Гэмпшир) и срединные колонии (Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси). В отличие от южных колоний, где практически безраздельно господствовала аграрная экономика, основанная на рабском труде, а городская экономика прозябала, в северо-восточных колониях преобладали фермерские хозяйства, основанные на свободном труде, и развивались города и промышленность.

Северо-восточные колонии имели собственные различия, но это своеобразие не отменяет возможности объединения их в единый регион при сравнении с южными колониями. Во всех северо-восточных колониях существовали благоприятные возможности для развития небольших фермерских хозяйств. Цены на земельные участки были на протяжении всего колониального периода относительно невысокими, доступными для многих белых поселенцев. Латифундисты, они же земельные спекулянты, должны были продавать свои владения небольшими участками, так как крупные покупатели исчислялись единицами. Кроме того, сохранялись большие возможности бесплатного обращения в собственность земельных участков на фронтире — присоединяемых и осваиваемых западных территориях.

На фронтире социальная дифференциация была наименьшей. 10% наиболее зажиточных поселенцев владели не более 30–35% земли.

Безземельные составляли до 20% поселенцев. 70% фермеров-пионеров принадлежали к среднему слою, их земельные участки обычно равнялись ста акрам (1 акр = 0,4 га). Мало чем отличалась картина в фермерских поселениях обжитых районов с преобладанием натуральных хозяйств. Прибавочной продукции здесь производилось немного, зажиточные фермеры исчислялись единицами. Иной была картина в коммерциализированных фермерских районах. Здесь подчас использовался труд черных рабов и белых законтрактованных слуг. Верхние 10% фермеров владели до 45% богатств. В отдельных районах безземельные поселенцы составляли до 50% жителей. Коммерциализированные фермерские районы, т.е. сориентированные на производство сельскохозяйственной продукции на продажу, были распространены в срединных колониях, а в Новой Англии их было относительно немного⁴.

В сравнении с Северо-Востоком на Юге наибольшее и реальное значение для его социально-экономической характеристики имели только два типа районов, выделенных Мейном, — приграничные западные и коммерциализированные приатлантические. Самообеспечивающиеся (основанные на натуральном хозяйстве) фермерские поселения обжитых районов не оказывали на нее существенного влияния. Приграничные поселения Юга были расслоены в гораздо меньшей степени, чем его коммерциализированные районы, но в то же время они были стратифицированы в большей мере, чем поселения на фронтире Северо-Востока. Безземельные белые поселенцы составляли в них до 30% жителей. Черные рабы насчитывали 10%, а в целом нижний класс включал до 40%. Верхний класс, владевший 40% земли и большинством рабов, насчитывал 10%. К среднему слою, представители которого владели, как правило, земельным участком в 200 акров, принадлежала половина, а в некоторых случаях несколько больше, поселенцев⁵.

Коммерциализированные приатлантические районы Юга, производившие основную часть его сельскохозяйственной продукции и сосредоточившие наибольшее количество населения, являли яркие социальные контрасты. До 40% свободного белого населения не владели землей. А если к ним добавить черных рабов, насчитывавших в этих районах не менее 30%, то тогда численность нижнего класса увеличится до 70%. «Средний класс» белого населения составлял около 20%, а верхний — около 10. К верхнему классу исследователи

⁴ *Main J.T.* The Social Structure of Revolutionary America. Princeton, 1965. P. 9–41.

⁵ *Ibid.* P. 45–53.

обычно относят плантаторов, которые владели не менее 20 рабами и не менее чем 500 акрами земли. Сверхбогатые плантаторы, владевшие каждый от 100 рабов, составляли не более 0,5% белых землевладельцев⁶.

В городских районах колониальной Америки, составлявших менее 10% от общего населения, имущественная дифференциация была выражена глубже, чем в сельских. Но в случае с городской колониальной Америкой нужно говорить уже о большей имущественной дифференциации Северо-Востока, ибо на Юге города были крайне не развиты. Согласно подсчетам Г. Нэша, признанного авторитета в исследовании данной проблемы, в Бостоне доля в налогооблагаемой базе (собственности) верхних 10% налогоплательщиков составляла в 1687 г. 46,3%, а в 1771 г. — 63,4%. Доля нижних 30% налогоплательщиков за этот период снизилась с 2,6 до 0,1%. Доля «середины» налогоплательщиков — 60% — снизилась с 51,1 до 36,5%. В Филадельфии в период с 1693 по 1774 г. доля богатств верхних 10% возросла с 46,0 до 72,3%. Доля нижних 30% снизилась с 2,2 до 1,1%. Доля «середины» снизилась с 51,8 до 26,6%. Несколько иной была тенденция в Нью-Йорке. В период с 1695 по 1730 г. доля верхних 10% там снизилась с 45,2 до 43,7%. Доля нижних 30% повысилась с 3,6 до 6,2%. Доля «середины» снизилась с 51,2 до 50,4%⁷.

В целом в главных приатлантических городах разрыв в положении трех классов нарастал, и достаточно существенно. О концентрации богатств верхнего класса свидетельствует то, что наиболее быстро обогащались верхние 5% налогоплательщиков. В Бостоне их доля налогооблагаемой собственности за отмеченный период возросла с 30 до 49%, а в Филадельфии — с 32,8 до 55,5%. И только в Нью-Йорке она уменьшилась с 32,0 до 25,4%. Тенденция социального расслоения в приатлантических городах важна для характеристики имущественных отношений на Северо-Востоке, но она не может быть признана генерализирующей, ибо 90% его населения проживали в сельской местности, а там имущественная дифференциация выглядела гораздо более умеренной.

Обобщающая картина социальной дифференциации белого населения всей колониальной Америки будет выглядеть «оптимистично», в сравнении с социальными реалиями Юга, и «пессимистично», в сравнении с Северо-Востоком. Нижний, или неимущий, класс белого населения в обобщающей картине Северной Америки составит 20%, сред-

⁶ *Main J.T.* Op. cit. P. 55–65; *Dunn R.S.* Op. cit. P. 177.

⁷ *Nash G.B.* Race, Class and Politics. Essays on American Colonial and Revolutionary Society. Urbana—Chicago. 1986. P. 176.

ний — 70, а верхний — 10%. Уровень социального расслоения белого населения в колониальной Америке оказывается ниже, нежели в последующие периоды американской истории. Об этом же свидетельствуют и иные данные. Например, в колониальный период сохранялся весьма высокий уровень социальной мобильности: среди представителей нижнего класса менее половины оставались в своем положении, а более половины становились при жизни мелкими земельными собственниками. Вот еще одна показательная цифра: согласно подсчетам П. Линдберга и Дж. Уильямсона, в 1774 г. верхний 1% белых собственников владел 12,6% юридически зафиксированной собственности, верхние 10% — 50%, а в 1860 г. верхнему 1% принадлежало уже 29% собственности, а верхним 10% — 73%⁸.

Из вышесказанного можно сделать два заключения. В колониальный период в Северной Америке происходило разделение на нижний, средний и верхний классы, типичное для всей американской истории. В то же время это разделение выглядит менее контрастным в сравнении с большинством последующих периодов. Меньшая контрастность в значительной мере объясняется тем, что Америка оставалась еще глубоко аграрным и патриархальным обществом с большими благоприятными возможностями для вхождения белого населения в ряды земельных собственников.

Жизненный уровень нижних слоев населения в силу неразвитости рыночной экономики был ниже, чем в последующие периоды, но выше жизненного уровня нижних слоев европейского общества. Согласно современным исследовательским данным, к концу колониального периода средний доход и уровень жизни свободных американцев был выше, чем у англичан. Основу благополучия американцев составляло земельное богатство. В Европе площадь среднего земельного участка не превышала 30 акров, а в Америке она была не меньше 100 акров. В Англии мелкие землевладельцы владели менее чем 30% всей обрабатываемой земли, а в Северной Америке — более 70%⁹.

Но эти оценки касаются только свободных белых американцев. Не менее одной пятой североамериканского колониального общества на его завершающих этапах составляли чернокожие рабы, положение которых было гораздо хуже положения белых поселенцев.

⁸ *Lindert P. H., Williamson J.* Long Term Trends in American Wealth Inequality // *Modeling the Distribution and Intergenerational Transmission of Wealth* / Ed. J.D. Smith. Chicago. 1980. P. 10.

⁹ *McCusker J., Menard R.* The Economy of British America, 1607–1789. Chapel Hill, 1985. P. 51–65; *Jones A.* Wealth of a Nation to Be: the American Colonies on the Eve of the Revolution. N.Y., 1980; *Coclanis P.* The Wealth of British America on the Eve of the Revolution // *Journal of Interdisciplinary History*. 1990. Vol. 21. P. 245–260.

В период Американской революции конца XVIII в. процесс имущественной дифференциации не только не ослаб, но даже усилился. В социально-экономическом плане Американская революция оказалась в первую очередь нацелена на ликвидацию законодательных ограничений, которые были наложены на североамериканскую промышленность и торговлю с метрополией, как и на ликвидацию привилегий, которые предоставлялись английским купцам, промышленникам и финансистам. Ее целью было утверждение свободной конкуренции, идеальная модель которой была сформулирована в знаменитом «Богатстве народов» А. Смита, по символическому совпадению появившемся в том же году, когда была провозглашена американская Декларация независимости. Эта цель и была реализована с самого начала Войны за независимость. Результаты введения «чистой» свободной конкуренции в Северной Америке оказались неоднозначны, порой весьма противоречивы: с одной стороны, оживились отечественные торговля, промышленность, финансы, возросли социальная мобильность, вхождение в ряды предпринимателей удачливых представителей нижних слоев, но, с другой стороны, усилилось и социально-экономическое расслоение американцев.

Показателем обновления американского предпринимательского класса в годы революции могут служить следующие факты. По ее завершению не менее половины купцов Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии, трех главных американских городов и центров предпринимательства, составляли новые люди, выходцы из нижних слоев, сменившие и повысившие свой статус благодаря возможностям экономического либерализма, предоставленным революцией. Резко возросла и численность класса торговых людей, их удельный вес в американском населении¹⁰. Этот позитивный результат не означал, однако, повышения благосостояния всех слоев, напротив, как соглашается большинство американских исследователей, в годы революции социальное расслоение американцев усилилось.

Элита независимой американской республики активно обосновывала идею благоприятного воздействия имущественной дифференциации на экономическое развитие нации, поскольку, как доказывалось, она стимулировала нижние слои активно конкурировать с верхними, пытаясь подняться наверх. Не имущественное равенство, а экономическая свобода, его углубляющая — так определял главную тенденцию

¹⁰ *Ward H.M.* The War for Independence and the Transformation of American Society. L., 1999. P. 212–213.

постреволюционного развития А. Гамильтон¹¹. Впрочем, представители демократического лагеря крайностей неравенства не одобряли. Б. Франклин, сформулировавший знаменитые национальные максимы — «время — деньги» и «пустой мешок не стоит» — вместе с тем хотел, чтобы в социальном составе Америки преобладала «золотая середина»¹². Но преобладание «золотой середины» должно было достигаться не на основе искусственного имущественного уравниательства, а посредством благоприятствования режиму *равенства возможностей*, который бы позволял нижним слоям подниматься вверх.

Именно идея равенства возможностей стала основополагающей для демократического лагеря в эпоху от Американской революции конца XVIII в. до Гражданской войны 1860-х гг. На всем протяжении этой эпохи главным средством предоставления *равных возможностей* нижним слоям белых американцев стало облегчение им доступа к государственному земельному фонду, расположившемуся к западу от фронта. Именно это требование лежало в основе аграрной политики джефферсоновских демократов в 1800-е гг., президента Э. Джексона и его последователей в 1830—1840-е гг., А. Линкольна и Республиканской партии в 1850—1860-е гг. Эта политика реально поспособствовала сдерживанию имущественного неравенства в стране, продолжавшей оставаться по преимуществу сельскохозяйственной.

Государственный земельный фонд был образован актами 1784—1785 гг., включившими в него незанятые северо-западные территории. В 1795 г. в результате уступок Испании в федеральный фонд вошла огромная юго-западная территория. В 1803 г. она пополнилась территорией Луизианы. При этом в северо-западной части федерального земельного фонда рабство было запрещено, а в юго-западной части разрешалось.

По закону 1785 г. земли государственного фонда продавались участками не менее 640 акров по цене не менее 1 долл. за акр. В 1796 г. сторонники А. Гамильтона добились повышения минимальной цены за акр до 2 долл. Такие условия продажи государственных земель, выгодные верхним слоям, вызывали протест нижних слоев белых американцев и побуждали их голосовать на выборах в государственную власть за демократическую оппозицию. Благодаря последней доступ нижним слоям к государственному фонду начиная с 1800 г. был радикально облегчен. С 1800 по 1820 г. минимальный размер земельного

¹¹ The Papers of Alexander Hamilton. Vols. 1–26 / Ed. H. C. Syrett. N.Y., L., 1961–1979. Vol. 4. P. 218–219.

¹² Франклин Б. Избранные произведения. М., 1956. С. 581–592.

участка, поступавшего в продажу, снизился с 640 до 80 акров, а минимальная цена за акр с 2 до 1,25 долл. В 1832 г. минимальный размер поступавшего в продажу земельного участка был снижен до 40 акров. В 1854 г. федеральным законом устанавливалось правило, согласно которому участки земли, не проданные на аукционе в течение 30 лет, могли быть куплены по цене 12,5 центов за акр. Наконец, в 1862 г. в период Гражданской войны был принят закон, по которому американцы получили право на бесплатное приобретение в собственность 160 акров земли из государственного фонда.

Здесь нет возможности рассматривать противоречивые аспекты аграрного законодательства. Укажу на ту его сторону, которая заключалась в приобщении к земельной собственности массы простых американцев и, как следствие, ослаблении имущественного неравенства. Устремляясь на Запад и приобретая весьма обширные земельные участки, они способствовали перманентному росту американского фермерства: на протяжении всего рассматриваемого периода количество самостоятельных фермеров-собственников почти в три раза превышало численность сельскохозяйственных рабочих. С 1800 по 1860 г. на Западе образовалось около 15 новых штатов, их численность увеличилась с 1 до 15 млн человек (рост по отношению к всему населению США с 15 до 47%).

Расширению равенства возможностей способствовал и ряд других демократических законов. Особенно активен был в их принятии президент Э. Джексон в 1830-е гг. Именно ему принадлежит известная формулировка концепции равенства, которая тогда распространилась в американской национальной ментальности: «Различия в обществе сохраняются при любом справедливом государственном управлении. Равенство талантов, образованности и состояний не может быть утверждено общественными институтами. Но законы обязаны защищать равное право каждого на пользование господними дарами, изделиями промышленности, всей экономики, как и собственными добродетелями. Когда же эти законы используются для того, чтобы к этим естественным и справедливым благам добавить искусственные различия, даровать титулы, денежные подношения и искусственные привилегии, в результате чего богатые становятся богаче, а сильные сильнее, то простые члены общества — фермеры, ремесленники и рабочие, у которых нет ни времени, ни средств, чтобы приобрести подобные преимущества, имеют право жаловаться на несправедливость своему правительству»¹³.

¹³ A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897. Vols. 1–11 / Ed. J.D. Richardson. Wash., 1900. Vol. 2. P. 590.

Концепция *равенства возможностей*, характеризовавшая политику президентов Т. Джефферсона, Э. Джексона и А. Линкольна, способствовала повышению социальной мобильности и смягчению имущественных контрастов и различий в США. И все-таки в сравнении с предшествовавшей колониальной эпохой эти контрасты и различия не уменьшились. Это было обусловлено несколькими факторами. Одним из них стала промышленная революция, вызревшая в постреволюционные десятилетия и набравшая силу после англо-американской войны 1812 г. В результате ее удельный вес рабочей силы, занятой в промышленности, с 1810 по 1860 г. увеличился с 3,2 до 14%. Удельный вес городского населения вырос за тот же период с 7 до 20%. Американский промышленный капитализм той эпохи обладал чертами, типичными для ранней «дикой» стадии: промышленная буржуазия подвергала рабочих жесткой эксплуатации, держала их на «голодном пайке», сама же обогащалась, и имущественный разрыв между двумя классами увеличивался.

Влияние этого разрыва на общеамериканское экономическое неравенство не стоит преувеличивать, ибо промышленных рабочих вместе с наемными работниками в сельском хозяйстве было втрое меньше числа самостоятельных фермеров, составлявших не менее 50% от общего числа лиц физического труда. Тем не менее контрасты в положении наемных работников и работодателей влияли на тенденцию углубления имущественного неравенства. Тяжелое положение наемных работников при этом не означало их абсолютного обнищания. Расчеты, проведенные разными исследователями, свидетельствуют, что их реальные доходы в период с 1820 по 1840 г. выросли примерно в 1,5 раза. В последующем этот рост замедлился, составив за 1840–1860 гг. и для промышленных, и для сельскохозяйственных рабочих не более 10%¹⁴. Таким образом, материальное положение нижних белых слоев улучшилось, но это улучшение не идет в сравнение с многократным возрастанием богатств класса промышленников. Разрыв в доходах рабочих и предпринимателей был также одним из самых высоких в американской истории. В то время как большинство рабочих имели доходы не больше 300 долл. в год и не могли позволить себе никаких накоплений, состояния большого числа предпринимателей превысили 100 тыс. долл., а несколько десятков среди них были миллионерами, вполне сопоставимыми с современными миллиардерами. Средняя ежедневная оплата промышленного труда, составлявшая в начале

¹⁴ *Walton G.M., Rockoff H. History of American Economy. N.Y., etc., 1998. P. 241, 243; Adams D.R., jr. Prices and Wages // Encyclopedia of American Economic History / Ed. G. Porter. Vols. 1–3. N.Y., 1980. Vol. 1. P. 240, 242. 244.*

XIX в. около 50 центов, к 1860-м гг. едва приблизилась к одному доллару. У сельскохозяйственных рабочих она была даже ниже.

Можно заключить, что в ту эпоху материальное положение рабочих было одним из самых низких за всю американскую историю. Впрочем, оно было лучше положения рабочих в других странах, в том числе в Англии. Ч. Диккенс, главный критик пороков раннего промышленного капитализма в Англии, посетив в 1842 г. Лоуэлл, центр текстильной промышленности Массачусетса и всех Соединенных Штатов, был восхищен условиями существования молодых фабричных работниц. Они были опрятно и чисто одеты, жили в прибранных и хорошо обставленных комнатах фабричных общежитий (во многих зданиях были даже пианино) и в целом являли положительный контраст в сравнении с работницами фабричных городов Англии. Диккенс призывал своих соотечественников из капиталистического класса заимствовать у американских предпринимателей опыт отеческого отношения к рабочему классу¹⁵.

Но сами лоуэлловские работницы (оставившие дневниковые свидетельства) и американские журналисты, посещавшие «образцовый город», представили ситуацию совершенно в ином свете. «Фабричные девушки» подвергались нещадной эксплуатации. Они трудились под жестким контролем надсмотрщиков по 13–14 часов в сутки, жили по 6–7 человек в тесных комнатах общежитий, их недельный заработок не превышал 3 долл. В 1830–1840-е гг. лоуэлловские работницы пытались улучшить свое положение с помощью забастовок, но предприниматели отвечали увольнением недовольных и наймом ирландских крестьянок, прибывавших в США во все большем количестве из нищей и «перенаселенной» Ирландии¹⁶.

Среди самого пролетариата серьезным был разрыв между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Малоквалифицированный труд фабричных рабочих оценивался в 2–3 раза ниже труда квалифицированных и высококвалифицированных рабочих. Но и заработки верхних слоев рабочих были невысокими, их семьи едва сводили концы с концами. Еженедельная заработная плата высококвалифицированных рабочих равнялась в середине XIX в. 12 долл. в неделю, а прожиточный минимум семьи рабочего из 5 человек составлял около 11 долл. Бюджет включал расходы только на самые необходимые продукты питания и одежду.

¹⁵ См.: *Foster R.D., Dubofsky M. Labor in America. Arlington Heights (Ill.), 1984. P. 70–71.*

¹⁶ *Pessen E. Jacksonian America: Society, Personality and Politics. Urbana and Chicago, 1985. P. 118–119; Sellers Ch. The Market Revolution. Jacksonian America, 1815–1846. N.Y., 1991. P. 289.*

Имущественные различия в ту эпоху углублялись в южных рабовладельческих штатах. Главным был контраст между чернокожими рабами, которых к 1860 г. насчитывалось 4 млн (вдвое больше, чем наемных белых рабочих во всех штатах) и белыми американцами, которых на Юге проживало 8 млн. Но глубокими были контрасты и в белом населении Юга. Переход сельского хозяйства Юга с конца XVIII в. на производство хлопка имел разнообразные глубинные следствия, в том числе усиление имущественной дифференциации. Хлопок сделал товарно-рыночное сельскохозяйственное производство на Юге господствующим, стал одной из главных основ успехов не только региональной, но и общенациональной экономики (в 1860 г. южные штаты производили две трети мирового хлопка, составлявшего половину национального экспорта). Ввоз рабов в США извне после 1808 г. был прекращен, но в условиях гигантского спроса на рабскую силу некоторые южные штаты стали специализироваться в «разведении» рабов и их продаже в других штатах. В результате с 1790-х гг., когда в Соединенных Штатах были приняты роды «короля-хлопка», как его вскоре стали называть, по 1860 г. число рабов выросло почти в 7 раз. Американская мечта для белых жителей в южных штатах заключалась в приобретении не только собственной фермы, но также хотя бы нескольких собственных рабов, без которых производить хлопок на рынок и продвигаться вверх по социальной лестнице было практически невозможно.

Сделать это было не просто: стоимость раба — сборщика хлопка в период с 1810 по 1860 г. возросла с 700 до 1800 долл. Приобретение раба, правда, из самой дорогой и самой востребованной категории, обходилось дороже, нежели основание фермы. Рабов имела одна четверть белых семей южных штатов — около 350 тыс. (общее количество белых семей на Юге составляло 1,5 млн). Среди рабовладельцев существовала многоступенчатая дифференциация.

Таблица 1

Распределение рабов среди белых семей южных штатов в 1850 г.¹⁷

Количество семей	1 783	6 196	29 733	54 595	80 765	105 683	68 820
Количество рабов у семьи	100 и более	50–99	20–49	10–19	5–9	2–4	1

¹⁷ Puth R.C. American Economic History. Chicago, 1981. P. 169.

Рабовладельческих семей, которые было принято считать плантаторскими (владели каждая более чем 20 рабами), насчитывалось около 38 тыс., т.е. менее 11% от общего числа. Остальные хозяйства относились к фермерским (владели 10 и менее рабами) и промежуточному типу (владели более чем 10, но менее чем 20 рабами). Рабовладельческие хозяйства — плантаторские и фермерские — были главными поставщиками хлопка и других культур на рынок, они же составляли верхний социально-экономический слой белого населения: в хлопковых районах рабовладельцам принадлежало от 90 до 95% сельскохозяйственного богатства. Рабовладельческая семья, по расчетам историка Г. Райта, была в среднем в 13,9 раза богаче нерабовладельческой¹⁸. Наконец, можно отметить, что среди рабовладельческих семей в качестве высшего класса выступали 1783 семьи, каждая из которых владела более чем 100 рабами.

О нарастании имущественного неравенства на Юге свидетельствуют и такие цифры: если в 1830 г. верхние 10% семей владели 71,5% всего имущества, то в 1860 г. им принадлежало уже 82,3%¹⁹. На Севере схожие имущественные контрасты были присущи только крупным городам. Например, в Филадельфии в 1860 г. верхний один процент горожан владел 50% имущества, а нижние 80% — всего лишь 3%. Имущественные различия в западных штатах были слабее, чем в восточных, но и там они присутствовали. Например, в западных штатах Севера верхним десяти процентам землевладельцев принадлежало 40% налогооблагаемого имущества. Наибольший процент богатых белых американцев был среди южных рабовладельцев²⁰. Их огромные богатства были главной причиной того, что накануне Гражданской войны имущественные различия выглядели более глубокими, чем на исходе колониальной эры. Если в 1776 г. верхний один процент американцев владел 12,6% задокументированного властями имущества, а верхние 10% — почти около 50%, то в 1860 г. доля верхнего одного процента достигла 29%, а верхних десяти процентов — 73%²¹.

Следующий период американской истории — от окончания Гражданской войны до Первой мировой войны — принес серьезные измене-

¹⁸ *Wright G.* The Political Economy of the Cotton South. N.Y., 1978. P. 35, 42.

¹⁹ *Williamson J.G., Lindert P.H.* American Inequality. A Macroeconomic History. N.Y., 1980. P. 36–39, 44–45.

²⁰ *Bailyn B., Donald D.H., Davis D.B., Thomas J.L., Wiebe R.H., Wood G.S.* The Great Republic. A History of the American People. Lexington–Toronto, 1981. Vol. 1. P. 332–333.

²¹ *Lindert P.H., Williamson J.* Long Term Trends in American Wealth Inequality // Modeling the Distribution and Intergenerational Transmission of Wealth / Ed. J.D. Smith. Chicago. 1980. P. 10.

ния в структуру экономического неравенства в США. После Гражданской войны промышленный капитализм утвердился на господствующих позициях не только в северных, но также и в южных штатах. Рабовладельческая аристократия была ликвидирована, и плантаторы уступили господствующую позицию в верхнем классе, как и среди наиболее богатых американцев, промышленникам и финансистам. Среди последних выделились сверхбогачи — Дж. Рокфеллер, Дж.П. Морган, Э. Карнеги и др. — создавшие мощные промышленные и финансовые корпорации. Крупные корпорации стали с тех пор основой национальной экономики США. Американский корпоративный капитализм утвердился на ведущей позиции не только в стране, но и в мире. В 1890-е гг. США вышли на первое место в мире по объему промышленной продукции и впоследствии его уже не уступали. Радикально изменилось соотношение между промышленным и аграрным секторами экономики. В начале XX в. половина американцев проживали в городах, количество занятых в промышленности в 1,5 раза превосходило число занятых в сельском хозяйстве, несельскохозяйственные отрасли давали три четверти национального дохода. Вследствие всех этих перемен именно городская Америка стала определять параметры экономического неравенства в США.

Главным сдерживающим фактором в развитии экономического неравенства вплоть до начала XX в. все же оставалось сельское хозяйство. Демократический аграрный закон 1862 г. позволял сотням тысяч американцев обосновываться на западных землях в качестве фермеров. Правда, со временем реальное использование этого закона становилось все более противоречивым. Власти все более активно раздавали земли федерального фонда железнодорожным и иным корпорациям. В конечном итоге из каждых 9 акров свободных государственных земель фермерам достался только один акр²². Но все же количество фермерских земель за 50 лет после Гражданской войны увеличилось в два раза, а число ферм выросло с 2,6 до 6,4 млн. Число занятых в сельском хозяйстве за эти же годы выросло с 6 до 12 млн, объем производства сельхозпродукции увеличился в четыре раза. Экономическое положение фермеров было непростым, порой тяжелым, но все же в целом более благополучным, чем у рабочего класса.

Экономические контрасты развивались в первую очередь в городской Америке. Уже современники уделили внимание их статистическому измерению. В конце XIX в. в профессиональном исследовании

²² *Billington R.A., Ridge M. Westwood Expansion. A History of the American Frontier. N.Y., L., 1982. P. 642.*

были приведены данные, согласно которым одна восьмая американских семей владела семью восьмью американскими богатств²³. В 1915 г. У. Кинг в книге «Благосостояние и доходы населения Соединенных Штатов» раскрывал тенденцию нарастания разрыва между верхним и нижним экономическими классами: в 1890 г., согласно его данным, на долю 1,6% самых богатых американских семей приходилось 10,8% национального дохода, а на долю 88% американцев из нижних слоев — 65%; в 1910 г. доли этих групп составили соответственно 19 и 62%²⁴.

В период с 1870 по 1920 г. население США увеличилось с 39,9 до 106,5 млн человек (в 2,6 раза), а рабочая сила с 12,6 до 41,6 млн (в 3,3 раза). За этот же период в страну въехало 26 млн иммигрантов, при этом их большинство влилось в ряды промышленных рабочих. Уже в последней четверти XIX в. в крупнейших промышленных городах иммигранты и их семьи составляли явное большинство населения: в Чикаго — 87, Детройте и Милуоки — 84, Нью-Йорке и Кливленде — 80, Сан-Франциско — 78%²⁵. Как правило, иммигранты преобладали в трудоемких отраслях промышленности: так, к 1920 г. они составляли 90% шахтеров. Два фактора — большой удельный вес среди рабочего класса иммигрантов и выдвижение на ведущие позиции среди последних «непритязательных» переселенцев из Южной и Восточной Европы — в серьезной мере повлияли на распределение прибавочной стоимости между трудом и капиталом. Согласно современным исследовательским данным, вследствие этого возникла понижающая тенденция в соотношении доходов рабочих США и Европы. Если в 1870 г. реальная заработная плата американских рабочих была в 2,36 раза выше, чем у европейских, то в 1913 г. это превосходство снизилось на 36%, а относительно английских рабочих — на 17,2%²⁶. И все же, благодаря мощному росту экономики и прибавочной стоимости, абсолютного ухудшения в положении рабочего класса не происходило. Напротив, реальная заработная плата рабочих в рассматриваемое пятидесятилетие последовательно повышалась: в период с 1870 по 1900 г. она выросла примерно в 1,5, а в период с 1870 по 1920 г. в 2 раза²⁷.

²³ Spar C.B. The Present Distribution of Wealth in the United States. N.Y., 1896. P. 69.

²⁴ Цит. по: Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М., 1993. С. 262.

²⁵ Dubofsky M. Industrialism and the American Worker. 1865–1920. Arlington Heights (Ill.), 1985. P. 10.

²⁶ Katz M.B., Stern M.J. One Nation Divisible: What America Was and What It Is Becoming. N.Y., 2006, P. 40.

²⁷ Long C.D. Wages and Earnings in the United States, 1860–1890. Princeton (N.J.), 1960. P. 3–12, 109–118; Rees A. Real Wages in Manufacturing, 1890–1914. Princeton (N.J.), 1961.

Одним из показателей затруднительных материальных условий рабочего класса, как и нижних социальных слоев в целом, явилось — впервые в истории США — широкое признание со стороны американского общества наличия в стране перманентной массовой бедности. Первым наиболее известным профессиональным исследованием массовой бедности стала книга Р. Хантера, опубликованная в 1904 г.²⁸ По подсчетам исследователя, бедными в США являлись 10 млн человек, т.е. 12% от общей численности. Ряд исследователей сочли порог бедности, определенный Хантером, как явно заниженный. Один из наиболее авторитетных среди них, Дж. Райен, определял его в 600 долл. в год для семьи из трех человек, что увеличивало количество бедных в США до 30–50 млн человек. Критерии бедности, предлагавшиеся исследователями, различались порой весьма серьезно, но в любом случае они основывались на учете потребностей, характерных для американцев той эпохи. В сравнении с последующими эпохами они выглядели явно заниженными, например, в 1960–1970-е гг., когда в США была впервые одобрена федеральная программа «войны с бедностью», порог бедности в неизменных долларах был определен в 2 раза выше, нежели тот, который был предложен Хантером в начале XX в. Если руководствоваться официальным критерием 1970-х гг., в начале XX в. бедными в США было подавляющее большинство жителей²⁹.

Период новейшей американской истории, начавшийся по завершении Первой мировой войны, с точки зрения тенденций экономического неравенства был неоднозначен и может быть разделен на три периода. Первый охватил 1920-е гг., известные в США как «десятилетие процветания». Второй вместил 1930–1940-е гг. Наконец, третий, включающий этап от 1950-х гг. до наших дней, имеет собственное внутреннее деление, которое приходится на 1970-е гг.

В годы Первой мировой войны и после нее США еще более упрочили позиции ведущей экономической державы. Пик экономического роста пришелся на 1920-е гг.

Как распределялись плоды «десятилетия процветания»? Меньше всего досталось сельскому хозяйству. В то десятилетие наблюдалось глубокое падение доходов и уровня жизни фермерства. Одной из главных причин был постоянно нарастающий диспаритет («ножницы цен») между ценами на промышленную и сельскохозяйственную про-

Р. 3–5; *Puth R.C.* Op. cit., P. 374; *Adams D.R., jr.* Prices and Wages // *Encyclopedia of American Economic History*. Vol. 1. P. 244.

²⁸ *Hunter R.* Poverty. N.Y., 1904.

²⁹ *Patterson J.T.* America's Struggle Against Poverty. Cambridge (Mass.), 2000. P. 11.

дукцию. К 1922 г., в сравнении с довоенным периодом «ножницы цен» увеличились в пользу промышленности на 19%, затем, правда, произошло незначительное сокращение, не снявшее остроты проблемы. В 1920 г. все фермерские семьи, составлявшие 22% населения США, получили только 15% общенационального годового дохода. Через восемь лет доля фермерства в общенациональном доходе сократилась до 9%. В 1929 г. средний душевой доход всех фермеров был в три раза ниже, чем у американцев в целом³⁰.

В промышленности продолжилось возвышение крупного бизнеса. В 1929 г. двести крупнейших корпораций сосредоточили в своих руках половину всех корпоративных капиталов нации, 38% всего бизнеса и 20% общенационального богатства. Известные американские экономисты той эпохи утверждали, что сохранение заданных в 20-е годы темпов концентрации и централизации национальной экономики грозило тем, что к 1950 г. двести крупнейших корпораций могли сосредоточить в своих руках уже 80% корпоративного капитала и 50% общенационального богатства³¹.

Эти и другие цифры свидетельствуют, что крупный бизнес был главным бенефициарием экономического роста 1920-х гг. А в какой мере он отразился на благосостоянии среднего и нижнего классов? Этот вопрос вызывает в исторической литературе серьезные разногласия и до сих пор остается до конца не проясненным, в частности, даже солидные авторы приводят различающиеся цифры и оценки относительно экономического положения разных социальных слоев.

Совокупность накопленных на сегодняшний день данных позволяет утверждать, что плоды экономического роста 20-х годов так или иначе способствовали улучшению положения подавляющего большинства американцев, но распределение благ было в высшей степени неравномерным. Вопрос о том, в каких пропорциях американское общество 20-х годов делилось на верхний, средний и нижний классы, является настолько спорным, что большинство историков вообще обходят его и воздерживаются от использования данных понятий. Рассмотрение его, как и сравнение социальной структуры американского общества десятилетия просперити и современной Америки, между тем представляется принципиально важным. В современной Америке верхний и средний классы составляют солидное большинство в две трети населения, что по заключению представителей всех социальных наук является одним из главных показателей зрелости и стабильности — экономической, соци-

³⁰ *McElvaine R.S.* The Great Depression. America, 1929–1941. N.Y., 1984. P. 21.

³¹ *Berle A., Means G.C.* The Modern Corporation and Private Property. N.Y., 1933. P. 31–40.

альной и политической — капиталистической цивилизации. Америка 1920-х даже близко не подошла к этому показателю. В то десятилетие не менее двух третей американцев прочно находились в нижнем классе.

В него, как представляется, необходимо включить тех, чей уровень доходов был ниже прожиточного минимума. Большинство историков согласны с тем, что минимальный прожиточный минимум в 1920-е гг. составлял 2500 долл. в год для семьи из 4 человек и 1750 долл. для одиночек. Американцев, доходы которых были на уровне этого минимума и ниже, тогда насчитывалось не менее 70% (цифры, приводимые разными историками, колеблются от 70 до 78%). Ниже черты бедности — 1500 долл. в год для семьи из 4 человек и 750 долл. для одного человека — находились 40% американцев. Примем во внимание и то, что 80% американцев не имели никаких накоплений³². Можно заключить, что именно это большинство — от 70 до 80% — не имело шансов прочно приобщиться к обществу потребления того десятилетия и составляло нижний класс 1920-х. При соотнесении этого класса с этническими и поселенческими группами можно прийти к выводу, что относительный удельный вес небелого населения и сельских жителей был в нем выше белых американцев и горожан. Об этом говорят и такие цифры: рост доходов сельских жителей в 1920-е был в три раза ниже, чем в целом по стране; большинство (55%) коренного индейского населения имели годовой душевой доход меньше 200 долл.³³

Реальные доходы наемных рабочих, этого костяка нижнего класса, выросли в 1920-е гг. в среднем на 8%. При этом средняя зарплата промышленного рабочего к концу 1920-х гг. достигла чуть более 1300 долл. в год и была ниже официального прожиточного минимума. Рабочим семьям удавалось достигать этого минимума или несколько его превосходить в том случае, если на работу отправлялись и муж и жена. Доход же среднестатистического американца за то десятилетие вырос почти на 30%, а это означает, что благосостояние верхнего и среднего классов выросло в несколько раз больше. В результате разрыв в положении верхних 20–25% американцев, которые и включали в себя тогда верхний и средний класс, и нижним классом, оказался одним из наиболее глубоких в американской истории³⁴.

³² *Biles R.* A New Deal for the American People. De Kalb, 1991. P. 9–10; *McElvaine R.S.* The Great Depression. America, 1929–1941, N.Y., 1984. P. 38–39; *Leuchtenberg W.* Op. cit. P. 193; *Goldberg R.A.* America in the Twenties. Syracuse (N.Y.), 2003. P. 128–129; *Brinkley A.* The Unfinished Nation. A Concise History of the American People. N.Y., 1997. P. 661.

³³ *Badger A.J.* The New Deal. The Depression Years, 1933–1940. Chicago, 2002. P. 28, 30.

³⁴ *Puth R.C.* American Economic History. Chicago, 1988. P. 605; Statistical Abstract of the United States 2001. Wash., 2001. P. 459.

При условии низкой покупательной способности большинства населения предприниматели пытались реализовывать нараставший объем продукции массового спроса при помощи потребительского кредита. Им пользовались не только средние, но также нижние слои. Роль кредитования покупателей в приобретении товаров массового спроса иллюстрируют следующие цифры: к концу 1920-х гг. в кредит приобреталось 85% мебели, 80% фонографов, 75% стиральных машин, 70% холодильников, более половины пылесосов и пианино³⁵.

Экономический подъем, как и «десятилетие процветания» в целом, рухнули в 1929–1933 гг. вследствие мирового экономического кризиса. Ф. Рузвельт, лидер Демократической партии, взявшийся в 1933 г. вывести страну из кризиса, выделил его главную причину. Он указывал, что быстрый рост производительности труда и товарной продукции, наблюдавшийся в Америке 20-х годов, не подкреплялся необходимым налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возрастающих прибылей с учетом интересов большинства общества. Производительные мощности нации непрерывно увеличивались, а ее потребительские возможности в силу эгоизма и всевластия крупного бизнеса изменялись слабо. В таких условиях перепроизводство, безработица, экономический крах стали неизбежными. Далее следовал основополагающий реформаторский лозунг Рузвельта: основные усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости³⁶.

Ф. Рузвельт и Демократическая партия, пришедшие к власти в 1933 г., использовали разнообразные средства выхода из кризиса³⁷, а одним из приоритетов объявили радикальное расширение покупательной способности нижних слоев общества. Среди социальных реформ Нового курса на первое место можно поставить создание впервые в американской истории национальной системы социального страхования. Два его главных компонента — страхование по старости и безработице — стали непреходящими основаниями американского социального государства и в последующем не подвергались сомнению ни одной из политических сил, были признаны и совершенствовались как либералами, так и консерваторами. К важнейшим достижениям необходимо отнести законы, позволившие нижним социальным клас-

³⁵ *Goldberg R.A.* Op. cit. P. 129.

³⁶ *Roosevelt F.D.* Looking Forward. N.Y., 1933. P. 29, 31–33.

³⁷ Подробно см.: *Согрин В.В.* Три ключевые проблемы в исследовании истории Нового курса Ф.Д. Рузвельта // Новая и новейшая история. 2007. № 5.

сам и группам резко расширить возможности участия в распределении национального богатства. Рабочее законодательство позволило трудящимся твердо и эффективно оспорить монопольное прежде право предпринимательского класса на распределение прибавочной стоимости. Наибольшее значение для улучшения материального положения трудящихся имел закон Вагнера 1935 г.: используя его, рабочие повели жесткую атаку на предпринимателей, вырывая одну уступку за другой. Они не отказались от наступательной тактики и в годы Второй мировой войны. В результате реальная заработная плата американских трудящихся серьезно выросла. В годы Нового курса 30-х годов она увеличилась на 40%, а за весь период президентства Рузвельта почти в два раза³⁸. Это наивысший показатель за всю американскую историю, и он непосредственным образом связан с рузвельтовскими реформами.

В 30–40-е годы под воздействием реформ Нового курса наметилась тенденция некоторого сокращения разрыва в материальном положении разных социальных слоев. В этот период возросли доходы всех пяти экономических квинтилей (пять равных частей населения с различающимися доходами) американцев, при этом относительный рост доходов нижних квинтилей, в отличие от предшествующих десятилетий, был выше, чем у верхних.

Таблица 2

Процентная доля доходов разных социальных слоев в 1929–1950 гг.³⁹

Социальный слой	1929	1935–1936	1941	1950
Нижняя пятая	–	4,1	4,1	4,8
Вторая пятая	–	9,2	9,5	10,9
Третья пятая	13,8	14,1	15,3	16,4
Четвертая пятая	19,3	20,9	22,3	22,1
Верхняя пятая	54,4	51,7	48,8	46,1
Верхние пять процентов	26,09	23,73 (1935 г.)	21,89	17,63 (1948 г.)
Верхний один процент	14,50	12,05 (1935 г.)	11,39	8,38 (1948 г.)

³⁸ Encyclopedia of American Economic History. Vol. 1. P. 244; *Robertson R.M., Walton G.M.* History of American Economy. P. 482; Historical Statistics of the United States. P. 340.

³⁹ Данные во второй — шестой строках взяты из кн.: Encyclopedia of American Economic History. Vol. 3. P. 1116, в седьмой и восьмой строках — из кн.: Historical Statistics of the United States. P. 302.

Обратимся к тенденциям экономического неравенства в 1950–2000-е гг. Этот период с точки зрения принципиальных экономических изменений может быть охарактеризован как эпоха перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Материальное благополучие США в целом серьезно упрочилось: ВВП за этот период вырос (в неизменных ценах) в четыре раза, при том что численность населения увеличилась вдвое. Разнообразными были социальные следствия перемен. Существенно сократилась численность классического промышленного пролетариата («синих воротничков») и резко возросло количество «беловоротничковых» работников. Упрочился средний класс, достигший 60% населения⁴⁰. Что касается распределения возросших материальных благ между разными экономическими классами и социальными группами, то здесь наблюдались неоднозначные и противоречивые тенденции.

Во второй половине XX в. США добились реальных успехов в борьбе с бедностью.

Таблица 3

Динамика бедности в США во второй половине XX в.⁴¹

Годы	Количество американцев, находящихся ниже черты бедности (млн)	% ко всему населению
1950	47,0	32,2
1960	39,8	22,2
1966	28,5	14,7
1970	25,4	12,6
1975	25,8	12,3
1980	29,3	13,0
1985	33,0	14,0
1990	33,6	13,5
1995	36,4	13,8
2000	31,5	11,3

⁴⁰ Подробно см.: *Согрин В.В.* Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества // Новая и новейшая история. 2008. № 3.

⁴¹ The Cambridge Economic History of the United States. Vol. III. The Twentieth Century / Ed. S.L. Engerman, R.E. Gallman. N.Y., 2000. P. 263; Statistical Abstract of the United States 1996. P. 472; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 465.

Постиндустриальная эпоха характеризовалась резкой общественно-политической активизацией прежде приниженных социальных групп, среди них чернокожих американцев. Пик их активности пришелся на 60–70-е годы XX в. Чернокожие американцы добились серьезных успехов. Были приняты законы, уравнивавшие чернокожих с белой расой. Как результат, наметились позитивные подвижки в их материальном положении.

Таблица 4

**Сравнительные экономические показатели
белой и черной рас в 1950–2000 гг.⁴²**

Годы	Уровень бедности (%)		Уровень безработицы (%)		Среднегодовой доход семей в текущих долл. (тыс.)		
	Среди белых	Среди чернокожих	Среди белых	Среди чернокожих	Белые	Чернокожие	Доходы черной расы к белой в %
1950	–	–	4,9	9,0	3,4	1,9	55,9
1955	–	–	3,9	8,7	4,6	2,5	54,3
1960	18,1	55,1	5,0	10,2	5,8	3,2	55,2
1965	13,3	–	4,1	8,1	7,3	4,0	54,8
1970	9,9	33,5	4,5	8,2	10,2	6,3	61,8
1975	9,7	31,3	7,8	13,8	14,3	8,8	61,6
1980	10,2	32,5	6,3	13,1	21,9	12,7	58,0
1985	11,4	31,3	6,2	13,7	29,2	16,8	57,6
1990	10,7	31,9	4,8	10,1	36,9	21,4	58,0
1995	11,2	29,3	4,9	9,6	42,6	26,0	61,0
2000	11,3	22,0	–	–	53,3	34,2	64,2

⁴² Данные во втором и третьем столбцах взяты из: Vital Statistics on American Politics / Ed. H.W. Stanley, R. Niemi. Wash., 1998. P. 360; Statistical Abstract of the United States 2003. Washington. 2003. P. 465; данные в четвертом и пятом столбцах из: Vital Statistics on American Politics. P. 400, 402; данные в шестом и седьмом столбцах из: Vital Statistics on American Politics. P. 357; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 458; в восьмом столбце рассчитаны нами.

Наряду с чернокожими американцами улучшили свое материальное положение выходцы из Латинской Америки и особенно американцы азиатского происхождения.

Сравнительные годовые доходы (тыс. долл.) семей белых американцев, выходцев из Азии и Латинской Америки⁴³.

Таблица 5

Годы	Белые американцы	Выходцы из Азии	Выходцы из Латинской Америки
1980	21,9	Данных нет	14,7
1985	29,2	Данных нет	19,0
1990	36,9	42,2	23,4
1995	42,6	46,35	24,6
2000	53,3	61,5	35,0

Как видно, средний уровень доходов американцев азиатского происхождения на современном этапе оказался существенно выше, нежели даже у американцев с европейскими корнями. Что касается выходцев из Латинской Америки, то их экономические показатели — уровень бедности, средние доходы семей и индивидов — практически совпадают с показателями чернокожих американцев⁴⁴. По этой причине эти две группы составляют подавляющее большинство нижнего класса в США.

На современном этапе сократилось неравенство между поколенческими группами. Американские пенсионеры, самая старшая из этих групп, начиная с 1930-х гг., постоянно укрепляла свои экономические позиции, превратившись к настоящему времени в одну из самых благополучных возрастных групп в Америке. Если в первой половине XX в. многие пожилые семьи зависели и получали материальную помощь от детей, то на современном этапе зависимость перевернулась на 180°. Теперь уже от 34 до 47% молодых американцев (детей и внуков) получают различные виды материальной помощи от пенсионеров. Процент бедных среди людей пенсионно-

⁴³ Statistical Abstract of the United States 2003. P. 458.

⁴⁴ Statistical Abstract of the United States 1996. P. 472; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 458; Vital Statistics on American Politics. P. 357, 360.

го возраста опустился ниже 10% — самый низкий среди всех возрастных групп⁴⁵. Благодаря закону 1986 г., запретившему дискриминацию по возрасту при увольнении и разрешившую пенсионерам продолжать трудовую деятельность на условиях получения как пенсии, так и зарплаты, увеличилось количество пожилых американцев в верхних экономических группах. Наконец, благодаря материальной обеспеченности и большому свободному времени, пенсионеры могут уделять много времени общественной деятельности, создав одни из самых влиятельных в США «групп интересов» и лоббистских служб.

В американской исследовательской литературе на современном этапе при изучении материального положения населения главное внимание уделялось только что охарактеризованным социальным группам. Меньше внимания уделялось изменениям в материальном положении и соотношении доходов трех главных экономических классов — верхнего, среднего и нижнего. А между тем противоречивые тенденции в распределении материальных благ нации наиболее выпукло проявляются именно при анализе положения экономических классов.

При анализе распределения материальных благ между разными экономическими классами обнаруживается такая тенденция, подтверждаемая официальными данными американской статистики: *если в период от окончания Второй мировой войны до 1970-х гг. преобладающей была тенденция сокращения неравенства между главными экономическими классами, то с середины 70-х годов возобладала тенденция его расширения и углубления*. Наиболее известной схемой, используемой в американской статистике и характеризующей распределение национального дохода между разными экономическими слоями, остаются доли в нем пяти экономических квинтилей американцев.

Как видно из таблицы 6, доля верхних, т.е. наиболее богатых 20% американцев за последнюю треть XX в. серьезно увеличилась, в то время как у всех четырех других экономических групп она сократилась. Таблица свидетельствует о сохранении и даже нарастании экономических различий в американском постиндустриальном обществе. Эти различия усиливались в 80–90-е годы XX в., когда страна добилась серьезных успехов в создании новой экономики и увеличении национального пирога. Но одновременно увеличилось неравенство в его распределении.

⁴⁵ Ibid. P. 132–133, 149.

**Доли (в%) пяти экономических групп американских семей
в общем доходе в 1950–2000 гг.⁴⁶**

Годы	Нижняя пятая	Вторая пятая	Средняя пятая	Четвертая пятая	Верхняя пятая
1950	4,5	11,9	17,4	23,4	42,8
1955	4,8	12,2	17,8	23,4	41,8
1960	4,8	12,2	17,8	24,0	41,3
1965	5,2	12,2	17,8	23,9	40,9
1970	5,4	12,2	17,6	23,8	40,9
1975	5,4	11,8	17,6	24,1	41,1
1980	5,3	11,6	17,6	24,4	41,1
1985	4,8	11,0	16,9	24,3	43,1
1990	4,6	10,8	16,6	23,8	44,3
1995	4,4	10,1	15,8	23,2	46,5
2000	4,3	9,8	15,4	22,8	47,7

Средние реальные (в неизменных долларах) доходы американцев в целом в 50–70-е годы выросли в два раза, а в 80–90-е годы — на 20%⁴⁷. Но рост доходов верхних экономических групп в последние десятилетия XX в., как и в начале XXI в., серьезно опережал эти показатели, а у нижних экономических групп отставал от них.

Реальная заработная плата американцев из нижнего и среднего классов в 50–70-е годы выросла более чем в полтора раза. В 80-е годы ее рост прекратился и даже произошло некоторое понижение, в 90-е годы рост возобновился на уровне 1–2% в год. При этом наблюдалась тенденция возникновения и нарастания разрыва в заработной плате сине- и беловоротничковых работников⁴⁸.

⁴⁶ Данные за 1950–1970 гг. взяты из кн.: Historical Statistics of the United States. Wash., 1976. P. 293; данные за 1975 г. из: Kerbo H.R. Op. cit. P. 23; данные за 1980–2000 гг. из кн.: Statistical Abstract of the United States 2003. Wash., 2003. P. 459.

⁴⁷ Vital Statistics on American Politics / Ed. H.W. Stanley, R. Niemi. Wash., 1998. P. 357–358; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 460.

⁴⁸ Robertson R.M., Walton G.M. History of the American Economy. N.Y., 1979. P. 483; Encyclopedia of American Economic History / Ed. G. Porter. Vols. 1–3. N.Y., 1980. Vol. 1.

Материальная дифференциация наблюдалась среди разных социальных групп, в том числе, например, среди пенсионеров. Современная реформа пенсионного обеспечения, улучшив положение всех пенсионеров, вместе с тем имела одним из важных следствий то, что 10% «верхних» пенсионеров оказались в наибольшем выигрыше, получая львиную долю доходов пожилых американцев.

Почему американское общество и государство на современном этапе, как и в предшествующие периоды американской истории, терпимы к очевидному серьезному неравенству в распределении возрастающих материальных благ? Одну из главных причин автор видит в устойчивой цивилизационной особенности Америки, возникшей на заре ее существования и заключающейся в закреплении основополагающей и едва ли не исчерпывающей роли индивидуальной ответственности за жизненный успех или поражение индивидуума. По меркам многих других стран западной цивилизации подобная максима является консервативным анахронизмом, но в США она разделяется большинством и сохраняет прочное влияние в национальной ментальности.

Назову, наконец, еще одну фундаментальную причину, которую можно назвать уже не цивилизационной, а конкретно исторической. Заключается она в том, что в условиях когда после окончания «холодной войны» капитализм восторжествовал в подавляющем большинстве стран мира, в том числе в бывших социалистических, произошла мифологизация его позитивных сторон. Миф этот гласит, что капитализм, будучи освобожденным от всяких пут, в его максимально свободном развитии облагодетельствует наилучшим образом всех и вся. В результате восприятия и влияния этого мифа в странах как «нового», так и «старого» капитализма объем социальных обязательств и ответственности государства во всех них сократился. Резко сократился он и в США, главном выразителе данного мифа. Это имело непосредственное отношение к тому, что разрыв в экономическом положении разных экономических классов в стране стал более глубоким.

Согласно заключению известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии П. Кругмана, богатые в последнюю четверть века богатели все быстрее безотносительно к их заслугам, а у нижних и даже средних слоев оказывалось все меньше шансов не только

P. 244; *Kozmetsky G., Yue P.* The Economic Transformation of the United States, 1950–2000. West Lafayette (Indiana), 2005. P. 215–217; Statistical Abstract of the United States 2003. P. 420; *Perucci R., Wysong E.* The New Class Society. Goodbye American Dream? Lanham (Md.), 2002. P. 51.

подняться по социальной лестнице, но даже обеспечить достойное существование своим семьям, что было возможно в пострузвельтовские десятилетия⁴⁹.

Кроме того, по заключению П. Кругмана, карт-бланш, выданный неоконсервативными властями бизнесу, имел прямое отношение к крупнейшему после 1929 г. финансово-экономическому кризису, начавшемуся в 2008 г. В банковской сфере и на фондовых рынках нарастали финансово-спекулятивные махинации, напоминавшие реалии 1920-х гг., но гораздо более масштабные и изощренные. Российские исследователи современной экономики США сделали следующие наблюдения: «...наиболее популярным объектом для спекуляций стал венчурный капитал. Новый подход к бизнесу состоял в том, чтобы выдумать некий инновационный проект, обосновать его высокую будущую прибыльность и на этой основе привлечь инвестиции (сначала путем публичного предложения акций, затем с помощью дополнительной эмиссии акций и повышения их курсовой стоимости). Эта процедура применялась многократно... В результате в американской экономике... сформировался мощный финансово-спекулятивный “пузырь”, который современными американскими экономистами определяется как “торговля огромными количествами экономических благ по ценам, значительно превышающим их стоимость”»⁵⁰. Финансово-спекулятивные «пузыри» первоначально наиболее активно возникали в сфере информационных технологий, а затем в строительстве. Цены на жилье вздулись гораздо выше их себестоимости. Американцы, которые в соответствии с национальной мечтой хотели жить в собственном доме, залезали в долги с высочайшим риском неминуемого банкротства для себя, для строительной отрасли и ипотечного бизнеса. С помощью финансово-спекулятивных «пузырей» банки, финансистам и топ-менеджерам удалось сколотить баснословные состояния, но, как отметил один из экономических авторитетов, то было «иррациональное изобилие».

⁴⁹ Кругман. П. Кредо либерала. М., 2009. С. 17, 137–147.

⁵⁰ Васильев В.С., Роговский Е.А. Грядущая финансовая турбулентность // США–Канада. Экономика. Политика. Культура. 2008. № 3. С. 6–7.

Прошлое, настоящее и будущее американской демократии*

Последние 25 лет слово *демократия* в России у всех на слуху. Оно входит в число наиболее частых политических понятий в общественном сознании. Но вот отношение к нему не оставалось неизменным: от преклонения перед этим понятием российское общественное сознание, по крайней мере, его нарастающая часть, дрейфовала к критике и даже неприятию. Как представляется, причина заключается в том, что провозглашенное в России на рубеже 80–90-х годов XX в. построение демократии по классическому западному образцу не состоялось. Разочарование в реформах имело следствием нарастающую критику классических западных образцов демократии, в первую очередь американского. Показательно, что если в конце XX в. среди переводных зарубежных работ о США преобладали позитивные (среди них были и апологетические), то в 2000-е годы стали доминировать остро критические книги.

Примером может служить переведенная недавно книга американского политолога М. Паренти «Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США»¹. Представляя ее, российские издатели пишут: «Под этой обложкой — страшная правда о США, рассказанная не советским коммунистом-агитатором или антиамериканистом новой волны, а американским гражданином и патриотом, ученым и общественным деятелем — политологом Майклом Паренти». На самом деле книга Паренти не отрицает и не колеблет известного суждения У. Черчилля: «Демократия — наихудшая форма правления. За исключением всех остальных». В недемократических, ква-

* Впервые опубликовано в журнале: США–Канада. Экономика. Политика. Культура. 2012. № 8.

¹ Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США. М., 2006.

зидемократических, авторитарных государствах правда о бесправии простых граждан, коррупции, всевластии денег, цинизме правящей элиты и национальных лидеров-вождей выглядит куда как более страшно, чем в демократических странах, в том числе в США. Но появление в этих странах книги, которая бы показывала их «страшную правду» так, как это делает Паренти в отношении США, немисливо. Книга же Паренти в самих США выдержала семь изданий. Автор преподавал в престижных университетах, никогда не объявлялся «фальсификатором», не обвинялся в антипатриотизме и американофобии, его книгу широко используют американские профессора и студенты. И уже это, на мой взгляд, свидетельствует о преимуществе американской демократии перед недемократическими, полудемократическими и авторитарными государствами.

Отмечу, что факты, приведенные в книге Паренти, в большинстве случаев соответствуют действительности. Безусловно, в сравнении с «советским коммунистом-агитатором и антиамериканисом новой волны» Паренти более профессионален. Важно и то, что в отличие от них он любит Америку, хочет исправить ее недостатки, сделать ее более демократичной и справедливой. В этом пафос его беспощадной критики. Признавая все эти достоинства книги Паренти и его самого, вместе с тем полагаю, что с академической точки зрения, с позиции научной истины книгу Паренти назвать объективной нельзя. Дело в том, что научная истина об американской демократии предполагает привлечение и анализ огромного количества данных, которые противоречат построениям Паренти, тщательное соотнесение всех ее *минусов* (ими поглощен Паренти) и ее *плюсов* (Паренти они не интересуют), создание выверенной и добросовестно сбалансированной *противоречивой реальности*, каковой является демократия.

Для отечественной американистики задача всестороннего, свободного от разнообразных, «левых» и «правых», идеологем постижения сути американской демократии США остается актуальной.

В американской политической науке в изучении демократии США нет единства², а магистральное различие пролегал между теми (назовем их *оптимистами*), кто считает, что в США власть принадлежит если не всем, то большинству или множеству граждан, и теми (их назовем *пессимистами*), кто полагает, что она принадлежит меньшинству.

Среди *оптимистов* также есть различие: те, кто полагает, что власть принадлежит *всем гражданам в равной степени*, находятся в меньшин-

² О взглядах американских ученых на демократию см.: *Баталов Э.Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М., 2010.

стве, а преобладают те ученые, которые считают, что власть принадлежит многим, но не всем. Концепцию, отстаиваемую меньшинством, часто именуют *мажоритарной демократией*. Классическим выражением этой концепции остается знаменитое определение американской демократии Авраамом Линкольном — «правление народа, посредством народа, для народа» («The government of people, by people and for people»). Определение это и сегодня присутствует в официальном американском представлении о характере политической власти в США, но среди ученых, даже среди тех, кого можно зачислить в направление *оптимистов*, такое представление разделяют далеко не все. По мнению же большинства, правление народа, или *мажоритарная демократия*, как и родственная ей по значению *прямая демократия*³, в США отсутствует, и это является благом, поскольку, по их убеждению такая демократия заключала бы в себе опасность охлократии (власть толпы) и перерождения в тиранию.

Эти политологи в качестве реальной позитивной альтернативы мажоритарной демократии называют *плюралистическую демократию*, и полагают, что именно она и присутствует в США. В американских условиях, согласно данным ученым, естественным образом вызрела политическая конкуренция свободно формирующихся объединений граждан, всевозможных ассоциаций, групп интересов, политических партий. Она и рождает реальную политическую власть⁴. Эти ученые также доказывают, что плюралистическая демократия, чтобы быть действенной, должна дополняться *процедурной демократией*, т.е. набором механизмов и процедур, обеспечивающих равенство конкурентных политических условий для объединений и граждан.

³ Это понятие означает непосредственное отправление народом законодательной, исполнительной и судебной власти. Классическим и по сути единственным образцом прямой демократии было государственное управление в древнегреческих Афинах при Перикле в V веке до новой эры.

⁴ Признанным лидером данного направления на современном этапе выступал Р. Даль. Он назвал свою модель *полиархией*. В отличие от модели *мажоритарной* демократии, обосновывающей власть *большинства*, а значит, народа в целом, полиархия означает власть *многих*, под которыми понимаются индивиды, не просто наделенные избирательным правом, но способные реально влиять на власть при помощи разнообразных средств, например и особенно посредством объединения во всевозможные группы интересов и давления. Эти *многие* не обязательно представляют большинство и, кроме того, в отличие от большинства они не едины, а являют совокупность разнородных экономических, социальных, политических групп. Основные работы Даля: *Dahl R.A. A Pluralistic Democracy in America. Conflict and Consensus. Chicago, 1967; idem. Polyarchy, Participation and Opposition. New Haven (Conn.), 1971; idem. Democracy in the United States. Promise and Performance. Boston, 1981; idem. Democracy and Its Critics. New Haven (Conn.), 1989; idem. On Democracy. New Haven and London, 1998* (рус. пер.: *Даль Р. О демократии. М., 2000*).

Оптимисты, таким образом, признают американскую демократию *плюралистической, процедурной, а также представительной и либеральной*. Понятие *представительная* означает, что власть по большей части управляется не непосредственно избирателями, а его представителями. Понятие *либеральная* подчеркивает, что волеизъявление большинства ни в коем случае не ограничивает свободы отдельных индивидов или меньшинств (на современном этапе с помощью понятия *либеральная демократия* подчеркивается качественное своеобразие западных обществ, отличающее их от *нелиберальных демократий* восточного типа).

Политологам, доказывающим, что в США существует власть абсолютного или относительного большинства в вариантах *мажоритарной* или *плюралистической* демократии, противостоит группа политологов, доказывающих, что в США реальная власть принадлежит верхнему социально-политическому слою, или *элите*, и должна быть поименована *элитарной демократией*. Но политологов-*элитаристов* мы опять-таки можем разделить на две группы. К первой, которую условно можно включить в оптимисты, относится влиятельная школа политологов, ведущая начало от Й. Шумпетера и доказывающая, что элитаризм совместим с демократией и даже является для нее благом. Автор знаменитого «Капитализма, социализма и демократии», опубликованного впервые в 1942 г.⁵, не верил в политические возможности народа, но не хотел хоронить и демократию. Напротив, он предложил спасти ее, редуцировав демократию до процедуры — метода *конкурентного избрания компетентных лидеров*. То есть элита должна быть *открытой*, обновляться и отбираться с помощью демократических процедур. Но после выборов, по убеждению единомышленников Шумпетера, народ по причине некомпетентности и непрофессионализма не должен иметь никакого касательства к государственному правлению. Как отчеканил Уолтер Липпман, еще более известный в США, нежели Шумпетер: люди «могут выбирать правительство. Они могут смещать его. Они могут одобрять или не одобрять его деятельность»... но «массы не могут править». Делать это должны избранные ими представители⁶.

Политологи-*нессимисты*, полагающие, что в США реально существует именно элитарная демократия, в отличие от Шумпетера и его единомышленников, судят о ней остро критически, более того, полагают, что демократией ее можно называть условно, с натяжкой, а то и вообще нельзя этого делать. Среди *нессимистов* концепцию элитарного недемократического характера политической власти в США пер-

⁵ Рус. пер.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

⁶ Цит. по: Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 158.

вым наиболее последовательно развивал Р. Миллс. В отличие от марксистов, которые, по мнению Миллса, упрощенно ставили политическую власть в прямую зависимость от капитала, он сосредоточился на общественных институтах, реально и непосредственно сконцентрировавших в своих руках политическое управление. И выделил при этом три главных таких института: во-первых, *руководство крупнейших корпораций*; во-вторых, *верхний эшелон государственно-бюрократической власти*; в-третьих, *высшее военное руководство*. Массы американских избирателей, согласно Миллсу, составляли безвластное нижнее звено американского государства⁷.

В последней четверти XX в. наибольшей известностью и авторитетом в критической политологии пользовался Дж. Домхоф. Этот ученый, в отличие от Миллса, разместил правящую элиту не в трех институтах, а в высшем социальном слое, который был обозначен как *правлящий класс*. Домхоф доказывал, что в системе властвования «правлящего класса» в таких развитых странах, как США, решающее значение принадлежит не стратегии подавления и прямого подчинения, а стратегии *гегемонии* и *доминирования*. Правящий класс, согласно Домхофу, доминирует в американском обществе с помощью четырех стратегических процессов: 1) умело лоббирует свои экономические интересы в системе государственной власти; 2) использует разнообразные институты, способы и механизмы для выработки и принятия приемлемых политических решений; 3) активно участвует в отборе приемлемых кандидатов на политические и государственные должности; 4) целенаправленно воздействует на системы образования, культуры, средства массовой информации с целью поддержания в обществе удобных ценностей и стереотипов⁸.

⁷ Mills C.R. The Power Elite. N.Y., 1956; *idem*. Power, Politics and People. N.Y., 1963.

⁸ Domhoff G.W. The Higher Circles. The Governing Class in America. N.Y., 1970; *idem*. The Power That Be. Process of Ruling-Class Domination in America. N.Y., 1979; *idem*. The Power Elite and the State: How Policy's Made in America. N.Y., 1990; *idem*. Who Rules America? Power and Politics. N.Y., 2002. На современном этапе в критической политологии наиболее весомо, на мой взгляд, звучит голос Т. Дая. Он дал детальную характеристику правящей элиты в периоды президентств У. Клинтона и Д. Буша-младшего. Им выделены три главных сегмента политической элиты — корпоративный, общественный, государственный, в каждом названы главные компоненты, внутри которых подсчитано количество организационных единиц и дана их подробная характеристика, наконец, определено количество индивидов, вошедших в начале XXI в. в политическую элиту и играющих определяющую роль в управлении американским обществом. Таковых оказалось 7314 человек. См.: Dye Th.R. Who's Running America. The Bush Era. Englewood Cliffs (N.Y.), 1990; *idem*. Who Is Running America. The Clinton Years. Englewood Cliffs (N.Y.), 1995; *idem*. Who Is Running America? The Bush Restoration. Upper Saddle River (N.Y.), 2002.

Политологи критической школы отрицательно относятся к элитарному правлению, считая, что оно резко умаляет политическую роль большинства, а многие среди них являются поборниками *партиципаторной демократии*. Партиципаторная модель — это модернизированный вариант прямой демократии; согласно ей, непосредственное воздействие народа на политическую власть — это не только демократический инструмент, но и высшая демократическая ценность, поэтому приобщение народа к непосредственному управлению политической власти должно постоянно расширяться с помощью таких инструментов, как референдум, законодательная инициатива, отзыв депутатов, всевозможные праймериз.

Какая из вышеизложенных концепций американской политической власти и демократии соответствует реалиям США? Представляется, что в полной мере ни одна из них, но в то же время ни одной из них пренебречь невозможно⁹. Речь должна идти о том, чтобы *максимально точно определить эти степени, найти верное соотношение обсуждаемых демократических моделей и начал в политической и исторической практике*. Это даст возможность для объективного синтеза характера американской политической власти.

Для полнокровной оценки политической системы США важна ее историческая ретроспектива. Дело в том, что демократический архетип, присущий ей на всех этапах исторической эволюции, развивался неравномерно и неоднозначно. «Высокие» периоды чередовались с «низкими», менялось соотношение демократизма, элитаризма, плюрализма, либерализма, олигархических начал, инициатив «снизу» и «сверху». Назову «высокие» периоды американской демократии, когда ее позитивные стороны и достижения были наиболее зримы.

Это период Войны за независимость и образования США 1770—1780-х гг., сопровождавшийся демократическими преобразованиями всех сторон американской государственности. В годы Войны за независимость во всех штатах были приняты конституции, расши-

⁹ Наряду с охарактеризованными моделями, которые назовем основными, есть и менее известные, например, разработанные политической наукой на самом современном этапе. Это в первую очередь *делиберативная* и *консоциативная* демократия. Первая, обозначаемая иногда также модным в современном общественном знании словом *дискурсивная*, означает предоставление народу широкой — от локального до национального уровня — политической трибуны для обсуждения важных общественных проблем. *Консоциативная демократия* предполагает пропорциональное представительство в политической власти этнических и религиозных меньшинств. Обе модели разработаны американской политической наукой, но в политической практике США пока что сколь угодно заметного влияния не получили.

рившие избирательное право, узаконившие разделение властей, утвердившие максимально частые — от одного до двух лет — перевыборы законодательных собраний и губернаторов. Все конституции были дополнены Биллем о правах, что означало укоренение в США *либеральной демократии*. Федеральная Конституция 1787 г. несколько отошла от демократических норм Конституций штатов, но в чем-то усовершенствовала демократию. Например, она закрепила принцип «сдержек и противовесов», который на все времена стал прочным заслоном для узурпаторских поползновений одной из ветвей власти. Сразу после принятия федеральной Конституции возникла двухпартийная система, остающаяся и поныне стержнем американского политического плюрализма. Авторы федеральной Конституции были противниками прямой демократии, предпочтя ей демократию представительную (сами отцы-основатели называли ее *республикой*). Но нормы прямой демократии присутствовали и до сих пор сохраняются, даже упрочившись, в конституциях штатов.

Это период джексоновской демократии 1820–1840-х гг., когда давление на власть масс простых белых американцев повлекло реальное увеличение их экономического и политического «веса». В результате повсеместной отмены имущественного ценза, чего тогда не было ни в одной стране мира, все взрослые белые мужчины были наделены правом голоса. Выдвижение кандидатов в президенты было передано от узких внутрипартийных кокусов национальным съездам партий. Право избрания президентских выборщиков было передано от legislatur штатов рядовым избирателям. Партии стали публиковать программы, и избиратели могли отдавать предпочтение наилучшему политическому «товару». Участие простых людей в выборах повысилось в разы, достигнув 70–80%. Либеральному путешественнику-французу А. де Токвилю, не слышавшему в «передовой» Европе ни о чем подобном, показалось, что в Америке правит «толпа».

Это период Гражданской войны и Реконструкции 1861–1870 гг., когда чернокожая раса была не только освобождена от рабства, но и на десяток лет уравнена с белой в гражданских и политических правах. Правом голоса были наделены все взрослые чернокожие мужчины. Количество чернокожих избирателей существенно превысило число белых — 735 тыс. против 635 тыс. (белые избиратели — расисты были на время Реконструкции лишены права голоса). Чернокожие впервые в американской истории добились не просто вхождения в политическую власть, но и реального в ней участия. В годы Реконструкции в верхние палаты южных штатов были избраны 112 чернокожих депутатов, а в нижние — 683. Шесть чернокожих избирались вице-губерна-

торами, пять — мэрами, сорок один — шерифами. Благодаря деятельности новых законодательных органов чернокожие в южных штатах добились радикального улучшения своих собственных, семейных, судебных, как и иных гражданских прав.

Это «Прогрессивная эра» 1900—1914 гг., когда беспрецедентный подъем движений практически всех слоев белого населения повлек серию глубоких демократических реформ. Поправка к Конституции 1913 г. о передаче права избрания сенаторов от легислатур штатов самим избирателям покончила с практикой «покупки» олигархами мест в верхней палате Конгресса США. С 1898 по 1918 г. 22 штата внесли поправки в свои конституции, наделявшие избирателей правом законодательной инициативы и референдума в рамках собственных штатов, причем в 12 случаях избиратели получили право вносить поправки и в конституции штатов. К 1917 г. в 44 штатах были одобрены законы о прямых первичных выборах, предоставлявших самим избирателям право выдвигать кандидатов на различные государственные должности. Так в Америке упрочилась не только *представительная*, но также *прямая и партиципаторная* демократия.

Это 1930-е гг., сопровождавшиеся дополнением политической демократии демократическими экономическими реформами и созданием федерального социального государства.

Это 1960—1970-е гг., когда черной расе были возвращены гражданские и политические права, завоеванные за сто лет до этого, но отнятые южными расистами в конце XIX в. В те же десятилетия произошла мирная демократическая гендерная революция, в результате которой американские женщины добились таких успехов в выравнивании экономических, социальных и политических прав с мужчинами, которые стали образцом для многих других стран.

Назовем теперь «низкие» периоды. Это колониальная эпоха, когда определенные демократические нормы и практика подавлялись законами английской короны и парламента, а в самих провинциях политическая власть по сути делегировалась богатым семействам.

Это «Позолоченный век» — три последние десятилетия XIX столетия, когда в американской власти на ведущую позицию выступили капиталистические нувориши, придавшие демократии олигархический характер, а в южных штатах возобладал режим реставрации, означавший поражение (почти на сто лет!) в гражданских и политических правах черной расы.

Это 1920-е гг., когда корпоративные верхи сумели взять реванш за поражение в годы «Прогрессивной эры» и вновь утвердили свои приоритеты в государственной власти.

Это 1950-е гг., когда в американском обществе возобладал двухпартийный социально-политический консенсус.

Это, на мой взгляд, и современный период, когда после победы в «холодной войне» над коммунизмом американская демократия добилась монопольного влияния на мировое сообщество, и эта позиция, что в случае с монополией правило, а не исключение, породила тенденции внутривластного застоя-деградации и внешнеполитической самонадеянности, сопровождавшейся желанием выдавать команды другим странам.

Оттеснение «высоких» периодов «низкими» означало не крах демократии. Это был ее кризис или застой, которые затем сопровождались реанимацией демократических норм, духа, настроений, движений. Кроме того, и в «низкие» периоды демократический архетип сохранялся, доказывая, что он является таким же неискоренимым и органическим компонентом американской цивилизации, как, скажем, частная собственность или рынок. Присутствие в американской цивилизации с самого начала демократического архетипа можно признать ее родовой удачей. И хотя на разных исторических этапах модель американской демократии претерпевала изменения, порой существенные, ее архетип, оформившийся в зрелой форме в период образования США, был непоколебим. Вот его неотъемлемые черты в любом историческом варианте. Это регулярные перевыборы всех органов власти. Это разделение и полнокровная независимость законодательной, исполнительной и судебной властей, без чего, как соглашались все отцы-основатели, любая власть — хоть выборная, хоть назначаемая — вырождается в тиранию. Это наличие сдержек и противовесов во взаимоотношениях самих властей, предотвращающих опасные эксцессы и злоупотребления любой из них. Это защита прав меньшинств и личности от воли большинства, олицетворяющего народный суверенитет в любом варианте демократии. Это свобода выражения интересов и мнений, наличие альтернативных источников информации и беспрепятственный доступ к ним. Это свобода образования и автономия общественных и политических объединений.

Все эти установления были не только сохранены, но и существенно дополнены. Главная роль в укреплении и развитии демократии принадлежала народу. Политический рынок и конкуренция заключали тенденцию создавать выигрышные условия и позицию для богатых и обеспеченных слоев и групп, располагавших наибольшими финансовыми возможностями для продвижения собственных интересов и кандидатов. Это заключало опасность политического возвышения и даже всевластия олигархии, которая в отдельные периоды выступала

зримо. Но средние и нижние слои противостояли этой тенденции и не раз ее успешно блокировали. Их усилиями поддерживался и укреплялся плюралистический характер демократии.

Признавая особую роль нижних и средних слоев и классов в пестовании американской демократии, не стоит идеализировать политические настроения и культуру американского народа. История насчитывает много случаев, когда массы оказывались в плену расовых, антииммигрантских, мессианских и империалистических предрассудков и настроений. Но если оценивать политическую историю американского народа по совокупности, необходимо признать его твердую приверженность демократии. Ярчайшим примером прочности демократической культуры американского народа служат политические следствия мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Тогда зримо и контрастно проявилось различие политических культур двух крупных наций, представлявших западную цивилизацию, — германской и американской. Немецкие избиратели в значительной мере добровольно склонились в пользу нацистского демагога А. Гитлера, в то время как большинство американцев сделали выбор в пользу убежденного и просвещенного демократа Ф.Д. Рузвельта. Демократия добивалась наибольших успехов во времена подъема массовых народных движений — фермерского в конце XIX в., рабочего в 1930-е гг., женщин, афроамериканцев и антивоенной молодежи в 1960–1970-е. Демократическая политическая культура американского народа служила главным противоядием от опасности скатывания к авторитарному и, тем более, тоталитарному политическому режиму. Политический режим в США на протяжении всей их истории неизменно оставался демократическим.

Выходцы из народа, простые американцы не однажды играли решающую роль в переломе настроений общества в пользу новых демократических реформ. Имена многих из них вошли в золотой фонд американской демократии, хотя для многих российских читателей большинство этих имен неизвестны. Это, например, У.Л. Гаррисон, давший в 1831 г. жизнь аболиционистскому движению. Аболиционисты, заявившие о том, что дух и буква демократии требуют не только отмены рабства, но и наделения чернокожих равными с белыми гражданскими и политическими правами, подвергались гонениям и физическим расправам со стороны агрессивных обывателей, но в конечном итоге восторжествовали именно идеи Гаррисона. Это журналисты — «разгребатели грязи» начала XX в., пробудившие нацию к массовому протесту против олигархического наступления финансово-промышленных «баронов-разбойников». Это чернокожие представители нижнего класса Р. Паркс и Дж. Мередит, вставшие в 1950–1960-е гг., бла-

годаря личному мужеству, в один ряд с признанным чернокожим героем американской демократии М.Л. Кингом.

Отводя народу решающую роль в сохранении американской демократии, нельзя преуменьшать роль в ее пестовании просвещенной политической элиты, лидеров, среди них и многих президентов США. Первым среди таких президентов оказался уже главный отец-основатель Дж. Вашингтон. Когда в 1796 г. по истечении двух сроков пребывания на президентском посту ему было предложено баллотироваться на третий срок, при этом переизбрание было гарантировано, он категорически отказался. По его убеждению, двух сроков пребывания на высшем посту в республике было достаточно. Поступок Вашингтона стал важнейшим демократическим прецедентом, и после никому даже в голову не приходило баллотироваться в президенты на третий срок¹⁰. Показательно, что «прецедент Вашингтона» был воспринят подавляющим большинством демократий мира.

Вопрос о подоплеке демократизма, присущего многим американским президентам (на словах таковыми были все), не прост. Одной меркой мерить всех их нельзя. Безусловно, некоторые были убежденными демократами. Не вызывает сомнений искренний демократизм таких выдающихся президентов, как Т. Джефферсон, Э. Джексон, А. Линкольн, Ф.Д. Рузвельт, а из современных — Б. Обама. Но некоторые другие президенты, также сыгравшие важную роль в поддержании и упрочении демократии — Т. Рузвельт, В. Вильсон, Дж.Ф. Кеннеди, на наш взгляд, действовали скорее в силу стратегических соображений, как и по причине присущего им просвещенного понимания природы американской политики и цивилизации. Их мотивы, кроме всего прочего, проливают свет на феномен, обозначаемый политологами как национальная политическая культура.

Американская политическая культура формировалась под воздействием разных факторов и сил. Среди них особая роль принадлежала политической элите. В судьбоносный момент — подготовка в 1787 г. федеральной Конституции — американские отцы-основатели, среди которых большинство были людьми умеренными и даже консервативными — обнаружили высокое искусство политического компро-

¹⁰ В 1940 г. в условиях начавшейся Второй мировой войны, когда А. Гитлер в течение нескольких месяцев разгромил большинство европейских демократий и для мировой демократии в целом возникла реальная смертельная угроза, Ф.Д. Рузвельт согласился (вопреки собственному желанию) баллотироваться в президенты на третий срок. После окончания войны в США была принята специальная поправка к федеральной Конституции, ограничивавшая пребывание в должности президента любого лица двумя сроками.

мисса, согласования интересов (не забывая о своих собственных) разных социальных групп. С тех пор нахождение и поддержание формулы общественного консенсуса, предпочтение компромиссов конфронтации стало неотъемлемой частью менталитета американской элиты. Эта составляющая американской политической культуры была бы невозможна без наличия в цивилизации Соединенных Штатов демократического архетипа, но и сохранение, как и последующее развитие демократии трудно представить без органического присутствия в политической культуре элиты желания и искусства политического компромисса.

Просвещенная часть политической элиты, демократические президенты ради достижения общественного консенсуса не однажды вступали в конфликт с крупным капиталом, который самостоятельно обнаруживал минимальную способность идти на компромиссы с другими классами. Один из главных уроков американской истории, на мой взгляд, заключается в том, что американский корпоративный капитал, стоило обществу ослабить над ним контроль, тут же всецело подчинялся мотиву, который экономической наукой именуется максимизацией прибыли, а говоря просто, неограниченному обогащению. Так произошло в 1920-е гг. В тот период каждый представитель верхнего класса американцев, включавшего около 25 тыс. семей с годовым доходом более 100 тыс. долл., присвоил возможность потреблять в 40 раз больше среднего представителя остальных американцев. Подавляющее число этих остальных американцев не обладали покупательной способностью для приобретения многих новых товаров, предназначенных для массового пользования, а 25 тыс. богатых семейств эти товары в количестве, которое они могли приобрести на свои доходы, были не нужны. Это сделало неизбежным кризис перепроизводства и экономический коллапс 1929–1933 гг.

В 1930-е гг. либерально-демократический президент Ф.Д. Рузвельт и его сторонники вступили в серьезный конфликт с крупным бизнесом, и результатом ограничения эгоизма корпоративного капитала явилось создание федерального социального государства, резкое расширение покупательной способности народа, дополнение, пусть и умеренное, политической демократии экономической. Это не означало, что государство США заняло антикапиталистическую позицию, но это означало, что американская демократия развила механизмы согласования разных классовых интересов и выбрала приоритетом достижение блага общества в целом.

Образцы демократического лидерства, продемонстрированные Ф.Д. Рузвельтом, спустя три десятилетия послужили примером для

Дж.Ф. Кеннеди и Л. Джонсона. Л. Джонсон выдвинул и реализовывал программы «Войны с бедностью», государственной медицинской помощи пенсионерам и бедным. Они серьезно упрочили американское социальное государство. Сам Л. Джонсон дополнил демократический либерализм новой формулой: «Мы стремимся... не просто к равенству прав... но к равенству результатов»¹¹.

Особенностью американской демократии являлось то, что одна из ее опор, партийно-политическая конкуренция, на большинстве этапов ограничивалась реально соперничеством двух партий. Так было не всегда, и, на мой взгляд, участие в политике сильной третьей партии являлось серьезным стимулом демократических реформ. Яркие примеры — углубление демократии под воздействием Популистской партии в конце XIX в., Прогрессивистской и Социалистической — в начале XX в., ряда сильных третьих партий в 1930-е гг. Когда же сильные третьи партии сходили с исторической арены, как это, например, имело место в последние десятилетия XX — начале XXI в., в развитии демократии проступали застойные явления. Отмечая это, вместе с тем невозможно не признать, что вытеснение с исторической арены третьих партий являлось в значительной мере следствием политического искусства двух главных партий, приобретенной ими, начиная с «Прогрессивной эры», способности перехватывать популярные, в первую очередь демократические лозунги и требования у третьих партий. Двум главным партиям, при всех их недостатках, присуще понимание того, что они действуют в условиях политического рынка и что отказ от учета требований и запросов средних и нижних слоев создаст угрозу их политической гегемонии. Чем может обернуться высокомерие одной из главных партий, свидетельствуют примеры из XIX в. — в первой четверти столетия из двухпартийной системы была вытеснена партия федералистов, а в 1850-е гг. — партия вигов. В новейшее время две главные партии демонстрировали способность учитывать законы политического рынка и с помощью демократической стратегии привлекать на свою сторону большинство избирателей из средних и нижних слоев.

На современном этапе политический плюрализм развивался противоречиво. С одной стороны, как было отмечено, партийно-политическая система, в отличие от прежних периодов, прочно законсервировалась как двухпартийная. Леволлиберальные и радикально-прогрессивистские политики США видят в этом серьезный недостаток американской демократии, делающий ее неполноценной. Но, с другой стороны, по-

¹¹ Цит. по: *Foner E. Give Me Liberty! N.Y., 2008. P. 982.*

литический плюрализм получил дальнейшее развитие, благодаря настоящему буму *групп интересов*.

Исследователи групп интересов выделяют в качестве главных среди них предпринимательские, профессиональные, фермерские, профсоюзные. Большинство в качестве наиболее влиятельных признаются предпринимательские группы, которые имеют наиболее мощные и высокооплачиваемые лоббистские подразделения. Но в последние десятилетия набирали вес и иные, особенно профессиональные (например, медиков) группы интересов. А самой многочисленной группой интересов — около 40 млн членов — на современном этапе стала Американская ассоциация пенсионеров. Ассоциация, зарегистрировавшая влиятельное лобби в Вашингтоне, воздействовала на законодательные органы всех уровней. В 80-е годы ассоциация активно и успешно противодействовала попыткам администрации Рейгана снизить уровень отдельных социальных выплат пожилым американцам, а также увеличить возраст выхода мужчин на пенсию с 65 до 68 лет. Она стала надежным защитником сохранения и упрочения сложившейся системы пенсионного и социального обеспечения пожилых американцев.

Точное измерение соотношения сил и влияния на политическую систему разных групп интересов крайне затруднительно, и его невозможно обнаружить ни в одном политологическом труде. Вместе с тем совокупный материал по группам интересов дает, как представляется, основание для следующих заключений. На современном этапе состав групп интересов стал более плюралистическим и среди них возрос удельный вес и влияние тех, которые представляют средние слои общества, как и групп, отражающих интересы общества в целом (организации потребителей и защиты окружающей среды — наиболее яркие примеры). Вместе с тем наибольших практических результатов в защите позиций представляемых ими участников и социальных групп добивались организации бизнеса. Они же располагали наибольшими материальными возможностями для воздействия на различные властные структуры и общественное мнение. Вовлеченность американцев в группы интересов находилась в прямой зависимости от их социального статуса и материального положения: более высокое положение на социальной лестнице сопровождалось участием в большем количестве групп интересов. Так, 35% представителей верхнего класса входили в две и более групп интересов, демонстрируя гораздо более высокую лоббистскую активность, нежели представители среднего и нижнего классов¹².

¹² Hrebentar R.J. Interest Group Politics in the United States. N.Y., L., 1997. P. 33–65.

В новейшее время стабильно сохранялись серьезные различия в избирательной активности различных социальных групп. Можно сделать вывод о доминирующей роли на выборах трех социальных групп: во-первых, белой расы; во-вторых, благополучных американцев; в-третьих, старших возрастных групп. Особенно велик разрыв в политическом волеизъявлении между самыми богатыми и самыми бедными: из самой богатой квинтили (1/5) американцев в выборах участвовали 75%, а из самой бедной квинтили вдвое меньше¹³. В целом же политическая активность верхних и средних социальных слоев неизменно существенно превышала активность нижних социальных слоев и служила важной гарантией сохранения сложившихся общественных основ.

В политической науке обращалось внимание на то, что процент голосующих американцев серьезно уступает соответствующему показателю в других западных странах (например, в Германии, Великобритании, Италии, Франции, как и в большинстве более мелких государств, он выше в 1,5 и более раз). Многие объяснения меньшей избирательной активности американцев носят технический характер. Одно из них указывает, что в ряде западных демократий серьезное повышение процента голосующих достигнуто с помощью введения штрафа за уклонение от исполнения гражданского долга. Другое весомое объяснение увязывает более низкий процент голосующих американцев с наличием в США более сложной процедуры регистрации избирателей. Одно из весомых, уже не технических, объяснений низкой явки на выборы американцев заключается в том, что в Соединенных Штатах нет такой влиятельной третьей партии, которая могла бы мобилизовать на свою поддержку большинство приниженных социальных слоев и групп.

Вместе с тем, в некоторых отношениях демократические возможности рядовых избирателей США оказались выше, чем у избирателей из других западных демократий (не говоря уже о не западных). В первую очередь речь идет о праймериз, существующих в Соединенных Штатах уже более ста лет. Количество штатов, где рядовые избиратели тайным голосованием отбирают кандидатов в президенты США посредством праймериз, увеличилось в случае с Демократической партией с 17 до 39, а в случае с Республиканской партией с 16 до 42¹⁴. Волеизъявление рядовых избирателей стало предрешать выдвижение кандидатов в президенты от обеих главных партий.

¹³ Edsall T. The New Politics of Inequality. N.Y., L., 1984; Perspectives on American Government. A Comprehensive Reader / Ed. W. Lasser. Lexington, 1992. P. 197, 205.

¹⁴ Vital Statistics on American Politics / Ed. H.V. Stanley, R. Niemi. Wash., 2010. Table 1–23. P. 55.

Праимериз являются примером прямой демократии. Другим примером являются референдумы, предусмотренные конституциями штатов. В начале XXI в. право рядовых избирателей на законодательную инициативу и референдум наличествовало в конституциях 24 штатов, причем в 23 штатах был обязателен референдум в случае изменения конституции штата. В 1990-е гг. в штатах было проведено 350 референдумов.

И опять-таки, рассматривая всесторонне практику президентских выборов, следует указать на неравные возможности воздействия американских избирателей на власть в связи с неравенством материального положения. Американская политика — самая дорогостоящая в мире, а расходы на избирательную кампанию в год президентских выборов в конце XX — начале XXI в. превышали 3 млрд долл. Неравные возможности американских избирателей в оказании финансовой поддержки кандидатам издавна являлись притчей во языцех для поборников демократических идеалов и народного суверенитета. Но только в 1974 г. в США был принят фундаментальный федеральный закон, регламентирующий расходы на избирательные кампании, что должно было привести к выравниванию возможностей воздействия на политику разных социальных групп. Согласно закону, в наибольшей степени были ограничены возможности финансирования избирательной кампании отдельным индивидуумом, который мог потратить на одного кандидата не более 1 тыс. долл. Основная возможность в финансировании закреплялась за коллективными донорами избирательных кампаний, среди которых доминирующая роль принадлежит комитетам политического действия (КПД), создаваемым разными социальными группами. Но и их расходы ограничивались: каждый КПД мог перечислить на счет одного кандидата не более 5 тыс. долл., а на счет партии — от 15 до 20 тыс. долл.

Принятие закона сопровождалось следствиями, непредвиденными его творцами, свидетельствующими, что с помощью законов крайне трудно уравнивать шансы на политическом рынке для индивидуумов и групп с различными финансовыми возможностями. Воспользовавшись тем, что закон не ограничивал ни общую сумму расходов коллективных доноров, ни количество кандидатов, которых они могли финансировать (общая величина расходов ограничивалась только для индивидуальных доноров), верхние социальные слои обратились к созданию все новых комитетов политического действия, общее число которых, как и их расходы, стали стремительно возрастать. Если до 1974 г., когда КПД не играли решающей роли в финансировании избирательных кампаний, их число, созданное под эгидой профсою-

зов, в 2,5 раза превышало число КПД, принадлежавших корпорациям, то в начале XXI в. количество последних (1528) уже более чем в 5 раз превосходило число профсоюзных комитетов политического действия¹⁵. Каждый КПД мог профинансировать любое количество приемлемых для него кандидатов, а последние могли получать деньги от всех заинтересованных в их избрании комитетов. Необходимо отметить также, что федеральный закон не ограничил избирательные расходы КПД (например, политическую рекламу), осуществляемые ими самими, а не идущие напрямую кандидату.

Серьезное неравенство американских экономических классов является реальной причиной их неравных возможностей в воздействии на политическую власть. Социальные государственные программы 1960-х гг., так же как программы позитивных действий в интересах чернокожих и женщин 70-х годов способствовали смягчению этой проблемы. Вместе с социальными программами, одобренными в эпоху Ф.Д. Рузвельта, они привели к тому, что различия в экономических доходах трех американских классов, белой и черной рас, мужчин и женщин сокращались. Но с 1980-х гг. и вплоть до наших дней эта тенденция пресеклась, контрасты в положении нижнего и среднего классов, с одной стороны, и верхнего — с другой, стали вновь углубляться. Крайности социально-экономического неравенства, несправедливые и нетерпимые в богатом обществе сами по себе, но к тому же резко снижающие возможности нижнего класса воздействовать на политику, признаются многими одной из главных проблем современной американской демократии.

Серьезным вызовом для современной американской демократии стала мультикультурность. До середины XX в. в американском национальном строительстве безраздельно господствовала концепция **плавильного котла**. Она означала, что иммигранты всех этносов сплавляются в единую американскую нацию на основе усвоения господствующей англосаксонской культуры. Иммигранты впитывали англосаксонский архетип, с одной стороны, неосознанно, поскольку он не просто преобладал, а господствовал в американской цивилизации. С другой стороны, большинство иммигрантов сознательно стремились как можно быстрее превратиться из итальянцев, немцев, русских, испанцев в американцев с англосаксонской культурой, поскольку это способствовало ускоренному достижению их Американской мечты. Как обобщал в середине прошлого века Ф. Бродель: «Для европейского иммигранта принять эти общественные правила значит отказаться от ста-

¹⁵ Statistical Abstract of the United States 2003. P. 273.

рых, европейских норм, обрести надежду.. Если самому иммигранту трудно к этому привыкнуть, если он испытывает чувство понятной ностальгии, то его дети озабочены в первую очередь тем, чтобы раствориться в массе американцев. Все социологи отмечают, что дети иммигрантов испытывают желание вытравить следы их национального происхождения»¹⁶.

В постиндустриальном американском обществе *плавильный котел* стал уступать свои позиции *мультикультурности*. Она означает, что этносы и расы, отличные от англосаксов, обретают право на сохранение и увековечение своей национально-культурной идентичности, которая многими поборниками мультикультурности приравнивается не только к автономии, но даже к суверенитету, и уж безусловно, к равенству с англо-американским национально-культурным ядром. Некоторые иммигрантские этносы, в первую очередь латиноамериканские (особенно мексиканцы), стали создавать собственные культурные анклавы, выдвигать требования цивилизационного равенства с англосаксонским ядром. Кроме латиноамериканских этносов, на национально-культурное равенство с коренными белыми американцами активно претендовали чернокожие американцы, добившиеся в последние пять десятилетий серьезных успехов в расширении своих гражданских и политических прав. В их среде вырелась концепция особой афроамериканской нации, во всех отношениях равноправной с англосаксонским «ядром».

Укрепление фактора мультикультурности в американской цивилизации вызвало алармистские настроения в американском обществе, причем в разных его спектрах. По мнению авторитетных авторов, среди них ведущих политологов и историков, мультикультурность грозит цивилизационным основам США, может привести к их расколу на враждебные цивилизации¹⁷. Но есть суждения и прогнозы противоположного толка. Главный контраргумент состоит в том, что рыночно-капиталистическая культура перемалывает все национально-этнические особенности. Так что взаимодействие двух важнейших современных цивилизационных факторов — *плавильного котла* и *мультикультурности* — остается про-

¹⁶ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 459 (на фр. яз. книга была издана в 1963 г.).

¹⁷ Schlesinger A.M., jr. The Disuniting America. Reflections on a Multicultural Society. N.Y., 1991; Buchanan P.J. The Death of the West. N.Y., 2002; Huntington S.P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N.Y., 2004. Некоторые алармистские работы, предсказывающие неизбежную и скорую гибель США от антагонизмов, заключенных в мультикультурности, переведены на русский язык. См. напр.: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003; Читтам Т. У. Крах США. Вторая гражданская война, 2020 год. М., 2010.

блемой дискуссионной. Здесь же важно указать, что мультикультурность включает серьезный вызов для американской демократии, поскольку этносы, отстаивающие культурный суверенитет, претендуют и на особое место в политической власти.

У американской демократии есть и другие, пусть и менее серьезные, внутренние проблемы. Многие американцы критикуют мажоритарную систему выборов, при которой президентом может стать кандидат, набравший меньшее число голосов избирателей. Так случилось четыре раза в истории США, в том числе в 2000 г., когда президентом стал Буш-младший, которого впоследствии по результатам социологических опросов признали худшим главой государства за всю его историю. Тогда Буш-младший, проиграв по количеству голосов избирателей А. Гору — 50 456 156 против 50 992 335, сумел тем не менее собрать большее число голосов выборщиков (271 против 266)¹⁸ и стал президентом. Сохраняющаяся архаичная двухступенчатая система выборов президента, предполагающая передачу голосов всех выборщиков от отдельного штата одному претенденту, не отвечает демократическим стандартам XXI в.

Многие американцы считают непропорционально высоким влияние в обществе и власти неизбираемых судей. Широко распространено мнение, что избирателям должно быть предоставлено право определять законодательную повестку Конгресса США. Есть и другие проблемы.

Серьезной проблемой американской демократии, обострившейся на современном этапе, являются ее отношения с внешним миром. Американской демократии был изначально присущ мессианизм, вера в избранность Америки и ее предназначение распространять свои принципы в мире. Сочетание демократии, экспансии и мессианизма, по моему заключению, привело в течение двух столетий к созданию Соединенными Штатами модернизированной империи, утверждающей выгодный им миропорядок при помощи стратегий, обладающих серьезными отличиями от классических имперских образцов. С помощью этих стратегий Америка стремится, как минимум, к широкому распространению своих экономических, политических и культурных образцов и, как максимум, к утверждению их мирового господства. В достижении этих целей она превзошла все империи прошлого.

По поводу того, можно ли называть Соединенные Штаты империей, согласие между исследователями, как отечественными, так и зарубежными, отсутствует. Большинство американских авторов разделяют

¹⁸ Statistical Abstract of the United States 2003. P. 251.

именно то мнение, что империя может быть творением только авторитарного (деспотического, монархического и т.д.) или тоталитарного (правого или левого) режимов. «Отождествлять Соединенные Штаты с имперской властью, как это делали историки-ревизионисты, — высказывает мнение большинства А. Перлмуттер, — ошибочно. Америка утверждала свое влияние посредством современных инновационных идей, технологических достижений, развития рынков, создания и распространения общества потребления, нежели посредством господства над народами... Империализм, очевидно, являлся фундаментальной принадлежностью коммунистической и нацистской политических систем»¹⁹. Американский леворадикальный политолог М. Паренти утверждал: «Студенты факультетов политических наук большинства университетов этой страны не получают возможность проводить исследования проблем американского империализма по причине того, что сам “империализм” не является предметом академического образования... В самих США людей, рассуждающих об американском империализме, считают напыщенными идеологическими болтунами»²⁰.

В Америке есть все же исследователи, которые считают свою страну империей. Принадлежащие к ним историки внешней политики США известны как *ревизионисты*. Они заявили о себе во весь голос еще в 1960-е гг., а впоследствии некоторые занимали профессорские должности в престижных университетах, издавали не только фундаментальные монографии, но и учебники²¹, которые свободно изучались поколениями студентов. Ревизионисты делали упор на нетрадиционный характер американской империи, означавший фактически утверждение экономического и политического преобладания в той или иной стране или группе стран без территориального завоевания и без непосредственного политического управления.

Эта нетрадиционная форма империализма выкристаллизовалась на рубеже XIX–XX вв., когда США наконец-то поднялись до статуса *великой державы* и попытались потеснить старые великие державы в их сферах влияния не с помощью военной силы (ее тогда у Соединенных Штатов хватало только для побед над Испанией, которая уже много лет как выпала из разряда великих держав), а иными способами. Их де-

¹⁹ *Perlmutter A.* Making the World Safe for Democracy: A Century of Willsonianism and It's Totalitarian Challengers. Chapel Hill (N.C.). 1997, P. X–XI.

²⁰ *Паренти М.* Власть над миром. Истинные цели американского империализма. М., 2006. С. 13.

²¹ *Gardner L.S., LaFeber W.F., McCormick T.J.* Creation of the American Empire: U.S. Diplomatic History. Chicago, 1973, 1976; *La Feber W.* The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present. N.Y., L., 1994.

визом было утверждение в мире свободы рынков, или *открытых дверей*, как тогда предпочитали говорить американские политики и дипломаты. Утвердившись на господствующей позиции в мировом промышленном производстве и не удовлетворяясь более внутренним рынком, они были способны в режиме свободной конкуренции вытеснять конкурентов из других великих держав на самых разных иностранных рынках. Это обусловило трансформацию внешней политики американского государства в имперскую, механизмы которой включили в себя разностороннюю дипломатию и нарастающую военную силу²². Так на рубеже XIX–XX вв. США стали превращаться в империю, но не традиционного типа, к каковому относились, например, Британская, Французская или Османская империи.

Отношение американцев к понятию *империя* в разные периоды было неодинаковым, то положительным, то отрицательным. В период образования США у американцев не было того негативного отношения к понятию *империя*, которое возникло у них позднее. Американские отцы-основатели также мечтали, что Америка станет империей, но особенной, радикально отличной от европейских монархий и деспотий. Т. Джефферсон, рассуждая в духе Просвещения, самой передовой идеологии той эпохи, мечтал о создании и распространении его родиной *империи разума* — особого, неизвестного истории универсума, обустроенного в соответствии с принципами Вольтера, Монтескьё и Руссо. Вплоть до начала XX в. понятие *империя* применительно к собственной стране воспринималось многими американцами в положительном джефферсоновском смысле²³. А негативный смысл оно приобрело после Первой мировой войны, но особенно в период борьбы с германским Третьим рейхом. Политики, дипломаты, академическая община США стали отождествлять империю с авторитарным и тоталитарным режимами. Американская же демократия, согласно данной концепции, внесла решающий вклад в крушение империй XX в.

Казалось бы, признание либерально-демократических Соединенных Штатов империей останется уделом узкой группы историков-ревизионистов и политических «меньшинств» типа *новых левых*, *зеле-*

²² Williams W.A. America and the Middle East. Open Door Imperialism or Enlightened Leadership? N.Y., 1958; *idem*. The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland, 1959; *idem*. The Roots of the Modern American Empire. A Study of the Growth and Shaping of a Social Consciousness in a Marketing Society. N.Y., 1969.

²³ При этом *новая империя* Соединенных Штатов неизменно противопоставлялась, как это делал в 1902 г. Брукс Адамс, прежним недемократическим империям. См.: Adams B. The New Empire. N.Y., 1902.

ных, анти- и альтерглобалистов. Так оно и было до последнего десятилетия XX в. Но после краха СССР и окончания холодной войны ситуация изменилась. Вышедшие на рубеже XX—XXI вв. на ведущую идеологическую и политическую позицию американские неоконсерваторы объявили, что Соединенные Штаты являются не только *единственной сверхдержавой*, но и *империей*, и этим статусом они должны гордиться. Главный аргумент: американский имперский универсум — *Rex Americana*, в отличие от всех прежних империй, основывается на ценностях демократии²⁴. Не будем отказывать Америке в праве именоваться империей и мы, но наше отношение к этому ее статусу ближе к отношению историков-ревизионистов, а не консерваторов.

Но у автора есть и отличия от историков-ревизионистов. Одно из главных заключается в более широкой трактовке источников американского имперского сознания и имперской практики. В.Э. Вильямс и его последователи были настолько увлечены раскрытием экономических мотивов американского экспансионизма (в первую очередь это борьба корпоративной американской экономики за рынки сбыта), что были близки к позиции *экономического детерминизма*²⁵. Среди таких главных и влиятельных источников представляется необходимым назвать особый органический мессианизм американцев, архетип которого замечен уже в самооценках и мышлении отцов-пилигримов первой половины XVII в.²⁶ То есть намного раньше появления экономического фактора имперской экспансии, каковым для В.Э. Вильямса являлась экономическая мощь американского корпоративного капитала, сложившегося на рубеже XIX—XX вв.

В качестве архетипа имперского мессианизма выступило убеждение переселенческих протестантских общин о своей избранности и миссии для обустройства идеального христианского *Града на холме*.

²⁴ См. об этом: *Bacevich A. American Empire*. Cambridge (Mass.), 2002. P. 2–5; *Abbot P. Political Thought in America*. Long Grove (Ill.), 2005. P. 335–336; *The Paradox of a Global USA* / Ed. B. Mazlish N. Shanda, K. Weisbrode. Stanford (Ca.), 2007. P. 25; *Pearson M.L. Perils of Empire. The Roman Empire and the American Republic*. N.Y., 2008. P. 3; *Баталов Э.А. Америка: страсти по империи // Свободная мысль — XXI*. 2003. № 12; *он же*. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005. С. 320–348; *Рахмиров П.Ю.* Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007.

²⁵ Справедливость требует признать, что по мере взросления ревизионистской школы эта односторонность преодолевалась. См., напр.: *Williams W.A. Empire as a Way of Life*. N.Y., Oxford, 1980.

²⁶ Президент США Б. Обама отмечал: «У нас в ДНК... отпечатано стремление к расширению — географическому, экономическому и идеологическому». См.: *Обама Б.* Держась мечты. СПб., 2008. С. 313.

В следующем столетии восприятие Америки в качестве земли обетованной дополняется представлением о ней как о «новой империи», отличающейся от прежних своим уникальным демократизмом. В первой трети XIX в. президенты-демократы Т. Джефферсон и Э. Джексон обосновывали необходимость широкой экспансии на североамериканском континенте. При этом особо подчеркивали, что такая экспансия оправдана необходимостью распространения американского демократического эксперимента и способствует укреплению демократии среди населения самих штатов, поскольку тысячи и тысячи неимущих американцев превращаются благодаря территориальной экспансии в фермеров — главную опору демократической республики. То есть территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии. *Так сплавливались идеи демократии и экспансии, заключавшей в себе имперский ген.* В 1823 г. в послании президента США Дж. Монро национальному Конгрессу уже весь американский континент (т.е. включая и Южную Америку) определялся как избранный для воплощения принципов свободы и демократии, а Соединенные Штаты наделялись миссией гаранта этих принципов. В 1845 г. во время войны с Мексикой, завершившейся присоединением к США Техаса, Калифорнии и Новой Мексики, была сформулирована одна из самых известных доктрин имперского мессианизма — *предопределения судьбы* (Manifest Destiny). Высказанная одним из духовных лидеров Демократической партии Дж. О'Салливаном и подхваченная политической и идеологической элитой нации, она утверждала: «...нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой Миссии: установить свободу и федеративное самоуправление»²⁷. В этой формулировке, ставшей классической для американской внешнеполитической идеологии и ментальности, экспансия, носившая уже откровенно имперский характер (у Мексики отняли три огромные территории), обосновывалась и оправдывалась приверженностью США демократии.

Как видно, еще до того, как США созрели для соперничества с великими европейскими державами экономически, политически и в военном отношении имперский мессианизм прочно вошел в мировидение элиты и массовую ментальность. Были сцементированы идеи демократии, экспансии и империи, поскольку притязания США на новые территории и сферы влияния оправдывались высокой миссией обустройства других территорий и государств по демократическому

²⁷ Цит. по: *Weinberg A.K. Manifest Destiny. Baltimore, 1935. P. 145.*

образцу. Демократия и империя, казалось бы, антагонисты по определению, оказались вполне совместимы. США суждено было стать и до наших дней оставаться первой и единственной в мировой истории, как это ни парадоксально и, может быть, оскорбительно для многих приверженцев демократии звучит, *демократической империей*. В XIX в. идеи национальной избранности и предназначенности Америки к миссии маяка и форпоста демократического будущего человечества становятся неотъемлемой частью национальной ментальности. И в наши дни, согласно социологическим опросам, многие американцы, а в ряде случаев большинство опрошенных, относят «распространение демократии по всему миру» к важнейшим целям внешней политики США²⁸.

Конечно, имперская идея пестовалась не только аргументами в пользу распространения демократии. Но доминирующим обоснованием территориальной экспансии стала именно демократическая аргументация. Эта идеологема — демократический имперский мессианизм — настолько прочно вошла в сознание как политической элиты, так и масс, что превратилась в материальный фактор американской внешней политики. Автор отнюдь не умаляет значения таких материальных факторов, как американская капиталистическая экономика, геополитика и национальные интересы, но он убежден, что обозначенный социокультурный фактор с XIX в. и до наших дней выступал в качестве непреходящего реального фактора становления и развития американской империи. Он всегда был мощной опорой экономических и политических устремлений американской нации, облагораживал их экспансионистский характер, обеспечивал им массовую поддержку.

Имперская политика проводилась демократической страной, и это, в глазах многих, оправдывало американскую экспансию и мессианизм. Но невозможно не учитывать, что имперская политика серьезно деформировала и неоднократно ее серьезно подминала. Вот признание Президента США Б. Обама: «Такие методы холодной войны, как секретность, слежка и дезинформация, применявшиеся против правительств и населений других стран, сделались инструментами внутренней политики, средством для преследования критиков, получения поддержки сомнительных политических курсов или сокрытия ошибок. Сами идеалы, которые мы обещали нести миру, предавались в нашей же стране»²⁹.

²⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008. С. 26, 134–135.

²⁹ Обама Б. Указ. соч. С. 320.

Еще более серьезно имперская политика деформировала демократию на международной арене. США, предлагая демократию другим странам в качестве образца, в конкретной политике зачастую переходили к ее навязыванию, реализовывали формулу «все средства хороши для достижения цели» и «цель оправдывает средства». *В результате средства превращались в самоцель внешней политики, империя подчиняла, а очень часто и разрушала демократию.*

Демократической империи были присущи черты как негативные, так и привлекательные. Невозможно игнорировать то обстоятельство, что либерально-демократические США неоднократно привлекали симпатии разных стран и народов. Народы Латинской Америки в период борьбы за независимость с Испанией брали на вооружение либерально-демократические принципы Декларации за независимость и Конституции Соединенных Штатов. Но США, поддерживая свободолюбивые устремления южных соседей, стремились вслед за экспортом в них своей идеологии, утвердить там вместо испанского собственное экономическое господство и политическое преобладание. В XX в. отмечены многие примеры того, как государства разных континентов добровольно и охотно воспринимали американские либерально-демократические ценности, обращались к США за их поддержкой, устремлялись в созданные и руководимые ими экономические и финансовые международные организации, как и в военно-политические союзы. Норвежский исследователь Г. Лундестад, анализируя это явление, счел возможным назвать США «империей по приглашению» (это определение нашло понимание и широкое признание в научной литературе)³⁰.

Были случаи, и их невозможно игнорировать, когда экспорт Соединенными Штатами своих демократических образцов приносил позитивные результаты. Вспомним опыт Японии и Федеративной Республики Германии, которые после Второй мировой войны обустроивались по американским матрицам. В объективной оценке американской империи невозможно не учитывать этих ее сторон, привлекательности для многих стран и народов исповедуемых ею либерально-демократических принципов. Но невозможно не принимать во внимание и того, что, декларируя «дарение» многим странам либерально-демократических ценностей, США пытались затем утвердить в них свое экономическое, а часто и политическое доминирование, что зачастую вызывало в этих странах уже отторжение и американского влияния, и либе-

³⁰ Lundestad G. «Empire by Invitation?» // The United States and the Western Europe, 1945–1952. SHARF Newsletter. No 15. September 1984; Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики, 1945–1996. М., 2002. С. 14.

рально-демократических принципов. В итоговой оценке экспорта американской демократии в мире, на наш взгляд, будут преобладать негативные оценки. Это ярко демонстрирует современный этап, когда объектом экспорта американской демократии оказались мусульманские страны, что вызвало много трагедий и решительный протест радикально отличных от США цивилизаций. Внешнеполитическая сторона американской демократии оказалась ее главной, неразрешенной, запущенной проблемой. На мой взгляд, будущее американской демократии зависит, в первую очередь, от решения именно этой проблемы.

Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США*

На современном этапе развития отечественной исторической науки заметным явлением стало ее теоретическое обогащение. В теоретическом арсенале все большее место стала занимать *междисциплинарность*, т.е. использование при познании прошлого методов различных общественных наук. Отметим, что междисциплинарность развивалась в отечественной исторической науке и в советский период, но тогда она сводилась к использованию методов *марксистского* обществознания. В постсоветский период *междисциплинарность в исторической науке качественно изменилась, поскольку она стала свободно черпать из арсенала современного мирового обществознания*, в первую очередь из таких дисциплин, как культурология, социология, политическая наука, антропология. В настоящей статье автор предпринимает попытку обобщения собственного опыта применения междисциплинарной методологии при изучении истории США¹.

Среди методов мирового обществознания, воспринятых современной отечественной исторической наукой, наиболее значимым для нас оказался *цивилизационный подход*². Он может рассматриваться как

* Впервые опубликовано в журнале: Новая и новейшая история. 2012. № 1.

¹ Автор стал сознательно использовать методы мирового обществознания с 1990-х гг. Постепенно их использование умножалось, получая воплощение в монографиях современного этапа. См.: *Согрин В.В.* Политическая история США. XVII–XX века. М., 2001; *он же.* Исторический опыт США. М., 2010; *он же.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.

² У цивилизационного подхода сегодня есть как сторонники, так и оппоненты. Знакомство с возражениями оппонентов, на мой взгляд, свидетельствует о весьма смутном представлении о цивилизационном подходе. Не вступая с ними в дискуссию, замечу следующее. Для меня этот подход является теоретической моделью, помогающей углубить познание американской истории. Поэтому судить о его познавательной возможности в случае данной статьи предлагаю в связи с тем, удалось достичь поставленную цель или нет.

самостоятельный теоретический подход, но также и в контексте междисциплинарной методологии. В зарубежных странах оформилась особая дисциплина изучения и преподавания основ региональных и локальных цивилизаций («Цивилизация США», «Цивилизация Франции», «Цивилизация Запада» и т.д.). Речь в них в первую очередь идет о материальной и особенной духовной культуре, созданной данными цивилизациями, как и об их отличительных устойчивых характеристиках³. Данные характеристики определяются цивилизационными архетипами и факторами, сложившимися исторически.

Восприятие цивилизационного подхода декларировалось многими отечественными историками, но, на мой взгляд, не все смогли разработать удовлетворительную парадигму изучения *конкретной региональной или страновой цивилизации*. Речь идет о конкретном реестре архетипов и факторов, определяющих цивилизационное своеобразие той или иной страны (России, Великобритании, Франции, Японии, Китая и т.д.). Ниже предлагается перечень архетипов и факторов цивилизации США, который был разработан автором данной статьи и использован при изучении американской истории, ее *долговременных тенденций*.

США относятся к наиболее распространенному типу цивилизаций, обозначаемых как *локальные*. Локальная цивилизация в своем общественно-историческом развитии демонстрирует *преемственность основополагающих экономических, политических и особенно социокультурных характеристик, и эти характеристики в значительной мере оказываются доминантами ее внутренней структуры и эволюции*. Соединенные Штаты обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации в целом, но в их развитии наличествуют также архетипы и факторы, присущие только им. В целом можно говорить о цивилизации США как самостоятельном историческом феномене.

Пойдет речь о главных архетипах и факторах⁴, определявших и определяющих цивилизационный облик США. Некоторые из них, напри-

³ Некоторые классические зарубежные работы о цивилизациях переведены на русский язык. С точки зрения междисциплинарного анализа цивилизаций лучшими, на мой взгляд, являются работы Ф. Броделя, см., напр.: *Бродель Ф. Грамматика цивилизации*. М., 2008.

⁴ В чем различие между архетипами и факторами? Оно в значительной мере условно, ибо многие архетипы выступали и как факторы американской цивилизации, а ряд факторов превращались в архетипы. Но определенное различие между ними существует. Архетип применительно к различным объектам и в разных дисциплинах имеет неоднозначные трактовки, а относительно цивилизации он может быть определен как ее *исходная* сущностно образующая форма — модель, которая по преимуществу имеет социокультурное выражение, т.е. определяет ценностные установки и нормы поведения со-

мер, фактор отсутствия в американском прошлом феодализма или фактор фронта, признавались советскими американистами, но не в целях выявления сущностных черт американского общества, а для характеристики особенностей капиталистической общественно-экономической формации США. Цивилизационный же подход выясняет, как подобные факторы влияли на сущностные черты американского общества. В американской исследовательской литературе нет единства в определении важнейших архетипов и факторов цивилизации США. В одном из классических исследований цивилизации США указывается, что в качестве главных факторов, способствовавших ее успеху, чаще всего выбирают такие, «как Конституция, индивидуалистический капитализм и фронт»⁵. В другом классическом исследовании основополагающего архетипа американской цивилизации таковым выступает *либерализм* в его локковском варианте⁶. А такой известный современный политолог и культуролог, как С. Хантингтон, видел его в *английском протестантизме*⁷. Еще один современный американский мэтр, Д. Белл, доказывал, что фактором, позволившим США возвыситься над другими цивилизациями, в том числе и западными, являлось уникальное по своим позитивным характеристикам *гражданское общество*⁸. Наконец, напомним, что первый общепризнанный классик в исследовании американской цивилизации, А. де Токвиль, считал ее основополагающим фактором *демократию*⁹.

Все эти аналитические выкладки зарубежных исследователей приняты во внимание, вместе с тем я предлагаю собственный реестр архе-

общества и индивидов. Этот архетип материализуется в экономических результатах деятельности общества, социальных взаимоотношениях, во внутренней и внешней политике. Самые прочные архетипы сопутствуют цивилизации на всех ее этапах, т.е. из ее *родового кода* они становятся ее прочными постоянными факторами. В ходе же развития цивилизации могут возникать новые важные сущностно образующие факторы, которые, не будучи ее «родовым кодом», могут приобретать не менее, а то и более важное значение, чем архетипы. При этом для всех последующих поколений они могут становиться «родовым кодом», т.е. архетипом.

⁵ *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. Т. 1–2. М., 1992. Т. 1. С. 42. (*Lerner M.* America As a Civilization. Life and Thought in the United States Today. Vols. 1–2. N.Y., 1957–1987).

⁶ *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993 (*Hartz L.* The Liberal Tradition in America. An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. N.Y., 1955).

⁷ *Huntington S.P.* Who Are We?. The Challenges to America's National Identity. N.Y., 2004. P. 81–106.

⁸ *Bell D.* «American Exceptionalism» Revisited: the Role of the Civil Society // The Public Interest. 1989. No 95.

⁹ *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 2000 (*Tocqueville A. de.* Democracy in America. Two Volumes in One. N.Y., 1851).

типов и факторов цивилизации США, оказывавших воздействие на американскую историю на всех исторических этапах вплоть до наших дней. Среди архетипов и факторов цивилизации США можно, как представляется, выстроить определенную иерархию, выделить наиболее весомые и даже назвать *главный фактор*. Главный фактор можно выделить во многих цивилизациях, и в научном плане это важно, поскольку именно этот фактор часто выступает в качестве своего рода оси цивилизационного развития, определяет его основные сущностные черты на самых разных этапах. Например, в российской цивилизации главным фактором, за редкими историческими исключениями, оказывалось *государство*, поэтому ее можно определить как *властечентричную цивилизацию*. Ее органическая привязанность к государственной власти объясняет многие драматические неудачи в привитии ей начал цивилизации противоположного толка, в центре которой находится не государство, а индивидум. И именно к таким цивилизациям относятся США.

Главный фактор цивилизации США, который оказывал на протяжении всей американской истории огромное, в целом ряде отношений определяющее воздействие на все сферы общества и, что особенно важно при изучении цивилизации, *доминировал в национальной культуре*, представляется возможным обозначить как *либерально-капиталистический индивидуализм*. Данное понятие содержит в себе сразу три ключевых слова, каждое из которых имеет принципиальное значение. Понятие *индивидуализм* означает, что на протяжении всей американской истории отдельный индивидум рассматривался и представлял в качестве самостоятельного и главного субъекта общества, ответственного за реализацию своих возможностей и способностей, как и за собственное благополучие. Совокупность усилий свободно действующих «экономических» и «политических» индивидумов в американской цивилизационной парадигме выступает в качестве фундамента благополучия и прогрессивного развития общества в целом.

Но индивидуализм так или иначе присутствовал и в предшествующих обществах, например, он пестовался еще в Древней Греции и Древнем Риме. Но американский индивидуализм все же обладает национальными особенностями, которые я попытался обозначить при помощи определения *либерально-капиталистический* (для индивидуализма в западноевропейских странах я бы счел необходимым поискать иное определение). Это определение, в котором важны оба понятия, подчеркивает особую, наивысшую степень развития индивидуализма именно в американской цивилизации. Оно призвано подчеркнуть также особую нацеленность американского индивидуализма

лизма на достижение материальных целей, экономического благополучия и выгоды. Конечно, индивидуализм способствовал реализации самых разных возможностей личности, но в Соединенных Штатах, возникших сразу в качестве буржуазного общества, главным мерилom индивидуального успеха всегда выступал успех материальный, приобретение и умножение собственности и богатства. Не случайно первый выдающийся национальный ум Америки, Бенджамин Франклин, занявший в качестве философа место в одном ряду с Вольтером и Дидро, формулировал жизненные заповеди, которые трудно представить в устах западноевропейских просветителей. «Пустой мешок не стоит» и «время — деньги» — эти максимы Франклина превратились в США в национальное кредо.

С самого начала либерально-капиталистический индивидуализм выступал в Америке в качестве *именно общенациональной ценности, а не только кредо одного буржуазного класса*. Его разделяли если не все классы и социальные группы, то их большинство. Это являлось важнейшей причиной смягчения классовых конфликтов даже в условиях присутствия самих этих классов в социально-экономической структуре (в этом смысле либерально-капиталистический индивидуализм играл в США такую же роль, какую, скажем, в Индии, цивилизации противоположного типа, играла кастово-варновая культура). Огромное количество американских рабочих всегда разделяли веру в то, что главным является индивидуальный успех и что каждый индивидум сам ответствен за свое материальное благополучие. Эта вера не предотвращала возникновения самих классов. Классовые разделения в стране присутствовали всегда. Но во все эпохи классовое самосознание нижних американских слоев было одним из самым низких в мире, а часто более сильным противовесом ему в ментальности масс была вера в возможность восхождения благодаря индивидуальной ответственности, способности и инициативе в те слои, которые именуются буржуазными.

Социокультурный триумф либерально-капиталистического индивидуализма имел свои плюсы и свои минусы. Есть основание согласиться с теми, кто рассматривает этот феномен в качестве важнейшей и, возможно, главной причины материальных успехов американской цивилизации. Но есть основание согласиться также с теми, кто полагает, что торжество индивидуализма в национальной ментальности стало важнейшей причиной как неизменно глубокой социальной дифференциации общества, так и нечуткости его благополучного большинства к материальному прозябанию нижнего класса. США на протяжении большей части своей истории были более богаты и

благополучны, нежели другие западные страны, они имели самый преуспевающий верхний класс и самый материально обеспеченный средний класс, но они же среди всех западных обществ демонстрировали самые серьезные социальные контрасты и имели самый обездоленный нижний класс.

Главенствующая позиция либерально-капиталистического индивидуализма среди факторов цивилизации США серьезно повлияла на другой фактор — *равенство*, которое также изначально присутствует среди важных американских социокультурных ценностей. Во многих национальных культурах, в том числе в российской, эта категория трактуется как равенство в материальном положении, в целом в достигнутых жизненных результатах. Но в американской национальной культуре и ментальности эта категория изначально трактовалась как *равенство возможностей*, которое при наличии индивидуальной свободы в качестве главной ценности и при том, что индивиды от природы наделены разными способностями, совместно с достижением ими разных жизненных результатов и утверждением в результате материального неравенства. Государственное вмешательство в конкурентную борьбу индивидуумов допускалось только в целях утверждения равенства возможностей, но не имущественного уравниательства (или, как говорят в США, «равенства результатов»).

Такое понимание равенства, как и его соотношения с индивидуальной свободой, господствовало в США на протяжении всей американской истории. Его практические результаты, включающие серьезные парадоксы, могут быть проиллюстрированы яркими примерами. Известно, что на современном этапе в результате успехов движений женщин и чернокожих американцев им удалось добиться серьезного расширения *равенства возможностей* для этих двух крупных социальных групп. В результате реально улучшилось их экономическое и статусное положение, многие их представители поднялись в средний и верхний классы. Парадоксом же по отношению к этому достижению является то, что имущественные различия между тремя экономическими классами — нижний, средний, верхний — в США не только не уменьшились, но, начиная с 1970-х годов, даже увеличились¹⁰. Объяснение заключается в том, что *равенство возможностей* для женщин и чернокожих дало возможность возвыситься, перейти в более высокие и благополучные страты и слои наиболее способным и энер-

¹⁰ Подробно см.: *Согрин В.В.* Экономическое неравенство в истории США // Новая и новейшая история. 2009. № 1.

гичным среди них, а наименее способные остались в прежнем положении, а то и спустились вниз по социальной лестнице.

Следующий важный фактор американской цивилизации — ее англосаксонские корни и происхождение. *Англосаксонский цивилизационный архетип* господствовал в период становления североамериканского общества в XVII—XVIII вв. и сохранял огромное влияние на протяжении всей последующей американской истории. Североамериканское общество начиналось не с «чистого листа», оно возникло в XVII в. как продолжение английской истории и цивилизации, тогда уже одной из самых передовых и материально развитых. Англичане, составлявшие на протяжении первых двух столетий американской истории большинство переселенцев, переносили в Новый Свет социально-экономические и политико-правовые институты и традиции старой родины, развивавшиеся на протяжении нескольких столетий.

Американские колонисты рассматривали себя как англичан, переселившихся в Новый Свет, наделенных такими же правами и свободами. Великую хартию вольностей 1215 г., как и другие принципы английского конституционализма, которые отсутствовали в континентальной Европе, они воспринимали как свои собственные. При этом английский цивилизационный архетип в их сознании обладал и важными особенностями, которые делали это сознание более «продвинутым», нежели у многих англичан. Дело в том, что освоение колонистами Северной Америки началось после завершения в Европе эпохи Реформации и Ренессанса, расколовших население западноевропейских обществ на приверженцев уходивших в прошлое принципов средневековья и сторонников нарождающейся буржуазно-индивидуалистической цивилизации. Среди английских переселенцев в Северной Америке преобладали те, кто своим переездом выражал протест против феодального наследия и пережитков европейской родины и хотел развивать в чистом виде ее новые начала. Английский цивилизационный архетип американцев вобрал в себя в первую очередь эти начала.

Английский цивилизационный архетип утверждал индивидуума в качестве главного субъекта американской цивилизации. Но он же способствовал развитию в американской цивилизации такого важного субъекта как *гражданское общество*, по видимости оппозиционного индивидууму. Но в действительности индивидуум и гражданское общество в Северной Америке находились в сложных отношениях, которые в позитивной части включали сосуществование, взаимодействие и гармонию. При этом оба фактора в качестве культурно-цивилизационных ценностей были *впереди государства*. Роль гражданского общества, представлявшего совокупность добровольных объедине-

ний индивидов, создаваемых для солидарного достижения общих целей и интересов и регулирования норм общежития, традиционно присутствовала в Англии, а в Северной Америке она еще более упрочилась уже по той причине, что объема правительственной власти в ней явно недоставало для организации и регулирования правового пространства.

В колониальный период основными ячейками гражданского общества стали протестантские общины, объединявшие подавляющее большинство американцев. Они являлись главным институтом гражданской самоорганизации не только в пуританских северо-восточных колониях, но и в англиканских колониях Юга¹¹. В последующем ячейки, институты и сети гражданского общества все более увеличивались и разнообразились. В 1830-е гг. А. де Токвиль уже писал о них как о главнейшем институте американской демократии: «Американцы всех возрастов, любого состояния и положения в обществе без устали объединяются в ассоциации. Не только в торговые и промышленные, в которых участвуют все, но и в тысячи других — религиозных и моральных, серьезных либо пустяковых, всеобщих и очень узких, гигантских по размеру и крошечных... Если во Франции во главе всякого нового дела вы найдете правительственный орган, а в Англии какого-нибудь земельного магната, в Соединенных Штатах вы всякий раз на этом месте обнаружите ассоциацию»¹². В XIX в. США в развитии гражданского общества настолько превосходили Старый Свет, что некоторым выдающимся европейским умам оно стало казаться достоянием одной Америки. Так рассуждал не только Токвиль, но и Г. Гегель, который, кстати, ввел в оборот само понятие *гражданское общество*¹³.

По мнению ряда исследователей, XIX столетие оказалось золотым веком американского гражданского общества. В последующем его роль стала ослабевать, а его функции во все большей мере переходили к государству и бюрократии. В российской американистике тема гражданского общества как важного фактора цивилизации США остается слабо исследованной и, безусловно, заслуживает дальнейшего изучения. В частности, заслуживает особого внимания воздействие

¹¹ Мастерски — лаконично и в то же время исчерпывающе — раскрыл роль приходов известный современный исследователь американской цивилизации Д. Бурстин. См.: Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С. 163.

¹² Цит. по: Белла Р., Мэдсен Р., Салливан У., Суидлер Э., Тинтон С. Привычки и нравы. Индивидуализм и служение обществу в жизни американцев // США—Канада. Экономика. Политика. Идеология. 1987. № 11. С. 75.

¹³ См. об этом: Bell D. Op. cit.

гражданского общества на американскую политическую власть и демократию.

Среди наиболее важных факторов американской цивилизации исследователи неизменно выделяют феномен *подвижного фронта* — реальной возможности для массы белых американцев на протяжении XVII—XIX вв. «передвигать» границу освоенных восточных земель и заселять огромные незанятые западные территории, обращаясь в независимых собственников — фермеров, торговцев, предпринимателей. Фронтир оказывал разнообразное воздействие на американское общество уже в колониальный период. Благодаря возможностям вхождения в ряды сельских собственников до 70% белых колонистов оказывались в среднем классе, а уровень их жизни уже тогда был в полтора-два раза выше, чем у англичан¹⁴. После Войны США за независимость из земель, расположенных за фронтиром, был образован государственный фонд, включивший первоначально незанятые северо-западные территории. С 1800 по 1860 г. благодаря этому фактору количество самостоятельных фермеров-собственников почти в три раза превышало численность сельскохозяйственных рабочих. В пятидесятилетие после Гражданской войны фермы основывались по преимуществу на новых западных землях, общее же количество ферм за этот период выросло с 2,6 млн до 6,4 млн акров¹⁵.

Роль подвижного фронта в развитии американской цивилизации привлекала пристальное внимание европейских наблюдателей (например, уже упоминавшегося Г. Гегеля) и американских исследователей. Самый известный среди последних, Ф.Дж. Тернер, давший в конце XIX — начале XX в. не просто обстоятельное исследование истории фронта, а предложивший всестороннее обоснование его цивилизационной роли, вошел в классики национальной и мировой американистики¹⁶. Концепция Тернера пользовалась огромным влиянием до 1930-х гг., затем ее популярность стала ослабевать. У нее были обнаружены серьезные недостатки и упрощения¹⁷. И все же при

¹⁴ *McCusker J., Menard R.* The Economy of British America, 1607–1789. Chapel Hill, 1985. P. 51–65; *Jones A.* Wealth of a Nation to Be: the American Colonies on the Eve of the Revolution. N.Y., 1980; *Coclanis P.* The Wealth of British America on the Eve of the Revolution // Journal of Interdisciplinary History. 1990. Vol. 21. P. 245–260.

¹⁵ *Billington R.A., Ridge M.* Westwood Expansion. A History of the American Frontier. N.Y., L., 1982. P. 663, 693.

¹⁶ *Turner F.J.* Rise of the New West. N.Y., L., 1906; *idem.* The Frontier in American History. N.Y., 1920; *idem.* The United States, 1830–1850. The Nation and It's Sections. N.Y., 1935; The Turner Thesis / Ed. G.R. Taylor. Boston, 1956.

¹⁷ Подробно о них см.: *Согрин В.В.* Исторический опыт США. С. 155–156.

всех недостатках концепции Тернера она и сегодня не может быть признана несостоятельной и списана в историографический архив. Ряд ее принципиальных положений сохраняет научное значение. Самое главное среди них заключается в том, что Запад действительно серьезно влиял на цивилизационное своеобразие США. Массовое переселение американцев на западные территории и обращение многих из них в самостоятельных собственников укрепляло демократические стороны американского капитализма, расширяло его социальную базу, обеспечивало ему преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации. Капитализм в сельском хозяйстве США развивался более динамично и успешно, нежели, например, в Англии, как и в большинстве других европейских стран. Благодаря в первую очередь наличию «подвижной границы» на Западе, как она известна в исторической литературе, создавалась «подвижная граница» между классами, давшая основание К. Марксу, этому беспощадному критику капитализма, заключить в 1852 г., что в США «классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в непрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу...»¹⁸.

На рубеже XIX–XX вв. фронтир (граница) достиг своего естественного географического предела, но его цивилизационное значение не было исчерпано, ибо он *сохранился в качестве социокультурного архетипа в американской национальной ментальности*. В ней прочно укоренилось то представление, что каждый индивидум должен иметь и имеет возможность преодолевать жизненные фронтиры, не бояться «сниматься с места», если возможности имущественного или статусного роста исчерпаны или неудовлетворительны, устремляться на новые места, которые обещают новые, лучшие возможности. Все поколения американцев, даже после исчерпания географического фронтира, демонстрировали гораздо большую, нежели другие народы, горизонтальную мобильность — в случае с американцами способность по несколько раз в жизни сменять места проживания и трудовую деятельность.

На протяжении американской истории важным ее культурно-цивилизационным фактором являлась *иммиграция*. Сначала из европейских стран, а с середины XX в. во все большей мере из Азии, Латинской Америки и Африки. Эта иммиграция приносила с собой новые культурно-цивилизационные веяния, которые влияли на самые разные общественные сферы. Огромная роль многонациональной массовой и перманентной иммиграции в американском обществе и

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 127.

цивилизации признается всеми исследователями. Многие из них убеждены, что она оказывала огромное позитивное влияние на экономическое развитие США. Иммигранты отличались друг от друга и по этническим, и по социальным характеристикам, но вместе с тем среди них преобладали характеры неординарные, смелые, предприимчивые, даже отчаянные (уже сама переправка через океан — путешествие на всю жизнь в неизвестное будущее — требовала незаурядного мужества). По прибытии в Америку они трудились в поте лица своего, выбивались в люди, а совокупность их огромных и методичных индивидуальных усилий увеличивала и благосостояние нации в целом.

Различия между исследователями возникают в вопросе о взаимодействии иммиграции и англосаксонского архетипа американской цивилизации. Господствующим является то мнение, что вплоть до середины XX в. англосаксонский архетип «перемалывал» ментальности не английских иммигрантских этносов, и их представители превращались в американцев англосаксонского культурного типа. Иммигранты впитывали англосаксонский архетип, с одной стороны, неосознанно, поскольку он не просто преобладал, а господствовал в американской цивилизации и сопротивление ему означало превращение в ее изгоя. С другой стороны, большинство иммигрантов осознанно стремились как можно быстрее превратиться из итальянцев, немцев, русских, испанцев в американцев с англосаксонской культурой, поскольку это способствовало ускоренному достижению их Американской мечты.

Историко-социальный механизм ассимиляции иммигрантов в американскую национальную общность на основе восприятия норм господствующей англосаксонской культуры был обозначен в исследовательской культуре как *плавильный котел*. Он определял взаимоотношения этносов в Северной Америке на протяжении трех с половиной столетий. Но на современных исторических этапах, начиная с середины XX столетия, плавильный котел испытывает соперничество со стороны фактора иного толка, обозначаемого как *мультикультурность*. Она означает, что этносы и расы, отличные от англосаксов, обретают право на сохранение и увековечение своей национально-культурной идентичности, которая многими поборниками мультикультурности приравнивается не только к автономии, но даже к суверенитету, и уж, безусловно, к равенству с англо-американским национально-культурным ядром. Взаимодействие двух важнейших цивилизационных факторов — *плавильного котла* и *мультикультурности* — остается проблемой дискуссионной.

Обратимся к цивилизационному фактору внешнеполитического развития США. Отмечу, что это не единственный фактор, влияющий

на внешнюю политику США. Движущие мотивы внешней политики США многочисленны и неоднозначны, но среди них есть место и цивилизационному фактору, который представляется возможным определить как *экспансионистский мессианизм*. О его присутствии в американской истории говорил нынешний президент США Барак Обама: «У нас в ДНК... отпечатано стремление к расширению — географическому, экономическому и идеологическому»¹⁹. В 1823 г. президент США Дж. Монро наделил свою страну миссией гаранта принципов свободы и демократии на всем американском континенте. В 1845 г. в ходе войны с Мексикой была сформулирована одна из самых известных доктрин американского мессианизма — *предопределения судьбы* (Manifest Destiny). Высказанная одним из духовных лидеров Демократической партии Дж. О'Салливаном, она объявляла, что США «предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой Миссии: установить свободу и федеративное самоуправление»²⁰.

В XIX в. идеи национальной избранности и предназначенности Америки к миссии маяка и форпоста демократического будущего человечества становятся неотъемлемой частью национальной ментальности. В последующем картина не изменилась. Президент США начала XX в. В. Вильсон декларировал врожденное предназначение Америки: «Мы пришли спасти мир, дав ему свободу и справедливость». Американский президент начала XXI в. Дж. Буш-младший обосновывал цель «глобальной демократической революции», провозгласил основополагающей задачей внешней политики США «продвижение демократии во всем мире и смену режимов»²¹. На современном этапе идея «предопределения» США для создания мировой демократической империи выступала в идеологии американской элиты наиболее зримо и откровенно.

Наряду с мессианизмом на американскую внешнюю политику оказывали воздействие другие факторы, которые уже нельзя отнести к цивилизационным и которые в равной степени присущи многим странам. Это, в первую очередь, экономические интересы, как национальные, так и господствующего класса. Это также конкретные политические расчеты, призванные обеспечить США ту позицию в ми-

¹⁹ Обама Б. Дерзость мечты. СПб., 2008. С. 313.

²⁰ Weinberg A.K. Manifest Destiny. Baltimore, 1935. P. 145.

²¹ Цит. по: Шлезингер А.М. (мл.). Циклы американской истории. М., 1992. С. 82; Кейган Р. Конец иллюзиям: история возвращается // Pro et Contra. 2007. No 6. С. 21.

ре, которая организует выгодный им баланс сил. Важно находить точную меру влияния культурно-цивилизационного фактора *мессианизма* на внешнюю политику США, но отрицать его значение в формировании американской внешней политики невозможно.

Вводя цивилизационный подход, я не возвожу его в ранг наиболее, а тем более единственно научного, лишенного каких-либо недостатков и слабостей. Одним из слабых мест цивилизационного подхода, проявляющимся в работах, написанных на его основе, является абсолютизация роли цивилизационных факторов на различных исторических этапах. Избежать опасности цивилизационного «перекося» в изучении истории той или иной страны, в том числе и США, можно, в первую очередь, твердо оставаясь на почве историзма. Оставаясь на этой «священной» для любого историка почве, можно обнаружить, что цивилизационные характеристики не были некими монолитами, они видоизменялись в различные исторические эпохи, могли блокироваться, а то и нейтрализовываться иными факторами, как и меняющейся исторической средой. Например, как уже было показано, «плавильному котлу» этнических взаимоотношений на современном этапе противостоит и ослабляет его фактор мультикультурности. Фактор фронта в его прямом значении исчерпал себя на рубеже XIX–XX вв. А такой важнейший фактор, как либерально-капиталистический индивидуализм, на различных этапах приобретал разные формы. Например, в XVII–XVIII вв. он выступал в пуританских одеждах, которые его серьезно регламентировали, даже сковывали, но вместе с тем дисциплинировали. В десятилетия же после Гражданской войны 1860-х гг. он выступал в социал-дарвинистских формах, придавших ему наиболее жесткий, антигуманный характер. В XX в. свершилась новая его модернизация. Цивилизационные категории, как и категории любой иной обществоведческой теории, выражают *определенные важные тенденции, но не более того, они скорее веберовским идеальным типам, а не неким «железным» законам истории.*

Цивилизационные факторы, как можно заключить, присутствуют в экономике, внешней политике, расово-этнических отношениях США и находятся в поле зрения разных дисциплин. Но особенно весомо их присутствие в национальной культуре и ментальности, поэтому их постижение невозможно без привлечения социальной антропологии и культурологии, как и дисциплины, изучающей Соединенные Штаты как цивилизацию. Следующей важной дисциплиной, поставляющей теоретический инструментарий для междисциплинарного изучения американской истории, является *политическая наука.*

В советском общественном сознании она была дисциплиной *non grata*, в постсоветский период стала обретать право гражданства под именем *политологии* (но за рубежом чаще обозначается как *политическая наука*). Отечественные ученые стали осваивать ее категории и подходы, которые приобрели важное значение при анализе не только современности, но и истории. Восприятие этих категорий и подходов обнаружило уязвимость многих построений советских обществоведов, в том числе и американистов. Взять хотя бы характерную для советских американистов попытку рассматривать американскую политическую власть одновременно и как буржуазную демократию, и как диктатуру капиталистического класса. На самом деле понятия *диктатура* и *демократия* несовместимы, и если американская политическая власть всегда была демократической, то она по определению не может быть поименована диктатурой. Что касается классового характера американской политической власти, то он не может быть определен *a priori*, как это по сути делали советские обществоведы, а должен выявляться на основе междисциплинарного теоретического анализа и конкретно-исторической эмпирики, раскрывающей *реальное влияние и реальное участие в политической власти разных социальных классов и групп*. При этом я не считаю классовый анализ несостоятельным по определению, он сохраняет познавательные возможности, но они могут раскрыться только при его соединении с другими научными принципами и, конечно же, при соблюдении принципа историзма. Поясню это на примере изучения все той же политической власти. Как представляется, классовый подход наиболее весом при изучении характера политической власти рабовладельческой и феодальной эпох, когда нижние экономические классы были лишены возможности влиять на нее. Но в капиталистическом обществе такие возможности у них появляются и возрастают. В этом обществе, что ярко проявилось и в американской истории, политическая власть, хотя и не утрачивает элитарного характера и испытывает непропорционально большое влияние со стороны верхнего класса, становится вместе с тем более плюралистической и демократической.

Возможности более полнокровного анализа политической власти как раз заключены в категориях и методологии политической науки. Нельзя не отметить вместе с тем опасности, возникающей в случае механистического восприятия историком категориально-понятийного аппарата этой науки. Приведу один показательный пример. Одной из наиболее распространенных политологических категорий, воспринятых на современном этапе многими отечественными историками, стал *тоталитаризм*. Данное понятие стало применяться при изуче-

нии самых разных исторических тем и периодов. Не только начинающие авторы, но и маститые исследователи, признанные в своих темах авторитеты, используют эту категорию при характеристике политической власти в эпохи Петра I, Ивана Грозного и даже Древнего Рима. Между тем тоталитаризм, как он используется и определяется в политической науке, — феномен, который возникает в XX в., является порождением массовой политики и к более ранним периодам отнесен быть не может.

Ловушка антиисторизма вообще является главной опасностью, возникающей в случае механистического восприятия историками междисциплинарной методологии. Дело в том, что для общественных наук, в отличие от историографии, историзм отнюдь не является «священной коровой». Многие общественные науки, среди них экономика, социология и политология, поставляющие основной арсенал междисциплинарной методологии, сориентированы в первую очередь и даже почти исключительно на изучение современности, многие параметры которой обладают фундаментальными отличиями от параметров прошлых эпох. Кроме того, лежащий в основе главных социальных наук структурно-функциональный анализ ориентирует на изучение константных общественных феноменов, иначе говоря, какие функции и каким образом выполняют те или иные общественные структуры и институты в том или ином временном срезе. Что же касается общественных изменений, имевших место в прошлом, исторической конкретики и специфики, не укладывающихся в структурно-функциональные взаимосвязи, то они зачастую трактуются как не заслуживающая внимания «событийная история».

Некоторые историки предлагают игнорировать категории политологии. Подобный подход представляется мне крайностью. На самом деле категории и понятия политической науки помогают, в случае их надлежащего соединения с собственными методами и приемами исторической науки, глубже и разностороннее раскрывать сущностные, структурные и системные характеристики и взаимосвязи разных исторических эпох. Важно помнить, что эти категории и понятия, также как и цивилизационные категории, являются *теоретическим подспорьем для постижения сущностных характеристик прошлых эпох, но ни в коем случае не их матрицей.*

Назову только некоторые важные категории политической науки, которые табуировались советским обществознанием, но вошли в обиход постсоветского обществознания, в том числе исторической науки. Это *политический режим, политический плюрализм, политическая культура, политический актер, политическая социализация, политиче-*

ский класс, политическое участие, политическая модернизация. Их важность проиллюстрирую при помощи категории *политический режим*. Советское общественное сознание определяло характер государственной власти на основе его конституционного устройства, в результате советская власть представляла как демократическая, поскольку все Конституции СССР были демократическими, в частности провозглашали свободу слова, партий, печати, собраний. Категория же *политический режим* нацеливает на изучение того, как реально функционирует власть, выделяя три главных типа политического режима — *демократический, авторитарный, тоталитарный*. Применив эти категории к советской демократии, нетрудно обнаружить, что она совмещалась с тоталитарным, временами с авторитарным политическим режимом, но никогда с демократическим.

Политический режим США, напротив, был (за исключением колониального периода) всегда демократическим. Демократической была и их политическая власть в целом. Но уровень демократии, как и ее типы, были различными. Но какими? Ответить на эти вопросы как раз и помогает политическая наука. Она насчитывает множество типов демократии: *прямая демократия, представительная демократия, мажоритарная демократия, плюралистическая демократия, процедурная демократия, либеральная и нелиберальная демократия, партиципаторная демократия, элитарная демократия.*

Какая из названных моделей демократии соответствует реалиям США? Представляется, что в полной мере ни одна из них, но в то же время ни одной из них пренебречь невозможно. Все они, даже партиципаторная и мажоритарная демократия, так или иначе, в той или иной степени отражают реалии американской политической системы и истории²². Речь должна идти о том, чтобы *максимально точно определить эти степени, найти верное соотношение обсуждаемых демократических моделей в политической практике*. Отметим, что американские исследователи не проанализировали, как эти модели соотносились на различных этапах американской истории. Неопределенность, сочетающаяся с от-

²² Наряду с охарактеризованными моделями, которые назовем основными, есть и менее известные, например, разработанные политической наукой на самом современном этапе. Это в первую очередь *делиберативная* и *консоциативная* демократия. Первая, обозначаемая иногда также модным в современном общественном сознании словом *дискурсивная*, означает предоставление народу широкой — от локального до национального уровня — политической трибуны для обсуждения важных общественных проблем. *Консоциативная демократия* предполагает пропорциональное представительство в политической власти этнических и религиозных меньшинств. Обе модели разработаны американской политической наукой, но в политической практике США пока что скольконибудь заметного влияния не получили.

кровенными ошибками, характерна для исторических оценок американской демократии, высказанных в российской политологии. В труде, возможно, самого квалифицированного коллектива отечественных политологов говорится: «Лишь в первой половине XIX в. слова демократия и демократ постепенно возвращались в политический словарь, как раз когда система правления США начала отвечать критериям современной демократии: по одним оценкам, этот уровень был достигнут в 1828 г., по другим — через 20 лет, по третьим — только после Гражданской войны 1861–1865 гг.»²³. На самом деле понятие *демократия* прочно укоренилось в США в период революции 1776–1783 гг., в 1790-е гг. одна из двух ведущих национальных партий называлась Демократическо-республиканской; слова «демократ» и «демократия» никуда не исчезали, постоянно упрочивая свое влияние. Но демократической модели, отвечающей «критериям современной демократии», в США не было создано ни в 1828 г., ни через 20 лет, ни после Гражданской войны. Она возникла не ранее 1960-х гг., когда чернокожим американцам были возвращены избирательные права, отнятые у них южными расистами в конце XIX в., и когда возрастной ценз уже для всех избирателей был снижен до 18 лет, а все иные избирательные цензы отменены.

В своем собственном исследовании²⁴ автор этой статьи попытался выявить соотношение разных демократических моделей и начал на разных исторических этапах, выделив в результате *шесть исторических периодов* и соответственно *шесть исторических типов демократии*. Хронологически это следующие периоды: 1) 1607–1776 гг.; 2) последняя четверть XVIII в.; 3) 1800–1860-е гг.; 4) 1870–1910-е гг.; 5) период между двумя мировыми войнами; 6) от окончания Второй мировой войны до наших дней.

На первом этапе демократия присутствовала в зачаточном состоянии. Зарождалось разделение властей и относительно широкое избирательное право (им было наделено более 50% свободных белых мужчин). Политическая культура носила патриархально-подданнический характер, в результате избиратели делегировали в законодательные ассамблеи представителей одних и тех же богатых семей. Соединение власти с собственностью придавало колониальной демократии не просто элитарный, а *олигархический* характер.

На втором этапе в период революции 1776–1783 гг. на уровне штатов получила развитие *прямая демократия*, было расширено избирательное

²³ Категории политической науки / Автор концепции проекта и руководитель авторского коллектива А.Ю. Мельвилл. М., 2002. С. 209.

²⁴ *Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.

право. Во время принятия федеральной конституции 1787 г. ее авторы осудили эксцессы демократии и противопоставили ей в качестве идеальной формы *республику*. Но в действительности они отождествляли демократию только с моделью прямой демократии, а созданная ими республика означала не что иное, как создание новой модели демократии — *представительной*. С принятием в 1789 г. федерального Билля о правах демократия в США приобрела *либеральный* характер. После возникновения в 1790-е гг. партийно-политической системы демократия приобрела также *плюралистический* характер. При этом она не утратила элитарного характера, но «наследование» элитой политических постов сошло на нет. В отличие от колониального периода возникает реальный *политический рынок* и идейно-политическая конкуренция элит.

На третьем этапе избирательное право было распространено на всех белых мужчин, а по завершении Гражданской войны, отменившей рабство, и на чернокожих американцев. Произошла демократизация как процедур выдвижения кандидатов на выборные должности, так и самих выборов. *Плюралистический* и *либеральный* характер демократии упрочился, но *элитарный* характер не исчез, хотя сама элита стала более открытой.

В начале четвертого этапа, в последней четверти XIX в., наблюдался ярко выраженный *олигархический крен* в развитии демократии. Капиталистический класс сумел в наибольшей степени за всю американскую историю подчинить своим интересам как государство, так и обе главные партии. В южных штатах чернокожие в результате введения избирательного налога и ценза грамотности были фактически лишены избирательного права. Но в начале XX в., в «Прогрессивную эру», наблюдалась реанимация и расширение демократии. Произошло укрепление *процедурной* и *партиципаторной* демократии. В большинстве штатов были введены праймериз — первичные выборы (выдвижение кандидатов на выборные должности самими избирателями). В конституции большинства штатов были вписаны процедуры референдума избирателей и досрочного отзыва депутатов, утративших доверие. Были введены прямые выборы сенаторов США. В 1918 г. одобрено избирательное право для женщин. Но политические права чернокожих в южных штатах не были восстановлены.

На пятом этапе процесс демократизации получил развитие в 1930-е гг. под воздействием Нового курса Ф.Д. Рузвельта. Политическая демократия была сохранена в прежнем объеме, но благодаря реформам Рузвельта были расширены социальные права нижних слоев и таким образом политическая демократия дополнена определенным объемом социальной демократии.

На шестом этапе политическая демократия получила серьезное развитие. Были восстановлены политические права чернокожих в южных штатах, расширены политические права женщин и иммигрантов, снижен возрастной ценз для участия в выборах, введены ограничения на финансирование избирательных кампаний корпорациями. Произошла демократизация *групп интересов*. Вместе с тем в развитии политического плюрализма наблюдался застой: третьи партии практически утратили какое-либо влияние, две главные партии приобрели характер политических олигополий.

Нововведения XIX–XX вв. укрепляли в основном *представительную* и *плюралистическую* демократию, а также отчасти *прямую* и *партиципаторную*. Прямая и партиципаторная демократия воплотились почти исключительно в конституциях штатов. На современном этапе американская демократия упрочила *либеральный* характер (т.е. поддержание баланса прав большинства, меньшинств и индивидов). Политический рынок и конкуренция заключали тенденцию создавать выигрышные условия и позицию для богатых и обеспеченных слоев и групп, располагавших наибольшими финансовыми возможностями для продвижения собственных интересов и кандидатов. Это заключало опасность политического возвышения олигархии, которая в отдельные периоды выступала зримо. Но средние и нижние слои противостояли этой тенденции и не раз ее успешно блокировали. Их усилиями поддерживался и укреплялся плюралистический характер демократии. В целом же современную модель американской демократии можно определить как *либеральную* и *элитарно-плюралистическую*. Таков кратко итог исследования истории американской демократии с использованием категорий и подходов политической науки.

Обратимся теперь к междисциплинарному изучению американской социальной истории, в котором главная роль принадлежит *синтезу методов исторической и социологической наук*. В советский период, опираясь на марксистско-ленинский классовый подход, который в каждой «антагонистической» общественно-экономической формации (рабовладельческая, феодальная и капиталистическая) выделял два главных противоборствующих класса, отечественные американисты рассматривали пролетариат и капиталистический класс как двух основных и непримиримых субъектов американской истории. При этом первостепенное внимание было уделено рабочему классу, рассмотрение которого в свою очередь в серьезной мере подчинялось идеологизированным схемам и иллюзиям. «Сверхзадачей» являлось отыскание радикального и социалистического потенциала американского рабочего класса, неприятия им капитализма и капиталистиче-

ской эксплуатации, поиска ответов на вопросы, почему «социалистический» и «революционный» потенциал американского пролетариата не реализовывался в те или иные эпохи, какие ошибки и просчеты совершали американские коммунисты и социалисты, призванные возглавить пролетариат в борьбе против капитализма.

Научная уязвимость подобного подхода, как и основанных на нем исследований американского пролетариата и буржуазии, в целом *социальной истории*, очевидны. Непредвзятый взгляд на американскую историю обнаруживает, что историческая роль, влияние и облик американского пролетариата были советскими американцами искажены. В действительности на протяжении большей части американской истории конфликт пролетариата и капиталистического класса не играл главной роли. В течение четырехвековой американской истории этот конфликт только дважды — на рубеже XIX–XX вв. и в 1930-е гг. — выходил на ведущее место в социальных взаимоотношениях Соединенных Штатов, приобретал радикальный, но вместе с тем даже и в те периоды не антагонистический характер. Во все же иные эпохи американской истории основное социальное напряжение в США создавалось иными социальными силами, которым отечественные американцы не уделили должного внимания. Кроме этого, пролетариат и капиталистический класс, как, впрочем, и другие социальные группы и слои, не только конфликтовали, но и взаимодействовали, договаривались, сосуществовали. Эти стороны советских американистов практически не интересовали.

Изучение истории рабочего движения США может быть продолжено с современных позиций. Важно объективно исследовать соотношение различных тенденций в рабочем движении. Но в не менее объективном и активном изучении нуждаются другие объекты социальной истории: разнообразные расово-этнические, религиозные, возрастные, гендерные и иные социальные группы. Многие из них на тех или иных этапах американской истории оказывали на общество большее воздействие, чем рабочий класс. Например, в колониальный период особое значение приобрели религиозные группы и их конфликты. Значение религиозных групп в социальных отношениях в последующие периоды ослабевало, но всегда оставалось важным вплоть до наших дней. Их изучение в контексте социальной истории остается «белым пятном» отечественной американистики.

На современном этапе особое значение приобрел гендерный (между женщинами и мужчинами) конфликт, который играл более важную роль. Американская историография избрала гендерные отношения в качестве своего важнейшего объекта применительно ко всем этапам

истории. В результате в изучении социальной истории произошел даже определенный перекокс: значение этого конфликта применительно к некоторым историческим эпохам было преувеличено. Отечественная историография может внести свою лепту в установление объективной роли гендерного конфликта на разных этапах американской истории.

В последние десятилетия более важное значение, нежели классовый конфликт, в США приобрели расово-этнические конфликты. А в 1960–1970-е гг. особенно острым был конфликт разных поколений, и молодежь создавала гораздо более острые конфликтогенные ситуации, нежели рабочий класс. На новейшем этапе на ведущую позицию вышел социокультурный конфликт, и применительно к 1980–2000-м гг. в США говорят о важнейшей роли «культурных войн», расколовших Америку на «две нации» — приверженцев традиционных социокультурных ценностей и норм и сторонников социокультурного модерна (поведенческая девиация, нетрадиционная семья и нетрадиционные сексуальные ориентации и т.д.). Объективное и полнокровное изучение всех этих конфликтов историками невозможно без овладения разнообразными теоретическими и методологическими подходами и инструментариями, которые ранее не использовались.

Современная социологическая наука как раз включает в себя категории и подходы, которые в случае соединения с собственными методами исторической науки, в первую очередь, историзмом помогают преодолеть «узкие места» отечественной американистики и расширить возможности объективного и творческого изучения социальной истории. Отмечу, что мировая социологическая наука не отвергает категории *классы*, но трактует их иначе, чем марксистская наука. Социальную дифференциацию (стратификацию) она рассматривает более широко, включая в нее на равных с экономическими классами крупные социальные группы — расово-этнические, религиозные, возрастные, гендерные. Для изучения американской социальной истории подобное повышение статуса этих социальных групп имеет важное значение, поскольку на многих исторических этапах именно они, а не экономические классы выходили на ведущую общественно-политическую позицию.

Социология предлагает историографии целый набор важных познавательных категорий. Вот только некоторые среди них: *горизонтальная и вертикальная социальная мобильность, социальные группы и социальные институты, социальная культура и социальные субкультуры, предписанные и приобретенные социальные статусы, социализация первичная, вторичная и ресоциализация, социальная стратификация, социальная роль.*

Возьмем проблему *вертикальной и горизонтальной социальной мобильности в американской истории*. Применительно к современному этапу она весьма активно исследуется американской социологией, применяющей собственные исследовательские методики, включая количественные методы исследования. Под вертикальной социальной мобильностью при этом понимаются динамика взаимоотношений и «взаимообмен» между всеми социальными общностями, а особенно экономическими классами. Но применительно к прошлым этапам, что является уже доменом исторической науки, эта тема исследуется слабо. Не отличается активностью в ее исследовании американская историческая наука, а отечественную американистику она практически вообще не интересуется.

Альянс исторической науки с социологией (так же как и с политологией) возможен только на равноправной основе. Принцип историзма, не интересующий социологию, ни в коем случае не должен приноситься в жертву. Кроме того, важно учитывать, что в рамках самой социологии единства нет, она разделена на многие школы. Укажу на анализ американской социологией социума постиндустриального общества. В его изучении американскими социологами характерен теоретический и методологический плюрализм, перерастающий в некий хаос. Практически каждый более-менее значительный исследователь предлагает собственную модель американской социальной структуры²⁵. У российских историков-американистов есть все основания занять собственное место в этой дискуссии, сочетая категории и подходы социологической науки с собственной методологией историографии.

Междисциплинарность не отрицает значения традиционных подходов исторической науки. Они сохраняют и в обозримом будущем сохранят ведущую позицию в отечественной исторической американистике. Междисциплинарные подходы, расширяющие ее познавательные возможности, важно поддерживать. Как представляется, усилий отдельных исследователей для этого недостаточно. Познание междисциплинарной методологии важно пестовать среди студентов и аспирантов исторических факультетов высших учебных заведений и исторических институтов Академии наук. Только в этом случае она может пустить прочные корни в исследовательской практике исторической науки.

²⁵ См. подробно: *Согрин В.В.* Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества // Новая и новейшая история. 2008. № 3.

Вместо заключения. Современный диалог историографий России и США

Взаимоотношения историографий России и США прошли в своем развитии два периода: *советский и постсоветский*. Между двумя периодами существуют серьезные различия. Главное различие обозначу сразу. Лейтмотивом советского периода было *противоборство* двух историографий, претензия каждой на монополию исторической истины, хотя не исключалось определенное сотрудничество. В постсоветский период на ведущую позицию выдвигается *диалог* историографий, хотя не исчезло и противоборство, удельный вес которого изменчив и обнаруживает зависимость от изменения внутривнутриполитических реалий в каждой из стран, как и их взаимоотношений на международной арене.

В советский период отечественная американистика опиралась на формационное учение и классовый подход, что уже предопределяло ее противостояние с американской исторической наукой. Кроме того, она развивалась в контексте холодной войны, которая не могла не определять ее установок в отношении к США, а кроме того, эти установки прямо «спускались сверху» партийными органами и игнорировать их было невозможно и опасно. Наконец, примем во внимание то, что в советской исторической науке существовало специальное направление «Критика и борьба с буржуазными фальсификациями истории», которое было необычайно влиятельным и боевым. Боюсь ошибиться, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что львиная доля историографических конференций советского периода была посвящена именно борьбе с буржуазной, или, как часто говорили, *антимарксистской историографией*. Не счесть докторских и кандидатских диссертаций, посвященных критике антимарксистской историографии, при этом главным ее представителем, можно сказать авангардом, неизменно оказывалась историческая наука США. Больше всего доставалось

тем, кто занимался российской и советской историей, так называемым советологам¹.

Но и в советский период были примеры иного отношения к историографии США, как и к американской истории. Яркий пример, как показано во введении, касается изучения истории двухпартийной системы США лабораторией американистики Исторического факультета МГУ, созданной во второй половине 1970-х гг. профессором Н.В. Сивачевым. Тот же Н.В. Сивачев явился инициатором и главной «пробивной силой» учреждения в 1974 г. на историческом факультете Московского государственного университета лекционной программы по истории США, финансируемой фондом Фулбрайта. Ежегодно по Фулбрайтовской программе в МГУ приезжали и читали лекционные курсы ведущие историки США, среди них такие звезды, как Э. Фонер, Л. Литвак, А. Келли. Взаимодействие историографий США и СССР усиливалось, как правило, в периоды разрядки. На пике разрядки возникла Фулбрайтовская лекционная программа, активизировались академические обмены, интенсивно проводились коллоквиумы историков России и США, инициативная роль в которых с советской стороны принадлежала Институту всеобщей истории Академии наук. Но подобное сотрудничество не отменяло «генеральной линии» противоборства историографий СССР и США. При этом советская историография стремилась привлечь в свои союзники марксистских историков США, а также «новых левых» исследователей. Практически 100% книг по истории США, переведившихся на русский язык в советский период, принадлежали именно этим исследователям². Их традиционно именовали «прогрессивными историками» (не путать с *прогрессивной школой*, которая на русский язык должна переводиться как *прогрессивная* — progressive school, — но такой чести со стороны советских переводчиков и историков не удостоилась. — *Авт.*).

¹ Идеологический ритуал требовал обозначить борьбу с буржуазной историографией в самом названии историографической работы. Мой учитель, И.П. Дементьев, рассказывал, что когда он публиковал кандидатскую диссертацию об американской историографии Гражданской войны в США, ему пообещали увеличить тираж книги в несколько раз, если он употребит в названии сакральное слово «фальсификация». Но он отказался (см.: *Дементьев И.П.* Американская историография гражданской войны в США (1861–1865). М., 1963). Но если бы он писал об американской историографии российской истории, такой отказ грозил бы обвинением в утрате классового чутья.

² См., напр.: *Ален Дж.* Реконструкция: Битва за демократию. М., 1963; *Антекер Г.* Колониальная эра. М., 1961; *он же.* Американская революция, 1763–1783; *Бимба А.* История американского рабочего класса. М., 1930; *Вильямс В.Э.* Трагедия американской дипломатии. М., 1960; *Перло В.* Империя финансовых магнатов. М., 1958; *Рочестер А.* Американский капитализм, 1607–1800. М., 1950; *Фонер Ф.* История рабочего движения в США. Т. 1–5. М., 1949–1983; *Фостер У.З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.

Ситуация стала резко меняться во второй половине 1980-х гг. в период горбачевской перестройки. Курс М.С. Горбачева на прекращение холодной войны, развитие взаимопонимания и сотрудничества с США имели следствием смягчение идеологической конфронтации между двумя странами и, конечно же, между их историографиями. Эти тенденции углубились в период президентства Б.Н. Ельцина (1991–1999), который объявил Россию и США однородными цивилизациями. Если в горбачевский период советская политическая элита идеологически стала ориентироваться на конвергенцию социализма и капитализма, то после распада СССР в ельцинской России был провозглашен курс на построение либеральной демократии по образу США. В 1993 г. была принята либерально-демократическая российская Конституция, в которой ощущалось влияние федеральной Конституции США. Новые времена наступили и в российском обществознании, в том числе в историографии и американистике. Часть российских американистов отказались при изучении США от формационного подхода в пользу цивилизационного (большая часть американистов пыталась соединить два подхода). Были восприняты методологии и теоретические разработки западных социальных наук, так что российское обществознание, в том числе американистика стали опираться на новую междисциплинарность, радикально отличную от прежней марксистско-ленинской. В результате прежние гиперкритические оценки американского исторического опыта стали меняться на более взвешенные. Не обошлось без крайностей — некоторые американисты, оценивая разнообразные явления истории и современности США, стали откровенно менять прежние *минусы* на *плюсы*.

Начиная со второй половины 1980-х гг. наблюдался настоящий бум в переводе и издании на русском языке работ западных, в первую очередь американских политологов, социологов, экономистов, историков, международных. Произошла реабилитация американской советологии: те, кого прежде называли антисоветчиками, предстали как авторитетные и квалифицированные специалисты по российской истории. Яркий тому пример — Ричард Пайпс, до того обозначавшийся как антисоветчик № 1. Большое количество его работ были переведены на русский язык³, а некоторые, прежде всего, «Россия при

³ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М. 1993; *он же.* Струве. Биография. Т. 1–2. М., 2001; *он же.* Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005; *он же.* Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005; *он же.* Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. М., 2005; *он же.* Русский консерватизм и его критики. М., 2008.

старом порядке», включены в списки обязательной литературы в университетских курсах по отечественной истории. Еще больше было переведено на русский язык и издано работ американских авторов по истории США. Теперь среди них доминировали те, кого в советский период зачисляли в консервативную (консенсуса) и либеральную школы, и в течение двух десятилетий количество их работ, переведенных на русский язык, значительно превзошло количество книг американских «левых» историков, изданных в СССР в течение 70 лет. Назову только самых именитых либеральных и консервативных историков США, переведенных на русский язык: Б. Бейлин, Д. Бурстин, М. Лернер, А. Шлезингер-младший, Ф. Дж. Тернер, Л. Харц⁴.

А если добавить к внушительному списку либеральных и консервативных историков США еще более внушительный список переведенных на русский язык ведущих либеральных и консервативных американских политологов, социологов, международных⁵, то тогда можно было бы говорить, если воспользоваться языком леволиберальных и радикальных обществоведов Соединенных Штатов, о торжестве в постсоветской России американского «культурного империализма».

Этим термином пользоваться не буду, напротив, отмечу, что российские ученые, среди них и историки, восприняли американский обществоведческий «десант» с удовлетворением и в своем большинстве проявили готовность учить его теоретические разработки в собственных работах. Если не все, то многие среди них были готовы

⁴ Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М., 2009; Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993; *он же*. Американцы: демократический опыт. М., 1993; *он же*. Американцы: национальный опыт. М., 1993; Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1–2. М., 1992; Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992; Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993; Тернер Дж. Ф. Фронтир в американской истории. М., 2009.

⁵ См., напр.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998; *он же*. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004; Даль Р. Введение в экономическую демократию. М., 1991; *он же*. О демократии. М., 2000; *он же*. Демократия и ее критики. М., 2003; Дьюи Дж. Демократия и образование. М., 2000; Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997; Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997; Сантаяна Д. Характер и мировоззрение американцев. М., 2003; Смелзер Н. Социология. М., 1994; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004; *он же*. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2008; Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003; *он же*. Столкновение цивилизаций. М., 2003; *он же*. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004; Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

строить отношения с социальными и гуманитарными науками США в режиме диалога, а не противоборства, как это было прежде. Реакция американских обществоведов была, на мой взгляд, несколько иной. Они готовы были к роли учителей, но не к диалогу равных.

В качестве одного примера приведу публикацию в США в постсоветский период четырех выпусков работ российских американистов, сопровождаемых комментариями американских историков и ответами российских авторов. Общее название выпусков — «Российско-американский диалог по истории политических партий США». Первая книга, изданная в 1989 г., была посвящена периоду Нового курса; вторая, вышедшая в 1995 г., охватывает период Американской революции; третья книга, увидевшая свет в 1997 г., посвящена российско-американским культурным связям до 1914 г.; наконец, четвертая, изданная в 2000 г., вмещает всю историю США. Само издание в целом нельзя признать вполне удачным по той причине, что в него включены работы российских историков, увидевшие свет в советский период, преимущественно в 1960–1970-е гг., т.е. за 20–30 лет до их перевода на английский язык. К 1990-м гг., учитывая серьезную трансформацию российской американистики, о которой я говорил, они в ряде отношений устарели. Тем не менее, это лучшие работы советского периода, выдержанные в духе школы Н. Сивачева, о которой я писал выше. Предисловия во всех четырех книгах написаны именно в форме научного диалога, учитывавшего веяние времени. А вот комментарии американских историков к конкретным статьям выдержаны в большинстве случаев в духе «холодной войны» и с абсолютной уверенностью, что именно этим историками принадлежит абсолютная истина⁶. Уверенность в превосходстве американской исторической науки и в том, что российские авторы могут в лучшем случае повторить то, что написали американцы, — вот лейтмотив американских комментаторов.

Это отношение к российским обществоведам и историкам как к авторам, которые не могут открыть американцам ничего, что те не знают сами, ярко проявляется и в современном идейно-информационном обмене между Россией и США. Это не обмен, а улица с односторонним движением. Я уже назвал десятки американских обществоведов, переведенных в 1990–2000-е гг. на русский язык. Могу назвать еще не менее ста. Если же я предложу американским историкам назвать имена хотя бы трех-четырех российских профессиональных

⁶ См., напр.: *Russian-American Dialogue on the American Revolution* / Ed. G.S. Wood, L.G. Wood. Columbia, London, 1995; *Russian-American Dialogue on the History of U.S. Political Parties* / Ed. E.F. Yazkov, L.W. Potter. P. Columbia, London, 2000.

историков-американистов, исследовательские монографии которых были изданы в эти же десятилетия в США, то боюсь, что поставлю их в тупик. В душе же, не сомневаюсь, большинство американских историков поморщатся: да что могут нового сообщить нам авторы из России? Получается, что в американском восприятии все российские истории, вместе взятые, не стоят даже одной трети Пайпса.

Менторский тон, этот индикатор мессианского сознания и чувства национального превосходства, сохраняется у нынешних американских ученых при анализе российского общества. Известный российский американист Э.Я. Баталов показал это в одной из своих последних книг⁷. Как явствует из исследования Э.Я. Баталова, типичным американским оценкам российского политического процесса присуще его «измерение» на основе демократических норм собственной страны, рассматриваемых как универсальные. Это реальный научный недостаток. Заключается он, конечно, не в том, что американские русисты указывают на недемократические черты российской политики, а в том, что занимают при этом назидательно-поучающую позицию, произносят, замечая или не замечая этого, «приговоры» и «выговоры», выступают в роли представителей нации, наделившей себя по собственной воле миссией построения мировой демократии.

Матрица конфронтации, к сожалению, еще сохраняет прочные позиции во взаимоотношениях историографий двух стран. Возлагать вину за это только на американских ученых было бы, конечно, явным преувеличением. Российская ментальность также сохраняет конфронтационные черты, которые не могут не влиять на историческую науку. В 2000-е гг. конфронтационные начала в отношении России к США в сравнении с 1990-ми гг. усилились. Это показательным образом отразилось на книгах американских авторов, переводимых и издаваемых в России. Если в 1990-е гг. среди этих книг откровенно доминировали работы либеральных и консервативных авторов, создающих в высшей степени позитивный образ Америки, то в 2000-е гг. все больший удельный вес занимают авторы, жестко критикующие Америку. Это в основном радикальные исследователи, такие как К. Паренти, Г. Зинн, Г. Видал, но также и те, как консерватор-традиционалист П. Бьюкенен, которые жестко критикуют внутреннюю и внешнюю политику США⁸.

⁷ Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М., 2010.

⁸ Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М., СПб., 2003; *он же*. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М., 2006; Видал Г. Почему нас ненавидят. Вечная война ради вечного ми-

Показательно, что российские книжные издательства, публикующие эти книги за счет патриотических отечественных спонсоров (а в 1990-е гг. американские авторы издавались по преимуществу при финансовой поддержке Информационного агентства США), публикуют их нередко в рубрике «Америка против Америки». То есть читателю хотят сказать: пороки и недостатки Америки реальны, ведь они признаются и бичуются самими американцами, а не отечественным агитпропом.

Итак, и для американской, и для российской историографий смена *противоборства* на *диалог* остается актуальной задачей. Не будет лишним кратко сформулировать различие между двумя категориями. *Противоборство* означает стремление к научной монополии, к дискредитации и устранению оппонента — соперника, а *диалог* означает взаимообмен научными результатами и дискуссию в целях совместного приближения к научной истине, что предполагает восприятие у оппонента рациональных аргументов, выводов, достоверных фактов. *Противоборство* — это «игра с нулевой суммой», а *диалог* — это научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, это приращение общего знания в интересах исторической науки в целом.

Необходимо признать, что культура диалога в российской историографии еще далеко не сформирована, у многих историков она отсутствует, но в ее развитии в постсоветский период достигнуты позитивные результаты. На мой взгляд, в развитии отечественной американистики принципиально важным новым явлением является именно изменение ее взаимоотношения с зарубежной исторической наукой в целом и американской в частности. В советский период, как уже было отмечено, эти взаимоотношения включали в качестве основополагающей составляющей *борьбу с буржуазной историографией*. Возможность творческого восприятия тех или иных положений зарубежной историографии практически касалась только тех школ, которые были близки к марксизму, а в отношении выводов, подходов, концепций иных школ предполагалась оппозиционная, зачастую непримиримая позиция. В постсоветский период эта установка утрачивала значение, борьба с буржуазными школами уступала место *диалогу и дискуссии* со всеми без исключения направлениями и течениями мировой исторической науки, а главным критерием отношения к выво-

ра. М., 2006; *Зинн Г.* Народная история США. М., 2006; *Канхен Ч.* Закат Америки. Уже скоро. М., 2004; *Паренти М.* Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США. М., 2006; *он же.* Власть над миром. Истинные цели американского империализма. М., 2006.

дам и концепциям той или иной школы становится их соответствие исторической реальности, а не ценностно-мировоззренческие предпочтения представителей данной школы. Отечественная американистика, как и вся отечественная историческая наука, сохраняя национальные черты, вместе с тем стала все более тесно интегрироваться в мировую историческую науку, что влечет за собой признание и максимальный учет научных достижений самых разных, в том числе противостоящих, жестко конфликтующих исследовательских школ.

Такой подход к зарубежным научным школам порождает ряд проблем, прежде неизвестных. Главная проистекает из того, что зарубежные школы часто находятся между собою не просто в соперничающих, а в антагонистических отношениях, и механическое, непрофессиональное восприятие их научных результатов может привести к чудовищной эклектике или принятию в изложении той или иной проблемы беспринципной позиции «с одной стороны, но с другой стороны». Серьезность этой проблемы я уже иллюстрировал во введении при помощи переведенных на русский язык двух классических фундаментальных работ по истории США, принадлежащих признанным лидерам соперничающих научных школ (первая работа — это трехтомный труд Д. Бурстина «Американцы», а вторая — монография Г. Зинна «Народная история США»).

Позиции Бурстина и Зинна отражают не их индивидуальные особенности, а важнейшую черту американской исторической науки в целом. Во все времена она была разделена на соперничающие школы. Объективная оценка разных школ американской историографии крайне важна для определения российскими американистами самостоятельной исследовательской позиции в изучении истории США. Я привлекаю внимание к важной особенности историографии США, которая ярко свидетельствует, что изучение собственной истории любой национальной историографией неизменно испытывает сильнейшее влияние со стороны политики, соперничающих идеологий, различающихся общественных сил. Наличие данной особенности у американской профессиональной историографии, помимо всего прочего, убеждает, что у специалистов из других стран, в том числе у российских американистов, рассматривающих историю США «со стороны», есть определенные преимущества для занятия непредвзятой научной позиции.

Уже в силу отмеченного обстоятельства российская американистика будет иметь собственное лицо и будет интерпретировать и оценивать факты и явления американского прошлого отлично от американских авторов. Российские американисты, безусловно, не могут обойтись без достижений американской историографии в собствен-

ном постижении истории США, но и американские историки в случае заинтересованности в более глубоком и всестороннем осмыслении исторического опыта США могут почерпнуть полезные оценки, заключения, интерпретации из исследований российских ученых.

У российских американистов есть основания вырабатывать собственную исследовательскую позицию в постижении исторического опыта США. Для самого себя я формулирую эту позицию так: раскрывать и исследовать максимально полно самые разнообразные явления и стороны американской истории, все ее «плюсы» и «минусы» и стремиться к нахождению их объективного соотношения, *точной меры*. Конечно, понятия «плюсы» и «минусы» американской истории не могут не отразить присутствия у историка определенной мировоззренческой позиции. Если попытаться обозначить мою собственную позицию, то я бы предпочел определение *гуманистический подход. Улучшение материального положения, условий и качества жизни, свободы не одного или даже нескольких социальных классов и групп, а всех их, равно как и всех членов общества и всего народа — этот критерий присутствует в моем сознании при оценке эволюции любого общества, в том числе и американского*. Но, конечно, данный подход в профессиональной исторической работе не может абсолютизироваться, приобретать характер императива, ибо это создает опасность перехода на позицию, схожую с политкорректностью. Наиболее надежным противоядием от этой опасности опять-таки является историзм — оценка исторических изменений в контексте исторических возможностей и условий страны, как и в связи с тем, как, в каком направлении они обновили общество в сравнении с предшествующими этапами истории.

Именной указатель

- Адамс Дж. 47
Александр II 15
Аллисон У. 167
Аламсон У.Ч. 179
- Байлс Р.** 210
Балтиморы, семейство 32
Барджес Дж. 118
Баталов Э.Я. 340
Бейлин Б. 20, 338
Бейтмен Ф. 102
Беккер К. 20
Белл Д. 239, 315
Бенсон Л. 108
Бентон Т. 109
Берли А. 214, 216
Бернстейн Б. 209
Бергоф Р. 37
Берч П. 167
Бирд Ч. 49, 50, 76
Бирды, супруги 119
Болховитинов Н.Н. 84
Брайан Д. 45
Брандейс Л. 225
Браун Джон 135, 136
Браун У. 30
Бринкли А. 212
Бродель Ф. 303
Брунсон О. 109
- Бурстин Д. 12, 13, 19, 154, 338, 342
Буш-младший Дж. 324
Бьюкенен Дж. 135
Бьюкенен П. 340
Бэкон Н. 22
Бюрен М. Ван 109, 110
- Вагнер Р.Ф.** 224, 227, 230, 235
Вандербилт К. 157, 158, 164
Вашингтон Б. 197
Вашингтон Дж. 39, 41, 61, 114, 297
Вашингтон Марта 41
Вебер М. 242
Видал Г. 340
Вильсон В. 173, 174, 177, 178, 180, 200, 202, 209, 212, 237, 297, 324
Вильямс В.Э. 308
Вольтер 307, 317
Виси Д. 123
Вуд Г.С. 20, 21, 34
- Гамильтон А. 23, 47, 48, 55, 59, 61, 62, 64, 65, 67, 72, 113, 267
Гарви Маркус 197
Гардинг У. 198
Гарриман Э. 157, 158

- Гаррисон У.Л. 127, 135, 136, 296
 Гегель Г. 92, 320, 321
 Гейтс У. 248
 Георг III 20
 Гетти Дж.П. 248
 Гитлер А. 296
 Гопкинс Г. 227
 Гор А. 305
 Горбачев М.С. 337
 Горчаков А.М. 15
 Грант У. 143, 156
 Грей Л. 99
 Гувер Г. 198–200, 203, 204, 208, 209, 212, 213, 216, 228
 Гудрич К. 93
 Гульд Дж. 158
- Дай Т. 247
 Данмор, лорд 39
 Даннинг У. 118, 119
 Дарвин Ч. 193, 194
 Дементьев И.П. 10
 Джей Дж. 59, 69
 Джеймсон Дж. 20
 Джексон Э. 71, 92, 104–106, 109–115, 237, 267–269, 297, 309
 Дженсен М. 20, 43
 Джерри Э. 51
 Джефферсон Т. 39, 50, 61–67, 70–72, 114, 202, 215, 269, 297, 307, 309
 Джиновизе Ю. 101
 Джонс П. 172
 Джонс С. 172
 Джонсон Л. 253, 299
 Джонсон Т. 172
 Джонсон Э. 119, 140, 142, 143
 Дидро Д. 317
 Дикинсон Дж. 52
- Диккенс Ч. 270
 Домхоф Дж. 291
 Дрейпер Дж. 119
 Дубофски М. 165
 Дуглас С. 129, 130
 Дэвис Д.Ф. 117, 118, 136
 Дэвис Дж.У. 202, 203, 227
 Дэвис К. 244
 Дэвисон С. 93
 Дьюба У. 197
 Дюпоны, семейство 248
- Ельцин Б.Н. 337
- Зайченко А. 248
 Зейдель Э. 172
 Зинн Г. 12, 13, 340, 342
- Иван Грозный 327
 Икес Г. 227
 Илвейн Мак 206
- Карнеги Э. 273
 Карнеги, семейство 248
 Кац М. 256, 258
 Кейнс Джон 218
 Келли А. 336
 Кеннеди Дж.Ф. 297, 299
 Кинг М.Л. 297
 Кинг Р. 73
 Кинг У. 274
 Клей Г. 128
 Клейтон Г. Де Ламар 178, 179, 200
 Кливленд Г. 163
 Клэр А. 47
 Колко Г. 154, 155, 180
 Колчин П. 101
 Конрад А. 99
 Кофлин Ч. 223
 Кредер А.А. 86

- Кругман П. 285, 286
 Кулидж К. 198
 Кэлхун Дж. 109
- Ланд Э. 248
 Лафоллетт Р.М. 172, 203, 222
 Лемке Уильям 223
 Ленин В. 21, 89
 Лернер М. 338
 Ливингстоны, лендлорды 31
 Линдерт П. 265
 Линкольн А. 92, 117, 131–133, 136, 137, 139–142, 227, 237, 267, 269, 289
 Линкольн Ч. 20
 Липпман У. 189, 202, 290
 Литвак Л. 125, 336
 Лонг Х. 222, 223, 236
 Лоу С. 172
 Лундестад Г. 311
 Лэдд Э. 225
 Людвиг Д. 248
- Макаду У. 202
 Маккинли У. 175
 Маккормик Р. 169
 Манси Ф. 180
 Маркс К. 21, 94, 332
 Маршалл Дж. 115
 Мейер Дж. 99
 Мейн Дж.Т. 20, 25, 26
 Мейн Ф.Дж. 262, 263
 Мередит Дж. 296
 Меллон Э. 201
 Меллоны, семейство 248
 Миллс Р. 291
 Миллс Ч.Р. 242
 Миронов И.Б. 15
 Моли Р. 211, 214, 216
 Монро Дж. 70, 71, 73, 123, 309, 324
- Монтескьё Ш.Л. 307
 Морган Дж.П. 158, 161, 163, 175, 273
 Морганы, семейство 248
 Моррис Г. 52
 Муди Дж. 161
 Мур У. 244
 Мэдисон Дж. 47, 48, 51–53, 55, 57, 59, 62, 64, 70, 71
 Мюрдаль Г. 256
 Мюррен Дж. 37
- Наполеон Бонапарт 72
 Невинс А. 20
 Нокс Г. 47
 Норт Д. 75, 76, 103
 Нэш Г. 264
- О'Салливан Дж. 112, 309, 324
 Обама Б. 297, 310, 324
 Олдрич Н. 167
 Оуэн Р. 109
- Пайпс Р. 337
 Паккард Д. 248
 Паренти К. 340
 Паренти М. 287, 288, 306
 Паркс Р. 296
 Пейн Т. 24, 44
 Пенны, семейство 32
 Перкинс Дж.У. 180
 Перкинс Ф. 221, 227, 229
 Перлмуттер А. 306
 Пессен Э. 165
 Петр I 327
 Пирс Ф. 135, 229
 Платт О. 167
 Поршнева Б.Ф. 16
 Проссер Г. 123
 Пэттен С. 189

- Райен Дж. 275
 Райт Г. 98, 272
 Рамсей Д. 46
 Рандольф Э. 51
 Ратледж Дж. 52
 Раш Б. 44
 Рейган Р. 199, 253, 300
 Ремини Р. 115
 Робертсон Р. 155
 Рокфеллер Дж. 154, 159–162, 273
 Рокфеллеры, семейство 248
 Росман Р. 243
 Ростоу У. 82, 83
 Роудс Дж. 119
 Рузвельт Т. 14, 158, 161–163, 173–178, 180, 209, 212, 218, 297
 Рузвельт Ф.Д. 199, 206–229, 231, 233, 235–237, 278, 296–298, 303, 330
 Руссо Ж.Ж. 307
- Сахаров А.Н. 14, 15
 Сивачев Н.В. 10, 336, 339
 Синклер Э. 204, 221
 Смит А. 34, 65, 154, 202, 203, 227, 266
 Смит Дж. 223
 Спунер Д. 167
 Стерн Д. 256, 258
 Стеффенс А. 117, 136
 Стэнтон Э. 143
 Сьюард У. 134
- Тагвелл Р. 214, 216
 Таунсенд Ф. 222, 223
 Тафт У. 176, 177
 Тейлор Дж.Р. 79, 81
 Темин П. 203
 Тернер Нат 123
- Тернер Ф.Дж. 78, 91, 93–95, 105, 119, 128, 321, 322, 338
 Токвиль А.де 125, 293, 315, 320
 Томас Н. 204, 220–222, 228
- Уайт Х. 17
 Уилмот Д. 128
 Уильямсон Дж. 265
 Уильямсон Ч. 105
 Уитни Э. 66
 Уоллес Г. 227
 Уолтон Дж. 155
 Уэйс Карл 223
 Уэйс Т. 102
- Фергюсон Э. 48
 Ферфаксы, семейство 32
 Филлипс У.Б. 98, 120
 Фишлоу А. 156
 Фогел Р.У. 83, 99, 100, 102, 121
 Фолкнер Г. 158
 Фонер Э. 336
 Форд Г. 189
 Форды, семейство 248
 Франклин Б. 24, 44, 267, 317
 Фрейд З. 191, 193
- Хансен А. 52
 Хант Г. 248
 Хантер Р. 166, 275
 Хантингтон С. 315
 Харц Л. 19, 338
 Хилл Дж. 157, 158
 Хьюлетт У. 248
 Хэкер Л. 76, 93
 Хэпберн У.П. 175, 176
- Чендлер А.Д. 153, 154, 159
 Черчилль У. 287

- Шейс Д.** 46
Шерман Д. 160
Шерман Р. 51, 175, 177–179
Шлезингер-младший А. 108, 338
Шпотов Б.М. 84
Шумпетер Й. 290
Шэнон Ф. 93
- Элджер Г.** 165
Элкинс С. 120, 121
Энгерман С.Л. 99, 100, 121
Эндрюс Ч. 23
Эпллби Дж. 63
- Язьков Е.Ф.** 10, 211

Table of Contents

INTRODUCTION. IS THE OBJECTIVE HISTORY POSSIBLE?	9
THE WAR OF THE USA FOR INDEPENDENCE AS SOCIAL AND POLITICAL REVOLUTION	19
FORMATION OF THE FEDERAL STATE AND THE NATIONAL PARTIES	43
CAPITALISM AND SLAVERY	75
JACKSONIAN DEMOCRACY	104
THE CIVIL WAR AND RECONSTRUCTION	117
BIG BUSINESS OF THE USA FROM THE GILDED AGE TO THE PROGRESSIVE ERA, 1870–19010-s	151
AMERICA IN THE 1920-s: ECONOMY, SOCIETY, POLITICAL POWER	182
KEY PROBLEMS OF HISTORY OF F.D. ROOZEVELT’S NEW DEAL	208
SOCIAL STRUCTURE OF THE USA IN THE ERA OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY	238
ECONOMIC INEQUALITY IN THE HISTORY OF THE USA	260
PAST, PRESENT AND FUTURE OF AMERICAN DEMOCRACY	287
CIVILIZATION AND INTERDISCIPLINARY STUDY OF HISTORY OF THE USA	313
CONCLUSION. MODERN DIALOGUE OF HISTORIOGRAPHIES OF RUSSIA AND THE USA	335
INDEX	345

- Согрин В.В.**
С 56 Центральные проблемы истории США. — М.: Издательство «Весь Мир», 2013. — 352 с.

ISBN 978-5-7777-0537-2

Книга В.В. Согрина, руководителя Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, председателя Российской ассоциации историков-американистов, включает его публикации постсоветского периода, раскрывающие в хронологическом порядке центральные проблемы прошлого США. Исследования, опубликованные в ведущих отечественных периодических изданиях и в ряде монографий и коллективных трудов, при подготовке данного издания были доработаны. Тексты «Возможна ли объективная история?» и «Современный диалог историографий России и США» публикуются впервые.

Для всех, кто интересуется современным научным освещением американского исторического процесса.

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)

Согрин В.В.

**Центральные проблемы
истории США**

Редактор: *к.и.н. Л.М. Троицкая*

Художник: *Е.А. Ильин*

Верстка: *Е.А. Поташевская*

Корректор: *Е.В. Феоктисова*

Подписано в печать 14.12.2012

Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Гарнитура NewtonС

Печ. л. 22,0. Тираж 1000 экз. Изд. № 16/12-и

Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»

Адрес: 125009, Москва,

ул. Моховая, д. 11, стр. 3в

Тел.: (495) 276-02-92

E-mail: info@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в Филиале ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0537-2

9 785777 705372